

ГАЛА ГАРДА
ПРОСНИСЬ, КОГДА УМРЕШЬ

16+

Гала Гарда

Проснись, когда умрешь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67420179

SelfPub; 2022

Аннотация

Насколько нужно быть смелой, чтобы столкнуться с самой смертью? Ольга – самая обыкновенная тихоня-школьница. Ничего не предвещало беды, если бы родители не отправили её в «Лидерский лагерь». Сорок подростков едут в неизвестном направлении, попадая в не самый простой лагерь для детей. Главной героине предстоит выяснить все тайны адского места, а самое главное – найти себя.

Гала Гарда

Проснись, когда умрешь

Часть 1. «Проснись, когда умрешь»

–Ольга. Зайди ко мне. Надо поговорить .– Голос отца звучал на редкость строго. Плохое предчувствие. А ведь так хорошо начиналось утро.

Если бы Ольга знала, что этот разговор изменит ее жизнь. Нет. Ее смерть... Она предпочла бы не просыпаться.

****

– Марь Санна, ну потише, пожалуйста. Петр Андреевич и Оля еще спят! – раздался возмущенный голос мамы.

Ольга равнодушно отметила про себя, что с того момента, как они переехали в Москву, фраза «Марь Санна, потише, пожалуйста!» будит ее почти каждый день вместо нежных прикосновений маминых рук.

Ольга вышла из своей, но по-прежнему чужой для нее комнаты. Мама сидела на большом белом кожаном диване, зажав между плечом и ухом мобильный телефон, и рассматривала ухоженные тонкие пальцы с ярко-красным маникюром.

– Ах, Марго! Да, прием был потрясающий! Конечно, передам! Да, да, Вы абсолютно правы!.. Да что Вы говорите? Конечно, я буду иметь в виду... Не может быть! – и она за-

смеялась каким-то ненастоящим, непривычным для Ольгиного слуха смехом.

Ольга наклонилась к маме, чтобы поцеловать:

– Доброе утро, мамуль!

Людмила Юрьевна, так звали Ольгину маму, продолжая разговор по телефону, подставила дочери щеку для поцелуя и сделала жест рукой, мол, иди, иди, не мешай. Ольга, как всегда, опустив голову и немного приподняв плечи, развернулась и пошла на кухню.

– Олененок! – услышала она за спиной шепот мамы.

– Ну что еще? – не оборачиваясь, с обидой в голосе ответила Ольга.

Мама, зажав микрофон телефона ладонями, тихо произнесла:

– Извини, жена губернатора, надо...

Ольга посмотрела на маму и, махнув рукой, почти не слышно, одними губами произнесла:

– Ладно, забей.

Мама, продолжая искусственно смеяться в трубку, тут же сдвинула брови и так же беззвучно шутливо возмутилась:

– Ну что это за слова!

И, постучав себя по плечу, добавила:

– Плечи расправь!

Ольга повернулась спиной к маме, раздраженно фыркнув, и поплелась на кухню. Там вечно угрюмая Марь Санна пекла олады.

– Доброе утро, Марь Санна! – поздоровалась Ольга, усаживаясь за стол.

– Быр, дыр, мыр, – что-то невнятное пробормотала та в ответ.

Марь Санна бросила Ольге вилку и нож, с грохотом поставила тарелку с оладьями, чуть не расплескала чай на ее пижаму. Ольга уже привыкла к резким движениям домработницы. Маму поначалу это сильно раздражало, но потом она все реже и реже стала бывать дома, а когда возвращалась, то Марь Санна уже уходила, оставляя прибранным дом и приготовленную еду для семьи Бояровых.

Оля, уставившись в книгу «Энциклопедия символов», которая всегда была у нее под рукой, спросила с набитым ртом:

– Папа уже встал?

– Да щас! – Марь Санна, поставив руки в боки, возмущалась: – Как же встал! Он как с губернатором на охоту ходит, так целый день потом «болеет».

Ольга постаралась быстрее закончить завтрак и выскочить из-за стола. Приняв контрастный душ, к которому приучил ее с раннего детства папа, бывший военный, она быстро оделась. Благо форма частной школы спасала от долгих утренних мучений. Уже взявшись за ручку входной двери, чтобы выбежать из квартиры, она неожиданно услышала строгий голос отца:

– Оля, зайди в кабинет. Надо поговорить.

Ольга вздрогнула. Плохое предчувствие заставило сердце

сильнее биться. Она хотела было возразить, что опаздывает в школу, но знала, что это бесполезно, и смиренно пошла в кабинет.

Петр Андреевич, чисто выбритый, без следа шумной ночи с губернатором, как обещала домработница, был как-то особенно строг и собран в это утро. Ольга давно не видела отца таким отчужденным по отношению к себе. Те редкие дни, когда вся семья была в сборе, отец особенно ценил и был ласков с дочерью и женой. Петр Андреевич мельком взглянул на Ольгу, как-то быстро отвел глаза от дочери и громко, отчетливо произнес тоном, не терпящим возражения:

– Оля, мы с мамой уезжаем в командировку. Надолго. А ты завтра же отправляешься в лидерский лагерь.

– Я никуда не поеду! – возмутилась Ольга. – Я хочу со своими уральскими ребятами поехать на раскопки, я так долго этого ждала!

– Ты поедешь в лагерь, и это больше не обсуждается. Я мог бы тебе рассказать об этой поездке раньше, но до последнего момента не был уверен, что смогу договориться о месте для тебя. Туда едут только самые перспективные дети. Это в своем роде лидерский учебный центр. Особенно отличившиеся подростки принимаются в братство. В этом братстве состоят самые богатые и влиятельные люди не только нашей страны, но и мира. Мне рассказывали, как меняются дети после поездки. Никакого бардака в голове. Четкие жизненные цели, собранность и поддержка влиятельных друзей. Что мо-

жет быть лучше? – отец вопросительно посмотрел на Ольгу.

Та от удивления не знала, как и реагировать. Речь отца звучала как заученная рекламная фраза. В этот момент он совсем не был похож на друга и советчика, каким всегда был для Ольги. Перед ней сидел авторитарный, холодный и отстраненный человек.

– У меня есть цель – стать историком, у меня есть собранность... – начала было говорить девочка, но отец резко перебил.

– У тебя нет друзей! Ты общаешься только со своими друзьями из Исторического клуба и то по скайпу! Совсем нет живого общения, и вообще, ты похожа на мышонка: забилась в норку с книжками! Все! – отец явно был в гневе. – Ты поедешь в лагерь! И если тебя это волнует, то стоимость твоего 30-дневного пребывания там обошлась мне в кругленькую сумму.

Ольга выбежала из кабинета отца в слезах, спорить бесполезно – если он что-то решил, то от своего не отступит. Иначе бы когда то уволенный в запас полковник потерявший работу, испытавший много падений не стал известным и влиятельным политиком.

Успокоившись, Ольга написала Степану Федоровичу, руководителя исторического клуба, в который она ходила несколько лет в своей старой школе на Урале, что не сможет поехать в экспедицию И вдруг вспомнила слова преподавателя о том, что ничего не бывает случайного: «Если ты ока-

зывается в каком-то месте или в какой-то ситуации, значит, так и надо, прежде всего тебе, для того чтобы понять что-то важное о себе».

«Позвольте с вами не согласиться, уважаемый учитель. Для меня важнее было бы поехать на раскопки с вами, если я хочу стать историком, а не тащиться в этот дурацкий “лидерский” лагерь. Я не хочу быть ни политиком, ни бизнесменом, вернее, “вумен”... Я не хочу с ними дружить, потому что не верю в их дружбу... Мне это совсем не нужно! Но папе этого не объяснишь», – печально думала Ольга, отправляя письмо с вежливым отказом от экспедиции на Урал по электронной почте.

У подъезда уже ждал водитель. В школу она, конечно же, опаздывала, но это меньше всего беспокоило девочку. Последний день в школе не вызывал грусти. А новость о лидерском лагере злила, и хотелось плакать. Ольга вдруг поняла, что прошлая жизнь, за которую она цеплялась всеми силами души и воспоминаниями, ушла. Все изменилось. Она почувствовала себя одинокой в этом огромном и чужом городе, без друзей, с родителями, которые словно стали другими людьми по переезде в столицу и совсем ее не понимают.

Машина плавно тронулась с места. В ее тонированных окнах отразились на редкость ясное майское утро, огромный дом, разноликая Москва. Ольга попыталась найти окна своей квартиры:

– Вавилонская башня какая-то. Кто выше забирается, тот

и круче. Скажи, на каком этаже ты живешь, и я скажу, кто ты.

***

В Москву они перебрались только в конце ноября, когда Ольга отметила свое 15-летие. Девочка особенно не переживала, как ее встретят в новой школе. Она понимала, что вряд ли ее ждет теплый прием, а к отчужденности она привыкла.

Многие дети в школе – наследники известных и не очень политиков, бизнесменов и артистов – понимали, что связи в современном мире значат очень многое, и поэтому Ольгу приняли как будто бы приветливо, ведь ее папа стал известным и перспективным политиком. Но Ольга не изменяла себе и оставалась замкнутой и необщительной одиночкой. Вскоре ее вовсе перестали замечать, что девочку очень устраивало. Подруг у нее в столице не было, все общение с ровесниками поддерживалось через соцсети с ребятами из клуба Степана Федоровича.

Наконец девятый класс подходил к концу, экзамены без труда сданы на пятерки, и Ольга уже мечтала, как поедет со Степаном Федоровичем в экспедицию.

“Скучный и одинокий год в московской школе заканчивается такими же скучными и пустыми каникулами” – подумала Ольга перед сном и имхо заплакала, чтобы не услышали родители.

На следующее утро, быстро побросав в спортивную сум-

ку белье, джинсы, майки, свитер и зубную щетку, Ольга села в машину, как всегда ожидающую ее у подъезда, и спросила себя: а едет она, собственно, куда? Но, подумав, решила, что это неважно. Несколько исторических и географических книг, которые она хотела более внимательно изучить, девочка бросила в сумку в первую очередь. Дорогу к аэропорту она, к своему удивлению, не узнавала. Хотя в Москве Ольга жила чуть больше полугода, но уже несколько раз летала на самолетах с родителями. Она знала два основных аэропорта – Шереметьево и Домодедово, но водитель вез девочку явно в незнакомое место. Когда машина остановилась и водитель сказал, что они приехали, Ольга от изумления открыла рот. Она никогда не видела военные аэропорты.

Водитель донес сумку Ольги до дверей мрачного сооружения, совершенно не похожего на современные – из стекла и бетона – аэровокзалы, которое охраняли вооруженные солдаты, пробурчал: «Мне дальше нельзя», развернулся, чтобы уйти.

Ольга вцепилась за рукав водителя:

– Вы уверены, что мне сюда? А папа знает?

– Я выполняю инструкции Петра Андреевича. Прощайте, Оля, – сказал Виктор и ушел прочь.

“У меня даже нет билета. Значит, меня не возьмут, и я останусь, но не по своей вине”. – Быстро пронеслась в голове спасительная мысль.

Она робко подошла к солдатам, и те открыли перед Оль-

гой двери.

В огромном помещении, напоминающем больше ангар, чем зал ожидания вылета, было много людей, в основном детей приблизительно 14-17 лет, немного молодых людей лет 20-25 и несколько военных. К Ольге подошел человек в военной форме.

– Ольга Боярова! – мужчина не спрашивал, а утверждал, – Ваша группа ЗФ, следуйте за мной!

Ошарашенная Ольга засеменила за военным. Он подвел ее к группе подростков, которые сидели на своих рюкзаках и оживленно болтали.

– Олька, привет! И ты здесь! Ну ты даешь, совсем не ожидала!

Ольга вздрогнула и обернулась. К ней подскочила ее одноклассница Даша Зукина. Дарья была дочерью немолодого, пользующегося любовью у мэрии певца и композитора. Мама – психолог, пишущий в серии «Популярная психология» брошюры для подростков: «Как стать самой классной девчонкой», «Как влюбить в себя парня за 7 дней». Но, судя по Даше, эти рекомендации не очень-то работали. Девочка так старалась стать популярной по маминым книжкам, что некоторое время была постоянным объектом для насмешек в школе. Особенно досталось Даше за врожденное косоглазие. Дети как-то записали и передавали друг другу на мобильные телефоны отрывок из старого фильма, где на балу мамаша учит свою страшенькую косоглазую дочь соблазнять кав-

леров: приставив растопыренные пальцы к носу, та «стреляет» косыми глазками из стороны в сторону и глупо хихикает. Зимой Даше сделали операцию на глазах, исправив косоглазие, и под конец учебного года она успокоилась и перестала стараться понравиться. Над Зукиной больше не смеялись, но и душевных друзей она не нашла. Поэтому, наверное, и обрадовалась, увидев Ольгу среди незнакомых ребят.

– Прикольно, здесь еще есть ребята из нашей школы!

– А кто еще? – спросила Ольга, осматриваясь вокруг себя.

Но она и сама уже увидела нескольких. Недалеко от нее сидел Олег. Ольга обращала на него внимание в школе. Выше ростом, чем большинство других ребят, Олег при разговоре наклонял голову к собеседнику, из-за чего казалось, что он сутулится, но широкие плечи, пружинистый шаг и резкие уверенные движения выдавали в нем спортсмена. Парень был старше Ольги и Даши. Он уже закончил десятый класс и успешно перешел в одиннадцатый.

– Представляешь, говорят, что Олега в этом году посвятят в Братство. Он в прошлом году прошел обучение и стал лидером, ему осталось пройти Посвящение, и он на «вершине мира», – тараторила Даша Зукина.

Ольга ничего не поняла из того, что сказала одноклассница, но вопросов было так много, что Ольга, перебив Дашу, резко спросила:

– А летим куда? Лагерь, собственно, где находится?

Даша удивленно посмотрела на Ольгу:

– Не знаю, и никто не знает. Это всегда тайна, каждый раз лагерь организуют в новом месте.

– А как же родители нас отправляют, не зная куда? – удивилась Ольга.

– Да ты че, это же та-а-к круто, и почти невозможно сюда попасть, что от радости родители на все соглашаются... Я в прошлом году так хотела, но не прошла. А как операцию на глаза сделала, папа в мэрии поднажал, и счастье в кармане – я еду!

– Чему так радуешься? – ухмыльнулась Ольга.

– Ну, ты – серость! Поездка в лагерь жизнь меняет! Там на самом деле учат таким вещам, что даже самые обычные парень или девчонка становятся суперуспешными! А если в Братство примут, то круче не бывает. Самые крутишкины, – она перечислила фамилии богатейших молодых людей страны, известных успешных политиков и даже актеров, – в свое время проходили лидерские программы этого лагеря, а особо отличившихся принимали в Братство! В общем, власть, деньги, красота – все у них. Своих всегда поддерживают, но попасть туда не-ре-аль-но!

Ольга с удивлением смотрела на возбужденную Дашу и все больше и больше жалела о том, что не настояла на своем и согласилась поехать в “снобский клуб”.

– Смотри, видишь, Кристинка из 10-го класса? – Продолжала тараторить Даша, – Еще в позапрошлом году ее вообще никто не замечал: маленькая, злобная, как крыска, так и об-

зывали Крысенышем. А съездила в лагерь, прошла курс, где девочек учат быть леди, так все – жизнь у нее изменилась. Во-первых, на нее обратил внимание сам Альберт! Он – посвященный, сейчас в Лондоне в университете учится. – Даша понизила голос и зашептала Ольге на ухо: – Говорят, что они даже на зимних каникулах в Швейцарии встречались.

Даша оглянулась на Кристину, и заметив как та приближается к девочкам, громко сказала:

– Она такая классная стала, просто душка! Милая, добрая, а улыбается – ну просто леди Ди!

Кристина проходила, вернее, проплывала мимо девочек. Все движения ее были полны изящества и чувства собственного достоинства. Ольга поневоле залюбовалась тем, как Кристина по-королевски высоко держит голову и абсолютно прямо спину. Кристина, случайно задев сидевшую на полу Дашу, удивленно посмотрела вниз, ласково потрепала ее по голове и проворковала:

– Прости, Зайка. Машулька, и ты здесь!

Ольга удивилась тому, как голос и глаза могут одновременно выражать разные чувства: нежный голосок и глаза, холодные, как у акулы.

– Я Дашулька! – благоговейно прошептала девочка, влюбленным взглядом провожая грациозную Кристину. Ольга с удивлением наблюдала за этой сценой, но вслух ничего не сказала.

***

Когда ребята расположились в достаточно большом и удобном самолете, Ольга увидела, что к другому самолету направляется толпа подростков. Все в одинаковой одежде: шорты, рубашка и шляпа цвета хаки, темные кроссовки, за спинами – коричневые рюкзаки. Никаких личных вещей.

– А это кто? – Ольга дернула Дашу за рукав, чтобы та посмотрела в иллюминатор самолета.

– А , это, ну, типа гуманитарная помощь всяким босякам и беспризорникам. Наши путевки потому такие дорогие, что родители оплачивают летний отдых детям из неблагополучных семей или сиротам... – нехотя пояснила Даша.

Вдруг, близко наклонившись к иллюминатору, удивленно присвистнула.

– Офи-и-игеть! Ну настырная, без мыла пролезет! – возмутилась Зукина.

– Ты о ком? – удивилась Ольга.

– Да я о Лельке, однокласснице Кристинки. Она там, среди этих, ну типа пролетариата, представляешь?! – возбужденно тараторила Даша.

– Почему не с нами, здесь же несколько человек из нашей школы?

– Ты че, ее в лагерь не возьмут, она нищая, у нее мама – маникюрша или косметолог, одна фигня. Правда, хорошая, к ней половина школьных мамаш ходит, – продолжала возмущаться Зукина.

– Но если она учится в самой дорогой московской школе,

значит, не нищая, – возразила Ольга.

– Не, это не ее мамаша платит, а там другая история. Мне Зотова, из их десятого рассказала, а ей ее тетка, которая не первый год делает ногти у Лелькиной мамаше, что взнос за школу и обучение оплачивает Заира – это певица такая, старая уже, лет сорок, наверное, но очень модная во времена наших предков. Так еще давно, когда мамаша Лельки молодая была, она забеременела, а парень жениться не захотел. Она хотела от ребенка избавиться, но Заира, ее клиентка, когда узнала, сказала, что будет крестной матерью и позаботится о ребенке. Она и заботилась о Лельке, только теперь уже не зарабатывает как раньше, живет где-то в Штатах, скромненько, не поет уже, замуж вышла, своих нарожала, да и муж не из богатых. Хорошо, что взнос в школу оплатила и скидок для Лельки добилась – сыграла на своей тогдашней популярности. А Лелька страдает: ей так хочется казаться своей, да не получается. Так, ребята из школы потусуются вечером и бросят, а в дом никто не ведет, в компании наши не пускают. Ей так хотелось в лагерь! Ни экстерьером, ни рождением не вышла, да и крестная уже не авторитет. Ну ты глянь! Она через пролетариат поперлась! Ну хитрая, просто змея какая-то склизкая. Посмотрю я на нее, как она батрачить будет! – Дашкино лицо перекосилось от злорадства.

– Они живут с нами? – перебила Дашкино шипение Ольга.

– Ты что! Не, у них свой лагерь. Они типа работают на нас, ну там посуду моют, за территорией следят. Мы же учимся

лидерами быть, а эти пусть радуются, что поедят и поспят нормально, без вшей, – пояснила Даша.

Ольге противно было продолжать слушать Дашу, и она отвернулась к иллюминатору, провожая взглядом девочку, в которой узнали Лелю. Та шла одна, низко наклонив голову и опустив плечи. Если бы Даша не обратила на нее внимания, то Ольга не узнала бы Лелю. Ольга вспомнила, как та выглядела в школе: милая, старательная, ее очень любили учителя, но не очень – одноклассники, которые подозревали, что она нередко стучит преподам, но доказать не могли. Леля часто меняла прически, видимо, над ее образом работала мама и ее подружки-парикмахерши. Сейчас она была яркой блондинкой с модным в этом сезоне каре. Припомнился Ольге и еще один странный эпизод, связанный с Лелей. Как-то Людмила Юрьевна стала уговаривать Ольгу поехать с ней в ЦУМ или Третьяковский проезд, чтобы освежить дочери наряды.

– Оленька, поехали со мной, а то ты как оборванка ходишь. В Милане ничего купить не хотела, все по музеям таскалась, и здесь тебя не вытащишь, – упрашивала мама.

– Мам, ну для этого по пробкам тащиться надо, время жалко. Я сама, из школы когда поеду, в какой-нибудь магазин зайду, мне надо-то джинсы и кроссовки новые.

– Ага, на рынок или в детский мир какой-нибудь. Ты уже, голубушка, размер почти как у меня носишь, к 44-му приближаешься. Так, собирайся, не выпендривайся, быстренько подберем что-нибудь приличное, и домой.

– С тобой быстренько не получится, мамулечка, – ворчала Ольга.

Около ЦУМа, как обычно, невозможно было припарковать машину, и мамин водитель ждал своей очереди, чтобы как можно ближе подъехать ко входу в магазин. Ольга от нечего делать рассматривала людей и машины вокруг. Рядом с ними стоял «Порше-Кайен», окна были приоткрыты, и девочка от нечего делать наблюдала, как крупный, взрослый дядька вытаскивал из портмоне купюры и протягивал их сидевшей рядом девушке.

“Дочка на шопинг отправляется”, – лениво подумала Ольга.

Каково же было ее удивление, когда она узнала в выпорхнувшей из машины девушке Лелю. Та, в короткой белой юбочке, красных сапогах-ботфортах, короткой майке и лаковой белой курточке с огромным меховым воротником, быстро скрылась за стеклянными дверьми магазина.

Ольге очень не хотелось встретиться с Лелькой в ЦУМе, у нее было такое ощущение, что стала свидетельницей чего-то мерзкого. «Наверное, отчим или родственник», – убеждала себя Ольга, но интуиция говорила ей о другом.

Все-таки в отделе «Дольче Габбана» они столкнулись нос к носу. Ольга смутилась, а Лелька почему-то обрадовалась, встретив девочку из школы. Она радостно приветствовала Ольгу, хотя не помнила ее имени, и что-то начала щебетать по поводу новой коллекции, но, не находя поддержки у де-

вочки, продолжила обсуждение с Людмилой Юрьевной. Тогда слушая милую Лелину болтовню, Ольга отругала себя за гадкие мысли, которые ей пришли в голову.

«В конце концов, шопинг – это нормальное времяпровождение большинства девчонок. Одна я все с мамой по магазинам хожу. А деньги Лельке кто угодно мог дать: и папа, и дядя... Мне какая разница».

История быстро забылась, тем более в школе у Ольги и Лели не было поводов общаться, но сейчас гадкий осадок от той встречи снова всплыл.

– Бред какой-то, – прервала ход своих мыслей и злорадство Даши Ольга.

Она сделала вид, что хочет спать, надела наушники, включила музыку в телефоне и на самом деле уснула.

И приснился ей странный сон.

Ольга стоит в полной темноте и пытается хоть что-нибудь увидеть, но пока слышит только плеск воды и отдаленный шум водопада. Наконец глаза привыкают ко мраку, и она различает некоторые силуэты вокруг себя. Ольге кажется, что она находится внутри какой-то башни, но очень странной и большой. Вместо ступеней лестницы – потоки воды, по спирали уходящие вниз, в неизвестность. Ольга стоит, по-видимому, у истока реки, потому что, подняв голову вверх, она с трудом, но различает стены башни и почему-то знает, что башня бесконечно высокая, до самого неба. Вдруг из темноты к ней тихо подплывает лодка, необыкновенной красоты –

длинная, изящная, и даже в такой темноте видно, что она покрыта чистым золотом и украшена драгоценными камнями. Ольга, как завороченная, садится в эту лодку. Она не может оторвать взгляд от отделки лодки и, присмотревшись, начинает различать, что борта ее расписаны какими-то знаками. Ольге очень хочется их прочесть, но они не знакомы ей, и только рисунки могут подсказать девочке приблизительный текст, нанесенный на золотую отделку. Ольга, мягко покачиваясь на волнах, увлеченная расшифровкой текста, совсем не замечает, что за ней плывет огромная змея и тихо вползает в лодку. Ольга ощущает мерзкий холод скользкого тела змеи вокруг своей ноги, а та уже успевает обвить тело и делает быстрый обхват шеи девочки. Ольга задыхается, но хватается змею за раскрытую пасть, пытаясь порвать ее... У гадкой твари ослабевает хватка, и Ольга с омерзением отбрасывает змею от себя. Та, оставляя кровавый след на воде, быстро уплывает, успевая оглянуться. Ольга в ужасе: у змеи лицо Лели. Из рта течет кровь, глаза полны ненависти...

Вдруг рядом раздается мерзкое хихиканье. Девочка смотрит по сторонам и видит на узком выступе около стены башни огромную крысу. Та умывается, быстро-быстро перебирая лапками с накрашенными красным лаком коготками, а когда поднимает мордочку, то Ольга видит, что голова у крысы – Кристины!

Лодка попадает в круговорот, ее качает из стороны в сторону, девочка с трудом держится за борта... Ольга понима-

ет, что срочно нужно выбраться из лодки, которая все быстрее и быстрее уносит ее в неизвестность вниз по спирали. Ища спасения, она оглядывается вокруг, поднимает взгляд вверх, где с трудом различим кусочек неба. Он становится все меньше и меньше, и Ольга с ужасом замечает, что там, выше истока реки, прислонившись к стене, стоят дети в одинаковых одеждах цвета хаки и смотрят на нее пустыми мутными глазами без зрачков, протягивают руки и говорят: «Отдай, отдай...» У Ольги застревает от ужаса крик в горле, лодка раскачивается из стороны в сторону все больше и больше, вот-вот перевернется.

Неожиданно все затихает. Девочка медленно и плавно проплывает между двух огромных фигур – дракона и льва. Ольга, забыв о страхе, поневоле залюбовалась фигурами, такими величественными и, конечно же, сделанными из драгоценных металлов. Но тут фигуры ожили, привстали и бросились на девочку. Ольга закричала, упала на дно лодки. Неведомая сила подбросила золотое корыто кверху. Лодка снова ударилась о воду и перевернулась. Ольга, упав в холодную воду, стала усиленно сопротивляться потоку, который нес ее к началу водопада, но уже на краю безумного водяного потока она различила там, внизу, величественную, огромную золотую фигуру неведомого бога.

Ольга с криком проснулась.

– Ой, Оля, прости, самолет уже второй раз затрясло, я и пролила воду на тебя, прости... – Даша принялась салфет-

ками вытирать лицо и футболку Ольги.

– Оставь! Я сама, – резко остановила ее Ольга.

У нее было отвратительное настроение от этой поездки. Еще этот страшный сон... Но постепенно ум девочки, привыкший все анализировать, успокоился, и она сама себе объяснила сон:

«Все очень просто, просто мой мозг переваривает всю информацию, полученную за этот день. А так как информация в основном негативная, вот он и выдал такой страшный сон. Этим объясняется все: трясло самолет – крутило лодку, Кристину Дашка назвала Крысенышем, Лелька ,в образе змеи, получила из-за ее желания вползти по-тихому в разные закрытые для нее места. Дракон и грифон – из недавно прочитанной мной «Энциклопедии символов». А золотой бог – он откуда? Ну неважно... Все можно объяснить мозгами, и в этом я со Степаном Федоровичем не соглашусь. Сны ничего не несут, как он пытался меня убедить. Это всего лишь способ переработать ненужную информацию и избавиться от нее».

Ольга немного успокоилась и даже повеселела. Самолет шел на посадку, и каково же было удивление девочки, когда внизу она различила хорошо знакомый ландшафт – они прилетели на Урал...

***

Как и следовало ожидать, самолет сел не на центральном аэровокзале, а на военном. Встречали ребят все те же люди в

форме. К трапу самолета были поданы с десяток внедорожников. Казалось, что, кроме Ольги, никто из детей ничему не удивляется, как будто бы они каждый день летают на другой конец страны, чтобы в окружении солдат прокатиться на военных джипах в неизвестном направлении. Наоборот, ребята были радостно возбуждены, но беспрекословно выполняли все отрывистые приказы высокого майора. Примерно человек 40 подростков, несколько юношей и девушек разместились по машинам, и длинный караван отправился в путь.

К вечеру машины остановились на военной базе. Детей разместили по палаткам, достаточно удобным. После ужина прозвучал приказ спать. Никто не делал даже попытки выйти из палаток, прогуляться, пойти в гости к соседям.

«Неужели все так хотят быть лидерами и «леди»? Они что, не дети? А зубной пастой друг друга вымазать, а в карты поиграть?» – думала про себя Ольга, но сон быстро оборвал ее мысли.

– Подъе-е-ем! – разнеслось ранним туманным утром над палатками ребят. Ольга так резко подскочила, что больно ударилась головой о кровать второго яруса.

– Господи, пять часов утра, они с ума сошли, зачем в такую рань будить? – натягивая джинсы, возмущалась Ольга.

Но высказывала вслух свое негодование только одна она. Ольга уже стала привыкать к тому, что не находила поддержки и в этом коллективе.

– В строй с вещами! На сбор 5 минут! – разносилось над

лагерем.

– А с вещами зачем? Мы разве не приехали? – спросила Ольга у Даши.

– Я не знаю... – растерянно сказала Зукина, кое-как записывая вещи в рюкзак.

Через пять минут все ребята стояли в строю.

– Слушай мою команду. Отправление через 15 минут, это время можете использовать на туалет. Через 15 минут все должны быть в машинах на тех местах, на которых вы сидели вчера. Через два часа – остановка, где вас накормят завтраком. Разойдись! – отдал команду грозный подтянутый майор.

Ольга, конечно же, привыкла к военным, но таких строгих видела впервые. Через 15 минут все сидели в машинах на своих местах.

«Удивительное послушание! Представляю, как радуются родители, когда дрессированные детки возвращаются домой. То ли еще будет!» — думала Ольга.

В машине ехали молча. Большинство дремали – сказались вчерашний поздний отбой и ранний подъем. Ольга рассматривала места, которые проезжали. Сначала иногда попадались деревни, потом редкие заброшенные дома, но дальше – дикая природа. Через два часа, точно по расписанию, машины остановились. На поляне детей ожидали накрытые столы с завтраком. «Организация на высшем уровне. После нас это все быстренько соберут, и как будто ничего не было. Инте-

ресно, они вчера это приготовили или впереди нас ехали?» – вела наблюдения Ольга.

После завтрака минут десять подростки повалились на травке и опять погрузились в машины. Никто не знал, сколько еще ехать. Ольга благополучно заснула, подложив под голову рюкзак, и спала до тех пор, пока машина не остановилась.

– Мы приехали? – зевая, спросила Ольга своих соседей.

– Нет, на обед остановка, – ответили ей.

Ольга вышла из машины и оглянулась. На поляне были накрыты те же столы.

– Красота какая! – невольно воскликнула Ольга, увидя горы и долину.

Она хорошо знала свой родной край, но здесь, никогда не была.

После обеда грозный майор дал час на отдых, но приказал никуда не расходиться.

– Места заповедные, есть дикие животные, всем быть в зоне видимости, – объяснил он.

Ольга не собиралась нарушать приказ, но ей очень хотелось уединиться и слиться с родной природой. Впервые с момента переезда семьи в столицу девочка испытала настоящую радость. Пусть она никогда раньше не была в этом заповеднике, но все же это был ее родной уральский воздух. Она отошла недалеко в сторонку и спряталась за большое дерево, росшее на краю неглубокого ущелья.

«Забавно, я хотела поехать на Урал летом в экспедицию со своими ребятами и Степаном Федоровичем, и, не зная, куда меня отправил папа, все равно попала в родной край. Здорово!»

Ей казалось, родной воздух заряжает ее оптимизмом и хорошим настроением.

«Жаль, что телефоны здесь не работают, я так и не узнала у Степана Федоровича, куда и зачем они едут. А вдруг они где-то рядом? Вот было бы хорошо их сейчас по дороге встретить!» – размечталась Ольга и не заметила, как неподалеку от нее остановились парни...

– Брось немедленно эту дрянь! Ты же говорил, что все кончено! – Ольга узнала голос Олега.

– Слушай, Олег, я вправду бросил, прошел лечение. А это так, ерунда, слабенькое. Ну ты пойми, в лагере мы будем 30 дней, у меня нет ничего, и взять, сам знаешь, негде, я в лагере и вылечусь совсем. Ну дай напоследок, разочек, и все... – умолял второй парень.

Ольга узнала парня из 10-го класса, противного скользкого типа.

– Гад ты, Колька. Все врал! Я за тебя ручался, клялся, что ты завязал, говорил, что под свою ответственность тебя беру. Есть другие классные ребята, чье место ты занял. Из тебя толку уже не будет, ты слабый и подлый. Отдай мне! – приказал Олег.

– Да пошел ты, командир долбаный! Че из себя корчишь?

Иди отсюда, не мешай мне кайф ловить! – повизгивая, кричал Колька.

Ольга спряталась за дерево и услышала, что кто-то из ребят здорово врезал другому. Она осторожно выглянула: между пацанами завязалась драка, неподалеку лежал пакетик с белым порошком. Ребята, крепко сцепившись друг с другом, кубарем скатились с обрыва. Ольга от испуга закричала и на корточках подползла к его краю. Ребята лежали внизу, на небольшом уступе скалы. Колька уже медленно привстал, а Олег лежал без движения. На Ольгин крик сбежались ребята.

– Пропустите немедленно, – расталкивая подростков, подошел майор.

Он посмотрел вниз, где лежали ребята, и быстро удалился. Вернулся не один, с ним несколько солдат с канатами в руках и военный врач. И через минуту они ловко спустились вниз.

– Живы и целы, – крикнул военврач.

Олег уже пришел в себя, и с помощью солдат ребята поднялись наверх. Доктор еще раз осмотрел парней и доложил, что те везунчики – отделались пусть сильными, но все же только ушибами.

Майор, нахмурившись, смотрел на ребят и вертел в руках пакетик.

“Черт, когда он успел его заметить?” – выругалась про себя Ольга.

– Обработать ранения и сразу проводить этих ко мне, – скомандовал майор, небрежно кивая на Олега и Кольку.

Ребята, потирая ушибы и не смотря друг на друга, пошли за доктором. Через минут двадцать, не смотря на друг друга, ребята пошли к палатке командира.

Ольге очень захотелось подслушать, что же там будет происходить.

Она, делая вид, что собирает цветы, обошла палатку и села на землю с другой стороны от входа.

– Чей пакет? – уставшим голосом спросил майор.

Ребята молчали.

– Если вы не сознаетесь, то вас обоих сегодня же отправят в Москву, и, как я понимаю, в ваш таинственный лагерь вам путь навсегда закрыт...

Ребята продолжали хранить молчание.

– Ну что ж, я вынужден на вас обоих оформить рапорт, пусть сами разбираются, кто из вас наркоман.

«Ну что же Олег молчит? Из-за этого гада он не станет посвященным в Братство. Мне этого, конечно, не понять, почему все так рвутся туда попасть, но Олег классный, он не может просто из-за какого-то наркомана лишиться того, к чему стремится, – возмущалась Ольга, одновременно спрашивая себя: – А чего так за Олега разволновалась, уж не влюбилась ли ты, голубушка?»

Тут же возразила сама себе: «Глупости, ничего не влюбилась, просто он другой, и глаза у него живые».

Внутренний диалог Ольги прервал голос кого-то из ребят:

– Это его, – еле слышно сказал один из парней, но девочка

не разобрала кто.

– Повтори громче! – рявкнул майор.

– Этот пакет Олега, – громче сказал Колька.

– Ну ты гад! – одновременно вслух возмутились Олег и Ольга.

– Ты отвечаешь за свои слова? – тихо и, как показалось девочке, разочарованно спросил майор.

– А ты что скажешь? – обратился он к Олегу, не дожидаясь ответа Кольки.

– Эта вещь не моя, чья – не знаю... Это уже не важно. Вы ведь все равно нас отправите домой, – устало проговорил Олег.

– Ты прав. Домой поедете вместе, как закадычные друзья. – Командир встал из-за стола, показывая, что разговор окончен.

– Подождите! – раздалось рядом с палаткой. – Подождите!

Ольга, поскользнувшись, влетела в палатку и грохнулась под ноги майору.

– Что это такое! – удивился он.

Ольга быстро встала, поправила одежду и волосы:

– Разрешите обратиться, товарищ майор! – четко произнесла она.

В глазах майора промелькнула улыбка:

– Разрешаю, обращайтесь, рядовой Боярова!

– Товарищ майор, я знаю, чей пакет. Я стала невольной свидетельницей разговора, случившегося между Николаем и

Олегом там, на краю обрыва. Я поняла из их разговора, что Колька когда-то... лечился, а Олег за него слово дал, что тот больше не наркоман. А Колька все наврал да еще наркоту в лагерь потащил. Ну, Олег ему и врезал. Только зря он его прикрывает! Из-за него сам пострадает. А он лучший среди нас... – покраснев, добавила Ольга.

– Вам выйти, – кивнул майор парням. – Рядовой Боярова, оставайтесь.

Когда ребята вышли, командир жестом пригласил Ольгу сесть на стул.

– Как отец, как мама? – тихо спросил майор.

– Нормально, – растерянно протянула Ольга.

– Ты меня совсем не помнишь? Я к вам в гости несколько раз приходил. Ты тогда совсем маленькой была, просила, чтобы я тебя к «небу бросал».

Ольга не ожидала, что в голосе этого грозного военного может быть столько теплоты.

– Дядя Женя, простите, товарищ майор, вы с тетей Алей всегда приходили! Да? – Ольга чуть не плакала, это были самые любимые ее воспоминания.

– Оленька, как родители? Папу иногда в разных политических программах по телевизору вижу и в газетах о нем читаю. А мама? Как она пела! – оживился майор.

– Да все хорошо, спасибо, – радостно ответила Ольга.

Они немного поговорили о ее родителях. Дядя Женя, так теперь называла Ольга майора, рассказал о себе и своих де-

тях, потом неожиданно сменил тему:

– Ты про пацанов все сказала? Все правильно поняла? Личного в твоих показаниях ничего нет?

Ольга покраснела:

– Товарищ майор, дядь Жень, я врать не умею! Все, что слышала и видела, в точности под присягой повторить могу.

– Ладно, Оленька, я тебе верю... И вот еще что... Даже не знаю, как сказать тебе, – майор явно был в нерешительности и с трудом подбирал слова. – Короче, там, куда мы вас везем, никто из наших никогда не был. Во-первых, это заповедные, закрытые для туристов места. Во-вторых, там нет никакой связи. Нам был отдан приказ вас встретить, доставить и через тридцать дней вывезти. До вас приезжала одна группа других ребят, в одинаковой форме цвета хаки. Часть детей мы вывезли через двадцать дней, часть, как нам объяснили, осталась еще на один срок. На территорию нас не пускают, все указания мы получаем от очень высокого начальства. По преданию, которое здесь хранят местные жители, место, куда вас ведут, проклятое, там люди пропадали. Ты в эту чушь не верь, но будь внимательна и осторожна, если, что не понравится – сообщи.

– А как? Телефоны же не работают? – удивилась Ольга.

– Мы завтра повезем других ребят. Может, тебе удастся выйти ко мне или, в крайнем случае, записочку передашь с кем-нибудь, скажешь, что майору Жданову, хорошо, деточка?

Дядя Женя ласково обнял Ольгу и похлопал по спине:

– На всякий случай не говори, что мы знакомы. Хорошо?

– Хорошо. А Олег как? Он останется? – набралась смелости спросить девочка.

– Да, иди, – добавил громко: – Вы свободны, рядовой Боярова!

Ольга, вышла из палатки со смешанными чувствами. С одной стороны, встреча с человеком из счастливого прошлого, родной край наполняли ее все больше радостью, но с другой – росла тревога из-за поездки. Все сразу как-то странно, нелогично: слишком таинственно, неприятный сон, легенды о месте, в котором находится лагерь, и еще куча мелких, необъяснимых, тревожащих деталей пазла, который никак не мог сложиться в определенную картинку.

***

Когда все уже рассаживались по машинам, она заметила, что Олег о чем-то говорит с Дашей, но, увидев Ольгу, тут же направился к ней. В это же время кто-то больно толкнул Ольгу. Мимо в сопровождении солдата шел Колька и специально задел девочку.

– Стерва, я тебе это припомню, сгною в школе, – прошипел наркоман.

Ольга от неожиданности шарахнулась в сторону и налетела на Олега.

– Он тебе что-то сказал? – спросил Олег.

– Да, сказал, что отомстит, – тихо ответила Ольга.

– Не бойся, я не дам тебя в обиду, – обнадежил Олег Олю.

Она низко наклонила голову, чтобы тот не заметил, как сильно она покраснела.

– Спасибо, – только и нашла, что ответить девочка.

– Тебе не надо было вмешиваться, я бы сам разобрался, – добавил Олег.

У Ольги дыхание остановилось от возмущения.

– Ты справился?! Да ты бы сейчас рядом с ним стоял, ожидая отправления домой, если бы не я! – негодовала она.

– Прости, я не хотел тебя обидеть. Я должен тебя поблагодарить. Но у меня такое чувство, что я виноват перед Колькой...

– Объясни, – потребовала Ольга.

– Ну, понимаешь, у Кольки тяжелое положение в семье, он никому не нужен. Отец после развода с Колькиной матерью уже три раза женился и развелся, у него еще куча детей народилась. Его бывшие жены и Колькина мать только и заняты, что по судам бегают с адвокатами и деньги требуют с его отца, а тот всех посылает и с курортов с новыми подружками не вылезает. Полный бардак... До Кольки никому дела нет совсем. Папаша ему денег намеренно отваливает, лишь бы тот не грузил его проблемами. Вот парень и подсел на «дрянь». Ему очень в лагерь хотелось. Может, Колька остановился бы, за ум взялся. Я видел, что и не такие пропащие в люди выходят, если лагерь этот пройдут... А теперь он сюда никогда не попадет, а только скатится еще глубже, – сокру-

шался Олег.

– Может, ты и прав. Только вспомни, он сказал, что это твой пакет, в то время когда ты готов был уехать, но не выдать его. Ничего путного из Кольки уже не получится – он прогнил изнутри, вонять скоро будет. А вот ты бы ошибку сделал. Когда один шаг до вступления в ваше пресловутое таинственное Братство остался, глупо проявлять никому ненужное геройство, чтобы в один миг все завалить! – Ольга и сама удивилась, как твердо и убежденно звучал ее голос.

Олег внимательно, с любопытством рассматривал Ольгу.

– Слушай, э-э, Ольга, кажется? Может, в одной машине поедем, поболтаем по дороге? – спросил Олег, когда раздалась команда сесть в машины.

– Нет, была команда сесть на свои места, – продолжала умничать Ольга, немного задетая тем, что парень не помнил ее имени.

– А ты всегда командам подчиняешься? – усмехнулся Олег.

– Нет, только когда мне это выгодно, – дерзко ответила Ольга.

Больше ничего не добавив, она повернулась к Олегу спиной, впервые гордо расправив плечи, и спокойно, как ей казалось, направилась к своей машине, хотя ноги подкашивались и вся она тряслась мелкой дрожью.

Уже в салоне внедорожника Даша налетела на Ольгу с расспросами.

– А что Олег тебе говорил? Ой, он ко мне подходит и давай расспрашивать про тебя: да кто ты, откуда, зовут как. Ну что ты молчишь, а? Колись! О чем говорили? – приставала Зукина.

– Приглашал вместе в его машине ехать, – ответила с усмешкой Ольга.

– Да ладно, не ври, – не поверила Даша.

– Я не вру. Спроси у него.

– А ты что? Отказалась? Да? Ну ты дура! Он же самый классный парень в школе, все девчонки по нему сохнут, – возмущалась Даша.

Она еще долго ворчала, но Ольга ее не слушала. В уме она перебирала отрывки разговора с Олегом.

«Он больше не захочет со мной общаться. Тоже мне, нашлась зануда, чтобы взрослому парню мораль читать. Точно дура, права Дашка, – ругала себя Ольга. – А он и вправду классный... А я – дура, просто маленькая дура».

Ольга еще долго не могла успокоиться, но потом созерцание родной природы увлекло ее, и к моменту, когда совсем стемнело и объявили, чтобы готовились к выходу, Ольга почти забыла о разговоре с Олегом.

Было около двух ночи, когда машины остановились и сонные, раздраженные дети лениво выползли на свежий воздух. Они с трудом приходили в себя, измученные двухдневным тяжелым переездом по бездорожью неизвестно куда. Сопровождающие их военные, не теряя ни минуты, быстро

отправились назад. Ольга нашла глазами майора, ехавшего в первой машине, и незаметно для окружающих ему кивнула. Несколько парней постарше, который Ольга не знала, четко организовали ребят в строй и повели за собой в непроглядную темноту.

Ольгу ужасно все раздражало: во-первых, разбудили посреди ночи, во-вторых, заставили идти в полной темноте неизвестно куда.

«И вообще, все очень плохо, хочу домой», – ныла про себя Ольга, но вслух ничего не говорила, зная, что в своих чувствах она одинока.

«Почему все так жаждут туда попасть? Они же в большинстве своем избалованные дети, привыкшие к VIP-обслуживанию, лучшим курортам, персональным водителям и куче обслуживающего персонала, готового исполнить любой их каприз. Что это с ними? Беспрекословное подчинение командам майора, ни одной жалобы за это двухдневное изматывающее путешествие я не слышала. И встали рано, и почти не спим, но все – просто “стойкие оловянные солдатикки”. Чудеса! Одна я какая-то капризуля... Надо было поменяться местами с Колькой, поехала бы сейчас домой, спала бы в теплой постельке...» – ворчала Ольга, еле таща ноги по каменной тропе в непроглядной темноте.

Вдруг она остановилась, врезавшись в спину впереди идущего человека. Ольга подняла голову и посмотрела вперед – туда, откуда шел свет. Большие, метров в четыре-пять, пря-

моугольной формы камни образовывали круг на просторной поляне. Факелы освещали центр, где начинал разгораться костер, а там, за камнями – непроглядная ночь. Возле каждой глыбы стояли по два человека в странных одеждах. Когда подростки подошли к необычному месту, сопровождающие попросили каждого медленно входить в круг, где давали выпить приятный, немного терпкий и теплый напиток. Ребята, как замороженные, проходили в круг и останавливались около необычных, неподвижных фигур в длинных мантиях. Когда все, кто ночью «высадился на неизвестной земле», зашли в каменный зал под открытым небом, высокие таинственные фигуры встали так, чтобы закрыть спинами выход. Они вдруг запели на странном языке необычную, как показалось Ольге, монотонную песнь, которая становилась громче и громче, поглощая собой все звуки природы.

Ольге было ужасно любопытно: она разглядела, что это не просто бесформенные глыбы, а в камнях высечены странные фигуры и знаки, по-видимому, очень древние, так как плохо сохранились. Еще ее удивили костюмы людей: они скорее напоминали плащ смерти – черная и с глубоким капюшоном, пропавшим полностью лицо. Не было видно ни кусочка живого тела: руки – в перчатках. У одного из них на груди была бриллиантовая пентаграмма, сияющая нестерпимым светом. Когда странные «звездочеты», как назвала про себя их Ольга, начали петь, она незаметно проскользнула поближе к одному из них и включила запись на телефоне:

«Потом дам послушать Степану Федоровичу, пусть гадает, что за ритуал и что это за странный язык».

От стоявшего поблизости «звездочета» исходил странный душок: смесь сильного запаха, как в египетской лавке, торгующей парфюмерными маслами, и какой-то древней старости и кислятины.

«Фу, какая гадость», – поморщилась Ольга. Но вскоре она забыла и про неприятный запах, и про включенный телефон.

Тепло от выпитого напитка согревало каждую клеточку ее тела. Ольге захотелось вместе со «звездочетами» петь странную песню, теперь казавшуюся самым прекрасным музыкальным произведением на земле. Она уловила повторяющиеся слова на чужом языке и сначала робко, а потом все смелее, двигаясь в такт всем телом, громко запела. Ее голос слился с голосами таинственных людей, мальчишек и девчонок. Некоторые начали танцевать. Ольга почувствовала необыкновенную любовь и признательность к «звездочетам», за то что они подарили ей такую радость и свободу волшебной песней, ребятам – за то что все испытывают то же состояние, что и она. И впервые она почувствовала, что не одинока, что все, кто сейчас рядом с ней, любят и понимают ее, что они единое целое... Монотонная песнь с повторяющимися словами, Ольге казалась наполненной глубочайшим смыслом, не подвластным простому человеческому уму.

Мелодия становилась все громче и громче, наконец, голоса всех детей и таинственных людей в мантиях слились в об-

щий звук, и вдруг раздался мощный взрыв, на какое-то время оглушающий и ослепивший всех на поляне. Ольга почувствовала, что на долю секунды, когда произошел взрыв, потеряла себя. Ослепленная, оглушенная, она силилась вспомнить, кто она, как ее зовут и вообще, что она – человек ли, зверь ли, растение или капля воды – никаких воспоминаний ни о чем – ни о себе, ни о пространстве – абсолютный вакуум. Ужас... Нечеловеческий ужас наполнил каждую клеточку сознания Ольги, и она закричала. Никогда в жизни она так не кричала: это был не визг испуганной девочки, а рык из самой глубины дикого мощного зверя. Казалось, крик шел как холодный мощный поток воды, от самых пальцев ног, пробивал дорогу сквозь тело и фонтаном вырвался на свободу через горло. Собственный крик вернул Ольгу в действительность. Она кричала очень долго, пока, обессиленная, не упала на землю, раскинув руки.

Светало, мир стал наполняться утренними звуками: щебетом птиц, шумом листвы, плеском воды.

– Молодцы, все молодцы! – красивым низким голосом громко сказал человек в костюме «звездочета» и пентаграммой на груди, снимая перчатки и маску: – Мы, как всегда, переборщили со спецэффектами, но все прошло замечательно! Поздравляю вас!

Ольга присела, чтобы осмотреться. Одним за другим «звездочеты» сбрасывали свои наряды, и под ними оказывались живые, красивые люди – мужчины и женщины не стар-

ше тридцати. Девочка внимательнее пригляделась к ним. Вообще-то, сказать «красивые» – значит ничего не сказать. Стоявшая рядом с Ольгой высокая, с царственной осанкой и пронизательным взглядом молодая женщина, будто сошедшая с картины Исачева «Магия», протянула девочке холодную руку:

– Вставай, красавица, пора.

Ольга не переставала удивляться себе, чувствуя, что все больше попадает под власть этих людей, похожих на древних богов. «Звездочеты» предложили подросткам не терять времени даром и спуститься в лагерь, который расположен недалеко. Ольга почувствовала, как силы возвращаются к ней, и, легко закинув рюкзак за спину, испытывая беспричинную радость, зашагала вместе со всеми навстречу неизвестности и приключениям. Она заметила, что Олег идет впереди, совсем близко, и прибавила шаг. Рядом с Олегом шел мужчина, у которого висела на груди бриллиантовая, как показалось ночью Ольге, пентаграмма. Ольге очень хотелось рассмотреть внимательнее ее. Она обожала расшифровывать разные символы, знаки и пентаграммы и немало про них знала, но такой, что был у «звездочета», она видела впервые. Было неудобно семенить за мужчиной, который, кстати, был почти на полторы головы выше самого высокого в школе Олега, и пытаться увидеть подробно загадочный символ. Невольно она подслушала часть разговора «звездочета» и Олега.

– Я рад, что ты снова приехал, – дружески обнимая за плечи парня, сказал мужчина.

– Я-то как рад. Целый год ждал, чтобы вернуться. И место какое классное: в прошлом году в Средней Азии тоже неплохо было, но уж очень жарко днем, а ночью холод адский...

– Для тебя этот год особенный – посвящение в Братство дает огромные возможности в жизни, ты даже вообразить себе не можешь, какой властью обладают избранные.

– Ну, я очень тронут и признателен, что вы дали мне такой шанс, чтобы... – наверное, еще долго, смущаясь, рассыпался бы в благодарностях Олег, если бы Ольга не прервала его.

Она, приблизившись почти вплотную к впереди идущим собеседникам, просто-напросто наступила на пятки Олегу и, споткнувшись, упала на него. Олег оглянулся, хотел, по-видимому, возмутиться, что прервали его важный разговор, но, узнав Ольгу, смягчился.

– Осторожнее, Оля, – мягко сказал Олег девочке, а потом на секунду, задумавшись, обратился к мужчине: – Разрешите вам представить – это Ольга, она, можно сказать, спасла мне жизнь. Если бы не ее вмешательство, то меня здесь уже никогда не было бы.

Спутник Олега остановился, улыбнулся Ольге:

– Молодец, Олег очень важен для нас.

И он тут же потерял к ней интерес, но Ольгино любопытство было сильнее присущих ей скромности и робости, и она окликнула его:

– Стойте!

«Звездочет» развернулся всем телом к Ольге и удивленно посмотрел на нее сверху вниз:

– Ты ко мне обращаешься?

– Да, простите, пожалуйста, за наглость, но любопытство не даст мне спокойно уснуть.

Ольга набрала больше воздуха в легкие и выпалила:

– Я люблю историю, люблю изучать разные символы и разгадывать пентаграммы... Скажите, этот ваш знак, что он значит?

Ольга почти ткнула пальцем в грудь «звездочету», едва ли не дотрагиваясь до бриллиантового медальона.

Олег удивленно посмотрел на Ольгу. А по лицу его спутника пробежала тень, в глазах промелькнула масса различных чувств: от удивления и потрясения до скрытой радости и растерянности.

– Я тебе потом объясню, хорошо? А теперь посмотри туда, – он показал рукой вперед.

Ольга, проследив за его жестом, чуть не захлебнулась от восторга.

***

Внизу, между грядой скал, простиралась изумрудная долина. Множество уютных бревенчатых домиков было разбросано по ней. Ровно в центре долины высилась огромная башня, облицованная диким камнем. Дальше, к великой радости ребят, были построены аквапарк и несколько отлич-

ных аттракционов с головокружительными горками. Почти незаметными в этом раю казались длинные бараки, обшитые сайдингом. Дети с радостными криками бросились вниз, в долину, где их ждал лагерь, о котором большинство так мечтали.

Но лагерь оказался окружен каменным забором. Большие ворота, украшенные изображениями льва и дракона, были закрыты. Когда все дети собрались у ворот лагеря, вперед вышел главный «звездочет» с посохом, под мантией которого, оказались обыкновенные джинсы и футболка. Он поднял руку, привлекая к себе внимание. Радостный галдеж детей моментально прекратился.

– Для многих из вас сегодня распахнутся символические ворота в успешную, богатую жизнь. Здесь вы обретете уверенность в себе, научитесь управлять своими эмоциями, четко строить жизненные цели и без сомнений к ним идти. Вы обретете братьев и единомышленников. У вас будет общая тайна... Но все это невозможно, если не будут соблюдены некоторые условия: дисциплина, горячее желание учиться и абсолютное доверие вашим учителям... А сейчас не буду вас утомлять наставлениями, мы еще встретимся и с каждым из вас побеседуем отдельно. Вы уже особенные, если дошли до этих ворот. В руках у моей помощницы списки с именами и номерами домов, где вы будете жить. Списки нами проработаны, обсуждению не подлежат. Меняться местами с кем-либо по любой причине запрещено без обсуждения с ваши-

ми кураторами. В каждом доме вас ждет завтрак, расписание занятий и важная информация, с которой необходимо обязательно ознакомиться. Все! Ворота, отворитесь!

Мужчина, имя его Ольга так и не услышала, стукнул по-сохому о землю, и ворота медленно открылись. Дети, немного робея, зашли на территорию лагеря. Каждый получил конверт со своим именем, где был указан номер жилья. Ольга быстро нашла свой домик по указателю на дорожке. У каждого помещения было два входа – А и В. Всего в этих домиках оказалось по четыре спальни с тремя кроватями в каждой, по две просторных кухни и комнате с письменными столами.

В конверте, помимо номера дома, указывался номер спальни и даже номер кровати. Ольге досталось место у окна. Только она завалилась на уютную кровать и сладко потянулась, как в комнату вошли растерянная Даша и Кристина с очень недовольным лицом. Кристина сверила свою записку с номером кровати, которая стояла в самом неудобном месте, и, со злостью швырнув огромный рюкзак на пол, выскочила из спальни.

– Что это с ней? – удивилась Ольга.

– Злится, что ей с нами придется жить, – объяснила Даша.

– А мы ей не нравимся? – еще больше удивилась Ольга.

– Да не в этом дело. Она думала, что будет жить одна.

– А почему она так думала? Она особенная? – усмехнулась Ольга.

– Ну, Крестя так думала, потому что у нас куратор – Альберт, а он как бы ее парень, по крайней мере, она так считает. Но Альберт, он, ну как бы это сказать... себя обязательствами не связывает... Ей кто-то что-то нашептал про него, и я слышала, как она визжала машине, вот и бесится... – Даше, по-видимому, доставило удовольствие то, что она узнала о Кристине, хотя еще сутки назад восхищалась «леди Кри».

Ольгу больше не интересовали ни одна, ни другая соседка по комнате, она хотела быстрее принять душ, разложить вещи и хорошенько подумать. Так много всего произошло! Необычные эмоции и чувства ворвались в закрытый и размеренный мир Ольги. После душа она прилегла и моментально заснула крепким, здоровым сном. Когда проснулась, в комнате никого не было, рюкзак Кристины так и валялся не распакованный.

Ольга только сейчас заметила, как сильно проголодалась, и пошла на кухню, где должен был оставаться завтрак. Кухня и гостиная были общими для шести девочек. Когда Ольга вошла на кухню, за столом сидела Кристина и еще одна девочка постарше Ольги. Даша стояла у плиты, поджаривая хлеб и яйца. Ольга явно появилась во время какого-то спора – девочки сразу замолчали.

– Простите, что прерываю, но есть очень хочется, – не обращая ни на кого внимания, сказала Ольга, открывая дверцу холодильника.

– Нет, ты очень даже вовремя, – промяукала Кристина, –

нам как раз осталось обсудить одну проблемку только с тобой. Машулька, конечно же, согласна, да и ты девочка умная, все поймешь.

– О чем речь? – спросила Ольга, вытирая «усы» от кефира. Она обратила внимание, что Даша как стояла спиной к девочкам, так и осталась стоять, яростно помешивая яичницу.

– Короче, вам, девочкам, Машке и тебе, Оля, кажется? Надо переехать в общую комнату, – мило улыбаясь, захлопала длинными ресницами леди Кри.

– Мне не надо, – спокойно сказала Ольга, глазами ища, что бы еще положить в рот, аппетит становился только больше.

Кристи удивленно переглянулась с девочкой, сидящей рядом с ней за столом. Внимательно посмотрела на Ольгу и изменившимся, холодным и высокомерным тоном обратилась к ней:

– Ты, деточка, здесь впервые и, наверное, не знаешь правила. Я – королева лагеря прошлого года. Чтобы ей стать, мало быть самой красивой, надо быть и самой-самой и в другом! Надо быть особенной! И потом, Альберт, он – мой парень, и нам иногда надо где-то встречаться... Так что, вы, красавицы, переедете в общую комнату!

Ольга молчала, пережевывая бутерброд, потом подошла к столу и, не глядя на Кристину, отодвинув ее чашку, взяла другую, чистую и спросила:

– А кофе или чай где?

Даша жестом показала на полку у нее над головой.

– Спасибо, Даша! – делая ударение на ее имени и глядя в глаза однокласснице, громко сказала Ольга.

Кристина удивленно смотрела на «малявку». Такой наглости «королева» явно не ожидала.

Ольга налила кипяток в чашку с пакетиком чая, зубами придерживая пряник, а в руках – бутерброд, пошла к двери. Она уже на пороге своей комнаты забыла о разговоре с Кристиной. Ольга, отдохнув и успокоив ум, анализировала все, что с ней произошло и что она увидела за последние неполные три дня. Задумавшись, она сидела на своей кровати, вспоминая обрывки разговоров, ночной ритуал, таинственные песнопения, странные ворота, украшенные изображениями льва и дракона.

«Где же это я видела? Что мне напоминает и эта одежда, и эти ворота?» – думала Ольга, замерев с чашкой в руках.

– Какого черта ты меня игнорируешь? – от резкого визга Ольга так сильно вздрогнула, что горячий чай пролился ей на руку.

Ольга подскочила. Наверное, этот крик и напугал бы ее, но боль была сильнее, и поэтому Кристине опять показалась, что «малявка» совсем с ней не считается. Ольга полезла в свой рюкзак – где-то был крем от ожогов. Кристина еще больше завелась:

– Почему ты делаешь вид, что меня нет? Я с кем разгова-

риваю? – продолжала визжать красная, как рак, «королева».

– Успокойся, пожалуйста, я из-за твоего крика руку обожгла. Лучше помоги мне мазь наложить и перебинтовать, – поморщилась от боли Ольга.

– Сама виновата! Почему ты меня не слушала? Я же с тобой говорила, а ты ничего не ответила, повернулась и ушла, – Кристина пыталась взять себя в руки, наверное, вспомнив о том, что королевы так не разговаривают.

Ольга, намазав руку кремом, села на стул у окна, спокойно посмотрела на Кристину и сказала:

– Ты же не обсуждала с нами, а приказывала нам переехать. Тебе на нас наплевать, ты даже не пытаешься запомнить, что «Машеньку» на самом деле зовут Даша, Даша Зуккина. А насчет того, что ты особенная – это до поры до времени. Изберут новую королеву, вот тогда вы вместе с ней и будете обсуждать, кто и где встречается с вашим Альбертом.

Кристина, от шока, стояла молча перед Ольгой.

– И еще, – спокойно продолжала Ольга, – насколько я понимаю, в лагере главное – дисциплина и абсолютное подчинение этим, не знаю, как их назвать, наставникам, тренерам, «звездочетам». И нам были даны четкие инструкции: самостоятельно меняться местами запрещено. Я думаю, это относится и к кроватям, и комнатам для проживания, – Ольга сама удивилась тому, насколько спокойна и уверена в себе была.

Изумленная Кристина стояла с широко открытым ртом.

Она понимала, что “эта, как ее там, Оля, кажется”, абсолютно права: если бы Дашка и Оля переехали в общую комнату, их бы точно выгнали, потому что она, Кристина, и ее подружки подтвердили бы, что это было решением «малявок». Но эта странная, с виду бесцветная тихоня сразу все поняла.

Кристина фыркнула, гордо вздернула голову и, резко развернувшись на высоких каблуках, вышла из комнаты.

Ольга тоже была удивлена. Еще в начале путешествия она с удовольствием нарушила бы правила, чтобы ее отправили домой. Но сейчас что-то произошло. Ей срочно требовалось подумать, но кто-то все время лез с глупостями, как эта леди Кри. Ольга призналась себе, что ей совсем не хочется уезжать, словно что-то ее держит здесь.

«Что же это?» – думала она про себя.

«Надо начинать сначала. Во-первых, все очень таинственно: военный самолет, секретное место, никто не знает, куда везут. Потом этот ритуал. Явно что-то было в напитке: такой радости и «любви к ближнему своему» я сроду не испытывала. Еще эти люди. Они тоже какие-то не такие. А где седые бороды, где странный запах? Со своей аллергией я с запахами не ошибаюсь! Когда я шла за Олегом и этим «звездочетом», никакого запаха не было. Еще ворота – что-то они мне напоминают, эти рисунки и их форма... Столько всего странного! Но ничего необъяснимого нет, я же люблю разгадывать загадки, вот и поупражняюсь. Жаль только, что книг

здесь нет. Ну ничего, напрягу память, включу интуицию», – разговаривала сама с собой Ольга.

Была еще одна причина, по которой она хотела остаться.

– Надо быть честной сама с собой... Я, кажется, влюбилась, и здорово влюбилась, – тихо прошептала Ольга. – Ну да ладно... Будем действовать по плану: сначала узнаем, что же здесь происходит и кто за этим стоит.

***

Вечер прошел довольно спокойно. Подростки, утомленные долгим переездом, ночными «песнями и плясками у костра», после ужина разбрелись по своим комнатам и рано легли спать. Тем более по расписанию, вывешенному в каждой комнате, первое занятие начиналось в восемь утра. Малейшее опоздание, как и любое нарушение правил список которых правил на трех печатных листах ребята прочитали и подписали в столовой, заканчивалось одним – дорогой домой. Все очень просто – нет никаких предупреждений, исключений. Есть четкие правила. Нарушил – до свидания.

Кристина с девочками не разговаривала, Даша ходила как побитая собака: она фантазировала, как подружится с Кристей и благодаря этой дружбе станет такой же популярной, как она. Но теперь на покровительство леди Кри рассчитывать не приходилось. Даша немного злилась на Ольгу, но понимала, что одноклассница права: ее подставляют. И кто-нибудь, если не сама Кристина, обязательно доложит о том, что они нарушили правила. Она слышала о разных историях из

лагеря. Девочки не терпят конкуренции, и каждая старается, как может, вытеснить соперницу – очень уж заманчивый приз стоит на кону. Даша одна не смогла бы противостоять Кристине, но Ольга «разрулила» ситуацию очень по-взрослому. От нее никто не ожидал такой уверенности, а с виду – мышонок, тихоня, ботаник.

Ольга же, вообще, казалось, ничего не замечает: ни Кристининой злости, ни растерянности Дашки. Она была полностью погружена в свои мысли. Кристину это злило еще больше: как же так, эта серая мышка такая спокойная, совершенно не озабочена тем, как бы наладить с ней, королевой, отношения!

В общем, вечером ни Ольга, ни Даша, ни Кристина, долго не могли заснуть – мешали мысли. Королеву красоты терзали два вопроса: в машине по дороге к лагерю ей намекнули, что Альберт больше ей не интересуется, у него есть другая кандидатура, она, мол, и станет будущей Королевой Красоты, и второе – как же ей отомстить этой самоуверенной «малышке» Ольке...

Даша долго мучилась и крутилась в постели, чувствуя, что мечты рушатся, а здесь, в лагере, надо проявлять поистине лидерский характер и звериное чутье, чтобы выжить...

Ольга все складывала свой «пазл», состоящий из обрывков разговоров, увиденного и услышанного за эти дни. Только об Олеге она не разрешала себе думать...

Наконец, все заснули. Часов около пяти Ольга подскочила

от громкого взрыва, как будто бы молния и гром разорвали небо совсем близко.

– Господи, что это? – ошарашенная Даша слетела с кровати.

Кристина спокойно перевернулась на другой бок.

– Спите, трусихи! Встречают «пролетариат», наверное. Вечно со спецэффектами перебарщивают. Обязательно грохот надо устраивать, когда кто-нибудь приезжает или уезжает, – сонно пробурчала она.

Дашка, удовлетворенная объяснениями, быстро заснула – завтра рано вставать. А Ольге нашлась еще одна тема для раздумий...

Утром следующего дня подростки, согласно выданному каждому индивидуальному расписанию, пошли на занятия в большую каменную башню. На первом этаже здания, украшенного картинами, резными барельефами, находился просторный зал, который мог служить разным целям в зависимости от потребности: он мог быть и кинотеатром, и танцполом, и местом общего собрания. Здесь детям объяснили, что новички занимаются на втором этаже, те, кто в лагере уже второй год, – на третьем, посвященные в Братство первой ступени – на четвертом, посвященные второй ступени – на пятом.

«А что дальше и сколько здесь этажей вообще?» – хотела было спросить Ольга «звездочета», да передумала, уж очень суровый взгляд у него был, а вчера казался таким милым...

Когда новички поднялись на второй этаж, оказалось, что мальчики и девочки занимаются отдельно. Даша опять пристроилась рядом с Ольгой, интуитивно ища у нее защиту. Она уже не была такой беззаботной и болтливой, как по дороге в лагерь. Даша явно не чувствовала себя в своей тарелке.

В просторную комнату вошла та красивая и высокая женщина, которая подала Ольге руку у костра.

– Здравствуйте, красавицы, – низким, завораживающим голосом поздоровалась она с восхищенно смотрящими на нее девочками.

– Ну что ж, начнем. Я буду обучать вас... магии, женской магии. Нет, не пугайтесь, – обратилась она к ученицам, которые возбужденно зашептались между собой, – здесь, на этом курсе, не будет заговоров, приворотов и прочего. Но начнем мы с того, что каждая из вас научится ощущать себя богиней, чаровницей. В ваш век женщины так стремились стать такими же сильными, как мужчины, что стали такими же слабыми, как мужчины... Опять вижу удивление на ваших милых личиках. Конечно, мужчины – слабые. Они могут гнуть железные пруты, махать мечами, поднимать тяжести, но ни за что не устоят перед нежным взглядом, тихим голоском и ласковым прикосновением женщины. А женщины очень сильны именно в те моменты, когда мужчины становятся уязвимыми и слабыми. Вся человеческая история говорит нам о том, что тайная власть принадлежит женщинам! Этим мы

и будем заниматься! А теперь давайте познакомимся, назовите меня Эстер. У меня много имен, но для вас я Эстер. Это старое вавилонское имя. Теперь я хочу, чтобы каждая из вас немного помолчала и подумала, какое бы имя она хотела иметь. Посмотрите, есть ли какой-нибудь персонаж, обязательно женский, на которого вы бы хотели быть похожими, чьи черты характера вам близки...

Девочки, конечно же, не стали молчать, щебетом наполнился зал, все возбужденно обсуждали с соседками образы героинь разных времен. Эстер, улыбаясь, наблюдала за каждой из своих учениц.

– Все, время вышло. Хорошо еще раз подумайте! Назовите свое имя, потом новое имя, и еще назовите главную особенность, черту характера или образ героини, чье имя вы выбрали.

Девочки, сначала робея, а потом все больше увлекаясь игрой, перебивая друг друга, торопились сообщить свои новые имена: здесь были и Клеопатра, и Мата Хари, Анджелина Джоли, Мерилин Монро, Хиллари Клинтон и еще другие популярные персонажи, в основном героини светских хроник, актрисы, топ-модели, просто богатые женщины... Эстер, никого не перебивая и не усмиряя возбужденных девочек, быстро записывала что-то в большой тетради. Ольга сидела неподалеку от наставницы и с изумлением наблюдала, что та пишет клинописью!

«Господи, что же это все значит? Я что-то чувствую, это

рядом... Еще немного, и «пазл» сложится... Но, боюсь, мне не очень понравится то, что я узнаю... Какое все странное! Но все очень логично и понятно настолько, что я ничего не понимаю...» – Ольга чувствовала, что у нее начинает болеть голова, руки потеют и мелкая нервная дрожь бежит по телу.

«Что же это все значит? Думай, думай...» – говорила себе Ольга, нервно вытирая ладони о джинсы, и не заметила, что наступила тишина и все недоуменно на нее смотрят.

Она очнулась и удивленно посмотрела на Эстер и девочек:

– Что? Что случилось?

– Это мы у тебя хотим спросить – что случилось? – Эстер улыбнулась. – Все представились, а ты так задумалась, что не слышишь, как к тебе обращаются. Я уже поняла, что тебя зовут Ольга. Даша – Мерилин назвала твое имя, а теперь ты назови свое новое имя, на кого ты хотела бы быть похожа.

– Новое... А я как-то не думала, – растерянно произнесла Ольга.

– Да? – бровь красавицы-наставницы удивленно поползла вверх. – А о чем или о ком ты думала?

– О клинописи и Вавилоне, – ляпнула Ольга, сама не понимая, что сказала.

По лицу Эстер пробежала легкая тень, она нервно закрыла тетрадь, помолчала с минуту и, взяв себя в руки, заговорщицки подмигнула и с улыбкой сказала, обращаясь только к Ольге:

– Может, ты хочешь взять себе имя Иштар?

– Нет, что вы, я не смею брать имя богини! Можно я оставлю себе свое? – попросила Ольга.

– Нет, – отрезала Эстер, ей явно не нравился весь этот разговор, но Ольга никак не могла взять в толк, чем она вызвала раздражение наставницы.

– Хорошо, можно я буду княжна Ольга? Не дочь последнего царя, а та, которая родилась в 890 году? – выпуталась Ольга, выпалив первое, что пришло на ум.

– Объясни почему, – сухо сказала Эстер.

Ольга немного помолчала, обдумывая свой ответ.

– Княжна Ольга – удивительная женщина. После убийства своего мужа, князя Игоря, оставшись с маленьким сыном Святославом на руках, взяла управление государством в свои руки и правила достойно, так что в древних летописях ее называют «мудрейши всех человек». Она первая приняла христианство, а крещение Руси между тем произошло только при ее внуке, Владимире. В ней сочетались ум и красота. Она прожила долгую жизнь, оставив о себе добрую память... Русская православная церковь причислила ее к лику святых, – выпалила Ольга, как на уроке истории, но, когда посмотрела на изменившееся лицо Эстер, почему-то добавила уже тише: – Она будет моей покровительницей...

У Ольги было такое ощущение, что ее никто не понял, даже она сама себя не совсем понимала, слова иногда вылетали быстрее мыслей. Будто неведомая сила вела ее куда-то и

подсказывала что-то, что девочка еще не могла расслышать.

Эстер явно не понравилось то, что она услышала. Но этого никто, кроме Ольги, не почувствовал. Она, словно смахнув с себя неприятные мысли, с деланной веселостью в голосе воскликнула:

– Красавицы мои! А теперь мы будем танцевать. Но танцевать вы будете не так, как на дискотеке, а по новому, чувствуя свое тело, не контролируя движения. Пусть музыка уводит вас за собой.

Эстер зажгла свечи, опустила темные занавеси на окна и включила музыку. Большой зал наполнился необыкновенной, непохожей ни на что музыкой. Сначала девочки стеснялись и не понимали, что надо делать. Эстер предложила закрыть глаза и начинать двигаться за музыкой. Ольга поначалу тоже чувствовала себя не в своей тарелке, она не помнила, когда танцевала в последний раз – на детском утреннике, на дискотеке в старой школе? Танцевать так, чтобы оторваться и ни о чем не думать – уж этого она точно никогда не делала.

«Ну что ж, попробую, – уговаривала себя Ольга, – по крайней мере, меня никто не видит, а еще можно спокойно поразмышлять, что же здесь такое происходит?»

Девочка пыталась выстроить логический ряд из событий последних дней. Но постепенно музыка увлекла ее, движения из скованных и механических стали все более плавными и грациозными, в теле появилась необыкновенная легкость, сердце наполнилось радостью и чувством благодарно-

сти к Эстер, девочкам, за то что они рядом и понимают, что чувствует Ольга: как ей хорошо и спокойно. Ритм музыки все нарастал и нарастал, тело летело за звуками, голова стала пустой, уже не было никаких мыслей и чувств, но остановиться тело само не могло. Оно полностью принадлежало волшебной музыке...

Резко наступила тишина, и Ольга, обессиленная, рухнула на пол.

Девочки, тяжело дыша, все еще с закрытыми глазами, лежали на полу. Ольга слышала только, как бешено бьется ее сердце, в голове бежит кровь, унося все страхи и сомнения. Постепенно все успокаивается внутри, по телу растекается тепло и умиротворение.

– Молодцы! – похлопала в ладоши Эстер, возвращая девочек в реальность.

***

День проходил за днем. Занимались девочки с раннего утра до вечера, приходили домой без ног, принимали душ, крепко засыпали.

Ольге становилось все интереснее и интереснее. Каждый день она узнавала необыкновенные вещи. Ольга стала следить за своей осанкой, чаще стала смотреться в зеркало, чтобы запомнить выражения своего лица и лучшие ракурсы поворота головы. Она попросила у Кристи совет, как наносить макияж, и та, конечно же, удивилась, но сама предложила накрасить Ольгу. Ольга с раздражением заметила, что ей нече-

го носить – одни джинсы и майки. Ни юбочки, ни туфельки... Хорошо, что на занятия Эстер говорила приходить в удобной одежде, поэтому все одевались одинаково: футболки, спортивные брюки или шорты.

«Сколько всего, оказывается, я не знала. Теперь понятно, почему мальчики мной никогда и не интересовались. Кому нужен “синий чулок”, ботаник, вернее, “историк”, каким я была? Ну ничего, Эстер многому уже научила, а еще сколько я узнаю! Как хорошо, что я сюда приехала! Как здесь здорово! А девчонки такие классные. Кристина – молодец. При такой конкуренции стать королевой – это круто! А я просто задавака... Выпендрилась – княжна Ольга. Нет, теперь я хотела бы стать другой – уверенной в себе, красивой, гламурной, холодной и могущественной, чтобы мальчики смотрели и падали, когда я мимо иду!» – думала про себя Ольга, экспериментируя со стрелками на часах в стиле египетских жриц, стоя перед зеркалом в ванной комнате.

Так прошло почти две недели, и Ольгу больше не мучили уже странные вопросы. Ум ее был занят исключительно своей собственной персоной и внешностью, желанием победить на конкурсе Королевы лагеря, да еще надеждой на встречу с Олегом.

«Вот теперь я ему обязательно понравлюсь», – думала Ольга, мило улыбаясь идущему навстречу Олегу. Она как бы случайно встретила его в столовой.

Он сначала ее не узнал, а когда узнал, то обрадовался.

– Привет, Оля. Слушай, классно выглядишь! Извини, очень тороплюсь – скоро Посвящение. Надо готовиться. Слушай, завтра вечером что-то наподобие дискотеки у аттракционов. Придешь? Там и поболтаем. Ну ладно, очень тороплюсь, пока! – помахал рукой Олег и убежал.

У Ольги бешено забилося сердце: так все неожиданно, она даже слово не успела сказать, а уже идет на свидание.

«Здорово! Господи, а что же одеть? Почему раньше маму не слушалась? Столько бы классных шмоток весной из Милана привезла! А я все по соборам да по музеям бегала. Ладно, что-нибудь у Кристинки попрошу... Она теперь классная стала, помогает, советы дельные по образу дает».

На следующий вечер Ольга пришла к аттракционам «в полном параде». Шесть человек помогали ей одеться и нарисоваться, когда узнали “по секрету”, что САМ Олег пригласил Ольгу на свидание.

«Какие они классные, заботливые, участливые», – думала Ольга, примеривая шикарные босоножки на тонкой шпильке со стразами, которые дала ей Милка, подружка Кристины.

– А я с блесками не переборщила? – спросила девочек Ольга, с удивлением рассматривая в зеркале свой новый образ: завитые волосы распущены, глаза подведены, на веках – блестящие тени, коротенькая юбочка, топик со стразами, который «прекрасно сочетается с босоножками», как отметила Кристинка, и все девочки согласились с ней.

– Мне как-то непривычно, может, я в брюках и кроссовках

пойду? – с сомнением посмотрела на девочек Ольга.

– Дура ты, серой мышкой всегда ходила, и что, кто-нибудь на тебя смотрел? Нет! А теперь как выйдешь, все – Олег твой, – уговаривали подружки Ольгу.

И она поддалась уговорам, хотя где-то там, внутри, чей-то голос и говорил ей, что она делает глупость. Но последнее время Ольга чаще слушала других, чем себя.

Она шла на высоченных каблуках, спотыкаясь на камнях и путаясь в траве, постоянно поправляя сползающую с плеча лямку топика. Когда дошла, вернее, доковыляла до площадки, где намечалась дискотека, то не знала, что делать – сесть на скамейку? Но юбка такая короткая, что весь лагерь узнает, какое она носит белье. Стоять уже не было сил, с непривычки ноги просто отваливались.

– Олег, привет, – Ольга схватила парня за руку, когда тот, не обращая на нее внимания, проходил мимо. Олег с удивлением посмотрел на Ольгу, явно не узнавая ее.

– Оль, ты, что ль? Сегодня разве маскарад объявили? – осматривая с ног до головы девочку, сказал он.

Потом, заметив тень обиды на лице Ольги, извинился:

– Прости, Оль, я врать не привык, но тебе лучше оставаться такой, какой ты была... – потом, подумав немного, добавил: – Ты никого не слушай – с тобой все в порядке. Не будь ты как они – «гламур от дур».

У Ольги сразу полились слезы. С непривычки тушь разъела глаза, Ольга стала яростно их тереть, чтобы спрятать сле-

зы, и, конечно же, сделала еще хуже: резь в глазах усилилась...

– Олег! Срочно подойди ко мне! – окликнул парня Альберт, шикарный, нереальной каталожной внешности блондин.

Портило его только брезгливое и надменное выражение лица. Но Ольга заметила, что большинству девочек это, наоборот, нравилось.

– Оля, подожди меня. Мы сегодня за старших: вечер организовываем и за всеми смотрим, мне надо помочь. Я сейчас освобожусь и тебя домой провожу. Ты переоденешься, а потом, если меня Альберт отпустит, то покатаемся на горках, хорошо? – вытирая Ольге мокрое лицо своим платком, ласково сказал Олег.

Ольга, низко опустив голову, глотая слезы, ничего не могла ответить и только кивала. Олег убежал. Ольга почти успокоилась, решила его дожидаться, но, заметив насмешливые взгляды девушек, не выдержала, сорвалась с места, на ходу снимая блестящие босоножки, спотыкаясь и падая, чем вызвала безудержный смех у своих недавних подружек, которые внимательно наблюдали за столь занимательной сценой.

Ольга неслась к своему домику. Ей казалось, что она бежит, но не может убежать от себя и своих «друзей», от всей чепухи, которая заполнила ее сознание за последние дни. Под душем, плача, стирая разноцветные ручки косметики с лица, Ольга пыталась вспомнить, когда же, в какой момент

она так забыла себя и стала «плясать под чужую дудку»? Вместе с черной краской туши и блестящими тенями Ольга смывала с себя наваждение, гипноз последних дней.

Укутавшись в одеяло, она провалилась в тревожный, мучительный сон. Где-то на периферии сна она слышала, как вернулись девочки. Позвали ее, но, поняв, что Ольга спит, стали обсуждать сегодняшнее событие, лживо жалея ее. Ольге же очень хотелось сказать им все, что она о них думает. В душе кипело столько злости и обиды! Но странное дело, тело было как под наркозом: она не могла пошевелить ни ногой, ни рукой.

Утром Ольга с трудом встала и, померив температуру, очень удивилась: почти 40 градусов. Даша побежала за врачом. Пришел странный мужчина в белом халате. На его лице отсутствовало какое-либо выражение. Если бы девочек попросили его описать, то вряд ли кто-нибудь вспомнил хоть какую-нибудь особенность во внешности «АнтиАйболита», кроме, наверное одной – у доктора были почти прозрачные, как у рыбы, и равнодушные или, вернее, бездушные глаза. И то на эту странность обратила внимание только Ольга. Но она ни с кем не разговаривала и ни с кем ничего больше не собиралась обсуждать.

Доктор посмотрел Ольге язык, послушал дыхание, из чемоданчика достал пачку жаропонижающих таблеток, сказал, что надо много пить теплой воды, и, не прощаясь, ушел.

Девочки проявили заботу и участие: принесли с кухни

теплого чая, меда, и вздыхали, мол, как жаль, что Оля пропустит занятия. И упорхнули.

Ольга посмотрела в окно на чистое небо, величественные горы и побежала в туалет: ее рвало, очень сильно, просто выворачивало наизнанку. И казалось Ольге, что выходит из нее не вчерашняя еда, а что-то другое, не осязаемое. Как в бреду, мелькали картинки: вот она радостная, возбужденная, любящая всех, поет какие-то странные заклинания со «звездочетами»—новый спазм, холодный пот, почти обморок.

Вот она учится краситься и по-новому смеяться, вести светские беседы – еще спазм, Ольга сползает на пол.

Вот она наряжается в чужие одежды, в голове – чужие мысли. Ольгу в последний раз вывернуло наизнанку.

Обессиленная, она, наконец, почувствовала себя абсолютно пустой и свободной.

– Что случилось, тебе помочь? – на пороге ванной комнаты стояла маленькая, худенькая девочка в шортах и куртке цвета хаки.

Ольга отрицательно покачала головой, с трудом поднимаясь с пола.

– Выйди, мне надо в душ, – выдавила из себя Ольга.

– Хорошо, только дверь не закрывай на замок, если грохнешься – дотащу до постели.

«Как же, дотащит», – усмехнулась про себя Ольга, посмотрев еще раз на девочку, похожую на тощего воробышка: шейка тоненькая, коротко стриженные волосы торчат в разные

стороны, а глаза огромные и добрые.

«Девчонка смешная, глаза хорошие, давно таких не встречала... Особенно здесь», – Ольга чувствовала себя без сил, но в то же время мозг как будто бы очистился, приходила ясность и трезвость.

Приняв контрастный душ, Ольга доползла до своей постели, померила температуру – 35,2.

“Воробышек” – тут же дала кличку Ольга – держа тряпку в руке, заглянула в комнату к Ольге.

– Чай сделать? – спросила она.

– Да, пожалуйста, – попросила Ольга.

«Откуда она взялась и что здесь делает?»

Когда Воробышек вернулась с кухни с горячим напитком, Ольга спросила:

– Ты кто? Что здесь делаешь?

– Ух, ты! Прямо-таки как в милиции, допрос устроила, – усмехнулась глазастая девчушка.

По этой ухмылке Ольга и поняла, что девочка совсем и не маленькая, как показалось ей вначале, а может, даже старше ее самой, только уж очень худенькая, да и прическа дурацкая.

– Извини, плохо себя чувствую. Меня зовут Оля Боярова, я из Москвы. Хотя раньше жила здесь, то есть не здесь конкретно, – пояснила поспешно Ольга, заметив удивление на лице Воробышка, пояснила Ольга, – а на Урале.

– Я – Юля, Юля Князева, – представилась гостя, потом

на секунду задумалась и добавила: – Смешно, как вышло: ты – Боярова, боярская дочка, я – княжна.

– Так что, дорогуша, кланяйся в ножки великой княжне Юлии, боярыня Ольга, – дурачилась Юля, заливаясь веселым, заразительным смехом.

Ольга с удивлением смотрела на нее: сама себя веселит? Но потом не удержалась и тоже расхохоталась.

Когда девчонки успокоились, повисла небольшая пауза. Ольга нарушила тишину:

– Ты как здесь очутилась?

Юля внимательно на нее посмотрела, будто прикидывая в уме, можно ли доверять Ольге, и рассказала о себе грустную историю.

Живет Юля в подмосковном городе Железнодорожном. У нее есть мама, папа и бабушка. Она не сирота, как многие ребята из лагеря.

«Я ни разу, за эти почти три недели, не вспомнила, не поинтересовалась, а где же эти ребята – в одинаковой одежде цвета хаки?» – подумала про себя Ольга, почувствовав легкий укол совести.

Юля откровенно поделилась с Ольгой, что иногда ловила себя на мысли, что лучше быть сиротой, чем жить в таких условиях. Давным-давно, когда она была совсем маленькой, было все хорошо. Мама – учительница, папа – военный.

«Ну надо же, совпаденьице», – удивилась Ольга, но перебивать Воробышка не стала, чувствовала, что той необходи-

мо выговориться.

Потом родители почему-то решили заняться бизнесом, заняли денег и стали ездить сначала в Польшу, потом в Турцию за шмотками и торговать на рынке. Юля помнит, что мама поначалу много плакала, приходя с работы. Говорила, что хочет вернуться в школу, а папа злился, говорил, что вся страна в одном плохом месте, надо уметь крутиться, выживать. Папа много где-то ездил, уставал тоже. Все чаще за ужином появлялась бутылка водки. Сперва – потому что «папа устал, и надо снять стресс». Потом, видимо, родители стали больше зарабатывать – появились вкусные продукты в доме. Юльке даже иногда доставались китайские игрушки. Теперь родители пили за успех, подумывали о новой квартире, даже купили иномарку, старенькую, но очень красивую.

Юлька улыбнулась.

Мама иногда останавливала папу от лишней рюмки, но он начинал так злиться и говорить: «Я же дома пью, в семье, не с мужиками под забором! Закусываю хорошей едой! Что ты пристала? Порадуйся лучше! Как люди начинаем жить! Вот в Турцию не на работу, а на отдых этим летом поедем! Юляшке море покажем. Лучше выпей со мной рюмочку, расслабься».

Потом – бах! Все рухнуло в один момент. Кризис. Юльке было пять лет, но она хорошо запомнила это число. Тогда все умерло. Казалось, что все беды навалились на семью. Папа год назад занимал деньги «под развитие бизнеса». Пришлось

все распродавать: место на рынке, машину, еще что-то. Юлька хорошо помнит момент, с которого она потеряла родителей. Нет, они были живы физически, но они умерли. Вечером, как обычно, папа на кухне ужинал, наливая себе рюмку за рюмкой. Мама закрыла дверь, чтобы Юлька не слышала разговор, но, конечно же, ей было интересно, что скрывают родители! Может, обсуждают, что подарить на день рождения? Он скоро, в октябре, пора бы уже и задуматься!

Она осторожно вышла из комнаты, зашла в туалет, из которого было слышно, о чем говорят на кухне. Мама уже сообщила что-то важное папе, что Юлька не поняла, но вздрогнула от папиного возмущения: «Ты с ума сошла! Какой ребенок! Только не сейчас! У нас ничего нет! Ни работы! Ни денег! Только долги! Мне же из этого выкручиваться!» Мама заплакала, а разочарованная Юлька поспешила выскочить из туалета и спрятаться в комнате, где она сильно разревелась, подумав, что мама говорила про хороший подарок ей, их ребенку, а папа ругался, потому что нет денег...

На следующий день пришла бабушка и забрала Юльку, как она сказала, «только на два дня», к себе в маленькую коммунальную квартиру:

– Маме надо в больницу, но ты не волнуйся, ей зубки полечить.

Юлька хоть и маленькая, но понимала, что с зубами в больницу не кладут. Вопросы она не задавала, по мокрым глазам бабушки было понятно, что происходит что-то пло-

хое и все равно ей ничего не объяснят.

Через неделю Юлька вернулась домой. Мама лежала в постели какая-то маленькая, желтая. Она обняла дочку худыми руками, погладила по голове и заплакала. Плакала долго-долго, а Юлька вместе с ней.

С этого момента Юля Князева, неполных 6 лет, поняла, что детство кончилось.

Спустя время мама перестала плакать. Она начала пить, назло себе и папе. Папа ругался, отбирал бутылку, но мама лезла драться и кричала: «Убийца! И я – убийца!» А потом они стали пить вместе, папа иногда выходил из дома, чтобы что-нибудь заработать, а мама – нет. Сидела дома, смотрела в пустоту мутными глазами и приходила в себя только тогда, когда папа бутылку приносил.

Юлька стала чаще убегать к бабушке, но там тоже были пьяные соседи.

И только книги спасали ее.

Бабушка, учительница литературы, имела отличную библиотеку. В маленькой коммунальной квартирке все было заставлено полками для книг. Юлька обожала этот запах. Ей почему-то казалось, что книги пахнут шоколадом и морем. Самые сладостные моменты из детства – это когда вдруг наступает тишина. Пьяные соседи затихают, бабушка уходит заниматься к учениками – она много подрабатывала репетиторством, а Юлька забиралась на старый диван, куталась в одеяло и читала, читала. Все, ее уже не было здесь, не бы-

ло маленькой комнатки, пьяных соседей, пьяных родителей, которые уже забыли, что у них была дочь, не было грязи, слякоти за окнами, а был ее мир – большой, чистый, любящий, и она была главной героиней всех этих замечательных миров...

Так жила Юлька до этой весны.

Однажды бабушка сказала, что одна из мамочек, с чьим ребенком она занимается русским языком, работающая где-то в органах попечительства, предложила бабушке, чтобы та отправила внучку в какой-то необыкновенный трудовой лагерь. Место потрясающее, и еще заработать неплохо можно. Правда, запрос пришел о детях-сиротах или из очень-очень неблагополучных семей, где о детях совсем не заботятся. А Юльку все же такой не назовешь: учится хорошо, есть бабушка-учительница, есть квартира, родители хоть и пьют, но не бьют. Поэтому, несмотря на то, что Юля и не вполне соответствует запросу, но направление в удивительное место, о котором столько разговоров, знакомая бабушки сделает, оформит Юльку как полную сироту.

На том и порешили, пусть девочка отдохнет от города, денег на сапоги и куртку заработает.

Так Юля Князева и оказалась здесь.

Ольга молчала, пораженная рассказом новой знакомой. Надо же, сколько общего. В ее семье тоже были тяжелые времена, когда папу «ушли» из армии. И потом, когда родителям некогда было заниматься Ольгой, потому что папа стре-

нительно делал политическую карьеру, а мама была полностью увлечена помощью ему, Ольга, как и Юлька, ушла в свой мир – книги стали ее единственными друзьями. Но у нее, Ольги, не все так трагично, наоборот, отец – известный и успешный политик, мама – приятельница самых влиятельных дам страны. Ольга учится в лучшей столичной школе, много где была и что видела.

Она впервые ощутила, как несправедливо относилась к родителям. Раньше ей казалось, что им нет до нее никакого дела, они заняты исключительно своей карьерой и жизнью, а она, “бедная девочка”, сама по себе. А что было бы, если бы тогда, когда наступили тяжелые времена в семье, родители сдались бы, не боролись, а тоже, как Юлькины, спились или просто обиделись бы на жизнь и перестали бороться? Где бы она была?

После рассказа Юли о своей жизни Ольга смотрела на все другими глазами: раньше ей казалось, что мама на нее не обращает внимания. А мама работала в школе, брала учеников, писала стихи и песни на заказ к разным юбилеям, пытаясь заработать лишнюю копейку. Папа тоже «рыл носом» землю, не сдавался.

«Они сильные, мои родители. Настоящие борцы! Мне бы у них поучиться», – с грустью думала Ольга.

– Ой, заболталась я с тобой, – вскочила со стула Юлька, – мне же до трех два дома убрать надо.

– А ты еще придешь? – спросила Ольга.

– Я не знаю. У нас все очень странно и строго. Мы, в принципе, не попадаем на работу в одно место два раза подряд, но я что-нибудь придумаю. А ты? Как же твои занятия?

– Я больше не хочу туда ходить. Несколько дней могу притворяться, что простудилась, а потом тоже что-нибудь придумаю, – подмигнула Ольга Юле.

– Тебе здесь не нравится? – осторожно спросила Воробышек.

Ольга внимательно посмотрела на Юлю. В последнее время большинство людей вызывали у нее недоверие, но внутренний голос, к которому она, наконец, начала прислушиваться, говорил ей, что новая знакомая – “свой человек”.

– Нет, не нравится. До вчерашнего дня я думала, что безумно нравится, – Ольга сделала паузу, о чем-то задумавшись. – Вот именно «безумно»! А теперь я как очнулась... Из меня, надеюсь, недавно вышло это безумие, которое в унитазе спустила.

Юлька внимательно смотрела на Ольгу своими огромными умными глазами, что-то обдумывая:

– Знаешь, здесь происходят не только странные, но и страшные вещи. Нет, не пугайся, может, это только моя богатая фантазия, развитая поглощением огромного количества книг, но я здесь уже четвертую неделю и кое-что заметила.

– Говори, не томи! – поторопила ее Ольга.

Кровь быстрее побежала по жилам. Какое там упадок сил?! Сил столько, что все перевернуть вверх дном можешь.

“Вот оно! Загадки! Поиски ответов! Ух! Как же я это люблю!” – Ольга чувствовала себя совсем здоровой и сильной.

– Нас здесь много. Все очень разные, в основном абсолютные сироты, беспризорники, из плохих детских домов – в общем, те, до кого нет никому дела. Потом... У нас нет личных вещей, даже нательного белья. Ну это понятно, откуда у брошенных детей приличная одежда. Каждое утро мы берем новую, чистую одежду на складе. Там все разложено по размерам. Дальше: у нас нет своих мест, ну нет своей кровати, тумбочки, как в обычных детских лагерях. Все личные вещи, у кого телефон, фото и прочее, мы сдали еще в самолете. Вечером, после ужина и кино, каждый получает распечатку, где указан номер барака, номер кровати и задание на следующий день.

– Зачем каждый раз на новом месте спать? – удивилась Ольга.

– Я думаю, это делается для того, чтобы мы не знакомились близко, не подружились. Новые дети приезжают часто. Причем ни у кого нет представления, на сколько кто может остаться в лагере. Кто-то неделю побыл и уехал, кто-то и через день исчез. Я в лагере четвертую неделю. Наверное, дольше всех. Когда я только приехала, то у меня была подружка, мы в самолете вместе летели. Потом даже кровати один раз рядом оказались! Но говорили мы мало. Каждый день работа допоздна, потом ужин, в кинотеатре уже засыпаешь. Через неделю она пропала, я спросила о ней охранника с рыбьими

глазами. Он говорит – домой уехала. Странно, думаю, Ира, так девчонку звали, всего неделю здесь, да и дома у нее нет, по вокзалам моталась, говорила, что все лучше, чем издевательства в детском доме терпеть. Ее из детской комнаты полиции сюда и забрали какие-то люди, побрили наголо, одежду дали, в самолет посадили...

Однажды «выпала мне честь» «царские хоромы» мыть, ну эту башню. А моют там тогда, когда у вас занятия заканчиваются. Нам запрещено у вас на глазах появляться... Здесь много того что запрещено. Но странное дело, мало кто запреты эти нарушает, никто уезжать по своей воле не хочет. Ну ладно. Дальше рассказываю. – вздохнула Юля, – Пошла я в эту «Вавилонскую башню». Зашла на первый этаж – ничего нет. У кого спросить – где ведро и тряпки взять – не знаю. На улице темнеть стало, надо свет включить. Выключателей не найду. По стенам пошарила – ничего. Открыла дверцу неприметную, вижу – ступени вниз идут, наверное, там кладовка, где ведро и швабру взять можно! Спускаюсь – еще одна дверь чуть приоткрыта, из-под нее – слабый свет, как от свечей, и голоса с трудом разобрать можно. Думаю: сейчас постучусь, попрошу прощения и спрошу, где у них швабра находится и свет на первом этаже включается. Только собралась это сделать, как услышала разговор, который меня напугал, а от увиденного там у меня волосы дыбом встали...

– Ну! – поторопила ее Ольга. – Дальше!

– Слушай, это долгий рассказ, давай я завтра приду и рас-

скажу.

– Ты с ума сошла! Я всю ночь спать не буду! – возмутилась Ольга.

– После того, что я тебе расскажу, ты точно спать уже долго не будешь. Поэтому я сейчас пойду. За два оставшихся мне часа домыть два дома – это сильно! А завтра приду обязательно пораньше, потому что мы уже вместе будем голову ломать, что за гадость здесь происходит и как из всего этого выпутаться можно.

– Я тебе помогу! С тобой все помою! А ты мне рассказывать будешь, хорошо? – Ольга резко вскочила с кровати, но голова закружилась, в глазах потемнело, сердце забилося, как бешеное, пот выступил на лбу, снова повалилась на кровать.

– Ой, что это со мной? – удивленно, еле слышно произнесла она.

– Лежи, отдыхай, это слабость. Сил набирайся, – Юлия улыбнулась и, тихо закрыв за собой дверь, вышла из комнаты.

Вечером, когда соседки вернулись домой, Ольга притворилась очень больной: кашляла, шмыгала носом, стонала и жаловалась, что температура держится.

Дашка принесла из кухни бутерброд и сладкий чай и, пока Ольга пила, она захлеб рассказывала о новых знаниях.

– Представляешь, что я узнала! Сегодня говорили о лунном календаре. Ну, ты знаешь, что есть старая, новая луна,

полнолуние. Так, в особые лунные дни можно делать специальные заговоры и привороты! В первый лунный день исполнится все то, о чем думаешь! Еще говорили о запахах и маслах, какие где использовать, чтобы обворожить мальчика! Ты знала, что если в речь вставлять определенные слова в определенной последовательности, то можно управлять человеком как марионеткой? – без остановки тараторила Даша.

– Я устала, буду спать, – только и сказала Ольга, повернувшись лицом к стене.

– Ну и ладно! Жаль, конечно, что ты болеешь. Я, например, чувствую, что становлюсь другой, что скоро смогу увлечь любого мальчика, какого только захочу, благодаря знаниям, которые дает Эстер, – размечталась Зукина.

– Ты о чем-нибудь другом думать можешь, кроме мальчиков? – не поворачиваясь к соседке, подала голос Ольга.

– А зачем? Ты знаешь, что несколько лет назад в этом лагере была Мария Никифорова?

– Я не знаю, кто такая Мария Никифорова, – не забывая шмыгать носом и кашлять, сказала Ольга.

– Ну темнота, светскую хронику читать надо. Она самая высокооплачиваемая русская модель на Западе. Но дело не в этом. Крутых «вешалок» – море, а тех, кто за баронов выходят замуж, единицы. А ведь была обыкновенной швеей-мотористкой, образование – ПТУ. Она здесь оказалась среди пролетариата, но за какие-то особые заслуги в качестве исключения прошла курс женской магии. И что теперь? Самая

известная личность в Европе! Только наша Оля – историк ее не знает, – усмехнулась Зукина.

– Бред какой-то. Школа гейш или хуже? Храмовые жрицы, – проворчала Ольга.

Даша и Кристина, которая оказывается, тихонечко вошла в комнату и слушала разговор девочек, недоуменно посмотрели на нее.

– Ты что говоришь? Сама была недавно в восторге от занятий! Наконец себя девочкой почувствовала, а не бесполом ботаником, – возмутилась Дашка и добавила, обращаясь к Кристине: – У нее, наверное, температура поднялась... Какой-то бред несет.

Ольга поняла, что допустила оплошность: донесут ведь, обязательно к Эстер побегут! А привлекать внимание сейчас – ну никак не надо.

– Да, я чушь смолола, точно температура поднялась. Это я от зависти, что вы занимаетесь, а я столько пропущу... И мимо конкурса красоты уже точно пролечу, а так хотелось попробовать свои силы, «испытать чары»...

В глазах Даши промелькнул мстительный огонек: одной соперницей меньше.

– Кристина, а у тех, кто второй год обучается, будет конкурс красоты? – обратилась она к Кристине.

– Нет, не будет. Там все по-другому. Тех девушек, кого выберут старейшины, переводят на новый уровень, и они становятся Посвященными. И в будущем уже из них лучшие и

самые успешные люди братства выбирают себе подруг или жен, – не без гордости объяснила леди Кри.

Дашка слушала ее с открытым ртом:

– Круто! Я тоже хочу попасть в П освященные. Я слышала, что многие жены известных и богатых футболистов тоже были Посвященными.

– Не все так просто, девочка, – в голосе Кристины звучали высокомерные нотки, – ты сначала на следующий год попади в лагерь, а потом и о Посвящении думай! Только двадцать процентов девочек попадают на второй год, и пять, всего пять! доходят до Посвящения. Надо проявить себя на все сто процентов! Надо быть особенной, готовой бороться до последнего и идти на все ради победы!

Ольга слушала Кристину и молила бога, чтобы сдержаться и не высказать все, что она чувствует и думает по поводу этой «лавочки».

Наконец уставшие девочки легли спать, и Ольга в тишине могла хорошенько поразмыслить:

«Итак, что мы имеем. Горстка каких-то таинственных людей за огромные деньги, без всякой рекламы собирает детей богатых и известных личностей, якобы обещая сделать из «недорослей» особенных людей. Причем из мальчиков делают лидеров, а девочек учат соблазнять этих самых мальчиков. Плюс какое-то братство. Зачем? Что-то наподобие масонства? Или просто таинственности на себя напускают? По моему, это обыкновенная секта, где применяют современ-

ные методы воздействия на психику типа НЛП, какие-то легкие наркотики и гипноз.

Но стоп... Почему Эстер писала клинописью, почему ворота напоминают известные ворота богини Иштар, ведущие в Вавилон? А этот странный ритуал у костра? Камни явно очень древние. Где-то я читала, что древние друиды использовали Стоунхендж для прохождения в другую реальность, читая или напевая заклинания. Еще костюмы наших «наставников» напоминают костюмы звездочетов, а костюмы жрецов храма Эсагила – остроконечная шляпа, мантия со звездами и посох – берут свое начало как раз из Вавилона. Как жаль, что я так мало знаю об этом городе! Только общие факты, но и этого достаточно, чтобы заметить связь с древним городом. А эти символы – лев и дракон. Они изображены на наших воротах в лагере, они есть на воротах богини Иштар, и они были в моем сне, когда я летела в самолете. Какая связь?

...Хорошо, пусть это секта, которая играет в древний мир, но зачем им дети-сироты, зачем такая сложная организация их быта, как рассказывала Юлька? Ничего не понимаю. Знаю, что храмовая жрица или гейша из меня не выйдет! Надо домой собираться, нечего чужое место занимать – вон их сколько, которые хотят быть похожими на героинь нашего времени из Инстаграма»... – так думала Ольга, погружаясь в сон.

Она не могла и представить себе, что завтра уже переду-

мает уезжать. И причина этому не вновь вспыхнувший интерес к «науке оболъщения», ни даже романтическое увлечение Олегом, а вопрос жизни и смерти...

***

Утром, когда соседки Ольги ушли на занятия, она вскочила с кровати, быстренько оделась и вышла на крыльцо, выглядывая Юлю.

«А вдруг не придет? Она говорила, что у них все так же строго, и в одно место они дважды работать не приходят... Что же она там, в башне, увидела? Стоп! Башня! Сколько у нее этажей?» – Ольга приложила ладонь ко лбу, загораживаясь от солнца, и принялась рассматривать строение из камня, возвышающееся над поляной.

Только сейчас она обратила внимание, что это довольно-таки странное сооружение: широкое в своем основании, оно сужалось кверху. Окна-бойницы – только на первых трех этажах. Дальше по спирали вверх вели узкие ступени. Сколько этажей у башни, не понятно, но можно предположить, что над третьим этажом было еще примерно столько же или, может, четыре. Итого семь. Любимое число в Нововавилонском царстве. Семь этажей у Вавилонской башни – символ человеческого тщеславия.

«И сказали они друг другу: наделаем кирпичи и обожжем огнем... Построим себе город и башню высотой до небес и сделаем себе имя прежде, нежели рассеемся по лицу всей земли», – как-то сами собой всплыли слова из Библии.

«Опять Вавилон! Интересно, у них золотой идол Мардук где находится?» – съязвила Ольга.

Наконец, по дорожке, ведущей к домику, быстро приближалась маленькая фигурка Воробышка. Ольга от нетерпения хотела броситься ей навстречу, но передумала – кругом одни шпионы. Она, не оглядываясь, вошла в дом. Быстро пробежалась по комнатам, проверяя, что одна в комнате.

– Привет, – лучезарно улыбнулась Юля.

– Привет! У тебя все в порядке? Как тебе удалось договориться, чтобы прийти ко мне? – спросила Ольга, переживая за новую подругу.

– Долго высматривала, кому достанется уборка вашего дома. Хорошо, девчонка сговорчивая попалась, и у меня работа сегодня легкая выпала – на кухне помогать. Наши очень любят на кухню ходить, никак отъестся не могут, несмотря на то, что еды здесь море. Мы с ней и поменялись.

– Ладно, не томи, рассказывай, что там увидела в башне. У меня, кстати, версия есть, что это банальная секта по выкачиванию денег из доверчивых богатеньких и амбициозных папочек.

– Не знаю, настолько ли все так просто... Ладно, слушай, только я убирать потихоньку буду. А ты рядом ходи и слушай, – попросила Юлька-Воробышек.

– Я тебе помогать буду, – предложила Ольга.

– А сможешь, белая ручка? – засмеялась Юлька.

– Обижает, у нас недавно, лет 6 назад, как домработни-

ца появилась, а раньше по субботам я всегда маме помогала квартиру убирать, – проворчала Ольга.

– Хорошо, бери тряпку, вытирай пыль, а я пол мою и рассказывать по ходу буду.

То, что дальше Ольга услышала от Юльки, заставило ее забыть и о тряпке, и о пыли. Она стояла посередине комнаты, открыв рот, прижав тряпку к груди, и не сводила с подружки взгляда, боясь перебить ее рассказ.

Юлька продолжила с того места, где она спустилась в подвал, увидела комнату и услышала голоса, доносившиеся из нее.

***

«Когда я тихонечко подошла и встала около двери, откуда доносились приглушенные голоса. Не скрою, до того как постучаться и вежливо попросить и ведро, и швабру, я решила немного подслушать разговор. В приоткрытую дверь можно было даже подсмотреть. За большим круглым столом спиной к двери сидело несколько человек в мантиях темно-синего цвета, капюшоны скрывали их головы. Люди за столом разговаривали с кем-то, кто стоял в глубине темной комнаты.

– Почему ты так уверен, что он не пройдет испытание и посвящение? – глухим голосом сказал один из людей в мантии.

– Он чистоплюй, у него обострено чувство справедливости, и в голове всякая чушь о правильном и неправильном. У нас несколько раз были конфликты...

– Ты знаешь свое место и свою роль в этой истории! Тебя посвятили во все планы, и ты согласился на все! – гремел голос человека, сидящего в центре. – Тебе известно, что мы видим будущее. Он возглавит страну через 28 лет! Ты будешь рядом с ним, ты тот человек, на которого выпала роль тайно контролировать его под нашим руководством. Это не изменить! Знай свое место!

– Хорошо, простите меня, я очень взволнован вчерашним Посвящением меня в ближний круг... – оправдывался молодой человек, скрытый в темноте.

– Ты взволнован? – усмехнулся таинственный голос. – Что за бред! Волнение, привязанности, любовь и прочая человеческая муть умерли в тебе вчера, после того как ты сделал выбор и закончил ритуал. Это только привычка – что-то чувствовать, а плохую привычку нужно искоренять. И чем раньше мы это сделаем, тем безболезненнее будет для тебя.

Люди в мантиях громко засмеялись. Но веселья в их голосах что-то не чувствовалось.

«От этого глухого, как из преисподней, смеха у меня мурашки побежали по телу», – передернулась Юлька, вспоминая этот смех.

– Дальше они поговорили о том, что приезжает новая партия, чего я не поняла, и надо подготовить материал для посвящения в братство кого-то, кого тоже не поняла. Потом они заговорили о каком-то очень для них важном событии, которое они вычислили по каким-то картам, то ли звездным,

то ли игральным, не знаю, слова иногда какие-то загадочные и незнакомые проскальзывали. Короче, один из этих «мудрецов» говорит, что, мол, наконец пришел проводник, которого они так давно ждали. Последний такой проводник был перед войной, какой и с кем, я не поняла... Дальше я вообще ничего не поняла, но старалась хоть что-нибудь запомнить, чтобы потом разобраться... Поняла только: его, проводника этого, они тогда упустили.

– Что мне надо сделать? – спросил тот, который стоял в глубине комнаты.

– Наблюдай за этим человеком... А ситуацию мы создадим... Все, свободен, можешь идти. По поводу Олега ты все понял? – спросил человек в мантии и встал из-за стола.

Он повернулся в профиль к двери, и я чуть не закричала от ужаса!»

Юлька и сейчас, вспоминая события того вечера, широко раскрыла глаза и зажала рот руками, показывая, как было страшно.

– Не томи ты! Говори! Что за монстра ты увидела? – дернула Ольга Юльку за руки, чтобы та освободила рот.

– Какое «монстра»! Это мумия живая, скелет, обтянутый старой-престарой кожей, ящер доисторический, ужас ходящий! А глаза! Прозрачные, без зрачков... Этот кошмар говорит тому, который в темноте: «Подойди ко мне». Из темноты выходит парень нормальной наружности, нет, не нормальной! Просто очень и очень красивый, но глаза почти

такие же прозрачные. «Ящер доисторический» протягивает ему две коробочки и поясняет, что в них находится. В первой – линзы, во второй – капли для какого-то Олега, чтобы подготовить его. Так и сказал: «Подготовить его». К чему – я не поняла. Потом я решила, что пора идти, и побежала вниз. Представляешь, я все перепутала и побежала вниз! Господи! Лучше бы я этого не слышала и не видела!

– Что еще там случилось? – Ольга почти кричала на Юлю. – Хватит причитать! Говори!

– Бегу я вниз, как ошпаренная, – взяла в себя в руки Юля, – и навстречу ко мне поднимается Ирка, та моя подруга из лагеря, которая пропала. А в руках у нее ведро и швабра. Я посмотрела на нее и тут же вспомнила, зачем сюда пришла.

– Ирка, ты где была? Я спрашивала о тебе, говорят, ты уехала домой. Но я знаю, что у тебя дома нет! Хорошо, что с тобой ничего не случилось, – тараторю я.

А Ирка взгляд поднимает и смотрит на меня пустыми, прозрачными глазами! Я в ужасе назад шарахнулась. Слышу, наверху дверь комнаты открывается, где «ящеры» заседают. Хватаю у Ирки ведро и швабру – и наверх. А Ирка, представляешь, стоит как истукан и ничего не говорит, не возмущается, словно обмороженная... Я в дверях чуть с блондинчиком, Альберт его зовут, я потом выяснила, не столкнулась, за секунду до него из двери на первый этаж выскочила. Голову опустила, тряпкой сухой возюкаю, авось не заметит. А

он и вправду не заметил, вернее, внимания не обратил. Потом до меня дошло, что я ошиблась, и мыть в башню из наших никого и никогда не направляют, я перепутала башню со столовой... Вот и вся история...

Ольга молчала, уставившись в пустоту.

– Оль, ты чего? Скажи хоть что-нибудь, не молчи, – тормошила ее Юля.

Ольга очнулась и тихо проговорила:

– Ничего не понимаю, все мои версии рушатся, ничего не складывается.

– Ты о чем? Какие версии рушатся? Оль, кончай загадками говорить, а?

– Прости, – очнулась Ольга, – понимаешь, вчера я все думала, вспоминала какие-то обрывки, пыталась соединить фрагменты и дать логическое объяснение всему. И у меня выходило, что это какая-то секта, видимо, поклоняющаяся Вавилону. На это указывали разные мелочи... Как у всякой секты, причины вовлечения в свои ряды людей достаточно, на мой взгляд, банальны – жадность к деньгам и власти. То есть это неприятная уголовная ситуация. Но сейчас что-то изменилось... Я вспомнила, что, когда мы только приехали и зашли в круг, составленный из огромных каменных истуканов, стоя рядом со «звездочетом в маске», я почувствовала отвратный запах. Мне казалось, что так пахнет... точно! Забальзамированная мумия. Все не могла описание подобрать. И мне еще странным показалось, что я видела седые боро-

ды и волосы у некоторых из них, а потом, когда рассвело и «звездочеты» сняли маски и перчатки, куда делись седые бороды?

Столько всего странного! Послушай, я никогда не видела этих самых звездочетов после захода солнца. Никогда... Эстер пишет клинописью! Имен остальных я не знаю. У башни семь этажей... Каждый раз, когда приезжает или уезжает новая партия детей, раздается ужасный взрыв... Прозрачные глаза... Где я их видела? У доктора! Ты говорила, что надсмотрщики у вас с «рыбьими» глазами. У Альберта, девчонки как-то обсуждали, нереально голубые глаза... Что еще? В голове что-то крутится, не могу вспомнить... Ты говоришь, они упоминали имя Олега, обсуждали его посвящение?

Ольга сильно разволновалась:

– А кто такой проводник? А?

– Не знаю. Ты понимаешь, о каком Олеге идет речь? – спросила Юлька.

– Кажется, я знаю, о ком идет речь. И еще мне кажется, или нет, я уверена, что ему грозит опасность.

Ольга и Юля какое-то время сидели молча на чужой кровати, погрузившись в размышления. Потом очнулись, почти одновременно всполошившись, что ничего не делают, забежали по дому, спешно наводя хоть какой-то порядок. Ольга не переставала думать, и к концу уборки второго дома у нее созрел план, вернее, решение – поговорить с Олегом, достаточно откровенно, рассказать ему о своих подозрениях и

страхах...

– Ты придешь завтра? – спросила Ольга, провожая Юльку на крыльце.

– Не знаю, если повезет с кем-нибудь поменяться.

Ольга, поддавшись вдруг внутреннему порыву, крепко обняла Юлю:

– Береги себя, хорошо? Я тоже позабочусь о тебе, обещаю. Вас, наверное, тоже военные везли. Там майор, который у них за главного был, друг моего папы и меня еще малышкой помнит. Он, кстати, что-то чувствовал и меня предупредил, что здесь нечисто. Он нам поможет. Нам надо придумать, как выбраться из этого «Вавилона»...

Юля, прижавшись к Ольге, только кивала головой, не в силах вымолвить ни слова, готовая разреветься в любую минуту.

Ольга некоторое время постояла на крыльце, смотря вслед удаляющейся маленькой худенькой фигурке. Она чувствовала острую жалость к Юле, ей хотелось спрятать, закрыть ее от несправедливости, нищеты и унижения... Погрузившись в мысли, Ольга совсем ничего не замечала вокруг. Не заметила она и того, что за девочками достаточно давно наблюдает высокий красивый блондин с нереально голубыми глазами...

***

Ольга обдумывала, как бы ей поговорить с Олегом. Выйти и встретить его в столовой она не могла, она же «тяжело

больна». Когда вечером вернулись ее соседки, приняли душ и собрались на ужин, Ольга позвала Дашу и тихо спросила:

– Я могу тебе доверять?

У Даши от любопытства загорелись глаза:

– Конечно, мы же подруги! А что?

– Передай записку Олегу. Только никому не говори, что я тебя об этом попросила, – Ольга прекрасно понимала, что за то время, пока Даша найдет Олега, половина лагеря будет знать об их встрече.

Но выхода не было: Ольга не знала, как поступить по-другому. Ей, конечно, можно самой пойти в столовую или в дом мальчиков, чтобы там найти Олега, но тогда ее увидят еще больше людей. Потом Ольге нужно было бы еще некоторое время притворяться больной, для того чтобы хорошенько подумать о плане «эвакуации». Обязательно встретиться с Юлькой, и, по правде говоря, ей очень не хотелось видиться с Эстер и идти на занятия. А ходить по лагерю, шмыгать носом, притворно кашлять и спрашивать у каждого, где Олег, – это было бы глупо и как-то неправильно. Если и будут свидетели их свидания, то они увидят, что Олег сам пришел навестить больную Ольгу.

«Кстати, мог бы и на самом деле меня навестить, хотя, наверное, он и не знал, что я «болею», – подумала про себя Ольга, поймав себя на мысли, что немного обижается на невнимательность Олега.

Даша прибежала после ужина, и зашептала на ухо Ольге:

– Он записку тут же прочитал и сказал, чтобы ты в 11 вечера была у большого дерева. Слушай, он какой-то странный, как обмороженный, что ли. Мне даже вначале показалось, что он не сразу понял, от кого записка и вообще кто ты такая.

Даша с трудом скрывала злорадные нотки в своей «дружеской» речи.

«Вот язва! – подумала про себя Ольга. – Ну что ж, будем играть по их правилам».

А вслух сказала:

– Ты настоящий друг, Даша Зукина. Я знаю, что ни один человек не узнает о нашем свидании с Олегом.

– Конечно, нет, – в голосе у Даши как-то поубавилось уверенности. – Оль, я пойду спать, хорошо? А ты сегодня уже намного лучше выглядишь, может, завтра на занятия пойдешь? Эстер о тебе все время спрашивает, ты ей, кажется, очень понравилась. Она мне и Кристи даже как-то допрос устроила: а о чем ты говоришь, что читаешь, может, тебе из мальчиков кто-нибудь нравится, ну всякое такое...

У Ольги екнуло сердце: все, началось, скоро что-то случится...

– А ты что сказала?

– Да ничего особенного.

Даша отвела глаза в сторону и собралась встать, чтобы уйти. Ольга схватила ее за руку.

– Подожди! Что она обо мне знает? – строго и очень тре-

бовательно спросила Ольга Дашку, не отпуская ее руку.

– Все! Все, что узнали, увидели и заметили мы! – выпалила Зукина. – От нее невозможно что-то скрыть! Когда она на меня смотрит, чувствую себя как кролик перед удавом. Она читает чужие мысли! Я знаю! Это какой-то ужас! Думаешь о чем-то, а она, даже головы не поворачивая в твою сторону, говорит: «Мерилин, ход твоих мыслей не верен».

– А Мерилин – это кто? – удивилась Ольга.

– Я, – ответила Дашка.

– Ты? – удивилась еще больше Ольга.

– Ты что, не помнишь, как в первый день имена себе выбирали, ты еще выпендрилась со святой княгиней Ольгой? – напомнила Дашка.

– Ах, да! Забыла, прости, – успокоила ее Ольга.

– Ты вообще хоть что-нибудь помнишь? Пропустила очень много интересного! У тебя уже меньше шансов попасть на второй год и тем более пройти посвящение.

– Ты, Дашенька, права. Я думаю, что твои шансы, наоборот, только увеличиваются! Ты очень хорошо овладеваешь материалом, подходишь по моральным качествам к требованиям «звездочетов», и ты правильно выбрала имя Мерилин. Ее помнят все. Молодец!

– Ты подкальываешь? – обиделась Даша.

– Нет, я говорю совершенно искренне, – успокоила ее Ольга.

Без десяти одиннадцать вечера Ольга осторожно вышла

на улицу. Она понимала, что многие в лагере в курсе ее свидания с Олегом, уж в ее домике точно все девочки знали: никто не спросил, куда она идет на ночь глядя, да еще больная, только усмехались и перешептывались.

Когда Ольга пришла к назначенному месту, Олега еще не было. Она села на большие качели, привязанные к мощной ветке старого дуба, и задумалась, что же скажет Олегу? Что какая-то девочка, которую он не знает, видела в подземелье живых мумий, которые разговаривали с Альбертом, о чем – не понятно, кто-то где-то проводник чего-то... Кого-то, кто через 28 лет возглавит какую-то страну, надо его контролировать. Олег, скорее всего, решит, что Ольга просто привлекает внимание и болтает всякую чушь, чтобы был повод вытянуть его на свидание.

«Я не знаю, что ему говорить, – размышляла Ольга, – все, что я чувствую, в пересказе звучит как бред, воспаленная фантазия. Мне придется делиться много своими подозрениями, своими «показалось» и «почувствовала». Но ни одного факта... Единственное, что я знаю точно: Олегу грозит беда! Что-то против него замышляют».

Прошло уже минут тридцать, а Олега все не было.

«Наверное, забыл, а может, не хочет идти... Нет, он не такой, издеваться не будет. Скорее всего, какие-то дела...»

Наконец, на тропинке, ведущей к большому дереву, Ольга различила высокий светлый силуэт.

«Это не Олег. Идет как-то странно, словно спит на ходу

или болен, еле-еле ноги волочит, шаркает. Олег такой стремительный, быстрый...» – думала Ольга, наблюдая за приближающейся к ней фигурой.

– Олег, это ты? – удивилась Ольга, когда парень подошел настолько близко, что можно было бы разглядеть в темноте его лицо.

– Привет Оль, – устало сказал Олег и сел рядом на качели. Ольга рассматривала друга, поражаясь изменениям, произошедшим с ним за столь короткий срок.

«Когда я его видела в последний раз? Дня три назад! Он был совершенно нормальный, а теперь что же с ним случилось?»

– С тобой все в порядке, ты не болен? – спросила Ольга.

Он молчал, погружившись в свои мысли.

– Олег, что с тобой? – громче спросила Ольга.

– А? Что? – очнулся Олег, с удивлением посмотрел на Ольгу.

– Привет, Оль, как дела? – снова спросил парень Ольгу совершенно потухшим голосом.

Ольга в ужасе смотрела на него и не узнавала.

– Что с тобой сделали эти сектанты? Чем тебя накачали? Уроды! – Ольга трясла Олега за плечи.

Олег немного стал приходить в себя:

– Оль, все в порядке, я устал. У меня завтра самый важный день в жизни – П Посвящение в Братство. Мне надо готовиться. Ты что мне хотела сказать? Мне идти надо, Аль-

берт ждет. Он со мной в последние дни чай полюбил пить, разговоры вести. Сейчас ждет. Я сказал, что ты – мой друг и мне надо тебя увидеть...» – как-то механически проговорил Олег.

Ольга вдруг вспомнила Юлин пересказ разговора «ящера доисторического» и Альберта:

«Вот тебе две коробочки: Одна – с линзами, другая – с каплями, будешь ему каждый вечер давать – надо к Посвящению подготовить».

«Они его какой-то «дурью» поят, чтобы зомби из него сделать... Что-либо объяснять ему без толку, ничего сейчас не понимает, кроме приказов... Стоп... Только приказы...»

У Ольги раскалывалась голова: все рушится, потому что Олег себе уже не принадлежит.

– Послушай меня внимательно, – Ольга встала перед сидящим на качелях Олегом.

Стоя, она была чуть-чуть выше сгорбленного Олега. Взяла за плечи, встряхнула и посмотрела в глаза:

– Посмотри на меня! Запоминай! Ты выливаешь незаметно для окружающих любую жидкость – чай, кофе, соки, воду, которую дает тебе Альберт! Ты понял меня?!

Олег, без какого-либо выражения на лице, смотрел ей в глаза:

– Я незаметно выливаю любую жидкость, которую дает мне Альберт.

– Хорошо. Даже если он заставит тебя выпить, мой приказ

главнее его. Я отменяю его приказы! Повторяю: ты незаметно выливаешь любую жидкость, которую дает Альберт! Мой приказ отменяет все его приказы! Повтори!

Олег послушно повторил за Ольгой все слово в слово.

«Он даже не спрашивает, не задает вопросы... Вряд ли получится толк из этого, но попытка не пытка», – думала Ольга, с трудом сдерживая слезы.

– Все, иди. Я тебя завтра найду, – Ольга повернулась к Олегу спиной, чтобы он не увидел, что она все-таки разревелась, и бросилась бежать в темноту.

Она бежала, не разбирая дороги, задыхаясь от слез. Ей хотелось завывать, закричать. Острое чувство надвигающейся беды заполнило каждую клеточку организма Ольги. Отчаяние, бессилие что-либо сделать и изменить парализовали мозг. Споткнувшись о ветку, она грохнулась на землю, очень больно ударилась, и эта боль вывела ее из шока. Ольга завывала от боли, и вместе с ее криком выходили страх и ступор, возвращая способность мыслить...

Грязная, опустошенная, с синяками на ногах и руках, она вернулась в комнату, грохнулась на кровать и моментально заснула.

***

Утром Ольга с нетерпением и волнением ждала Юльку. Ей надо было срочно поделиться своими мыслями с новой подругой. Еще Ольга решила, так, на всякий случай, собрать вещи. А чтобы не вызвать подозрение, в шкафу оставила

часть одежды и обуви, в ванной – шампунь, зубную щетку и пасту. Убрала в сумку только телефон, любимые джинсы, кроссовки, книги и расческу. Спрятала сумку под кровать и в этот момент услышала, как хлопнула внизу входная дверь и кто-то поднимается в ее спальню.

– Наконец, я уже заждалась! – крикнула Ольга и подбежала к двери, ожидая увидеть Воробышка.

Но в дверях она столкнулась с доктором. Тем самым доктором с «рыбьими глазами».

– Меня прислала Эстер. Твои подруги сказали ей, что ты совсем здорова. Я должен осмотреть тебя и дать заключение, – ровным, ничего не выражающим тоном, глядя на Ольгу мутными глазами, сказал доктор.

– Нет, я еще болею! У меня, э-э, голова болит, температура очень низкая! Давление, наверное, упало, мне в постели надо быть...

Доктор, не замечая Ольгиной болтовни, слушал её пульс, мерил давление, осматривал горло.

– Все в норме. Если уже на свидания по ночам ходишь, то и на учебу пора. Я скажу сейчас Эстер, что через полчаса ты придешь. Приведи себя в порядок, позавтракай – и вперед, – у доктора в тоне ничего не поменялось.

– Ну можно я еще денечек полежу, а? Завтра с утра вместе со всеми пойду на занятия! Пожалуйста, миленький доктор Айболит, – умоляла его девочка.

Но доктор, уже совершенно не обращая внимания на Оль-

гу, как будто бы ее и в комнате не было, собрал свои инструменты в сумку и, не прощаясь, вышел из комнаты.

– Вот пустоглазый урод, – выругалась Ольга.

«Что же делать? На занятия я точно не пойду: нужно начинать действовать. А для разработки плана срочно нужна Юлька. Странно, в это время она уже приходила. Неужели не получилось ни с кем обменяться работой? Как жаль! Подожду немного еще и пойду ее искать», – решила про себя Ольга.

Но из домика она выскочила уже через пять минут. Быстро побежала по дорожке в сторону дальних бараков. Когда она неслась по пустому лагерю, то поняла, что ошиблась. На территории было достаточно людей. В основном подростки в одинаковых одеждах цвета хаки. Иногда попадались и взрослые, и даже старенькие, как показалось Ольге, люди, лет около пятидесяти. Странно было то, что тишина не нарушалась ни разговорами, ни смехом. Где это видано, чтобы дети, выполняя неинтересную работу, не развлекали себя болтовней, не шлокли и не бесились? Ольга только удивлялась, замечая некоторых взрослых в одежде цвета хаки, механически передвигающихся по лагерю. На одного из них она и налетела. Ольга сбила с ног пожилого дядечку, который сажал вдоль дорожки цветы.

– Простите, – Ольга остановилась, чтобы помочь ему встать.

Протянула руку. Человек, по-видимому, садовник, не об-

ратил внимания ни на Ольгу, ни на ее предложение о помощи. Он молча встал, отряхнулся и, как ни в чем не бывало, продолжил свою работу. Лишь мельком посмотрел на Ольгу. Но взгляд этих мутных, бесцветных глаз был направлен скорее сквозь девочку. У Ольги от этих глаз, уже знакомых, опять побежали мурашки по коже.

«Заразная болезнь здесь какая-то, что ли, которая глаза мутными делает?» – приближаясь к баракам, подумала Ольга.

Зона, где жили ребята из детских домов и сироты, была отгорожена от основного лагеря забором. У ворот стояли очень высокие крепкие ребята лет двадцати с непроницаемыми лицами.

– Пропуск, – без какого-либо выражения лица и интонации в голосе спросили охранники Ольгу.

Она подняла голову на здоровяков и поняла, что начинает привыкать к этим мутным рыбьим глазам, уже мурашки по телу не бегают.

– Меня Альберт послал Юлю найти, – ляпнула она.

– Пароль, – как роботы спрашивали молодцы.

– А-а... Вавилон?

В ответ охранники не шевельнулись.

– Мардук?

Даже глазом не повели.

– Иштар?

Результат – ноль.

«Что же еще сказать-то», – думала про себя Ольга.

– Бибилим! – вспомнила Ольга еще одно название Вавилона.

– Проходи, – совершенно равнодушно сказали истуканы с рыбьими глазами.

Обрадованная Ольга проскочила мимо охранников на территорию.

Место, где жила Юлька, отличалось от ухоженной территории главного лагеря: ничего лишнего. Четыре длинных барака, дорожки из гравия, немного зелени. Детей, которые просто сидели или играли, видно не было. Ни смеха, ни музыки. Они молча передвигаются по территории, все заняты и очень сосредоточены.

– Ты знаешь Юльку? Юля Князева, маленькая такая, на воробышка похожа, четыре недели здесь, – остановила Ольга парня, идущего из барака.

Тот удивленно посмотрел на Ольгу:

– Нет, конечно, не знаю.

И продолжил путь.

Ольга еще несколько раз подбегала к разным ребятам с одним и тем же вопросом, получая один и тот же ответ: никто Юлю Князеву не знает, никто не видел.

Ольга бросилась к баракам: вдруг повезет и Юля где-нибудь там и работает. Пробегая внутри длинных помещений, она удивилась, насколько все обезличено. Все одинаково и стерильно. Нет ничего, что бы указывало на то, что здесь жи-

вут дети. Ни игрушек, ни рисунков, ни фотографий – ничего.

Пробежав по всем помещениям, заглянув во все углы, Ольга поняла, что здесь Юли точно нет, значит, надо искать ее в своем лагере. Уже подходя к воротам, она вдруг услышала, что из-за кустов кто-то тихонечко свистит. Она раздвинула ветки густого растения и увидела девчонку, которая схватила Ольгу за руки и, прижав палец к губам, сказала:

– Здесь кругом шпионы, молчи! Юльку утром парень из ваших забрал.

– Как он выглядел? – шепотом спросила Ольга.

– Высокий, с белыми, будто обесцвеченными волосами, голубыми-голубыми глазами, красивый, как картинка, старше тебя, – шептала на ухо Ольге девчонка.

– Альберт. Что ему надо от Юли? – спросила Ольга.

– Не знаю. Юлька хорошая! Она меня шоколадкой однажды угостила и на кухню работать поменялась.

– Спасибо тебе! – поблагодарила Ольга девчонку и побежала к своему лагерю.

В душе нарастала тревога. Юлю увел Альберт, возможно, она в башне. Сейчас туда идти нельзя – все лагерные и «звездочеты» там.

«Значит, пойду после отбоя», – решила Ольга.

До вечера Ольга с трудом находила себе место, металась по дому, не зная, чем занять свой мозг. Пыталась читать, но глаза бегали по строчкам, совершенно не усваивая прочитанное. Нервы были накалены, как провода, ум уже отказы-

вался хоть сколько-нибудь логически думать. Действовать! Ольге казалось, что только действие и движение сейчас могли спасти ее от помешательства...

Каждую секунду она смотрела на часы, но стрелки во всем доме как будто остановились. Начали возвращаться уставшие соседки.

Ольга делала вид, что увлечена чтением, но внутри бешено стучало сердце: нужно бежать, спасти Юлю, Олега, всех! Нужно что-то делать! Быстрее! Быстрее! Быстрее! Беги! Беги! Беги! – отбивал ритм пульс.

«Когда же они улягутся?» – злилась на девчонок Ольга.

– Эстер, кажется, недовольна, что ты послушалась ее и не пришла, – Кристина прервала процесс окрашивания ногтей, чтобы посмотреть на реакцию Ольги, но та делала вид, что увлечена книгой.

– Оль, к тебе обращаюсь! – крикнула Кристина.

– Извини, что ты сказала? – очнулась Ольга.

– Говорю: Эстер разозлилась, что ты не пришла! Говорит, что первый раз видит, чтобы девочка намеренно прогуливала ее занятия. Наверное, отправят тебя назад, – «подружка» внимательно следила за реакцией Ольги.

– Когда? – как ни в чем не бывало, спросила Ольга, но этот спокойный и равнодушный тон давался ей с большим трудом.

Кристина не торопилась с ответом, только еще ниже опустила голову, продолжая сосредоточенно красить ногти.

В комнате повисла тишина. Пауза явно затянулась.

«Если я сейчас эту крысу переспрошу, когда меня отправят домой, то все – проиграю. Буду молчать, будто мне все фиолетово, – Ольга, наконец, отвлеклась и смогла трезво думать. – Спасибо, Кристиночка! Ты, сама не зная, сейчас мне очень помогаешь, здорово отвлекаешь! И я, наконец, чувствую, что впервые за весь день начинаю собираться. А то совсем от волнения думать не могла...»

Ольга тоже опустила глаза, делая вид, что увлечена книгой.

Кристина украдкой начала поглядывать на Ольгу. Та шестым чувством видела эти взгляды, но упорно держала взгляд на странице книги. На самом деле Ольгу эта ситуация начинала веселить, она с трудом сдерживала улыбку.

Наконец Кристина не выдержала:

– Тебя хотят отправить домой.

– Я слышала, ты уже говорила, – не поднимая головы от книги, равнодушно ответила Ольга.

– Ты спросила когда, – Кристина явно начинала заводиться.

– Да. Я спросила когда, – не меняя позу и тон, поддакнула Ольга.

– Ну и?.. – Кристина уже забыла про лак и ногти.

– Что «и»? – удивленно спросила Ольга.

– «И» – в смысле, когда тебя отправят домой! – у Кристины ее милое личико стало похоже на крысиную мордочку.

«Сейчас лапки друг о дружку потрет и мордочку умоет» – представила Ольга, чуть не засмеявшись вслух. Кристина заметила в глазах Ольги насмешку.

– Я не знаю когда, – Ольга опять отпустила глаза в книгу, понимая, что все – леди Кри попалась в свою же ловушку.

– Почему ты не знаешь когда?! Когда что?! – почти кричала Кристина.

Потом, осознав, что попалась, со злостью отбросила от себя бутылочку с лаком.

– Тьфу, дура! Совсем меня запутала, – выскочила из комнаты за тряпкой, чтобы вытереть с пола красное пятно лака.

Даша, молча наблюдающая за этой сценой, удивленно посмотрела на Ольгу:

– Что это с ней?

– Переживает, наверное, за меня, – засмеялась Ольга, почувствовав, что немного расслабилась.

Она встала, тепло оделась, взяла маленький фонарик, сунула шоколадку в карман. Ужин впервые «заботливые» соседки почему-то не принесли. Вышла из комнаты, не оборачиваясь, бросив Даше:

– Пойду подышать.

– Ты надолго? – озабоченно спросила Зукина.

– Как получится, подружка! – махнула рукой Ольга.

«Надо же. Настроение вдруг улучшилось, мандраж прошел», – удивлялась про себя Ольга.

Она спокойным шагом направилась к башне. На терри-

тории было совершенно пусто. Около башни стояло большое ветвистое дерево. Ольга забралась на его могучие ветки, уселась удобно и стала наблюдать. Она не знала, чего ждет. Но, после того, как благодаря Кристине расслабилась, почувствовала, что внутри зреет совершенно новое, незнакомое состояние. Ей казалось, что какой-то голос говорит ей, что делать. Придает ей силы и уверенность. Ольга, как большая спокойная птица, сидела на ветке. В голове не было никаких мыслей, тело расслаблено, ум спокоен. Казалось, что девочка спит. Но Ольга не спала. Она слушала себя, спокойные удары своего сердца, и за мгновение до того, как слух уловил шаги по гравию, а глаза различили приближающиеся силуэты, она уже знала, что сейчас увидит, вернее, кого. К башне подходили Альберт и Олег. Альберт открыл дверь, пропустил вперед Олега, внимательно оглянулся и вошел внутрь помещения.

Ольга, не меняя положения тела, посидела еще десять минут. Потом сама себе скомандовала: «Пора» – и осторожно спустилась с дерева. Посмотрела на часы: без двадцати двенадцать. Дверь в башню не заперта. Ольга осторожно открыла ее. На первом этаже темно. Но Ольга хорошо помнила, где расположена лестница, ведущая наверх. Напротив этой двери, через большой холл, была еще одна дверь, почти незаметная. Девочка направилась к ней. Дверь легко открылась, и Ольга в темноте с трудом различила ступени, ведущие вниз. Вот и пригодился фонарик.

«Есть ли у Вас план, мистер Фикс?» – вспомнила Ольга детский мультик про путешественника, который всегда заранее укладывал в свой саквояж разные предметы, выручавшие его в опасных приключениях.

Ольга осторожно спускалась по старой каменной лестнице, которая спиралью уходила в темноту.

«Ага, вот минус первый этаж, где заседали «ящеры-звездочеты», – Ольга подергала ручку двери – та оказалась заперта.

«Пойдем ниже», – Ольге нравилось разговаривать самой с собой, было не так страшно идти вниз в темноту.

Путь, ведущий на «минус второй этаж» оказался почти в два раза длиннее, чем тот, который Ольга уже прошла. Наконец она увидела большую дверь и осторожно потянула массивную ручку. Тяжелая дверь оказалась незапертой. С трудом открыв ее, Ольга прошмыгнула в узкую щель. Дверь тут же с глухим стуком захлопнулась за девочкой. Ольгин фонарь осветил длинный широкий коридор.

«Как в фильмах про американскую тюрьму», – возникла ассоциация у Ольги, когда она различила решетки по обе стороны коридора.

Она медленно, осторожно ступая по каменному полу, шла вперед, освещая камеры маленьким фонариком. Вначале ей показалось, что камеры пустые, но затем луч света выловил из темноты движение каких-то фигур. Ольга подошла ближе к решетке камеры и увидела, что там есть люди. Приглядев-

шлись к фигурам, поняла, что это в основном ее ровесники – дети в одежде цвета хаки. Кто-то спал, кто-то сидел или стоял. Но никто не среагировал на свет фонаря. Ольга окликнула шепотом:

– Эй, вы кто? Как здесь оказались?

Никто из заключенных не повернул головы в Ольгину сторону.

– Вы что, глухие? – Ольга начинала злиться.

– Посмотрите на меня кто-нибудь! – приказала она.

Тут же в ее сторону повернулись большинство из ребят. Привстали даже те, кто, казалось, спал.

Ольга в ужасе отпрянула от решетки, зажав рот руками, чтобы не закричать. Фонарь упал на пол, но не разбился. Ольга подняла фонарь и снова дрожащей рукой направила его на ровесников. Из-за решетки на нее смотрело несколько десятков пустых глаз. На детских ничего не выражающих лицах были белые, без зрачков глаза. Ольга уже видела такие глаза у доктора, у садовника, у охранников. Это было неприятно, но терпимо. Ольга и раньше замечала, что у взрослых часто бывают пустые глаза, не такие, конечно, как у тех взрослых, что в лагере, но очень похожие. Пустые глаза на равнодушных лицах она видела и в школе у учителей, и в районной больнице, и в магазине у продавцов, и у таможенников в аэропорту, у политиков по телевизору. Но пустые глаза не могут быть у детей, в них есть еще жизнь, есть надежды и интерес, вера в чудеса!

– Что эти «ящеры» с вами сделали? – заплакала Ольга, прислонившись к холодным решеткам.

С другой стороны на нее продолжали «смотреть» ее ровесники, ожидая дальнейшие команды от девочки.

– Эй, эй, кто там? – раздалось за спиной у Ольги.

Она обернулась, посветила фонариком в соседнюю камеру и увидела там мальчика. Ольга подбежала к нему, направила свет ему в лицо.

– Моргалки не лепи, дура, – у «мальчика» был сиплый, прокуренный голос.

– Что? – растерянно спросила Ольга.

– Ничего. В лицо не свети, блин.

– А, прости, – Ольга направила луч света в сторону.

«Мальчик» в одежде цвета хаки перестал жмуриться, и Ольга смогла его рассмотреть. Это, конечно, был не мальчик, а ее ровесник, может, даже постарше. Только росточком парень не вышел, но чувствовалось, что в этом жилистом теле есть ловкость и грация дикой кошки. Парень сплюнул на пол и, ухмыляясь, спросил:

– Тебя как сюда занесло? Одна и без охраны?

– Друзей ищу. Юлю Князеву и Олега. Юля – из ваших. Олег – из наших, – доложились растерянная Ольга, всматриваясь в наглые карие глаза парня.

– Среди этих, зомбированных, их нету?

– Нет, кажется, нет.

– Тогда ищи наверху, – посоветовал парень и снова сплю-

нул.

Ольга проследила за движением слюны и подумала, что лучше пусть противно плюется, чем стоит как зомби с мертвыми глазами.

– Наверху – это где?

– Там, наверху башни. Они пацанов и девчонок нормальными туда уводят, чего-то там с ними делают, потом вот такие «зайчики» послушные возвращаются.

– А, поняла. А тебя как звать?

– Серый. Ты, может, откроешь мою решетку, выпустишь меня? – не спросил, а приказал парень.

– А как же я открою? У меня ключа нет, – удивилась Ольга.

– Во дура, – вздохнул Серый, – с ключом каждый дурак откроет.

И опять сплюнул.

Ольга, наконец, очнулась:

– Слышь, ты! Если такой умный, то и выпутывайся сам, я не за тобой пришла, и кончай плевать как верблюд, смотреть тошно, – она сделала вид, будто собирается уйти.

– Стой, подожди! – окликнул ее Серый испуганным голосом, – Ты это, прости. Мне здесь фигово и, если честно, очень страшно.

– Верю, мне тоже жутковато.

– Я сам открыть не могу, потому что до замка не достаю, но я всегда ношу с собой специальные отмычки. Я тебе

расскажу, как ими пользоваться... Ты меня вытащишь? – с мольбой в глазах посмотрел на Ольгу Серый.

– Конечно, показывай, что надо делать, – с готовностью откликнулась Ольга.

Парень вытащил из носка какие-то маленькие гнутые проволочки, достаточно толково объяснил Ольге, что с ними надо делать, и уже через минут пять был на свободе.

– Молоток! Быстро учишься. Можно на дело тебя брать, – засмеялся он и хотел было сплунуть, но под строгим взглядом Ольги передумал и проглотил слюну.

– На какое дело? – спросила Ольга.

Парень внимательно посмотрел на нее:

– Ладно, забей. Пойдем твоих друзей спасать, пока их в «овощи» не превратили.

– Ты со мной пойдешь? Зачем? – удивилась Ольга.

– Конечно, с тобой. Во-первых, мне в лагерь нельзя, во-вторых, гадам этим мне подлянку какую-нибудь сделать хочется... А звать тебя как? – направляясь к выходу, спросил Серый, не глядя на Ольгу.

– Оля-а, – зашептала девочка, со страхом озираясь на соседнюю камеру, где сидели дети с пустыми глазами, и быстро засеменяла за Серым.

Они поднялись на первый этаж, пересекли холл и открыли дверь лестницы, ведущей наверх. Ольга не поднималась по этим степеням выше второго этажа. Она знала, что Кристина и другие ребята, которых допустили на второй год обучения,

поднимались на третий, и те, кто готовился к Посвящению, а их было немного, находились на четвертом. Что находилось выше, никто не знал. Окон там тоже не было. И сколько этажей всего – не понятно. Ольга, проведя параллель с Вавилонской башней, предположила, что, возможно, семь этажей.

– Семерка – любимое число вавилонских жрецов, – проворчала она себе под нос.

– Куда идем? Как искать будем? – спросил Серый.

– Первые четыре этажа с окнами – учебные классы, значит, их смело пропускаем, – Ольга посмотрела на часы, – сейчас двенадцать пятнадцать. Могу предположить, что у нас мало времени...

– В зиккурате обычно семь этажей. Мардук находится на последнем, где приносят жертвоприношения... – размышляла вслух Ольга, перескакивая через ступеньку.

Серый удивленно на нее посмотрел:

– Чего? Ты че ругаешься? Словечки эти даже я не знаю. А еще интеллигентку из себя строишь.

Ольга даже остановилась, настала ее очередь удивляться:

– Я ругаюсь?

– Ну да. Зикулар, зипулар, блин, язык сломаешь. И еще это, как его, Ман.. Дундук! Ну выпендрилась! На иностранном каком-нибудь похлеще, чем я на русском, материшься.

– Серый, ну тебя. Зиккурат – это типа храма в Вавилонском царстве. Мардук – главный бог. Ему то, скорее всего, сейчас моих друзей и приносят в жертву, – бежала вверх

Ольга, не теряя времени у двери на шестом этаже.

– Они че, офигели? Какие жертвы, какие боги мурдуки-бамбуки в наше время? Секта это, что ль? – возмутился Серый.

– Я тоже вначале думала, что секта, в старину играют... Но здесь, кажется, все круче... Тише, слышишь, голоса?

Ольга и Серый осторожно поднялись на седьмой этаж. Дверей здесь не было, огромный проход прикрывали тяжелые шторы из золотой парчи. Большое помещение освещалось факелами только в центре, поэтому ребят, спрятанных в складках ткани, никто не замечал. Стены зала украшали золотые и серебряные барельефы, свет от факелов отражался в сосудах с драгоценными камнями. Посередине находилась золотая фигура божества, перед ним – длинный алтарь, украшенный разноцветной глазурью. «Звездочеты» стояли спиной к выходу, и ребята не могли различить их лица. Ольге показалось, что кто-то лежит на алтаре. Вскоре, она почувствовала, что странное песнопение, которое исполняли люди в мантиях, усыпляет и парализует волю. Посмотрела на Серого: тот как замороженный уставился на странное магическое действие. Песнопение становилось громче, обволакивая мозг и тело. Ольга заставила себя выйти из оцепенения и больно ущипнула Серого за руку.

– Ой, блин, ты чего щиплешься? – очнулся парень.

– Не спи, это специальные гимны, которые вводят человека в транс, лишают воли. Заслушаешься – сам к ним пой-

дешь и хвостом вилять начнешь.

– А че делать-то? – растерянно спросил Серый.

– Не знаю. Отвлечься как-то надо. Во, придумала! Анекдоты какие-нибудь знаешь? Вот и рассказывай мне, – предложила Ольга, не отрывая взгляда от центра комнаты.

– Анекдоты знаю, но они все с матом.

– А ты вместо мата говори «пи-и-ип», – нашла выход Ольга.

Серый немного подумал и зашептал Ольге на ухо анекдот. Ольга ничего не поняла, потому что бесконечное «пи-и-ип» щекотало ухо. Она хихикала, прикрыв ладонью рот, весело смотрела на Серого. У того блестели глаза, и он сам не скрывал улыбки: с «пи-и-ип» смысл напрочь терялся, но было все равно смешно. Ольга уже не обращала внимания на таинственное действие, а буквально валялась на полу, держась одной рукой за живот, другой – то закрывая рот, то ухо от «пи-и-ип»...

Вдруг в завораживающем многоголосье наступила небольшая пауза и зазвучал какой-то странный инструмент. Голоса «звездочетов» присоединились к этому необычному звуку. Ольгу и Серого накрыла бесконечная вселенская тоска, и простыми анекдотами с «пи-и-ип» с ней уже не было сил справиться. Ребят корежило от этих звуков: страх, одиночество, тоска вливались в сознание. Ольга сильно прижала руки к ушам, Серый посмотрел на нее и сделал то же самое. В это время «звездочеты» расступились, и ребята увидели,

что перед алтарем стоит Олег.

Свет от факелов теперь падал на лица «звездочетов». Ольга помнила рассказ Юли о «ящерах доисторических», но такого кошмара даже в Голливуде еще не придумали. На ссохшихся, безобразных и отвратительных «лицах» существ в мантиях отразились все пороки человеческие. Вместо глаз – пустые глазницы... Один из «ящеров», на груди которого висела блестящая пентаграмма, взял костлявыми руками с длинными грязными ногтями сосуд с мутной жидкостью и поднес ее Олегу. В это время другой или другая «ящерица» (Ольге показалось, что в ней есть что-то от Эстер) подняла с алтаря Юлю. Серый, в ужасе наблюдавший за этой сценой, дернул Ольгу за рукав:

– Они?

– Да... – одними губами произнесла Ольга. Она чувствовала, что откуда-то их живота начинает расти крик, готовый вот-вот вырваться наружу. Нужен был только последний импульс. Олег, не похожий на себя, стоял напротив покорной Юльки, явно чем-то накаченной.

«Ящерица» – Эстер тоже дала сосуд Юле. Олег и Юля одновременно, направляемые «ящерами», поднесли чаши к губам, не сводя друг с друга глаз. Ужасные звуки неведомого инструмента усиливались, голоса «звездочетов» слились в один. Вдруг от Олега и Юли стал отделяться какой-то свет. Этот поток выходил из макушек ребят, поднимался кверху. Глаза ребят постепенно становились мертвыми, пустыми...

Главный жрец встал под свет, вышедший из ребят, простер к нему руки и громко на незнакомом языке стал говорить заклинания, втягивая в себя свет.

Тут Ольга и закричала. Серый вышел из оцепенения и присоединился к ней. Они так громко и дружно орали, что внезапно хор «ящеров» остановил свое магическое пение. Исчезли жуткие звуки неведомого инструмента, а главный «ящер» удивленно озирался по сторонам, в поисках источника крика.

От темных стен отделились огромные фигуры, и ребята увидели жутких чудовищ: наверное, когда-то они были людьми, очень высокими, огромными, но теперь, опираясь на гигантские дубинки, в направлении Ольги и Серого шли монстры с пустыми глазами. Свет, выходящий из ребят, со свистом вернулся к Олегу и Юле. Те рухнули на землю, ошарашенно озираясь живыми глазами вокруг. А Ольга и Серый, как приклеенные, не могли сойти с места и только еще больше заорали, когда чудовища подошли к ним. Одно из них с грохотом опустило дубинку рядом с ребятами. Дальше Ольга не понимала, что происходит. Она, как сквозь туман, заметила, что Олег и Юля стоят рядом на карачках и их рвет зеленой дрянью. Не понятно откуда материализовавшийся Альберт, такой же пустоглазый и с перекошенным от злости лицом, поднимает за шкуру Ольгу и Серого. Серый еще пытается сопротивляться: брыкается, кусается, как дикая кошка. Но получает удар по голове от мерзких тварей и

теряет сознание. И Ольге как спасение приходит забвение...

***

Очнулась Ольга от того, что кто-то гладил ее по голове. «Мамочка, мамочка моя родная. Какие у тебя руки холодные, как приятно...»

– Оленька, милая, ты как? Пить хочешь? – это был не мамин голос.

Ольга открыла глаза, и кошмар вернулся. В темном сыром помещении, откуда недавно она вытащила Серого, теперь находилось несколько человек. Юля сидела около Ольги, положив ее голову к себе на колени, Серый держался за голову, Олег, прикрыв глаза, сидел на полу, прижавшись спиной к стене.

– Господи, что это было? – застонала Ольга.

Олег очнулся, посмотрел на Ольгу:

– Ты опять нас спасла...

Ребята долгое время подавленно молчали, каждый по-своему переживая недавнее событие.

– Жрать хочется, – нарушил тишину Серый.

Ольга вспомнила, что у нее в кармане есть шоколадка. Поделила плитку на четыре части и предложила каждому. Все, кроме Олега, с жадностью съели по небольшому кусочку шоколада. Олег, закрыв глаза, не шевелился. Ольге очень хотелось проверить состояние его зрачков – на месте ли.

– Олег, Олег, – позвала она его.

Олег очнулся и посмотрел на Ольгу серыми глазами, пол-

ными какой-то тоски и печали.

– Ты как? – спросила Ольга.

– Нормально, – отрезал он.

В камере опять повисла напряженная тишина.

– Слушайте, надо поговорить. Молчать нельзя. Если мы это не обсудим, то свихнемся поодиночке, – нарушила молчание Ольга.

– Я согласна, нужно говорить, нужно все вспомнить и решить, что делать, – поддержала ее Юля.

Олег продолжал молчать, уставившись в пустоту. Серый с любопытством рассматривал Юлю.

– Я тебя помню. Ты из нашего лагеря. Мы еще в самолете вместе летели, – обратился он к Юльке.

– Да, я тоже тебя помню. Тебе куча пацанов деньги должны, всех в карты надул и материшься как сапожник, – ухмыльнулась Юля.

– Я не жульничаю в карты. Просто умный очень. И простым матом больше не ругаюсь, Ольга новым словечкам обучила, – обиженно бурчал Серый.

– Да-а? Как интересно! Оленька у нас ругаться умеет? – с любопытством посмотрела на подругу Юля.

– Ага! Знаешь, как круто звучит. Щас, дай вспомнить... Вот! Зик-курят, «пи-и-ип», мундук, «пи-пи-пи», – улыбался Серый.

Юля и Ольга дружно рассмеялись. Серый продолжал дурачиться и рассказал Юле анекдот с «пи-и-ип». Юля пока-

тывалась от хохота, Ольга тоже расслабилась. Только Олег продолжал сидеть неподвижно с отсутствующим выражением лица.

Ребята посмотрели на Олега и перестали смеяться. Опять повисла тишина.

Вдруг Олег заговорил:

– Я умер...

Все удивленно переглянулись – умом, что ли, тронулся парень.

– Я умер... Я видел, как моя душа уходит, но летит она не к свету, не к Богу, а это чудовище забирает ее...

– Я тоже это почувствовала, – тихо сказала Юля, – это так страшно. Ничего не можешь поделать. Ты вроде бы и жив, но и мертв одновременно. Тело тебя не слушается, душа тебе не принадлежит, вообще не понимала, кто я, что я. Я Юля Князева или камень? Или пыль? Полный вакуум. И, только когда жуткий крик прервал этот “Хор”, я очнулась, и меня какой-то дрянью тошнить стало.

– Да уж, ну и зрелище там было! – включился в разговор Серый. – Я одного не пойму. Откуда эти амбалы взялись? Такие уроды! Такого же по правде не бывает? Да?

Серый посмотрел на ребят, ожидая услышать объяснение странных событий.

– Тебя Сережей звать? – спросила Юля.

– Да, ребята кличут Серый, – пояснил парень.

– Я тебя Сережа буду звать, можно?

– Меня так только мамка покойная звала, я уже и забыл...

– Сережа, здесь странные вещи происходят. Иногда кажется, что ты в кино, настолько все неправдоподобно... – начала объяснять Юля.

– Я понял! – Сергей хлопнул себя по лбу, но, видимо голова еще не совсем прошла после «шлепка» странных существ. – Блин, больно как... Я понял! Нас снимает скрытая камера, мы типа как в реалити-шоу «Дом-2» или «Последний герой». Это все постановочные кадры и спецэффекты, а ты, – он показал на Юльку и Олега, – и ты – актёры. Да?

В голосе у Серого было столько надежды, что Юля вздохнула только молча покачала головой: “нет.”

– Я начал умирать еще в прошлом году, – вдруг заговорил Олег, – они такому нас обучили, что я сразу почувствовал себя если не богом, то очень близко к нему, этаким Олег Всемогущий. А почувствовав вкус власти и вседозволенности, стал мечтать о большем. И это могло дать только Братство. Большинство самых успешных и богатых людей мира состоят в этом Братстве. Их можно отличить по одному признаку... И если ты принят в их среду, то ты – небожитель. Мне остался один шаг – Посвящение. И я его не прошел... – монотонным голосом говорил Олег.

Ольга с ужасом на него смотрела, ничего не понимая.

– Я вмешалась, чтобы спасти свою подругу и тебя, Олег... – стала оправдываться она.

– Они забирают души и у тех, кого приносят в жертвы, и у

тех, кого принимают в Братство, – продолжал говорить Олег, не обращая внимания на растерянную Ольгу.

– Из этих ребят, – он махнул головой в сторону Юльки и Сергея, – они делают наших рабов, а из нас – рабов этих уродов... Кто же они? – наконец Олег вышел из шокового состояния.

Ольга внимательно посмотрела на друга, оценивая, сможет ли он сейчас воспринимать информацию:

– У меня есть версия, может, она сыrovата, но я попробую ее донести...

– Так это что, все взаправду? – перебил ее Сергей.

– Да! – хором ответили Олег, Ольга и Юлька.

– Во, блин, попали!

– Все, успокойся, дай человеку слово, – остановила его Юля.

Ребята посмотрели на Ольгу:

– Ну, говори, пожалуйста!

– Хорошо, начну. Версия сыrovатая, как я уже сказала, но это единственное объяснение всему происходящему. Все очень интуитивно складывается из кусочков, обрывков. Некоторым вещам я не могу дать объяснение вообще, некоторые не понимаю, потому что мало знаю... Ну ладно...

История эта началась тогда, когда закончилась история легендарного государства – Нового Вавилона. В 538 году до нашей эры персидский царь Кир, прозванный за свои подвиги Великий, покорил Бибилим – это иудейское название Ва-

вилона, что означает «врата бога». До этого мало кто мог представить, что утопающий в роскоши Вавилон, вызывающий зависть и раболепное поклонение чуть ли не всего мира, падет в один миг. В то время реальная власть в государстве принадлежала жрецам и аристократам. Жрецы передавали свои знания на протяжении многих веков только избранным, тем, кто отличался выдающимися способностями и здоровьем. Но зато такие качества, как милосердие, человеколюбие, любовь, были им незнакомы... Все делалось в угоду личным амбициям и желаниям... Жрецы знали астрономию, математику, магию, мантику, медицину, искусство заклинаний и заговоров, времяисчисление, религию и прочее. Халдейские астрономы знали, что солнечный год составляет 365 дней и одну четверть суток. Вавилонские жрецы широко использовали транс.

Когда Вавилон пал, то Кир Великий захватил большую часть аристократии и жрецов в плен, но маги не были бы магами, если бы не смогли предугадать трагические события. Пока последний вавилонский царь пьянствовал в храме, сильнейшие маги и семьи аристократов, прихватив все самое необходимое, покинули земли, простертые между Тигром и Евфратом. И куда же они бежали? А возвращались они на родину, туда, откуда началась история древнего могущественного народа – на Урал. В руках у них была сила – знания. В сердце – алчность и властолюбие. И порешили они не «плодиться и размножаться», как примитивные «божьи

твари», а найти способ жить вечно и править миром тайно. Способ жить вечно они нашли – души людей как прекрасный источник энергии. Обещая власть и могущество простым смертным, они требовали только их душу – сюжет, знакомый до слез... А еще им всегда нужны были простые рабы. Вавилонское царство всегда держалось на несметном количестве рабов. Знаешь, – обратилась Ольга к Олегу, – я думаю, что многие герои истории человеческой, которые развязывали грязные кровавые войны, являются их «воспитанниками». Там же и те, кто разрабатывают «спасение от голода» – генно-модифицированные продукты, там те политики и бизнесмены, чьи поступки противоречат здравому смыслу... Ладно, что-то я разошлась, как на митинге выступаю... Я только одного не понимаю. Вот есть некоторые известные персонажи. Их имена мелькают по ТВ, соцсетях и на страницах всех журналов – от желтой прессы до «глянца. Молодежь подражает им, а что они делают и говорят, на что тратят свою известность? Цель только одна – известность любой ценой, поклонение масс, которых сами же называют лохами, и, конечно же, деньги, которые, как известно, не пахнут. Их бы энергию, да в мирных целях, – вздохнула девушка.

– Ты че, как старушка, ворчишь? – удивленно посмотрела на Ольгу Юля.

– Да, ты права. Не мое это дело, на что жизнь популярного человека тратится. Только уроки истории забывать нельзя. «Вавилонской блудницей» назвали в Библии древнее цар-

ство. Жадность, алчность, разврат – основные качества жителей города... И, чем это закончилось, вы можете узнать из учебников по истории.

Ольга испытывала раздражение от того, что вместо поиска выхода из сложившейся ситуации прочитала лекцию в стиле тетеньки-училки «какая у нас бестолковая молодежь».

– Я с тобой согласен... – тихо сказал Олег.

– Что? – удивленно посмотрела на него Ольга.

– Я согласен с тобой, – повторил он громче. – Я, после того, как в прошлом году приехал из их лагеря, мог думать только о том, каким я стал и каким могу стать. Я видел, как высоко взлетели те, кто вступил в Братство, какая власть у них в руках. Мысли о будущем могуществе пьянили меня. Я стал смотреть на людей через призму – нужен мне этот человек или нет. Меня не трогали беды простых людей. Они живут в другом мире, они – серая масса, гегемоны, электорат, мясо под пушки. А я рядом с теми, кто вершит их судьбами... Мерзко...

– Ты не такой! Неправда! – Ольга вскочила на ноги и подбежала к Олегу. – Я немного, но успела тебя узнать. Ты помнишь, как спас меня от насмешек на дискотеке? Когда девчонки нарядили меня, как новогоднюю елку? А Колька? Ты же не выдал его, хотя он и подлец. Это неправда, ты не такой, как Альберт, как Кристинка или Лелька.

– Я мог бы им стать! Это ты другая, и с тобой я иногда вспоминал, что у меня есть душа, – воскликнул Олег.

Ольга с удивлением смотрела на парня, и ей хотелось еще раз услышать эти слова, но дверь в камеру неожиданно со скрипом отворилась, и в темное помещение вошла заплаканная... Леля.

***

Лельку с трудом можно было узнать. Волосы, у когда-то милой блондинки, заметно отрасли, и черные корни «прекрасно сочетались» с черными неухоженными бровями, которые когда-то были идеальными. Без туши и подводки, глаза Лели не казались уже такими большими и чувственными. Грязная, неуклюже сидящая одежда цвета хаки только подчеркивала худобу и тоненькие, с кривизной ножки. Ольга поразилась тем переменам, которые произошли с Лелей без тщательного ухода за столь короткое время. Леля обвела всех ребят затравленным взглядом и громко разревелась. Ольге стало стыдно за свою неприязнь к этой несчастной девочке. Она подошла к рыдающей Леле, обняла ее:

– Ну, все, все, успокойся... Мы с тобой, не плачь. Хочешь пить? Есть кусочек шоколадки, – приговаривала Ольга, поглаживая Лелю по спине.

Наконец, Лелька перестала рыдать, села на пол рядом с Ольгой. Ребята смотрели на нее и ждали, когда та совсем успокоится и сможет объяснить свое присутствие в «столь замечательном месте», как пошутил Олег. Лелька, всхлипывая, быстро затараторила:

– Я ничего не понимаю! Утром всех подняли на час рань-

ше, приказали быстро собирать вещи, а какие у нас вещи – только то, что на нас, и говорят, что сегодня все едут домой. А так как машины за нами должны прийти только вечером, то все просто сидели в зале, где кино вечером показывают. За нами следили только охранники, эти здоровяки с белыми глазами, жуть какая-то. Вдруг приходит Альберт, я узнала его, мне Кристинка фото показывала, где она с ним на лыжном курорте. Он всех своим царственным взором обвел и на мне остановился. Альберт меня позвал к себе и говорит, чтобы я следовала за ним.

Я думала, что меня к вам в лагерь решили отправить, увидели, что я от этого быдляка отличаюсь, – Юлька и Сережа удивленно переглянулись и хотели что-то сказать, но Ольга прижав палец к губам, остановила их. – А он по дороге идет, молчит. Я хотела его спросить, куда иду, что делать буду, Кристину хотела увидеть, мы же подруги с ней... Ее мама и помогла мне сюда приехать, говорит, что если получится, то найдет способ меня к вам, в правильное место, перевести. Я подумала, что меня сейчас к вам и отводят, а они запихнули за решетку и ничего не объяснили.

В Ольге боролись два противоречивых чувства: с одной стороны, она испытывала острую жалость с Лельке, с другой – внутренний голос говорил ее, что с этой жалкой девочке что-то не так. Особенно покоробили ее слова Лельки «этот быдляк». В Лельке чувствовался жуткий комплекс неполноценности, что она не такая, как дети из ее школы. Ей посто-

янно приходилось притворяться и лезть из шкуры, чтобы доказать свою причастность к «элите». Все ее усилия вызывали только насмешки и презрение у одноклассников. Любили Лельку только учителя. Она неплохо училась, была абсолютно послушна, тиха и покорна в школе. А что она делала вне школьных стен?

Ольга, как тогда в самолете, почувствовала грязный осадок при мысли о «свободном времени» Лельки, но решила, что это не имеет никакого значения в сложившейся ситуации, и сказала решительно:

– Все, закончили со слезами и унынием. Надо начинать действовать. У кого будут какие-либо предложения?

Ребята посмотрели на Ольгу с удивлением – ее решительный и деловой тон немного развеял унылую атмосферу в ка-мере.

– Ну, я не знаю, – очнулся Сергей, – у меня были отмычки, но, когда эти монстры меня встряхнули, те, наверное, выпали.

– Я тоже не знаю, как выбраться, – сказала Юля.

Повисла тяжелая пауза. Ребята, вспоминая события прошедшей ночи, понимали, что легких путей не будет, и одно только воспоминание о чудовищах заставляло сердце замирать от страха.

– Я знаю, – тихо сказала Лелька.

– Ты? Откуда? Альберт, что ли, ключик дал – иди, мол, потусуйся, а когда надоест, выходи, – ухмыльнулся Сергей,

ему явно Лелька очень не нравилась.

– Меня, когда Альберт в башню привел, – не обращая внимания на Серого, как будто бы он не существовал, продолжила вдруг оживленно Леля, – оставил за дверью на этаже, который выше тюрьмы. Я услышала, как он спрашивает, куда меня поместить. Я-то все думала, что меня в нормальный лагерь переводят, и очень удивилась, поняв, что ошибаюсь. Тот, с кем Альберт советовался, говорит: «Отправь ее к этим героям. Скоро все они одинаковыми будут. Пусть напоследок налюбуются друг на дружку». И захохотал. У меня от его смеха мурашки по коже побежали. А Альберт и говорит: «Много их сразу в камере станет, больно умные там сидят, вдруг догадаются, как сбежать можно».

А этот, который страшно смеялся, и говорит: «Хотел бы я посмотреть, как они по реке страха поплывут, вот это зрелище было бы. Знали бы они, что их в реке ждет, сами бы к нам пришли... Но рисковать нельзя, материала мало осталось. Все, иди! Надеюсь им повезет, и никто из них не найдет выхода»... Вот, что я подслушала под дверью. А когда Альберт вышел, он меня за локоть взял и поволок вниз. Я поняла, что меня в подземелье ведут, стала плакать, умолять его, а он внимания не обращает. Охранникам передал и ушел...

– Охранникам? Каким охранникам?! – Ольга удивленно посмотрела на Серого. – Я когда ночью сюда спустилась, то ни одного человека или, как назвать этих безглазых монстров, не встретила.

Но ребята не обратили внимания на Ольгино замечание. Все начали обсуждать услышанное от Лели.

– Значит, выход есть, – размышлял вслух Олег, – но это какая-то «река страха». Почему эта «мумия» сказала, что общение с ними лучше, чем река страха?

– Интересно, может там чудовища плавают, пострашнее этих? – выдал версию Сергей.

Какое-то время ребята бурно обсуждали различные версии «реки страха», но так и не пришли не к какому-либо выводу. Наступила тишина. Ребятам очень хотелось есть, да и холод и сырость камеры не придавали оптимизма. Вдруг Лелька встрепенулась, быстро вскочила на ноги, подошла к стене и приложила к ней ухо.

– Ты чего? – спросила Ольга.

Но Лелька, прижав палец к губам, мол, тише, жестом позвала ребят к себе:

– Послушайте, только не шумите. У меня абсолютный музыкальный слух...

Ребята прислонились к влажной и скользкой стене подвала.

– Я ничего не слышу, – сказала Юлька.

– Ой, я, кажется, слышу... Как будто бы шум воды, – Ольга посмотрела на Олега.

– Да, если помолчать, то можно услышать, как будто где-то водопад... – У Лельки блестели глаза. – Я чувствую, что где-то здесь есть потайная дверь, надо ее найти!

Лелька, ни на кого не обращая внимания, стала, ползая, ощупывать каждый камешек стены.

Ребята, не шевелясь, удивленно на нее смотрели.

– Есть! – закричала Лелька, но, опомнившись, зажала рот рукой и тише сказала: – Я нашла...

Она яростно, ломая ногти, стала ковырять щель в стене между камнями. Нашла какой-то рычаг и потянула за него, но сил явно не хватало.

– Дай я, – Сергей подвинул Лельку.

– Я помогу, – присоединился к нему Олег.

Вдвоем они с трудом потянули за рычаг, и часть стены медленно, со скрипом отъехала в сторону. Шум воды стал отчетливо слышен, но темнота за таинственной дверью была абсолютной.

Никто не решался войти первым во мрак.

– У меня есть фонарик, – тихо, не отводя взгляда от темной дыры, прошептала Ольга.

Она достала из кармана куртки чудом уцелевший фонарь и передала его Олегу.

Олег, вроде бы не робкий парень, не решался приблизиться к жуткому проему. Он направил луч света с того места, где стоял, но лучше видно не стало.

– Ну что, пойдём? – спросил Сергей.

– Страшно как-то, – прошептала Юля.

– А почему они назвали это рекой страха? – подала голос Ольга.

– Вон какой ледяной холод и ужас веют оттуда! – передернулась Лелька.

– Ну что делать будем? – спросил Олег.

– Не знаю, – почти хором ответили ребята.

– Надо идти... – как-то без энтузиазма предложил Олег, но никто его не поддержал.

Они, наверное, долгое время еще мялись в нерешительности, но вдруг раздался скрип открывающейся тяжелой двери в подземелье. Страх вновь увидеть «ящеров-жрецов» оказался сильнее неизвестной «реки страха», и, подталкивая друг друга в спину, ребята рванули в темноту. Массивная каменная дверь неожиданно быстро за ними закрылась, и ребята остались стоять в полной темноте. Был слышен только шум далекого водопада да плеск ударяющихся о каменный берег волн.

Вдруг, явно за мощной дверью, раздались чьи-то голоса, а потом неудержимый, зловещий хохот.

– Мне страшно, – захныкала Лелька.

– Где фонарь? – спросил Олег.

– У тебя, я же тебе его дала, – напомнила Ольга.

Олег направил луч света впереди себя, и то ли глаза ребят привыкли к темноте, то ли неяркого света от фонарика было достаточно, наконец, они стали различать кое-какие силуэты. Стояли они на узком каменном берегу подземной реки с быстрым течением.

– Смотрите, лодка! – воскликнула Лелька.

– У тебя не только слух, но и зрение особенное, как у летучей мыши, – усмехнулся Сергей.

В каменный пол вмонтировано железное ржавое кольцо, к которому привязана старая веревка. Сергей потянул за веревку, и фонарь осветил необыкновенную лодку.

– Ах! – дружно изумились ребята.

А Ольгу словно парализовало: это была лодка из ее сна!

Золотая, изрезанная неизвестными письменами, обрамленная по контуру драгоценными камнями.

– Ну ни фиги себе! Такой лодки на всю жизнь хватит, чтобы безбедно жить! – Воскликнул Серый. Он уже забирался в раскачивающуюся лодку. Глаза его возбужденно блестели, и он пытаясь ногтями выковырять драгоценные камушки. Лелька, радостно хлопая в ладоши, полезла за ним.

– Ты что остолбенела? – подтолкнул к лодке Ольгу Олег.

– Нам нельзя на ней плыть... – тихо, все еще находясь в шоке, проговорила Ольга.

– Оль, у нас выхода нет. Давай в дверь постучимся, а вдруг “ящеры” в добрых дяденек превратились и нас обнимут, расцелуют, скажут, что пошутили... Брось. Из двух зол выбирают меньшее. Страшнее того, что мы с Юлькой пережили, быть не может. Все, давай. Прыгай, – Олег забрался в лодку и протянул руку девочкам, оставшимся на каменном берегу.

– И вправду, Оль, надо идти. Я к ним больше не хочу. Ты себе представить не можешь, как это жутко, когда к ним душа улетает, а тело подчиняется не тебе, а только этим мон-

страм! Давай, залезай, – уговаривала подругу Юля.

Ольга последняя забралась в лодку. Села с краю, сжавшаяся, маленькая, как испуганный мышонок.

«Что там во сне было? Я плыву в золотой лодке. Вдруг Лелька-змея вползает и начинает меня душить, я ее ранила и вышвырнула... Еще там Кристинка-крыска с красным маникюром была... Ребята в форме хаки с пустыми! глазами просили им что-то отдать, потом водопад, Мардук... Ерунда какая-то...» – Ольга понимала, что страх, сковавший ее, мешает ей думать, но ничего не могла с этим сделать.

– И почему этот канализационный сток называют рекой страха? – удивлялся яповеселевший Сергей. Ему уже удалось отковырять пару камешков, и он увлеченно пыхтел над большим сапфиром.

У лодки не было весел, течение быстро несло ребят в неизвестность.

– А мне и не страшно, – сказала Юля, – мы, наверное, полчаса плывем. Уже давно что-нибудь случилось, если бы это было запланировано жрецами. Мне вообще, кроме этих «ящеров», уже ничего не страшно.

– А я змей боюсь, аж цепенею вся, – подхватила тему Лелька.

– Я только смерти родных боюсь... Когда мамка умерла, за ней папка окочурился от пьянки, потом через несколько месяцев у бабули сердечный приступ... – Сергей перестал бороться с сапфиром, помрачнев от страшных воспомина-

ний. – Да ладно, все фигня, зато бояться больше не за кого!

– Я теперь только душу потерять боюсь, – тихо добавил Олег. – Оль! Оль! Очнись!

Ольга вздрогнула и наконец вышла из ступора:

– Что, Олег? – вяло переспросила она.

– Оль, а ты чего боишься? – спросила Лелька Ольгу.

Та удивленно на нее посмотрела:

– Ты о чем?

– Ну, мы сейчас говорили о своих самых страшных страхах. Я, например, змей боюсь, Юлька – жрецов, Сережа – смерть близких, Олег – потерять душу. А ты? Чего ты боишься? – Лелька внимательно смотрела на Ольгу.

– Я? – Ольга на время задумалась, – я боюсь все, что вы перечислили, и еще вагон всяких вещей.

– Нет, скажи самый-самый свой страх, – настаивала Юлька.

– Отстань, не знаю... И вообще, кажется мне, что лучше о своих страхах в этом месте не говорить... – Ольга отвернулась от ребят. – А слышит ли кто-нибудь, что водопад совсем близко?

И на самом деле лодка, вдруг подхваченная быстрым течением, неумолимо приближалась к обрыву. Ребята вцепились за борта золотого суденышка, которое вертелось и раскачивалось все сильнее, готовое выбросить их за борт. Несколько раз ребят бросало на стены туннеля, и было удивительно, что лодка еще не разбилась. Но вот на несколько секунд сума-

шедшее движение остановилось, и дальше все происходило как в замедленной съемке: лодка, замерев на миг над пропастью и словно размышляя, прыгать или не прыгать, отчаянно бросилась вниз... Ребята к криком падали вместе с ней, кто-то – все еще оставаясь в ней, кто-то летел рядом... Плюх! Лодка разбилась, золотые обломки всплыли на поверхность, головы ребят, наконец, тоже появились на виду. Олег крутился в воде, стараясь рассмотреть всех, Сережа держался за остаток лодки и не терял надежды прихватить с собой этот небольшой, но очень дорогой кусочек, когда-то бывший лодки. Лелька старалась держаться поближе к Олегу. Ольга и Юля помогали друг другу отдышаться.

Только сейчас ребята обратили внимание, что находятся в очень странном месте: помещение, куда падал водопад, больше напоминало подземный бассейн: круглый, освещенный факелами, украшенный драгоценными камнями и металлами. Вода вдруг остановила свое течение, как будто замерла. Казалось, что перестает двигаться все – живое и не живое. Ребята постепенно переставали суетиться и двигаться в воде. Тела их успокоились и расслабленно раскачивались в такт с неизвестно откуда взявшейся музыки. Но эти, как показалось ребятам, прекрасные звуки были нарушены диким криком. Леля отчаянно била руками по воде, с ужасом озираясь вокруг:

– Прочь, скользкие твари, прочь! – Леля уже почти скрылась под водой, хватаясь за горло, и глаза ее наполнялись

ужасом и кровью.

– Что с тобой? Леля, посмотри на меня! Что с тобой? – Олег с трудом удерживал бьющуюся в истерике Лельку над водой.

Он старался подплыть к небольшому выступу у стены, чтобы забраться на него. Лелька продолжала отмахиваться от невидимых для остальных тварей. Олег забрался на узкий берег и подтянул Лельку.

– Успокойся! – Олег развернул Лелю лицом к себе и пытался поймать ее бешеный взгляд. – Посмотри на меня!

Но Леля, казалось, совсем не слышала Олега. И только удар звонкой пощечины на мгновение привел ее в чувство. Она удивленно посмотрела на Олега, держась за левую щеку, и жалобно сказала:

– Там змеи, много ужасных змей, ничего страшнее я не видела...

– Там нет змей, посмотри! Оля, Юля, Сергей! Вы видите змей? – Олег взял руки Лели в свои и, смотря пристально ей в глаза, пытался удержать ее более или менее осознанный взгляд. – Смотри только на меня: тебе это кажется. Змей нет. Поняла?

– Да, – еле слышно пролепетала Лелька, борясь с искушением, чтобы не посмотреть в воду.

Ребята уже все забрались на узкий каменный берег и с тревогой наблюдали за происходящим.

Юля, прищурившись, напряженно вглядывалась в темно-

ту:

– Змей там нет, но я вижу, что из темноты кто-то на нас смотрит...

Ребята тут же оглянулись в сторону, куда показала Юля.

– Я ничего не вижу, – ровным голосом сказал Олег.

– Я тоже, – подтвердили хором Сергей и Ольга.

– Змеи, их там еще больше! – заорала пуще прежнего Лелька.

– Нет, это «ящеры-жрецы», – у Юли появился такой же безумный взгляд.

– Успокойтесь! – Олег отчаянно пытался привести в чувство двух орущих девчонок, но в какой-то момент вдруг обмяк, сел на колени, наклонился вперед и заплакал:

– Она улетает, отдайте мне мою душу, пожалуйста.

Ольга, с ужасом наблюдавшая за этим всеобщим помешательством, только краем глаза заметила, что и Серый явно не в себе. Парень, не двигаясь, стоит, прислонившись к стене «бассейна», и, не моргая, смотрит на ребят.

Ольга дернула его за руку, чтобы вывести из ступора:

– Сережа, я с тобой, посмотри на меня!

– Умерли, они все умерли, – еле слышно шепчет Сергей.

«Они все сошли с ума, – думала про себя Ольга, наблюдая за своими кричащими от ужаса, друзьями. – Интересно, я уже помешалась, видя все это, или еще у меня есть время?.. В лодке они говорили про страхи. И видит каждый то, что больше всего боится... А я что сказала? Я сказала, что «бо-

уюсь все то же самое и еще вагон и маленькую тележку»... Ну, молодец! Представляю, что со мной может быть!»

Ольге всегда помогали успокоиться и отвлечься глубокие размышления. Она поняла, что единственный шанс спасти своих друзей – это хладнокровно обо всем поразмыслить. Но в условиях, где все орут, визжат от ужаса и плачут, сделать это очень сложно, почти невозможно.

Она закрыла глаза и зажала ладонями уши, чтобы отвлечься. Но странное дело, вместо ожидаемой тишины и темноты она увидела совсем другую картинку. Реальность как будто изменилась, вернее сказать, что на реальную картину, где ребята испытывали каждый свой невидимый кошмар, как будто бы наложили еще одну. В новой картинке на плечах у ребят, на полу, на стенах сидели, висели вниз головой маленькие существа. Они были покрыты грязной мохнатой шерстью, с длинными передними и короткими задними лапками. Мордочки их напоминали мордочку обезьяны-кардинала и мопса одновременно: большие глаза, острые зубы, противный смех. От неожиданности Ольга вздрогнула и открыла глаза. Ничего не изменилось: ребята продолжали уходить каждый в свой страх. Она опять закрыла глаза и вдруг вспомнила слова учителя: «Видеть и смотреть – разные вещи. Почувствуй разницу».

– Ага, проведем эксперимент... Я вижу – каждый сходит с ума по-своему, страхи у них в голове.

Теперь закрою глаза... О! Привет! А вы кто такие? Сиди-

те на плечах моих друзей, щекочете им ушки и заливаешься смехом. Вам смешно? – не открывая глаз, заговорила Ольга с маленькими мохнатыми существами.

Те удивленно повернули головки в сторону Ольги.

«Они меня понимают, и ребята становятся спокойнее, когда эти сущности отвлеклись, – пронеслась быстрая мысль, – надо продолжать болтать с ними...»

– У, какие вы миленькие, маленькие. И ушки у вас такие большие, и глазки. Ну просто души, – тараторила Ольга всякую чушь.

Мерзкие сущности, особенно те, кто «развлекал» Олега и Юлю, сползли с их плеч и забрались на спину к Ольге. «Странно, почему до этого они меня не замечали? Наверное, потому что я не озвучила свой страх и не успела испугаться. Сначала я с удивлением наблюдала за тем, что происходит с ребятами, а потом стала размышлять, что же с этим делать».

Мохнатые гадости в это время начали что-то нашептывать Ольге на ухо. Шепот их был противным, каким-то скрипучим, жарким и тревожным. Ольга неожиданно расхохоталась. Твари удивленно уставились на нее. Ольга продолжала хохотать все залиvistее и громче, интуитивно найдя оружие против страха. Сущности разочарованно стали сползать с Ольги и направились снова к Олегу, который за то короткое время, когда твари оставили его и переползли к Ольге, успел немного оправиться и с удивлением смотрел на хохочущую с закрытыми глазами Ольгу. Она, заметив, что сущ-

ности покидают ее и снова направляются к Олегу, рванула к нему, спотыкаясь об орущую Юлю, чуть не свалилась в воду из-за размахивающей руками Лельки.

– Закрой глаза и смейся! – закричала она Олегу. – Эти гадости питаются вашим страхом! Смейся, не подпускай их к себе!

Олег, ни о чем не переспрашивая, закрыл глаза и начал смеяться сначала робко и натужно, но потом, явно рассмотрев приближающихся к нему лохматых существ, от страха стал смеяться все громче и громче. Твари остановились, удивленно уставившись на него, стали оглядываться в поисках других жертв. Потеряв интерес к Ольге и Олегу, они посеменили на своих коротеньких ножках к другим ребятам. Хотя там все «места были заняты», лохматые существа подвинули сородичей. Особенно сильно были облеплены этими тварями Сергей и Лелька.

– Беги к Лельке, – крикнула Ольга Олегу. – Я – к Юле, она быстрее выйдет из страха.

Олег бросился к борющейся с невидимыми змеями Лельке. Крепко обнял ее сзади и стал что-то шептать ей на ухо, не забывая закрыть им обоим глаза. Так он видел, что происходит на самом деле. Лелька наконец услышала Олега, и, когда зажмурилась крепко, заметила существ на своих плечах, руках, ногах. Закричала еще больше, попыталась вырваться из крепких рук Олега и, конечно же, открыла глаза. А с открытыми глазами она видела змей. Страх перед змеями оказал-

ся сильнее, чем вид странных, но по сравнению со змеями «милых» существ, и поэтому вскоре Олегу удалось убедить Лельку смеяться...

Осталось вывести их страха Юлю и Сергея. С Юлей Ольга справилась достаточно быстро, так как та послушно выполняла все команды Ольги.

– Закрой глаза. Видишь их? Не бойся! Они питаются нашими страхами. Если ты начнешь смеяться, то они уйдут, потеряв к тебе интерес. Поняла?» – Ольга гладила Юльку по голове и спокойным голосом шептала ей на ухо команды.

Юля послушно кивала головой. Закрыв глаза, она через какое-то время начала смеяться, и когда Ольга узнала залистый Юлькин смех, то поняла, что та справилась. Осталось дело за Сергеем. Ольга подползла к нему и закрыла глаза, чтобы увидеть, что происходит с Серым, и отпрянула в шоке. На Сереже не было «живого места»: твари плотно облепили все тело, голову и руки парня. Чтобы подобраться к нему, нужно было прижаться и к этим существам, которые норовили перелезть и на Ольгу.

«Со стороны, наверное, смотрится просто уморительно, – думала про себя Ольга, – ползу с закрытыми глазами на коленях по скользкому выступу, чтобы не грохнуться в воду, машу руками, отгоняя невидимых мух, и еще периодически хохочу, как чудная».

Вообразив эту картину, Ольге удалось создать смешливое настроение, чтобы твари не лезли на нее. Наконец, немно-

го освободив место около Сергея, она стала шептать ему на ухо то, что говорила Юле. Но с Серым справиться оказалось сложнее. К его страху примешалась и боль. И если закрыть глаза он согласился, то смеяться не мог. Боль от потери близких людей парализовала и опустошила его.

– Сереженька, послушай меня, – умоляла Ольга парня, – видишь этих мохнатиков? Вот они все страшные картинки нам и вбивают в головы, а мы ведемся. Надо рассмеяться, и они уйдут, хорошо? Посмейся, пожалуйста!

– Умерли, все умерли... – продолжал Сергей.

– Кто умер? – Ольга решила поменять тактику и войти в диалог с Серегой.

– Все! Юлька, она мне понравилась очень, Ольга, Олег и эта, склизкая Лелька.

– Да нет же! Мы живы! Посмотри на нас! – кричала Ольга, продолжая периодически смеяться, чтобы согнать тварей, которые уже слезли со всех ребят и дружно взялись за Сергея.

– Ко мне! Подойдите все ко мне! – закричала Ольга своим друзьям. – Я знаю, что надо делать! Быстро садимся вокруг Серого, берем за руки и дружно хохочем! Это должно помочь.

Без промедления ребята плотным кольцом расселись вокруг Сергея, взялись за руки и, не открывая глаз, начали неистово хохотать. Обезумевшие твари, оглушенные невыносимыми для них звуками, пытались вырваться из плот-

ного кольца смеющихся людей, мерзко визжали, зажимали уши, но ребята продолжали смеяться заливисто и радостно, видя, как корчатся в конвульсиях сущности, а затем неожиданно лопаются, как мыльные пузыри, оставляя после себя небольшое серое зловонное облако. Наконец, когда лопнул последний «мохнатый шарик», ребята обессиленные повалились на пол. Серый громко заплакал, но слезы эти были похожи больше на очищение, чем на боль.

***

Прошло немного времени, ребята пришли в себя, отдышались.

– Да, смеяться, оказывается, тоже труд. Я так устал, будто несколько спаррингов без перерыва провел, – сказал, улыбаясь, Олег.

– Ты боксом занимаешься? – спросила Юля.

– Нет, таэквондо и айкидо.

– Давно?

– С пяти лет – тхэквондо, два года – айкидо, – почему-то смутился Олег.

– А, молодец.

Немного отдохнув, ребята принялись обсуждать дальнейший план действий.

– Вернуться назад мы уже не можем, значит, надо идти вперед, – Ольга задумчиво всматривалась с единственным темный туннель, – наверное, нам туда.

– Я боюсь, – пролепетала Леля.

– Только больше вслух о своих страхах не говори, а то опять этих тварей возродим, – осекла ее Юля.

– Точно, испытывать сейчас страх – непозволительная роскошь в нашей ситуации, – добавил Олег.

Он решительно встал, вытащил факел из крепления в стене и по узкому выступу над водой пошел по направлению к туннелю. Осветив его, он крикнул ребятам, чтобы те следовали за ним.

Леля поняла урок: она так боялась бояться, что пошла за Олегом строевым шагом, размахивая руками, и красивым звонким голосом затянула старую песню: «Легко на сердце от песни веселой». Ребята дружно подхватили песню за Лелькой и бодро, громко шлепая по воде, зашагали по темному туннелю.

Шли они довольно долго, перепев все песни, какие помнили. Факел уже догорел, а воды становилось все больше. Настал момент, когда пришлось плыть. Течение усиливалось, впереди вдруг показался свет.

– Ура, свобода! – закричали ребята.

Течение реки подхватило их, но испуга ни у кого не было, чистое небо дарило надежду на скорое освобождение. Но, когда ребята поняли, что вновь будут падать вместе с водопадом, было уже поздно... Высота устремленного вниз потока воды была огромной.

Ольге показалось, что летели они вечность, при этом на одном дыхании... Широко раскрыв глаза, она успела разгля-

деть сквозь плотную стену воды необыкновенный волшебный мир там, внизу. Казалось, что цвета природы здесь более насыщены красками, чем в привычном ей мире, что это место наполнено другими существами и звуками, хотя какие звуки можно расслышать, падая вместе с водопадом? Каких существ можно рассмотреть за столь короткое время? Но Ольга готова была поклясться, что видела рядом с собой маленьких сверкающих существ, похожих на фе́й из детских сказок. Они какое-то время летели вместе с ней и ласково улыбались ей. Звучала прекрасная, нежная и добрая музыка. Время как будто бы растянулось, пространство изменилось. Полет в водопаде был похож на полет в космосе. Уже перед падением, за секунду как оборвалась волшебная сказка, Ольга успела заметить на краю озера огромного льва с блестящим огромным медальоном на шее и еще странное существо, похожее на дракона. Когда ребята грохнулись в воду озера, льва и дракона на берегу уже не было.

– Эй, все в порядке? – сквозь шум воды послышался голос Олега.

– Да! Да! – ответили ребята.

Леся и Ольга первыми вышли на берег, тяжело дыша.

– Юля где? – крикнул Олег.

Ольга оглянулась назад к водопаду и увидела, что, падая, Юля неудачно приземлилась рядом с камнями. Тело ее безвольно раскачивалось на волнах.

– Нет, Господи, нет! – в отчаянии закричала она. – Она

там, у камней! Олег! Оглянись! Вот там!

Олег, наконец, заметил Юлю и брассом поплыл к ней. Следом за ним метнулся и Сергей.

Ольга не находила себе места, пока ребята осматривали ранения девочки и решали, как перевести Юлю на берег, не навредив ей. Ольга вдруг вспомнила молитву, которой научила ее прабабушка, когда она шестилетней девочкой приезжала к ней в деревню.

– Отче наш, сущий на небесах, да придет царствие твое... – неистово шептала она, закрыв глаза, сжавшись в комочек. – Господи, прошу тебя, сделай так, чтобы с Юлей все было в порядке. У меня только-только появилась родственная душа, я впервые почувствовала, что такое иметь друга. Господи не отнимай у нас Юлю!»

Наконец Олег и Сергей аккуратно вытащили Юлю на берег. Ольга, спотыкаясь о камни, падая, но совершенно не чувствуя боли от острых камней, ринулась к подруге.

– Юля, Юлечка, родная! Очнись! – рыдала Ольга.

– Оля, успокойся! – крикнул на нее Олег. – Дай осмотреть Юльку! Ты мешаешь! Отойди и помолчи, чтобы я мог слышать дыхание.

Лелька взяла Ольгу за плечи и оттащила от Юли.

Олег держал Юлькину руку, нащупывая пульс. Наклонился к ее лицу:

– Она дышит. Я думаю, что все цело и о камни она не ударилась. Возможно, потеряла сознание, когда неудачно упала

в воду.

Он взял Юлю за другую руку, и тут она громко вскрикнула и открыла глаза:

– Рука, – простонала Юлька.

– Что с рукой? – Олег аккуратно ощупывал руку.

– Больно, очень больно! – стонала Юля.

– Что с ней? – спросила зареванная Ольга.

– Не знаю. Может, перелом, может, сильный ушиб. Надо вспомнить признаки перелома и что с этим делать.

– Я знаю! – подала голос Лелька. – Я гимнастику бросила четыре года назад из-за перелома руки. Странно, что в сегодняшних приключениях с ней ничего не случилось.

Она села рядом с Юлей и стала аккуратно ощупывать ее руку. Когда дотронулась до ее локтя, Юля вскрикнула.

– Потерпи, милая, – ласково сказала Лелька. – Я думаю, у нее перелом, хорошо, что не открытый. Надо наложить шину.

– А где мы возьмем шину и бинты? – удивился Серый.

Ольга оглянулась на озеро, куда недавно они «приземлились». Повсюду плавали золотые доски от того, что недавно было их лодкой. Серый понял взгляд Ольги и метнулся в воду. Прихватив несколько небольших обломков, он вернулся на берег. Олег разорвал свою рубашку, которая была надета поверх футболки, на ленты. Лелька ловко сделала из обломков лодки и рубашки Олега повязку и неожиданно захохотала. Ребята удивленно на нее посмотрели.

– Извините, я фильм один вспомнила, «Бриллиантовая рука» называется. Там дяденьке одному, когда он упал и руку сломал, контрабандисты вместе с гипсом драгоценные камни положили.

– Ага! Юлька, теперь твоя песня по жизни будет «Песня про зайцев», – засмеялся Серый и запел: – А нам все равно, а нам все равно. Пусть боимся мы волка и сову. Дело есть у нас: в самый страшный час мы волшебную косим тринтраву! А нам все равно, а нам все равно!

– Кончай придуриваться, – рассмеявшись, остановил парня Олег, – нужно костер развести. Подсохнуть и думать, куда идти дальше, пока маги нас искать не начали.

– А костер как зажечь? Спички в ближайшем магазине купить? – разочарованно спросила Лелька.

– Ошибаешься, дорогуша. У нас, как в Греции, все есть! – Серега торжественно вытащил из кармана большую блестящую зажигалку и мокрую пачку сигарет. Презрительно посмотрел на раскисшие сигареты, на Юльку, потом отшвырнул пачку в сторону:

– Вот и повод бросить курить нашелся. А зажигалка у меня особенная, никакая вода ей не страшна.

– Здорово! Теперь соберем хворост, согреемся, – радовались ребята.

Настроение у всех явно улучшилось. Все, кроме Юли и Ольги, разошлись в поисках хвороста и дров. Ольга сидела около подруги и каждую секунду спрашивала:

– С тобой все в порядке? Рука болит? А голова? Может, еще что-нибудь болит? Ты только говори, ладно?

– Оленька, все будет хорошо. Я от страха потеряла сознание. Кстати, когда падала, успела заметить странные вещи... А полет долгим был, правда? Хотя высота, если посмотреть, не такая уж большая. Но я столько всего рассмотрела да еще успела сознание потерять... А может, это галлюцинация от боли была? – Юлька тихо застонала, пытаясь поменять положение тела.

– Тише, не двигайся. А что ты увидела? Я ведь тоже очень странно себя в падении почувствовала... – Ольга внимательно посмотрела на подругу, ожидая ее рассказа.

– Ну, сначала мне показалось, что мы падаем как-то очень медленно, даже не падаем, а летим... Потом я не могу вспомнить, я вообще дышала или нет... Еще мне показалось, что рядом со мной какие-то светящиеся точки летят и красивую мелодию поют... Еще вдалеке, вон за тем курганом, стоит домик, а рядом с ним фигура женщины, которая смотрит на наш полет... Еще я видела льва и рядом с ним нечто, но я не рассмотрела хорошо, потому что больно ударилась о воду и рядом камней много было... У меня, кажется, бок еще поцарапался, сейчас жжет немного.

Ольга задрала Юлькину рубашку. И на самом деле весь левый бок был в длинных, но не глубоких ссадинах.

– Надо бы идти к этому дому, который ты увидела, чтобы помощи попросить, – Ольга очень переживала за раны Юли.

– Ты уверена, что это безопасно? Может, там тоже какая-нибудь ведьма, питающаяся детскими душами или даже телами, живет? Здесь никому доверять нельзя... Кстати, о доверии... Тебе не показалось странным поведение этой самой Лельки? – спросила Ольга Юлька.

– Я думала об этом, но боялась быть не объективной. Она вместе со мной в школе учится. С виду тихоня и умница. Учителя ее любят, а ребята не очень. Она изо всех сил пытается скрыть, что не такая, как ребята их школы, что ее мама маникюрша, хотя, говорят, очень квалифицированная, и к ней пол-элиты ходит. Я Лелю почти не знаю, а обвинять голословно человека не могу. Но мы все вместе оказались в сложной ситуации, и Леля, как ни странно, достойно себя в ней вела. Она нас, по существу, и вытащила из темницы... – оправдывала Ольга Лелю.

– В том-то и дело! – с жаром перебила ее Юля, попыталась привстать, но, вскрикнув от боли, замерла. – В том-то и дело, что спасла! Как-то все очень масляно получается: удачно подслушала разговор Альберта с магами о реке страха, сама нашла выход в стене, первая заметила лодку в темном тоннеле...

– А зачем этим «ящерам» нужно было, чтобы мы сбежали? – удивилась Ольга.

– Не знаю... Тише, кто-то идет. Потом договорим, – прошептала Юля, заметив выходящую из-за кустов Лелю.

Ольга пыталась по выражению Лелиного лица понять,

подслушивала она или нет. Но та или была хорошей актрисой, или на самом деле ничего не слышала.

– Юль, ты как? Выглядишь уже лучше. Я ягод нашла, немного малины, немного еще каких-то, ежевики, кажется. Поешьте, – Леля, улыбаясь, положила перед Юлей большой лист лопуха, на котором вперемежку лежали горсти две красных и черных ягод.

Ольга и Юля аккуратно, словно Лелька подсунула им отравы, взяли несколько ягодок. Но оказалось, что голод сильнее недоверия. Через секунду на листе ничего не осталось.

– Ой, мы тебе ничего не оставили, прости, – сокрушалась Юля.

– А я у куста поела! Правда, после ягод еще больше голод о себе знать дает.

Пока не было ребят, девочки решили просушить свою одежду. Костер разошелся на славу, да и погода была довольно-таки жаркой. В нижнем белье они валялись на берегу, согреваясь после долгого водного путешествия, и беззаботно болтали, вспоминая недавние события.

– Радуйтесь, женщины! Мужчины вернулись с охоты с добычей! – послышался голос Сергея.

Ольга и Лелька завизжали, бросились к костру, чтобы натянуть на себя не до конца просохшую одежду.

– Вы чего орете? – Сергей вышел из-за дерева, держа в руках пару больших рыб.

– Привет, девчонки! – улыбался Олег, шедший следом за Сергеем.

– Прочь отсюда! – кричали девчонки.

– Во дают, орут как резанные. Ты что-нибудь необычное в их одежде заметил? – спросил Серый Олега.

– Нет, они и на улице такие же полуголые ходят, но там не визжат. А когда промокнут – почему-то стесняются. Странные девочки. Пойдем отсюда. Сделаем костер по соседству, рыбку пожарим, да и сушиться нам тоже надо.

Ребята развернулись, чтобы уйти.

– Эй, стойте, а как же мы? Мы тоже есть хотим! – разочарованно заскулили девчонки.

– Мы стесняемся при вас сушиться, – передразнили парни девононок.

– А позвольте узнать, чем вы рыб поймали? – поинтересовалась Лелька.

– Трусами, – спокойно ответили ребята и скрылись за кустами.

Девчонки удивленно переглянулись и приснули от смеха.

Через некоторое время, когда одежда почти высохла, до девушек донесся вкусный запах жареной рыбы.

– Я пойду на разведку, – Леля поправила прическу и упорхнула к ребятам. Вскоре до слуха Ольги и Юльки донесся ее звонкий смех.

Ольга раздраженно передернула плечами.

– Он тебе нравится? – тихо спросила Юля.

– Кто? – нарочито удивилась Ольга, но, подумав немного, сказала: – Да, очень.

– Иди к ним. Лелька всю дорогу ему глазки строит.

– Не пойду... – надулась Ольга.

В этот момент ветки куста раздвинулись, и появился Олег. На большом обломке от лодки он принес несколько жареных рыб.

– Привет, девчонки. А мы к вам. Серый нашел яблоки, груши. Подойдут к праздничному столу как гарнир.

Следом за Олегом подошли Сергей и Леля. Серый сел около Юли. Для нее он принес отдельный золотой обломок от лодки, на котором лежали несколько кусочков рыбы, запеченное яблоко и большой красивый цветок.

– Это мне? – Юлька чуть не прослезилась.

– Ага, чтоб выздоровела быстрее, – ответил красный, как рак, Серый.

Олег, чтобы не смущать ребят, стал громко рассказывать о том, как они трусами ловили рыбу.

– Для того чтобы объяснить технические подробности ловли рыбы трусами, мне придется, дорогие дамы, приоткрыть тайны своего интимного гардероба. Дело в том, что эти прекрасные шорты удлиненной модели имеют скрытую от посторонних глаз деталь – внутренние, еще одни, с позволения сказать, трусы. Вот этим предметом мы и заманивали рыбку, в данный момент вкушаемую вами.

Олег и Сережа еще долго в подробностях, перебивая друг

друга, делились впечатлениями о столь необычной рыбалке.

Девчонки смеялись до слез. Юля немного морщилась от боли, не в силах сдержаться от смеха. Только Ольга делала вид, что ей так же смешно, как и остальным. Леля, сидевшая рядом с Олегом, заливисто смеялась и норовила, как бы случайно, то плечом, то волосами коснуться парня. Она восхищенно смотрела на него и постоянно вставляла: «Ах, Олег, какой ты смешной!» или «Только ты такое мог придумать». А Олег, казалось, совсем не замечал повышенного к себе внимания. Он, наоборот, рассказывая о «голой» рыбалке, обращался только к Ольге.

Юлька, внимательно наблюдавшая за происходящим, незаметно толкнула Ольгу и еле слышно произнесла:

– Забей, у нее нет шансов.

Поев, отдохнув и вволю посмеявшись, ребята принялись обсуждать, что же им делать дальше.

– Юля видела там, за холмом, какой-то домик и около него женщину. Наверное, больше никаких в округе поселений нет. Надо идти туда, – принялась строить планы Ольга.

– Только у меня есть подозрение, что и этой женщине нельзя доверять, – добавила Юля.

– Мы не можем этого знать, но можем проверить. Самое главное – это привести тебя в порядок, что-то сделать с твоим переломом и ссадинами. Деревенские жители, а особенно те, кто в одиночестве живет в лесу, как правило, умеют справляться с такими вещами народными средствами. Нуж-

но идти к ней, – поддержал Олег Ольгу.

– Хорошо, только давайте мы не будем заходить все вместе к ней в дом. Нам нужно разделиться, – предложила Юля.

Олег поднялся на холмик и посмотрел вдаль:

– Я отсюда не вижу никакого дома, но надо идти. Здесь есть узкая тропинка, может, она выведет нас к домику? Юль, ты как? Идти сама сможешь?

– Конечно, у меня же рука пострадала, а не нога.

– Я пойду рядом. Буду тебя страховать, – тоном, не терпящим возражения, произнес Сережа, помогая Юле встать.

Солнце стояло в зените, воздух был наполнен жарой, и чем дальше ребята отходили от водопада, тем тяжелее становилось идти. Ужасно хотелось пить, да и бессонная ночь, наполненная такими страшными событиями, накладывала свой отпечаток на странное состояние, которое испытывала Ольга, ступая след в след за Олегом. Ей казалось, что природа, окружающая ее, не совсем похожа на привычный с детства пейзаж. Постепенно все становилось к более красочным, сочным. Цветы, травы и деревья были вроде бы теми же, что и в ее привычном мире, но имели какие-то странные, едва уловимые отличия. Например, Ольга стала наблюдать, как вдоль едва заметной тропинки, по которой они шли, начали появляться розы. Вроде бы обычные садовые розы, но непривычного цвета: фиолетовые, синие, зеленые. На них, перелетая с цветка на цветок, появлялись маленькие бабочки с почти человеческими лицами.

– Ты ничего необычного здесь не замечаешь? – тихо спросила Ольга Олега.

– Нет, кроме того, что невыносимо жарко, хочется пить и сил идти почти не осталось. А на ночь в лесу оставаться нельзя. Нас пока не ищут, но, может, уже начали. – Олег говорил тоже тихо, сохраняя последние силы.

«Наверное, у меня тепловой удар, поэтому я вижу такие странные цветы и бабочки с человеческими лицами. Но я пока могу идти, ребятам ничего говорить не буду. Даже Юля терпит боль и не жалуется, идет со всеми молча», – размышляла про себя Ольга.

Внезапно Олег резко остановился:

– Я не знаю, куда идти, – разочарованно уставшим голосом проговорил он.

Ребята тоже остановились и огляделись. Тропинка, по которой они до этого шли, внезапно оборвалась. Впереди – высокий холм, покрытый камнями и колючим кустарником, рядом – другой, более приятный глазу, чуть поменьше, застланный мягкой травой и без острых камней.

– Ой, здесь, кажется, есть ручей, – Ольга раздвинула высокую траву.

Ребята ринулись к ручейку, зачерпывали ладонями прозрачную ледяную воду, все никак не могли напиться. Наконец, в изнеможении упали в траву.

– Куда идти? Я сбился с пути, – нарушил тишину Олег.

Ольга оглянулась на холмы. На том неудобном, что повы-

ше, с колючками и камнями, снова появились цветы и волшебные бабочки.

– Юля, что ты видишь на том холме? – тихо спросила Ольга.

– Ничего, кроме кустов и камней. Этот, который поменьше, симпатичнее будет.

– А розы ты на нем не видишь? – еще тише спросила Ольга подругу.

Та удивленно посмотрела прямо ей в глаза:

– А ты видишь?

Ольга, рассматривая кроссовок, ответила:

– Да, всю дорогу, пока мы шли по тропинке, я видела розы странного, нереального цвета. На фиолетовых, синих и зеленых цветах сидели странные бабочки с человеческими лицами. Я думала, что у меня тепловой удар. Потом, когда тропинка оборвалась, розы пропали. Я очень удивилась, увидев их на этом холме...

Юля немного помолчала и также тихо сказала:

– Я думаю, что это не глюк, а что-то или кто-то тебя направляет. Это своеобразные знаки, чтобы мы с пути не сбились.

Оля хотела что-то ответить, но Юля не дала ей даже рта открыть:

– Я знаю, куда идти, – громко обратилась она к Олегу.

Ольга возмущенно посмотрела на Юлю, но та спокойно продолжала:

– Нам надо подняться, а потом спуститься с этого холма, – она показала туда, где Ольга видела цветы, – я это точно знаю. И не смотрите на меня удивленно. Я же домик видела, когда падала, и, куда идти, тоже знаю... Все, встали и пошли!

Юлька первая встала, поморщившись от боли, но бодрым голосом крикнула:

– Леля! Песню запевай! А мы поддержим.

Ребята нехотя встали, ворча, что надо преодолевать более сложный маршрут, но, когда Леля затянула своим красивым звонким голосом песню, все поддержали ее. Через какое-то время Ольга заметила, что, напевая песню, ребята стараются идти в ногу друг с другом, и, как будто объединив шаги в один большой общий шаг, расстояние наверх холма они преодолели быстрее и без усталости, чем плетясь, в молчании, наедине каждый со своими мыслями. Наконец, забравшись на холм, ребята смогли осмотреться и перевести дух.

Перед ними открывался потрясающий вид. Там, внизу, простиралась изумрудная долина, с одной стороны обрамленная высокими холмами, украшенными причудливыми деревьями и цветами. На одном из таких холмов стоял одинокий белый домик, к которому направлялись ребята. С другой стороны долина заканчивалась скалистым обрывом. А за ним, этим на первый взгляд зловещим обрывом, в мерцающей розово-голубой дымке, как будто висящий в воздухе, находился лес. Все цвета в нем были особенными, словно неизвестный художник добавил в зеленый, голубой, белый

цвета золотую, серебряную и бриллиантовую крошку и нарисовал в воздухе на гигантском холсте сказочный лес, чтобы смягчить впечатление от мрачного и зловещего ущелья.

– Ух, ты! Вот красотища какая! – дружно ахнули ребята.

Они хотели броситься вниз, к домику или к волшебному лесу, но Ольга остановила своих спутников.

– Стойте! Давайте обсудим. Мы уже договорились, что надо быть осторожными и всем вместе заваливаться в тот белый домик нельзя.

– Что же нам делать? – капризно спросила Леля, как бы ненароком касаясь Олега и преданно заглядывая ему в глаза. Олег, не обращая внимания на ее знаки, обратился к Ольге:

– Я думаю, что девочки должны пойти к домику и попытаться найти помощь, чтобы привести в порядок Юлину руку, а мы с Сергеем останемся рядом с домом и будем наблюдать. Если за ночь ничего не произойдет, то мы тоже зайдем в дом, но не раньше завтрашнего дня.

Ребята еще немного поспорили, обсуждая детали, и решили, что девочки, не теряя времени даром, идут к белому домику, а парни остаются на холме и ждут знака. Если женщина примет девочек «на постой», то Ольга выйдет и подаст знак ребятам, чтобы те спускались и прятались где-то рядом с домиком.

Спуск в долину оказался более длинным и опасным. Дружно, шаг в шаг по крутому холму, покрытому острыми камнями, идти было тяжело. Ноги все время скользили, при-

ходилось держаться за колючие ветки кустарника. Юля старалась идти самостоятельно, но Ольга видела, с каким усилием ей это удастся. На висках подруги вспухли вены, по бледному лицу текли капельки пота.

– Давай, держись за меня. Мы пойдем медленно, главное, чтобы не навредить руке, – Ольга подхватила подругу.

Юлькина ладонь была ледяной, сердце бешено билось, зрачки расширились. – Юлек, не торопись, давай посидим, отдохнешь?

– Нет, надо идти. Ребята ждут. Все в порядке, – стиснув зубы, проговорила Юля.

– Давайте я вперед пойду. Как раз и разведу, кто в домике живет? – предложила Леля.

Ольга пожала плечами: «Почему бы и нет?» Ее больше волновал вид Юли: «Держится из последних сил и ни разу не пожаловалась, даже не ойкнула. Во характер!»

Леля быстро и ловко спускалась вниз, чувствовалось гимнастическое прошлое. Минут через пятнадцать, когда Ольга и Юля были только посередине пути, Леля почти вприпрыжку бежала по направлению к домику.

В какой момент рядом с Лелей оказался огромный лев, Ольга не успела заметить. Она внимательно следила за тем, куда наступает, при этом крепко придерживала обмякшую и обессиленную Юлю.

– Мамочки родные, он сейчас ее разорвет! – вскрикнула Юля.

Девочки остановились, словно вкопанные, наблюдая, как, вдруг ставшая маленькой и хрупкой, Леля замерла перед огромным зверем. Какое-то время животное и Леля стояли друг перед другом. Девочки не видели выражения лица Лели. Леля не двигалась, но и напряжения в ее теле видно не было. Ольге показалось, что Леля как будто бы кивнула, после чего лев, широко раскрыв пасть, зарычал ей в лицо, развернулся и быстро умчался прочь.

Лелька шлепнулась на землю, закрыла лицо руками и заревела. Так она сидела до тех пор, пока не спустились с холма девочки, потрясенные увиденным.

– Лелечка, милая, как ты? – Ольга и Юля обняли зареванную Лелю, – успокойся, все хорошо.

Но Леля, посмотрев на девочек, заревела еще больше. Ольга и Юля переглянулись и тоже принялись реветь. Напряжение последних дней было так велико, что избавиться от него можно было единственным доступным для всех девочек способом – хорошенько прореветься. Так и сидели они под холмом, в высокой траве странного загадочного места.

– Вы что здесь шум на всю долину устроили? – из домика вышла высокая статная женщина.

Девочки замолчали, удивленно посмотрели на нее. Они уже и забыли, зачем шли к домику.

– Извините нас. Здравствуйте! – крикнула Ольга, – мы заблудились, у нас раненая девочка, и нам нужна помощь.

– Ну так идите скорее ко мне, нечего здесь рассиживать-

ся, – женщина махнула девушкам рукой и зашла в дом.

***

Белый домик, одиноко стоявший на холме, внутри был намного просторнее, чем казался снаружи. Простое деревенское жилище, с деревянными скамьями, большим дубовым столом, на окошечках – вышитые занавески. Везде, под невысоким потолком на деревянных балках висели связки трав. Светлые стены украшали ручные росписи мистических птиц и животных. Ольга, испытывающая страсть к разного рода символам, знакам и пентаграммам, замерла напротив одной из них.

– Что, нравится картинка? – спросила женщина Ольгу.

– Я не могу понять. Здесь есть руна, обозначающая тайну, и еще какой-то символ. Я раньше его где-то видела, но он здесь в сочетании с каким-то знаком, который мне кажется совсем не знаком, – она провела рукой по странному символу, который разглядела среди необычных птиц и животных.

– Проводник. Этот знак связан с проводником, – тихо сказала женщина, внимательно вглядываясь в лицо Ольги, словно пытаясь прочесть что-то в нем.

Ольга тоже, наконец, ее рассмотрела. Статная, с совершенно прямой спиной и высоко поднятой головой, женщина т выглядела намного старше, чем показалось вначале девочкам. Волосы у нее были не седые, а белые-белые, как снег на вершинах гор. Высокий лоб, голубые глаза, в которых было столько света, будто они принадлежат трехлетнему ребенку,

только что открывающему мир, а не пожилой женщине. И в то же время в этих глазах была видна глубина и мудрость давно живущего на земле человека.

«Какая она странная, – думала про себя Ольга, разглядывая хозяйку домика, – не поймешь, сколько ей лет, вроде бы не старая, лет пятьдесят, наверное. В то же время кажется, что ей очень много лет. Как говорится «мудрость веков» на лице. А когда смотрит на тебя, аж мурашки по спине бегут, словно все про тебя знает. У Эстер что-то похожее во взгляде было. Оно и понятно, Эстер живет давно, все про всех знает, мысли читает... Ой, эта «бабушка», наверное, тоже мысли мои читает! Да и пусть! Нет, все-таки она на Эстер не похожа: от нее свет идет... Хотя я могу и заблуждаться, усталость дает о себе знать. Но бдительность терять не стоит. Здесь никому доверять нельзя».

– Поешьте, девочки, потом можете в баньку пойти, – громко, словно очнувшись от глубокой задумчивости, пригласила к столу хозяйка дома, – я сейчас молока принесу.

Когда женщина вышла из комнаты, девочки шепотом, перебивая друг друга, стали делиться впечатлениями:

– Странная она какая-то, ни о чем нас не спрашивает, как ее зовут, не говорит, – запихивая в рот хлеб, намазанный толстым слоем масла, промычала Леля.

– Ага, как Баба-Яга. Накормит, напоит, в баньке попарит, а потом съест, – расхохоталась Юля.

Ольга рассматривала рисунки и знаки, нанесенные на сте-

ны дома, и думала над словами женщины: «Это знак проводника».

– Юль, Леля, вы что на стене видите?

Девочки, отвлеклись от еды и удивленно посмотрели на Ольгу.

– Стена как стена. Рисунки какие-то, – ответила Юля.

– Ага, – продолжила жевать Лелька.

– Нет, ты подробно мне опиши, что видишь, – настаивала Ольга.

Юля отложила в сторону большой кусок хлеба и покорно начала перечислять то, что видела на противоположной стене. Она понимала, что Ольга из праздного любопытства приставать к ним с расспросами не будет. Значит, то, о чем просят подруга, имеет какой-то смысл.

– На центральной части композиции вы, дорогие товарищи, можете наблюдать некие ритуальные наскальные рисунки, датированные приблизительно каким-то веком до нашей эры, – подражая голосу экскурсовода в музее, начала вещать Юлька.

– Стоп, хорошо. Перечислять все нарисованное – это долго. Давай сделаем по-другому, – Ольга встала из-за стола, подошла к стене и прямо спросила: – Вот здесь, где моя рука, ты какие-нибудь знаки видишь?

– Нет, – Юля отрицательно покачала головой.

– А ты, Лель, что-нибудь видишь?

– Да! – радостно ответила Леля.

– Ну, слава Богу, хоть ты видишь, – вздохнула Ольга.

– Я вижу, ты очень похожа на этого олененка, а Юлька – на эту птичку! Ой, а этот беленький миленький зверек, не знаю, как его зовут, наверное, я, – хлопала в ладоши Лелька.

– Опоссум, – вмешалась в Лелькин щенячий восторг Юля.

– Что опоссум? – не поняла Лелька.

– Здесь нарисован опоссум-альбинос, – усмехнулась Юля.

– И что, ты хочешь сказать, я похожа на вонючку опоссума? – радость как-то очень быстро слетела с лица Лели.

– Я не говорила, что ты на кого-то похожа из этой росписи, это говорила ты, – спокойно продолжала Юля.

– Злая ты, Юлька, ну тебя, – отвернулась от насмешницы Лелька.

– А ты наблюдательная, – засмеялась Юля.

Лелька вспыхнула и приготовилась ответить. И если бы в это самое время в дом не вошла хозяйка, то «легкий обмен любезностями» мог перерасти в «военные действия».

– Ну, что, голубушки, полегчало? – женщина поставила крынку с молоком на стол, присела рядом с девочками.

– Давайте теперь знакомиться. Меня зовут баба Либуша. Я живу здесь очень, очень давно. Когда мне было почти столько же, сколько и вам, а было это еще до войны, в тридцатых годах...

– Прошлого, двадцатого века? – ахнули девочки.

– Да, голубушки, такая я древняя старуха... Так вот, еще до войны я приехала к бабушке в эти места да и осталась

здесь навсегда, так получилось... Бабушка была знатной ведуньей, и меня кое-чему научила. Так что вы кушайте, потом в бане помойтесь. А ты, Юленька, пойдем со мной, руку и ссадины твои полечим.

Девочки удивленно переглянулись, они не называли своих имен бабушке Либуше.

«Точно все про нас знает, – равнодушно подумала про себя Ольга, – ну и пусть. Если она хорошая, то нам поможет. Если заодно с этими «ящерами», то что-нибудь придумаем. Сил уже никаких нет, надо ребятам спускаться с холма и прятаться где-то рядом. Накормить их нужно...»

– Я сейчас на секундочку выйду, – сказала Ольга, даже не придумывая никакого объяснения для хозяйки дома.

Та проводила ее хитрым улыбающимся взглядом.

Ольга вышла из дома. Солнце вот-вот спрячется за горами, надо поторопить ребят. Она помахала ребятам, те вышли из-за куста на холме. Ольга показала жестами, чтобы те спускались.

Когда она вернулась в дом, то там были только баба Либуша и Юля.

«Лелька куда успела смыться?» – подумала про себя Ольга.

– Леля моется в бане, – не глядя на Ольгу, сказала баба Либуша.

«Какая она странная, ничего не спрашивает, ничему не удивляется. Как будто бы к ней домой каждый день приходят

девочки, у которых вместо гипсовых повязок куски золотых обломков с драгоценными камнями привязаны к руке...» – продолжала размышлять про себя Ольга, наблюдая как баба Либуша, размотав «бинты», сделанные из рубашки Олега, равнодушно отложила в сторону золотую «шину».

Но похоже, что только Ольге все казалось странным и подозрительным.

«Юлька, понятно, от боли и пережитого, потеряла всякую бдительность. Лелька, занята только тем, как бы Олега охмурить, – Ольга раздраженно посмотрела на Лелю, которая вернулась из бани. Ольга почувствовала укол ревности. Лелька чистенькая, свеженькая, как будто бы не было и ночи без сна, реки страха и долгого перехода через холмы, стояла перед девчонками в белом длинном платье-рубашке с вышитыми по подолу красными маками.

– Красота какая! Правда? – крутилась похорошевшая Леля перед зеркалом, – баба Либуша одежду нам приготовила, я выбрала самое красивое платье. Вы не обидитесь?

Ольга, наверное, испепелила бы Лельку взглядом, если бы баба Либуша не окликнула ее:

– Оленька, иди в баньке попарься. Я тебе там одежду и полотенце приготовила. Потом я с Юлей схожу, помогу ей и полечу в баньке, а вы отдохните, покушайте еще.

– Оль, а ты на улицу выходила? Посмотрела, какой вид там? – заговорщицки подмигнула Лелька Ольге.

– Да, все в порядке. «Виды» тоже на меня посмотрели и

все поняли, – сквозь зубы прошипела Ольга, собрала вещи и пошла мыться.

«Зря я так, Лелька не виновата, что может быть привлекательной, зато я в эти моменты выгляжу как ревнивая дура», – ругала себя Ольга.

После баньки Ольге явно стало лучше. Она надела одежду, которую приготовила ей баба Либуша: белую рубашку с вышитыми рукавами, красную широкую длинную юбку и повязалась зеленым расшитым поясом. «Ну просто баба на чайник, ужас какой-то! В каком веке это носили? Точно не в двадцатом. Прямо лубочная картинка с деревенской девушкой на переднем плане», – злилась Ольга, заходя в дом.

– Эти костюмы еще семнадцатого века, принадлежали бабушке моей бабушки. Они особенные. Их надевали только по важным датам... – опять не поворачивая головы в сторону только что вошедшей в дом Ольги, сказала баба Либуша.

– Олька, как тебе идет! Ты зря платья и юбки не носишь! – восхищенно воскликнула Юля.

Лелька рассматривала Ольгу и, поджав губу, добавила:

– Неплохо, очень миленько. Толстит немного, а так ничего... Ладно, я пойду на закат посмотрю. Баба Либуша, а можно я молочка и хлебушка на улице еще покушаю?

– Конечно, можно. И ты, Оленька, поела бы на улице вместе с Лелей. Сейчас солнышко заходит, очень красиво, а потом на улицу выходить нельзя будет. Звери здесь разные ходят, – она выразительно посмотрела на Лелю, делая ударение

на словах «звери разные», но та, покраснев, схватила крынку молока, огромный ломоть хлеба и выпорхнула из дома.

Ольга тоже вышла следом за ней: надо было ребят встретить и накормить.

Ребята с жадностью набросились на еду, засев в кустах недалеко от дома бабы Либуши. Утолив голод, они разлеглись на траве и стали расспрашивать девочек о хозяйке дома. Леля тараторила всякую глупость, стараясь в первую очередь обратить внимание Олега на себя, такую прекрасную в белом платье.

Олег, не отрываясь, смотрел на Ольгу:

– Тебе так идет этот наряд! Он просто создан для тебя!

Леля не на шутку разозлилась:

– Конечно, образ деревенской девушки Ольке ближе, чем московички.

Олег вступился за подругу:

– Отстань, Лелька! Как вы со своим понтами надоели. Как клоны какие-то ходите, все одинаковые. Да, стройные, да, ухоженные, но все на одно лицо. Отстань, Лелька, от Ольги. Тебе, между прочим, это белое длинное платье идет больше, чем твои мини-юбки.

– Тебе, Олег не в XXI веке жить, а среди тургеневских барышень тусоваться, – разозлилась Лелька, хотя замечание, что ей идет белое платье, приняла.

«Надо, когда вернусь в Москву, над образом поработать. Что-нибудь романтическое и скромненькое придумать. Оле-

гу явно стиль “тургеневской девушки” ближе, вон как на эту лохушку периферийную уставился».

– Ладно, нам идти надо, Либушка может что-нибудь заподозрить, – вставая с земли, отряхивая ставшее любимым белое платье, проворчала Леля.

– А нам что же делать? – остановил девчонок Сергей, – Как дальше-то? Здесь ночь проводить?

– А ты что предлагаешь? – удивился Олег.

– Ну, я не знаю. Спать очень хочется, да и в баньке я с удовольствием помылся бы.

– Оль, а ты что думаешь? – Олег внимательно посмотрел на Ольгу.

– Может, и вправду все вместе к бабушке пойдем? Она добрая, – Леля схватила Олега за руку, чтобы поднять с земли.

– Нельзя. Она, может, и нормальная, но я помню, в каком восторге от Эстер вначале была. Эта бабушка тоже не простая: мысли читает и вообще странная какая-то, загадками говорит... Нет, нельзя всем вместе. Надо ночь пережить, а дальше видно будет, – сказала Ольга.

– Наверное, ты права. Мы близко к дому подходить не будем, здесь в сене спрячемся, по очереди дежурить будем, за домом наблюдать, – поддержал Олег Ольгу.

– Ага, может, увидите, как она на ступе через трубу вылетает, – съязвила Лелька.

– Ладно, мы пойдем, держитесь тут, – Ольга встала и на-

правилась к дому.

– Оль, стой! – окликнул ее Сережка.

– Да?

– Оль, это самое, ну... как там Юлька? – даже в сумерках

Ольга разглядела, как покраснел Сергей.

– Нормально, сейчас уже баба Либуша, наверное, ей руку полечила и раны обработала.

– А выйти подышать она не захочет?

– Я ей предложу подышать, хорошо, Сереж?

– Ага, понял, – нарочито беззаботным тоном ответил парень и обратился к Лельке:

– А ты, я смотрю, смелая да вдобавок и скромная!

– Ты это к чему сказал? – насторожилась Лелька.

– Ну как же! Ты, наверное, у себя там, внутри Садового кольца, каждый день львов на улице встречаешь? Так, мимо идешь, зверя увидишь, поздороваться да и забудешь сразу о такой ерунде, – продолжал издеваться над Лелькой Серега.

– Что вы все ко мне с этим львом привязались! Я так сильно испугалась, что едва в обморок не грохнулась. Так страшно было. И вообще, отвяжись от меня, Серый, вечно ты меня подозреваешь в чем-то, – злилась Лелька.

– И вправду, Серег, ты что к ней привязался? – одернул Олег Сергея.

– А ты мне не нравишься, Лелик. Склизкая ты какая-то. Больно складно сказываешь, вовремя везде оказываешься... – усмехнулся Серега, наблюдая, как Лелька становится пун-

цовой от злости.

– Ты, думаешь, мне нравишься? Голь подзаборная, бомжара вшивый! – сорвалась на грязную брань Лелька.

С перекошенным, ставшим некрасивым лицом она накинулась на Сергея, чтобы его ударить.

Олег схватил Лельку в охапку. Та продолжала вырываться и грязно ругаться. Серега даже не пошевелился, только ухмылялся и презрительно сплевывал.

– Все, девчонки, топайте домой! – скомандовал Олег и подтолкнул Лельку по направлению к дому.

Леля почти бежала по тропинке к дому, Ольга еле-еле за ней поспевала. У Ольги, как заноза, засела мысль о льве. Вдруг вспомнился первый день в лагере, вернее, первый час, когда она, набравшись смелости, спросила у «звездочета» про бриллиантовую пентаграмму, висевшую у него на шее. И как тот растерялся, пообещал дать пояснения позже, а потом отвлек внимание Ольги видом долины, где расположен лагерь.

«Я видела этот же знак на стене в доме у бабы Либуши! Я видела его на льве, когда падала в озеро! Но никто его больше не видит! Почему? Почему только я вижу эти знаки на стене? Нет, надо спросить у Лельки, видела ли она бриллиантовую «медаль» на груди у льва. А почему я не спросила Юлю? Она же тоже разглядела льва и животное, похожее на дракона, когда летела вниз с водопадом... Еще Серый... Почему он так Лельку невзлюбил и тоже про льва за-

говорил? Наверное, у Сереги, как у человека, выживающего на улице среди опасных людей развита подозрительность... А Юля? Она все время твердит о том, что Лельке доверять нельзя...» – Ольга почувствовала, что у нее разболелась голова от всех этих мыслях.

Посмотрев на быстро удаляющуюся Лелю, Ольга передумала сейчас спрашивать ее про пентаграмму на шее у льва. Даже со спины было видно, что та очень зла.

Юля уже помылась и сидела рядом с бабой Либушей.

– С рукой все в порядке, до свадьбы заживет, – первая заговорила с девочками бабушка. – Давайте чаек попьем да и спать ложиться будем.

Когда баба Либуша вышла за водой, Ольга передала Юле просьбу Сергея.

– Я тогда прямо сейчас пойду, хорошо? – Юля моментально выскочила из-за стола и упорхнула.

– А еще час назад чуть не умирала, чудеса да и только! Что любовь с людьми делает! – продолжала язвить Лелька.

– Особенно взаимная, – неожиданно для себя подколола Ольга Лелю.

Лелька метнула на Ольгу взгляд, полный злобы и ненависти. Ольга даже отпрянула от нее.

«Я и не подозревала, что она может так ненавидеть меня. Из-за Олега, что ли?»

Ольга пересела подальше от Лельки, а та, словно очнувшись, ласково проворковала:

– Да, все заметили, что Олег к тебе не равнодушен. А ты?

– Лель, хватит, мы все устали. Еще не хватало, чтобы поспориться. Давай на стол поможем накрыть.

Вернулась в дом бабушка Либуша, принесла горячий самовар. Из маленького чайничка налила темной душистой заварки, добавила воды из медного самовара.

– Пейте, пейте, девоньки. Чай из травок наших. Лечит, убаюкивает, все на места ставит...

Девчонки и на самом деле заклевали носами и еле-еле доползли до кроватей, которые приготовила им бабушка. Ольга моментально погрузилась в сон.

И приснилось ей, что она большая, красивая бабочка. Сидит на огромной фиолетовой розе и любуется своими крылышками.

«Олег обязательно увидит мои распрекрасные крылышки и влюбится в меня», – мечтала Ольга.

И тут появился Олег. Он грациозно перепрыгивал с цветка на цветок и улыбался Оле.

– Я хочу потанцевать с самой прекрасной бабочкой на свете! – крикнул он.

Ольга оглянулась вокруг в поисках «самой прекрасной бабочки на свете».

«Неужели Лелька и в мой сон умудрилась залезть?» – с досадой подумала она.

– Разрешите вас пригласить на вальс цветов? – протягивая Оле руку, спросил галантный кавалер.

– Да, спасибо, – еле слышно прошептала Ольга.

Она положила руки к нему на плечи, а потом вспомнила, как танцуют вальс: одна рука – на плече партнера, другая – на его руке... И вот они, подхваченные необыкновенными звуками божественной музыки, закружились в вальсе. Оля никогда раньше не танцевала не то что вальс, даже просто с мальчиком под медленную музыку, но сейчас она чувствовала, что танцует потрясающе. Вдруг, подхваченная какой-то неведомой силой, она поднялась над цветами, над деревьями, увлекая за собой Олега.

– Я лечу! Я умею летать! – захлебываясь от восторга, закричала Ольга, размахивая большими красивыми крыльями.

– Ты только держи меня, я ведь не умею летать! – засмеялся Олег, крепко ухватившись за Ольгу-бабочку.

– Полетели туда, – махнула головой Ольга в сторону волшебного леса. – Там живут мои друзья, такие же, как я!

Ольга чувствовала, что ее неудержимо тянет перелететь через мрачное и глубокое ущелье и попасть в волшебный лес, как будто бы ее там ждали. Олег отрицательно покачал головой:

– Не могу, мне туда нельзя, потому что...

***

– Оля, Оленька, просыпайся! Беда случилась! – дергала за плечо Ольгу баба Либуша.

Ольга, как ошпаренная, подскочила на кровати. За окном только-только стало светать. Девочки крепко спали на сосед-

них кроватях.

«Черт, такой сон оборвать!»

– Господи, что случилось, бабушка? – Ольга испуганно смотрела на хозяйку дома. Вчера та казалась такой спокойной, невозмутимой, словно скала, а сейчас в глазах боль, и вся она как-то ссохлась, сморщилась.

– Оленька, горе какое, не уберегла я ваших мальчиков. Защиту вокруг дома поставила. Вокруг места, где они спали, тоже. И зачем они вышли за круг? Дэддлиши их утащили! Я-то, дура старая, расслабилась, обрадовалась, что ты, наконец, пришла... – плакала баба Либуша.

Ольга гладила бабушку по белоснежным, очень приятным на ощупь волосам, и приговаривала:

– Бабулечка, успокойтесь, пожалуйста, расскажите все по порядку: кто наших ребят куда утащил, и почему вы меня ждали?

Она принесла стакан с водой, и, пока баба Либуша пила, Ольга пришла в себя ото сна.

– Давай, Оленька, одевайся. Выйдем на двор, я тебе все и расскажу.

Ольга опять надела вчерашний наряд «для особых случаев» и вышла во двор. Солнце только-только поднималось из-за макушек деревьев волшебного леса.

– Это необыкновенно красиво! А лес! Он волшебный! Как в фотошопе разрисован! Ой, простите, бабушка, это программа компьютерная такая, которая редактирует фотогра-

фии, делая их ярче и без изъянов.

Баба Либуша, казалось, совсем не слушала объяснение Ольги по поводу компьютерной программы, она глубоко о чем-то задумалась.

– Оленька, слушай меня внимательно. Ребят вам спасать надо. Но сначала услышать правду. Говорить я буду не коротко, поведаю странные, но очень важные для тебя вещи. Соберись...

Ольга внимательно посмотрела на бабушку и принялась слушать.

– Родилась я в 1922 году в Ленинграде, в семье хирурга Либушинского. Род наш дворянский, очень древний. Отец мой, когда началась революция, то ли не успел, то ли не захотел покинуть родину, не в этом суть. Работал не покладая рук, оперируя сначала раненых красноармейцев, потом кремлевскую элиту. Но в 1936-м его, маму, старшего брата арестовали, меня забрали в детский дом. С того момента о судьбе своих родных я ничего не знала. На следующий год нас, нескольких детдомовских, ничего не объясняя, погрузили в самолет вместе с хорошо одетыми, сытыми детьми высших партийных работников. Некоторых из них я знала еще по той, прошлой жизни с родителями. Папу часто приглашали в дома партийные работники, не только для медицинской консультации, но и на разные революционные праздники. Конечно, эти детки сделали вид, что не знают меня, но никто не издевался, интуитивно многие понимали, что и са-

ми могут оказаться в таком же положении... Времена мрачные были.

Ольге показалось, что у бабушки при этих воспоминаниях глаза наполнились бездонной вселенской болью.

– Так вот, – словно очнувшись от страшного сна, продолжила она, – приземлились мы на поле, вышли из маленького самолетика. Нас там ждали несколько обозов, запряженных лошадьми. Ехали, вернее сказать, ползли мы долго, дней пять или шесть. По дороге, конечно, все перезнакомились. Партийные детки расслабились и рассказали нам, детдомовским, куда мы едем. Мы-то ничего не знали, нас, как мешки с картошкой, погрузили в самолет и отправили в неизвестном направлении. Так вот, дети эти нам и поведали, что едем мы в необыкновенное место. Раньше такой лагерь был доступен только для иностранных, капиталистических детей и еще тех, которые при царской власти жили, а недавно и им, детям Красного Октября, стали доступны все радости жизни. Они рассказали нам, сиротам, что те, кто побывает в этом лагере, станут всесильными, и что особенно выдающиеся из них вступят в некий Союз или Братство, члены которого борются за Мировую Революцию и становятся самыми могущественными людьми в мире. Среди членов Братства есть даже богатые капиталисты, которые только делают вид, что угнетают рабочий класс, а на самом деле дают деньги на мировую революцию. Такой американский капиталист, член братства, приезжал в Советский Союз, лично встречался с

Лениным.

– Хаммер, наверное, – перебила бабу Либушу Ольга.

– Не знаю, как зовут, суть в другом. Пока, почти неделю, мы в обозе ползли до места лагеря, чего только я не наслушалась. И что Сталин состоит в Братстве, и что Гитлер – друг Сталина по Братству, и что они вместе завоюют весь мир ради крестьян и рабочего класса. И что те, кто вступил в это Братство, – Неприкасаемые, и прочее, и прочее. Я устала слушать все эти сказки и байки по дороге. Единственное, о чем я сожалела, так это о том, что мои папа и мама не состоят в этом таинственном обществе, которое, оказывается, могущественнее будет, чем Коммунистическая партия и красный партийный билет. Не буду утомлять тебя рассказом, как приехали мы в лагерь, какой странный ритуал пришлось мне пережить в ночь, перед тем как нас отвели в лагерь.... Да ты и сама это все, наверное, испытала, раз оказалась в этом месте. Нас, детдомовских, было больше, чем детей партийной элиты. Жили мы отдельно друг от друга. Не знаю, чем занимались те дети, но мы работали, как рабы. Единственное, что было хорошо, что кормили и одевали нас, не жалея средств. Подружиться с кем-то в лагере было невозможно. Спальные места и места работы менялись каждый день. Вечером мы в изнеможении, едва дотянув до ужина, падали в койки.

Однажды послали меня в соседний лагерь, где дети начальников отдыхали. Лагерь днем почти пустой, только взрослые работники молча передвигаются. Я помню, обра-

тилась к одному такому садоводу, а он голову молча поднимает и пустыми, мутными глазницами мимо меня смотрит. Я от ужаса рванула в сторону башни. Зачем бегу туда – не знаю. У дверей этой самой башни налетаю на высокого красивого мужчину. Он так презрительно говорит: «Куда летишь? Образина!» Представляешь? Я до сих пор помню это слово «образина». Я стою, глаза на него поднять не могу. Страх меня сковал. Тогда страх в каждом жил, такая жизнь была... Вдруг вижу: у него на груди большой медальон, весь бриллиантами украшен. Я уже про страх забыла, стою, смотрю на этот знак и чувствую, что тянет меня к нему, сил сдержаться нет. Я, как во сне, руку к нему протягиваю, дотронуться хочу, а мужчина за медальон схватился и шарахнулся испуганно от меня в сторону. Стоит, глаза выпучил, что-то на незнакомом языке бормочет. Потом очнулся, пришел в себя и говорит: «Постой здесь. Сейчас к тебе выйдет человек, он тебя проводит». Я и сказать ничего не успела, как он скрылся за дверью башни. Я долго стояла, ждала. Уже хотела уйти к себе в лагерь, но все-таки боялась послушаться. Наконец, выходит ко мне молодой парень. Я его иногда в нашем лагере видела, когда он кого-нибудь из наших забирал. Говорил, что, мол, домой их отзывают, что родители из тюрьмы вышли или просто усыновить их хотят... Так вот, он выходит, приветливый такой, улыбается. «Наш главный решил тебе подарок сделать – перевести тебя в этот лагерь. Он узнал, что папа твой известный хирург, он его знает и очень уважает...» – заликает со-

ловьем он. А я его перебиваю: «Был». «Что был?» – не понимает улыбчивый молодой человек. «Папа – был хирургом, он был... все в прошлом. Теперь он враг Советской власти, а я – дочь врага народа». Улыбчивый так восторженно и радостно говорит: «Ну что ты, что ты, деточка? Папа твой уже дома, в Москве, ждет тебя». Я спрашиваю: «А почему в Москве? Мы в Ленинграде жили». Он так задумался и продолжает: «Ну да, ну да... Он, папа твой, сейчас на новой работе. В Кремле! Так что отдохнешь у нас хорошенько и поедешь к своим родным». Я продолжаю к нему приставать: «А мама?» «Что мама?» – удивляется молодой человек. «Мама где?» – настаиваю я. «Мама с папой, в Москве... Ну ладно, хватит приставать. Тебе все наш главный товарищ расскажет. Мое дело тебя разместить, одежду приличную дать. Завтра на занятия пойдешь вместе со всеми. Только в тот лагерь не ходи, чтобы ребят не злить. Никто не порадует за тебя, что ты в лучшие условия попала».

Так я переехала в лагерь к своим бывшим знакомым – детям партийных работников. И хотя вначале я не поверила, что папа и мама при Кремле работают, но потом убедила себя, что это так и есть. Жизнь моя резко изменилась. Появилась надежда, вместе с ней красивая одежда, вкусная еда, новые подруги, которые знали только сытую и веселую жизнь. Еще я ходила на занятия, которые вела необыкновенно красивая женщина. Мы все были в нее влюблены...

– Помните, как ее звали? – перебила Ольга рассказ бабы

Либуши.

– Конечно, помню. Она сказала, что у нее много имен, но мы ее должны были называть странным и красивым именем Эстер.

– Я так и знала, – вздохнула Ольга, – простите меня, пожалуйста, продолжайте.

– Так вот, училась я, училась. Радовалась жизни, верила, что папа, мама и брат ждут меня. Но вот однажды меня среди урока, днем, вызывают к «старшему товарищу» как они говорили. Я в сопровождении все того же «улыбчивого» спускаюсь вниз. Там, в темном помещении, в длинной мантии со звездами и медальоном на груди, от которого я не могу глаз отвести, сидит тот странный красивый мужчина. Он приглашает меня сесть, долго, внимательно изучает меня и начинает говорить страшные вещи... Моих родителей опять арестовали... На этот раз дело может закончиться расстрелом... Но теперь, по его словам, меня в детский дом не вернут, а, скорее всего, отправят на Соловки. Я достаточно взрослая, чтобы отвечать за грехи своих родных... Он замолчал, наблюдая за мной. У меня в один миг рухнул весь мир, все надежды рассыпались в прах... Я даже плакать не могла... Сидела в полном шоке. А этот «товарищ», как тогда все друг друга называли, смотрит, не отрываясь, на меня, мысли, видимо, мои читает. Долго мы так сидели друг напротив друга, а потом он и говорит: «Я могу тебе помочь. Ты, наверное, слышала о могущественном Братстве?»

«Да», – с трудом выдавила я из себя.

«Так вот, как один из основателей сообщества, я могу повлиять на любое решение, которое принимают мои братья. А ты, наверное, догадываешься, что большая часть, самых влиятельных и богатых людей планеты состоит в нашем Братстве. Одно мое слово – и все будет как прежде. Папа, мама, брат, квартира в центре Ленинграда, хорошее общение, веселая жизнь...» – он опять замолчал, ожидая моей реакции.

«Что я могу сделать?» – этого вопроса он ждал, и я его задала.

«Молодец, правильно мыслишь. Только наше сотрудничество может привести к правильному результату», – самодовольно улыбнулся «товарищ».

Я продолжала молчать, осознавая, что для меня уже не важно, о чем они меня попросят... Я сделаю все, пойду на что угодно, продам свою душу дьяволу, только бы мои родные были живы и я смогла их увидеть.

«Хорошо, – самодовольно улыбнулся он, прочитав мои мысли, – не будем терять времени даром. Каждая минута на счету... Итак, четко следуя моим указаниям, ты с легкостью справишься с заданием и вернешься к маме с папой».

И он рассказал, что мне нужно сделать. Через туннель, заполненный водой, на лодке мне нужно попасть на другую сторону горы. Там я увижу долину, с одной стороны от которой – горы, с другой – разделенный ущельем, находится лес. Мне надо найти мост, ведущий в этот лес. И все...

Я ничего не стала переспрашивать, встала и подошла к двери. Он удивился: «Ты куда?»

«Я готова делать то, о чем вы меня просите, ведите к туннелю», – как во сне, сказала я.

«Молодец! Я верю в тебя! Ты справишься!» – потирая руки, вскочил он и кликнул кого-то.

Вошли два амбала с пустыми глазами и ничего не выражающими лицами. Они проводили меня в подземелье, где в одной из камер сидели дети с такими же прозрачными глазами. Мы зашли в соседнюю камеру, и, надо тебе заметить, я равнодушно тогда подумала, что меня здесь и оставят, а потом отправят на Соловки. Было легкое удивление, зачем понадобилось так долго со мной вести беседы, о чем-то договариваться... Но нет, один их этих “пустоглазых” подошел к каменной, поросшей мхом стене, куда-то там нажал, и стена отъехала в сторону. Меня бесцеремонно толкнули в темноту, и каменная стена встала на свое место. Я осталась во мраке. Постепенно приходя в себя, я осознала, что стою на невысоком каменном берегу подземной реки. Что делать дальше, я не знала, поэтому села и просто слушала плеск волн. Постепенно мой слух стал различать и другой звук. Так бьется лодка о берег. И на самом деле, проведя рукой по скользкому каменному выступу, я нащупала железное кольцо, к которому привязана веревка. Постепенно и глаза привыкли к темноте. Потянув за веревку, я различила очертания лодки. Но лодка оказалась не простой деревянной, а покрытой зо-

лотом и украшенной драгоценными камнями.

Я села в эту лодку, и течение понесло меня в неизвестность. Вскоре мне надоело таращиться в темноту, и я, свернувшись калачиком на дне лодки, уснула. Проснулась только тогда, когда вместе с потоком воды, вылетев из лодки, оказалась в странном месте. Вы там тоже побывали? – спросила баба Либуша.

Ольга только головой молча кивнула. Мрачные воспоминания о реке страха снова захлестнули ее.

– Я не буду описывать тебе ужас, который испытала там. Наверное, я сошла бы с ума от страха, если бы не случайность. Я заплакала... Сидела на каменном выступе и плакала. И вдруг увидела вокруг себя странных существ. Они облепили меня всю. Я так удивилась, что забыла и о своем страхе, и о том, зачем здесь оказалась. Но видела я их с закрытыми глазами! В своей жизни я никогда не сталкивалась с чудесами, не верила в них. В Бога верить нельзя, в черта тоже...

Я открываю глаза – страх и отчаяние захлестывают меня. Закрываю – смешные существа сидят на мне. Я попыталась одного пощекотать, а он такую смешную мордочку скорчил, что я расхохоталась. Чем больше я смеялась, пытаюсь их достать, тем меньше существ на мне сидело. Потом они, видимо, обиделись. Соскочили с меня и скрылись, просто растворились. Я еще немного посидела с закрытыми глазами, но никого больше не увидела. Странно звучит «видеть с закрытыми глазами». Когда глаза-то открыла, то обнаружила

проход, который и вывел, вернее сказать, выбросил меня в озеро.

А дальше... Я нашла дорогу, нет, не так: тропинка привела меня в долину...

Баба Либуша замолчала, вглядываясь вдаль, вспоминая свои первые впечатления от этого места.

Больше чем за восемьдесят лет здесь ничего не изменилось. Все, что ты видишь сейчас, видела тогда и я. Беленький домик одиноко стоял у подножия холма, мрачное ущелье отделяло меня от леса. Рядом с этим домом я заметила женщину, которая смотрела в мою сторону. И хотя я очень устала, но ноги сами несли меня к ущелью. У меня была цель и еще оставалась надежда – спасти родных... Долго я бродила вдоль страшного ущелья в поисках моста. Я не знала, какой это должен быть мост, наверное, очень крепкий и надежный, потому что подходить близко к пропасти было очень страшно: дна не было видно. Какая-то мрачная, абсолютная бездна. Отсюда не видно, но этот лес полностью отделен от нас ущельем. Чтобы пройти по кругу, требуется не один час... В лес может залететь только птица, да и то я не видела, чтобы хоть какая-нибудь птаха, отважилась пролететь над бездной. А лес этот тянул меня, как магнит... Сколько кругов сделала вокруг леса – не помню. Совсем обессилив, я свалилась на землю. Закрыла глаза и решила немного поспать, а потом сходить к этой женщине, живущей в домике, может, она знает, где мост через ущелье...

И приснился мне сон... Подходит ко мне бабушка, садится рядом, смотрит в сторону леса и говорит: «И ты не видишь?» «Чего я не вижу?» – удивляюсь я. «Почему путь не видишь? А должна ведь. Какой же ты проводник, если путь не видишь?» – продолжает говорить она загадками. «О чем вы говорите? Какой проводник? Я в поездах не работаю», – возмущаюсь я. «Ты глаза-то закрой и посмотри, наконец...» И исчезла.

Я тут же проснулась. Ну и сон! Такой реальный! Я оглянулась на домик. Женщина продолжала смотреть в мою сторону. «Сама подошла бы, что ли. Неужели не любопытно, кто здесь весь день вдоль ущелья бегает?» Я еще немного посидела в размышлениях. Начала вспоминать сон:

«Что же она там сказала? Я – проводник, который должен видеть путь. Какой путь? Еще она сказала, чтобы я закрыла глаза и смотрела... Так же, как с этими мохнатиками, там, у подземного водопада».

Я закрыла глаза и стала оглядываться вокруг. Я ничего не видела, только от заходящих лучей солнца на веках плавали черные точки. Но вдруг там, около большого камня, я отчетливо увидела мост! Ничего больше! Только мост! Крепкий, надежный бревенчатый мост. От неожиданности я даже вскрикнула, напугав птиц в округе. Я подбежала к большому камню, смотрю: никакого моста нет! Я осторожно, держась за ветку, нагнулась над ущельем, чтобы потрогать невидимый мост, – пустота. Я закрываю глаза – отчетливо вижу

мост. С закрытыми глазами дотрагиваюсь до моста и чувствую теплую, прогретую солнцем деревянную поверхность!

Долго я сидела у большого камня, размышляя о чудесном мосте. Солнце уже скрылось за деревьями, становилось холодно, мрачно и одиноко. Потом, когда стало совсем темно, я встала, закрыла глаза и сделала шаг в пропасть...

– Ах! Как же так?! – вскрикнула Ольга. – Это же просто галлюцинация! Вы устали, у вас был шок от всего, что узнали о своих родных, что пережили потом! Как вы выжили?

– Я перешла с закрытыми глазами бездну по моему мосту, легла в мягкую траву в том волшебном лесу и тут же уснула. Мне было так уютно и тепло, будто меня укутали в пуховое одеяло...

– Но как вы решились перейти? – допытывалась Ольга.

– Я, перед тем как встать и перейти бездну по невидимому мосту, долго сидела, замерев в молчании. В голове была абсолютная пустота, а через какое-то время четкая мысль разбудила мое сознание: если я верю, то могу что-то изменить. Если верю себе, то надо идти. Остальное не имеет значения... Вера, меня вела вера...

– Не понимаю, все равно не понимаю. Если моста нет, верь не верь, просто грохнешься вниз, и все. Я же не стану сытой, если поверю, что этот камень – хлеб бородинский, – возмущалась Ольга.

– Это другая вера. Подожди, не торопи события, ты потом все поймешь. Давай я расскажу, что было дальше... Когда я

проснулась, то удивилась всему, что меня окружало в этом лесу. Там все необыкновенное, волшебное. Там очень спокойно и радостно. Все горести и боль – забываются. Я могла бы тебе долго взахлеб рассказывать об этом месте, но у нас немного времени... Так вот, я решила немного погулять, перед тем как возвращаться к «товарищу» в мантии и открыть ему секрет невидимого моста. Посередине леса находилась большая светлая поляна. Здесь бежал ручеек, вода в котором была вкуснее всего, что я пробовала раньше, здесь же я нашла множество вкуснейших ягод, маленьких медовых яблочек, орешков – просто рай какой-то. Впервые за долгое время я почувствовала себя очень счастливой. Я бегала по поляне, смеялась, кувыркалась, плескалась в ручейке, поиграла с зайцем, который совсем меня не боялся. Потом в изнеможении упала на изумрудную траву и решила, что никуда отсюда не пойду. Останусь жить здесь навсегда. Хватит с меня страха и боли. Счастливая, я заснула. И опять приснился мне сон. Но теперь другая женщина пришла в него. Она была молодая, необыкновенно красивая. Вся какая-то воздушная, с прозрачной кожей, платьем из цветов, волосами из ветра и трав. Она сидела рядом, гладила меня по голове ласково и грустно улыбалась. Я услышала ее слова, хотя видела, что губы ее не шевелились. Прекрасная женщина говорила со мной как будто глазами: «Бедная. Бедная моя девочка. Тебе здесь нельзя оставаться. Нужно идти... Я помогу тебе, я буду всегда рядом, ты только верь. Сейчас просыпайся и иди.

Тебя ждут».

На меня как ушат ледяной воды вылили, и я проснулась. На душе – тоска. Конечно же, на поляне никого, это был только сон. Но рядом со мной в траве я заметила маленький предмет. Это была бутылочка, висящая на серебряной цепочке, а в ней – какая-то жидкость. Я проверила содержимое бутылочки на свет. Знаешь, что в ней было? Радуга! Настоящая радуга! Я не хотела открывать бутылочку, чтобы радуга ненароком не вылетела из бутылочки. Когда я повесила цепочку с подарком феи себе на шею, то тоска сразу прошла, появилась ясность и уверенность в том, что делать дальше.

Я совершенно спокойно перешла мост, иногда даже открывала глаза, чтобы посмотреть в бездонное ущелье. Уверенность и вера не покидали меня. На другой стороне меня уже ждали. Пожилая женщина с посохом в руке стояла одной ногой на земле, другой – на невидимом мосту. Она ласково улыбалась мне.

«Хороший мост, крепкий... Я знала, что ты справишься», – вместо «здравствуй» сказала она.

«Добрый день, спасибо за подсказку. Не знаю, как это вы делаете – приходите в мой сон, но это сработало», – ответила я.

«Пойдем домой, у нас будет длинный разговор», – она ласково обняла меня за плечи, и мы пошли к этому домику...

– А дальше? – не терпелось услышать продолжение удивительной истории Ольге.

Баба Либуша посмотрела на солнце и сказала:

– Много времени прошло, надо уже действовать...

– Вы о чем? – прервала Ольга задумчивость бабушки.

– Хорошо, я тебе сейчас расскажу самое важное, а потом подробности? Так вот, продолжу. Мы с бабушкой идем, а навстречу лев выскакивает, а на мощной груди у него все тот же бриллиантовый медальон. Мы остановились, и я слышу их разговор, хотя никто губами не шевелит. В глазах у льва столько ненависти, что мурашки по коже побежали. Я взглянула на мою спутницу. У нее глаза горят гневом. Левая рука с посохом направлена на льва. Эта невидимая сила, исходящая от посоха, видимо, и сдерживает льва, иначе он нас растерзал бы.

«Она моя, уйди с дороги!» – я слышу рычание льва.

«Нет, у тебя нет власти над ней! Прочь из моей долины!» – не открывая рта, кричит на льва разъяренная бабушка.

«У нас с этой девчонкой был договор! Надо выполнять условия договора!» – лев, мягко ступая, все ближе подходил ко мне.

«Вранье! Все вранье! Ты ее обманул, напугал! Ты не сказал ей, что родителей уже давно нет в живых, брата и отца расстреляли, а мама умерла в Сибири. Ты понял, что она проводник, и использовал ее. Даже вы, со своей силой, не можете воскрешать из мертвых! Прочь, тухлое ничтожество!»

Они так, наверное, долго препирались, если бы я не закричала и не бросилась на льва...

Я уже не помню, как не дала бабушка льву растерзать меня, как я оказалась у нее дома. Несколько дней я лежала на кровати, уставившись в одну точку, и не было у меня желания ни есть, ни спать, ни жить. Бабушка молча ухаживала за мной. А потом, на седьмой день, подошла она ко мне, вздохнула горько, сняла с моей шеи подарок лесной красавицы, открутила серебряную крышечку у бутылочки и влила мне в рот «радугу»... У меня все закружилось перед глазами, тело стало невесомым, а потом наступила полная темнота и забвение.

Сколько времени я была в забытьи, не знаю. Но когда очнулась, то стала совершенно другим человеком. Что-то во мне умерло, что-то новое родилось и наполнило меня. Боль от потери родителей я запрятала в самый дальний уголок своего сердца...

Стала я жить с бабушкой Любашей. Меня раньше звали Надей, но, после того как я очнулась обновленная, имя мне это совсем не подходило. Ну какая я Надежда? Надежда умерла. И придумали мы новое имя, что-то среднее между моей новой семьей, состоящей из одной бабушки Любаши и старой – Либушинская. Получилась Либуша.

Бабушка поведала мне про этих странных наших «соседей», и почему им так желанен волшебный лес. Но это совсем другая история, которая сейчас к делу не относится.

– Как же так! Это же самое главное! Я всю голову сломала, разгадывая, кто эти «ящеры» такие, – возмутилась Ольга.

– Ящеры? – переспросила Либуша.

– Ну да, «ящеры». Их так Юля прозвала, когда ночью однажды увидела. Это они днем на людей похожи, а когда солнце заходит, то просто ужас, какие они страшные – «ящеры доисторические», мумии египетские. Хотя я думаю, что их история родом из Вавилона. Правда? – продолжала допытываться Ольга.

– Отчасти ты права... Но сейчас мы должны спасти твоих друзей, – напомнила бабушка.

– Ой, правда! Как же я могла о них забыть? – воскликнула Ольга. – Надо девчонок разбудить и бежать их спасать.

– Стой, не суетись. Никого будить не надо, пусть спят. Спасти Олега и Сережу можешь только ты.

– Как я? Почему? И кто их забрал?

– Много задаешь вопросов. Я все, что тебе надо знать, расскажу. Я уже говорила, что защиту вокруг дома на ночь поставила... – начала объяснять Либуша.

– А какая защита? Капканы, что ли? – продолжала допытываться Ольга.

– Нет, не капканы. Магический круг, чтобы нечисть не ходила, – пояснила Либуша.

– А-а, – разочарованно произнесла Ольга, – тогда понятно, что их украли какие-то дэдлиши.

– Зря ты так пренебрежительно относишься к магии, – покачала головой Либуша, но, видя сомнение в глазах Ольги, сказала: – Смотри!

Она сделала рукой невидимый круг вокруг Ольги и что-то шепнула.

– И что? – удивленно спросила Ольга.

– А ты попробуй выйди из круга, – улыбнулась бабушка.

Ольга попыталась сделать большой шаг вперед, но наткнулась на невидимую стену. Она стала крутиться вокруг себя в поисках выхода, но все без результата.

– Ты похожа на муху в прозрачном стакане, – смеялась Либуша.

– Выпустите меня, пожалуйста, – взмолилась Ольга.

Баба Либуша только пальцами щелкнула, и чары рассеялись. Ольга без невидимой опоры упала на землю.

– Здорово! А как это у вас получается? – восхитилась она.

– Ну, это самое простое. Поверь, защиту вокруг дома я поставила посильнее. Но не предусмотрела, что кто-нибудь захочет ночью выходить за ее границу.

– А почему ребята не натолкнулись на такую же стену, что и я? – спросила Оля.

– Та защита ночная, очень мощная, но работает она только с одной стороны. Иначе ребята могли пострадать, если бы я такую же поставила и с нашей стороны. Оля, долго все объяснять. Давай о главном... Ребят утащили существа, которые питаются не плотью, а как бы жизненными силами людей и животных. Они немного похожи на леших. Что-то в них есть от людей – две руки, две ноги, голова и туловище. Но они высохшие, мертвые, поросшие мхом, корой, плесенью. В них

нет уже ничего человеческого. Хотя когда-то давно, очень давно, они были людьми. Поэтому и плоть у них не человеческая. Они ночью, похожие на старые коряги, медленно передвигаются по лесу в поисках живого. Бедная зверюшка, приняв их за старое дерево, попадает в крюки – лапы и медленно, медленно угасает. Так и ребята висят, наверное, обессиленные, на каком-то таком монстре, не в силах пошевелиться, и угасают, бедняжки, – баба Либуша вдруг запричитала.

Ольга удивленно на нее посмотрела: как-то не вязался образ этой крепкой, статной и смелой женщины с видом причитающей по-деревенски старушки, которую сейчас видела перед собой девочка.

– Что надо делать? – деловито спросила Ольга.

– Надо идти туда, – вытирая слезы, кивнула в сторону леса Либуша.

– Туда? Зачем? – удивилась Ольга.

– У главной волшебницы взять бутылочку жизни, найти ребят, напоить их, и тогда дэдлиши от них отцепятся.

– На словах все очень просто. А на деле? Там, – Ольга махнула рукой по направлению леса, – видимый мост сделали?

Либуша, не поднимая глаз на Ольгу, отрицательно покачала головой.

– А как же я пойду? – удивилась Ольга.

– Так же, как и я – на вере! – воскликнула бабушка.

– Я не смогу!

– Сможешь! Иначе твои друзья навсегда останутся здесь! Нет, даже хуже. Когда эти нелюди вытянут у них все жизненные силы, они выбросят ребят, как ненужную кожуру от банана. И будут они тоже вечно бродить по этому лесу в поисках пропитания.

– Господи, зачем Вы мне все это рассказываете? Почему бы Вам туда не сходить? У Вас же получилось мост найти? А? – Ольга уже с трудом сдерживала слезы.

– Я не могу, деточка. Я бы обязательно сходила, но не могу, – тихо проговорила Либуша.

– Почему? – голос Ольги дрожал, слезы готовы были вот-вот хлынуть из глаз.

– Потому что по этому мосту тот, кто его видит, может пройти только три раза... Все. Больше нельзя. Если я пойду сейчас, то больше не вернусь. Моя Любушка, когда ее время пришло, так ушла и не вернулась...

Ольга, наконец, разревелась. Баба Либуша прижала ее к себе и ласково погладила по голове.

– Ты справишься, я тебе помогу. Только иди с закрытыми глазами. А сейчас поплачь, поплачь, девонька. И я с тобой поплачу немножко. А потом встанем, улыбнемся и пойдем к ущелью.

***

Так, в обнимку, тяжело вздыхая, посидели они какое-то время, а потом, Либуша решительно встала и направилась к дому:

– Подожди меня здесь. Не надо девочкам знать, куда ты идешь.

Через несколько минут она вышла на улицу, держа в руках кружку с молоком и пирожок с ревенем.

– Поешь, и пойдем. До заката ты должна вернуться, чтобы не в темноте ребят искать.

У Ольги кусок в горло не лез. Она пила молоко, не чувствуя его вкуса.

Пока шли к ущелью, пересекая долину, никто из них не проронил ни слова. Ольга двигалась словно во сне. Ни одной мысли, чувства как заморозили. Равнодушно смотрела она на буйство красок волшебного леса, на необыкновенные цветы и травы, растущие в долине. Не трогали ее щебет птиц, стрекот кузнечиков, тонкие ароматы, наполняющие легкие... Пустота, абсолютная пустота.

Наконец, Ольга и Либуша подошли к ущелью. По рассказу бабушки, Ольга представила себе узкую глубокую трещину с острыми камнями. Но на самом деле это было что-то ужасное. Одного быстрого взгляда вниз хватило понять, что пропасть эта бездонная.

«Прямо дорога в ад», – подумала Ольга.

– Тебе показать место, где я видела мост? – спросила Либуша.

Ольга пожала плечами:

– Да, наверное.

Либуша подвела ее к большому камню:

– Закрой глаза, вот он.

Либуша закрыла глаза и улыбнулась:

– Каждый раз смотрю и вспоминаю, как же там мне было хорошо. Как хочется туда пройти по этому деревянному мосту. Но нельзя... Мое время еще не пришло...

– Я ничего не вижу, – тихо сказала Ольга.

– Что? Что ты сказала? – Либуша, открыв глаза, с изумлением уставилась на Ольгу.

– Я ничего не вижу. Нет здесь деревянного моста! – Ольга тоже открыла глаза.

– Не может быть! Ты хорошо смотрела? Может, глаза неплотно закрыла? Попробуй зажмуриться! – в голосе у Либуши чувствовалась паника.

Ольга сильно зажмурилась и повторила:

– Ничего.

– Нет! Нет! Я не могла ошибиться! Ты проводник! Ты видела знак на шее у Гильша...

– У кого? – не поняла Ольга.

– Гильш – истинное имя этого «ящера-жреца», ты видела знаки на стене. Они открываются только проводникам! Не может быть! – Либуша, обессиленная, села на землю.

– Баба Либуша, возьмите меня за руку и проведите вдоль ущелья, – спокойно попросила Ольга.

– Зачем? – удивилась та.

– Не знаю, но так чувствую. Странно, в последнее время я лучше стала себя слышать, и иногда мне это помогает.

Бабушка взяла Ольгу за руку и повела ее вдоль ущелья. Ольга шла с закрытыми глазами. Она не старалась специально что-нибудь увидеть. Ничего не менялось в привычном для нее мире. Запахи, звуки природы, треск веток и шуршание камней под ногами. Солнце стояло уже почти в зените, и все, что видела Ольга с закрытыми глазами, – это черные червячки на красном фоне, так всегда бывает, если смотреть на солнце с закрытыми глазами.

Пройдя уже больше половины пути, Ольга четко увидела какой-то блестящий предмет впереди. Она ускорила шаг.

– Там что-то есть! – воскликнула она.

– Где? – удивилась Либуша.

– Там! – Ольга открыла глаза и побежала вперед. Потом остановилась. Снова закрыла глаза, повертела вокруг головой:

– Вот! Вот он! Он из горного хрусталя! – Ольга, не открывая глаз, бросилась к мосту. Она прыгнула на хрустальный мост, он зазвенел у нее под ногами. Ольга засмеялась и начала прыгать по нему.

– Оленька, стой! Милая, только глаза не открывай, хорошо? Я к тебе иду.

– Почему глаза не открывать? – удивилась Ольга, рассматривая необыкновенно красивый мост с закрытыми глазами.

– Так надо. Пожалуйста, пока я до тебя не дойду, глаза не открывай, – уговаривала Либуша Ольгу.

– Хорошо, я подожду. Слушайте, так здорово! Ничего во-

круг не вижу, а мост вижу. А почему у вас он деревянный, а у меня хрустальный? – продолжала веселиться Ольга.

Наконец, она почувствовала, что ледяная рука крепко вцепилась в ее запястья.

– Ой, а что это у вас такие руки ледяные? – спросила Ольга и открыла глаза.

Перед ней стояла бледная Либуша.

– Оленька, тише, стой спокойно. Вниз только не смотри!

Но Либуша не успела договорить. Ольга, с вопросом «почему», тут же посмотрела вниз. Никакого моста не было. Ее глаза расширились от ужаса, и она с криком стала падать вниз. Либуша, крепко державшая девочку за руки, закричала:

– Глаза! Закрой глаза!

Ольга продолжала кричать, размахивая в пустоте ногами, не в силах оторвать взгляда от бездонной пропасти.

– Закрой глаза! У меня нет сил, чтобы тебя держать! – крикнула Либуша.

Ольга посмотрела, наконец, на бабушку и увидела, что та твердо стоит в воздухе, и нет под ее ногами ни деревянного, ни хрустального моста. Она крепко зажмурилась и снова увидела хрустальный мост. С трудом забравшись на него, она села на корточки, обняла себя и разревелась.

– Почему? – размазывая слезы по лицу, не открывая глаз, спросила она Либушу.

– Что почему? – не поняла она.

– Почему так? С закрытыми глазами вижу и стою на нем. С открытыми глазами не вижу и падаю?

– Потому что ты продолжаешь верить только тому, что можешь видеть глазами, а не сердцем, – ответила Либуша.

– Как так? – удивилась Ольга.

– Смотри, нет, не открывай пока глаза. Слушай меня. Я не вижу твой хрустальный мост ни с открытыми глазами, ни с закрытыми...

– Почему?

– Не знаю, по-видимому, потому что он твой. Это твой путь... Но я верю тебе, верю, что ты проводник, и поэтому стою рядом с тобой. И не важно – открыты мои глаза при этом или нет. Важна только моя вера в тебя. А ты упала, потому что не веришь сама себе, веришь только тому, что видят твои глаза... А они могут ошибаться, потому что пропускают информацию через мозг, а мозг – штука коварная... Твой мозг уверен, что нельзя перейти ущелье, если глаза не видят.

– Что же делать?

– Верить. Только верить... У меня для тебя кое-что есть, – Либуша повесила на шею Ольги веревочку с маленьким предметом на ней.

Ольга встала с корточек, одной рукой нащупала бабу Либушу, другой зажала в кулаке ее подарок.

– Это похоже на железный маленький крестик, – сказала девочка, продолжая держать глаза крепко зажмуренными.

– Да, это крестик. Он принадлежал когда-то святой кня-

гине Ольге – той, которая первая приняла христианство на Руси. Она сама его сделала из кедра.

– Из кедра? А кажется, что он железный, – удивилась Ольга.

– Да, крестик стал таким же твердым, как и ее вера. Моя Любушка, перед тем как навсегда уйти по своему мосту в этот лес, отдала мне эту святую вещь и сказала, чтобы я передала его той, которой он очень нужен. Я спросила, как мне узнать этого человека. На что она ответила, что, когда придет время, мое сердце мне подскажет... – тихо говорила Либуша и, помолчав немного, добавила: – Ее вера поддержит тебя. Она – твой ангел-хранитель. Открой глаза и иди. Ребята ждут тебя.

Ольга долго молча стояла перед Либушей. Наконец, она высоко подняла голову, обеими руками зажала маленький крестик и открыла глаза. Потом посмотрела в глаза Либуше и сказала:

– Когда Эстер спрашивала, на кого кто хочет быть похожим, я почему-то сказала, что на святую Ольгу, и попросила у княжны покровительства... Эстер тогда страшно разозлилась. И теперь я понимаю почему... У них есть все: власть, могущество, бессмертие... Но нет веры... Я верю своему сердцу, я верю, что мой ангел меня направляет и бережет... Я верю, что мост есть подо мной... Я пойду... Хорошо? – Ольга поцеловала Либушу и уверенно с открытыми глазами пошла над бездной.

Несмотря на то, что ущелье не было широким, Ольге казалось, что идет она очень долго. Каждый шаг ее был абсолютно осознанным, полным смысла... Наконец, нога ступила на мягкую теплую землю волшебного леса. Ольга аж захлебнулась от восторга. Краски, звуки, ароматы леса были словно с большей любовью сделаны Создателем, чем весь остальной мир. Даже ветер касался кожи и волос Ольги с особой нежностью. Никакой дорожки и тропинки не было. Ольга осторожно ступала на траву, боясь ненароком раздавить какую-нибудь букашку или примять травинку. Но удивительное дело, впереди ниоткуда стала появляться узенькая тропинка, которая сразу же пропадала позади Ольги. Долго Ольга шла по лесу, наслаждаясь всем, на чем задерживался ее взгляд: райским пением птиц, прикосновением ветра, который словно играл с ее волосами.

Тропинка вывела ее на большую, светлую поляну, по которой бежал ручеек. Ольга зачерпнула ладонями воду. Температура воды была именно такая, которая была бы приятна Ольге. А вкус! Ольга даже не поверила, что вода может быть такой вкусной. Она еще раз зачерпнула в ладони воды и стала жадно пить. Потом упала на траву, раскинула в стороны руки и почувствовала себя совершенно, безгранично счастливой. Так она лежала долго, слушая шелест листьев, пение птиц, различая в этом всем разнообразии звуки божественной музыки. Рядом на неведомый цветок села бабочка с человеческими чертами лица.

– Привет, – улыбнулась Ольга, – а мы уже виделись. Спасибо, что сопровождали меня в полете.

Бабочка, взмахнув крыльями, улетела прочь.

Сколько Ольга лежала без движения, она не заметила. Мысли облаками лениво плыли мимо, только ощущение абсолютного счастья все больше наполняло Ольгу.

«Я сейчас смогу полететь, – лениво думала она, – да, если захочу, то полечу. Я просто уверена в этом».

Она закрыла глаза и почувствовала, что немного поднялась над землей.

«Надо развернуться в воздухе, открыть глаза и подняться повыше», – спокойно думала Ольга.

Она так и сделала. Перевернулась в воздухе, трава щекотала ей лицо, еще немного поднялась вверх и подумала: «Интересно, а как я это делаю?»

– Да как угодно, – раздался звонкий голос рядом, – Хочешь – руками маши, хочешь – просто телу говори, куда и как лететь. Не важно. Главное – ты знаешь, что можешь летать.

Ольга от неожиданности упала в траву вниз лицом. Присела, выплевывая изо рта листочки, и огляделась. Рядом с ней висела в воздухе почти прозрачная прекрасная девушка. Казалось, что волосы ее – водопад, платье соткано из цветов и росы, прозрачная кожа будто подсвечена серебром. Она ласково смотрела на Ольгу.

– Здравствуй, Оленька. Я рада видеть тебя...

– Здравствуйте... – робко прошептала Ольга.

Она не знала, как обращаться к прозрачной волшебнице.

– Не пришло еще время узнать мое истинное имя. Зови меня фея, волшебница, как хочешь.

– Хорошо, Волшебница, – Ольга с трудом приходила в себя.

– Зачем ты пришла? – спросила Волшебница, и только сейчас Ольга поняла, что та не открывает рта, чтобы что-то сказать.

«А у меня так получится?» – подумала про себя Ольга.

– Да, – услышала девочка голос прозрачной девушки.

– Здорово! Ах, да! Зачем я пришла? Моих друзей украли дэдлиши, мне нужна помощь. И еще. Там, за горами есть лагерь. Там обитают мерзкие твари. Они отнимают души у детей. И еще, они, наверное, хотят контролировать весь мир... Звучит, как в фильме про Джеймса Бонда (откуда она может знать про Бондиаду?), контролировать весь мир», – Ольга в волнении снова заговорила в полный голос, но по промелькнувшей на лице феи улыбке поняла, что та услышала мысль про Бондиаду.

– Простите, я волнуюсь, – начала оправдываться Ольга. – Понимаете, если в своем мире я начну рассказывать про братство, про то, что многие известные и могущественные люди состоят на службе этих «ящеров-магов», то мне в лучшем случае не поверят, а в худшем – просто избавятся, запихнут в сумасшедший дом. Я не знаю, что делать.

– Я покажу тебе, кто эти, как ты их назвала «ящеры-маги», а ты потом будешь думать, что делать, – услышала Ольга голос феи. Волшебница протянула Ольге две бутылочки:

– Возьми их. Одну используй для спасения своих друзей, другую повесь себе на шею. Она будет беречь тебя. У тебя никто не сможет ее забрать. И волшебная она только для тебя. Но если ты сама, по своему желанию передашь ее кому-нибудь, то сила бутылочки удвоится...

Ольга взяла из прозрачных рук бутылочки и посмотрела их на свет.

– Радуга! Это радуга! – обрадовалась она, любуясь прозрачными, сияющими красками, заключенными в бутылочки.

Волшебница взмахнула рукой, и Ольга сразу как-то обмякла, легла на мягкую траву и тут же заснула. И приснился ей сон. Но все происходило как наяву.

Видела она прекрасное место, похожее на этот лес, и людей, очень красивых, но таких же прозрачных, как волшебница. Ольга, невидимая, летала между ними. Несколько лиц показались ей хорошо знакомыми. Она увидела Эстер и Гильша, еще нескольких магов из ее лагеря. Ольге никто ничего во сне не объяснял, но она многое поняла. Пазл сложился.

Очнувшись от странного сна, Ольга сразу вспомнила о ребятах:

«Нельзя терять времени!»

Оглянулась вокруг себя в поисках волшебницы. На поляне уже никого не было. Подняв с травы бутылочки с «радугой», Ольга подумала о тропинке, которая привела ее сюда. Тропинка тут же материализовалась. Крепко прижав бутылочки к груди, Ольга помчалась по тропинке к своему мосту. Уже стоя одной ногой на хрустальной поверхности, она в последний раз оглянулась на волшебный лес. Метрах в десяти от нее под большим кедром стояла пожилая женщина. Ольга внимательно присмотрелась и крикнула:

– Вы – Любушка, бабушка Либуши?

Женщина, ласково улыбаясь, кивнула головой.

– Что-нибудь передать ей?

«Я всегда рядом с ней», – услышала Ольга голос в своей голове.

Ольга помахала бабе Любушке рукой и, закрыв глаза, быстро побежала по хрустальному мосту.

Пробежав ущелье, она открыла глаза. Либуши нигде не было. Ольга посмотрела на солнце.

«Скоро станет темно, надо торопиться!» – пронеслась тревожная мысль.

«Наверное, Либуша, пошла домой», – подумала Ольга и побежала вдоль ущелья.

Около большого камня она увидела неподвижно сидящую Либушу. Та, не моргая, по-видимому, смотрела на «свой мост». Ольга осторожно подошла к ней и тихонечко дотронулась до плеча бабушки.

– Да, Оленька, надо идти, – тихо и очень грустно сказала она.

Ольга испытала некоторое разочарование. Как же так? Почему Либуша не радуется, что Ольга принесла бутылочки с «радугой»?

– Я не сомневалась в тебе. Но я увидела знак... Скоро мне нужно будет перейти этот мост... – смотря вдаль, промолвила бабушка.

– Как «перейти мост»? Вы же говорили, что мост можно перейти только три раза. Два раза Вы по нему проходили в детстве. Значит, сейчас если Вы пойдете по мосту, то больше не вернетесь? – чуть не заплакала Ольга.

– Да, милая, всему свое время... Но я всегда буду рядом с тобой... – Либуша, по-прежнему всматриваясь вдаль, взяла Ольгу за руку. На этот раз ладонь у бабушки была теплой и мягкой.

– То же самое сказала ваша Любушка: «Я всегда с ней рядом». Я видела ее, – Ольга осторожно посмотрела на Либушу.

Та улыбалась чему-то, и на глазах поблескивали, как показалось Ольге, голубые капельки росы.

Остальной путь до дома они шли молча, не проронив больше ни слова. Ольга увидела, что от дома бежит маленькая худенькая фигурка. Юля с перевязанной рукой бежала навстречу Ольге и Либуше. На ней был синий сарафан, который вчера дала бабушка. Синий цвет очень подходил Юле,

но этот наряд был немного великоват девочке. Ольгу одновременно насмешил и напугал вид спотыкающейся, запутывающейся в длинном платье девочки с перевязанной рукой и старыми кроссовками на ногах.

– Юля, не беги, пожалуйста, упадешь! – крикнула Ольга и побежала навстречу подруге.

– Где ты была? Я так испугалась! Никого нет! Ребят нет! Тебя нет! Лельки нет! Я думала, что все бросили меня! – Юля безудержно разревелась.

Ольга обняла ее:

– Юленька, милая, прости. Либуша не разрешила вас с Лелькой будить, чтобы вы не переживали за меня и не перепугались за ребят...

– А что с ребятами? Ты знаешь, где они? – размазывая слезы по щекам, дрожащим голосом прошептала Юля.

– Их ночью забрали дэдлиши, – ответила Ольга.

– Кто? – от удивления подруга, наконец, перестала плакать.

– Э, это долгая история, я тебе по дороге расскажу. Надо торопиться, ребят до наступления темноты найти, – Ольга, подхватив подругу за здоровую руку, потянула ее к дому.

– Леля! Леля! – крикнула Ольга, заходя в дом.

– Ее нет, я же сказала, что осталась одна, – удивленно посмотрела на Либушу и Ольгу Юля.

– Как нет? А где она? – оглядываясь вокруг, спросила Ольга.

– Я думала, что она с вами. Ну я же не знала, что ребят утащили какие-то дуриши, а ты ушла с бабой Либушей.

– Дэдлиши? – спросила Ольга, обращаясь к Либуше.

Та отрицательно покачала головой:

– Нет, они ходят только ночью, днем они не страшны.

– Куда же она делась? – удивилась Ольга.

Девочки следом за бабой Либушей зашли в дом и присели у стола.

– Лев, может, лев? – тихо проговорила Либуша, разливая из крынки молоко и пододвигая глиняные чашки девочкам, – поешьте немного и идите, пока темно не стало...

– Ладно, сначала ребят найдем, у дэдлишей их заберем, а потом насчет Лельки подумаем, – переодеваясь в свою одежду, решила Ольга. Потом удивленно посмотрела на себя и спросила у Либуши: – Когда вы все успели? Вся одежда чистая и сухая. У вас же стиральной машины нет?

– Нет, милая, нет. Есть ручей и пара рук. Все, все, милые, идите, – нежно подталкивая девочек к двери, ответила Либуша.

– Ой, я тоже переоденусь, – вспомнила Юля, – правда, Сереже очень понравился этот сарафан, – смущаясь, сказала она, – но все же в нем не совсем удобно ходить по лесу.

– Я тебе его дарю, – Либуша поцеловала Юлю в лоб.

– Оля, пойдем, выйдем. Пока Юля переодевается, я тебе покажу дорогу, по которой надо идти, чтобы найти дэдлишей.

Они вышли во двор и обе, посмотрев на заходящее солнце, отметили про себя, что времени остается все меньше и меньше.

– Видишь странные следы? Здесь – травка и цветочки, а здесь – земля мертвая. Это и есть следы дэдлишей. Все, чего они касаются или на что наступают, угасает и умирает. На эти следы не наступай, иди рядом. Далеко они не ушли, почувствовали, что у меня гости... Идите, пока светло и они спят. Когда настанет ночь, они опять придут сюда, но тогда одна бутылочка «радуги» не поможет.

– У меня две бутылочки, – напомнила Ольга.

– Нет, можешь сейчас использовать только одну. Вольешь ребятам в рот несколько капель, и у них хватит сил от дэдлишей оторваться. Вторую бутылочку повесь себе на шею. Вот тебе мешочек. Положи сюда бутылочку и никому о ней не говори! – Либуша достала из кармана своей широкой юбки льняной мешочек с милой вышивкой шелковыми нитками и протянула его Ольге. На пороге дома появилась Юля.

– Я готова к подвигам, – на лице Юли отразилась полная решимость победить кого угодно, только бы друзья были рядом.

Оля и Юля без труда нашли следы дэдлишей. Даже если бы Либуша не предупреждала, у девочек все равно вряд ли созрело желание наступать на их следы.

– Ужас какой-то, – передернулась Юля, – как будто смерть с косой прошлась. Я теперь и дома буду смотреть, куда на-

ступаю и сажусь.

Через какое-то время Юля спросила Ольгу, где она была утром. Ольга подробно, ничего не скрывая от подруги, рассказала ей о своей «прогулке» в лес.

– Ну ты даешь! Представляю, если бы я там была! Что бы я увидела? Как ты в пустоте по воздуху идешь над бездной? – Юлька остановилась, с восхищением и страхом вглядываясь в лицо Ольги.

Ольга ничего не ответила, воспоминания о полете увлекли ее.

– Я узнала, откуда взялись наши «любимые ящеры» и кто они такие.

– Да? Расскажи! – с мольбой в голосе, прижав здоровую руку у груди, попросила Юля.

– Этот лес – особый мир, – начала свой рассказ Ольга, – он существует очень, очень давно, наверное, еще и людей не было, когда возникли эти существа. Они как маги, как боги, они все-все знают... Им было здесь хорошо. У них нет физического тела, они как духи. Но вот что-то стало меняться. Проходят века, сменяются столетия. Появляются люди, сначала дикие, как животные. Эти, «прозрачные духи», хотят помочь людям. Они приходят к ним во снах, направляют, обучают... Люди под их руководством становятся разумнее. Племена превращаются в народы, поселения – в государства... Но некоторые маги хотят большего. Они хотят физического тела, плотских удовольствий и власти над людьми.

Несколько магов делают свой выбор и забывают о своей главной миссии – помогать людям обрести осознанность, веру и любовь. Эти несколько, приняв человеческое физическое тело, магов во главе с Гильшом и подружкой его Эстер изгоняются из леса и направляются к людям. Огромные знания они дали человечеству. Антарктида, Египет, Вавилонское царство, Римская империя, между прочим, Штаты, советская Россия, нацистская Германия – краткий путь их следования. Вавилон оказался особо любимой их эпохой. Все в нем было создано по их воле и желанию. Купаясь в роскоши, превратив обыкновенную похоть в религию, возвеличив алчность и бездуховность, они полностью подчинили себе полмира.

Когда-то обрета плоть, они потеряли душу. Поэтому с заходом солнца вылезала наружу вся их сущность. С каждым веком становился их ночной вид все омерзительнее, неся отпечаток всех пороков и пустоту «властелинов мира». Поддерживать себя они могли только с помощью человеческой жизненной энергии, души. Поэтому постоянно нуждались в большом количестве рабов. Рабское государство Вавилонское рухнуло в один момент, когда воспитанник Гильша и его магов, развратник и алкоголик, последний царь Валтасар, пьянствуя в храме, увидел на стене три огненных слова: «мани, фекел, фарес». Кончилось царство Вавилонское. Но маги не были бы магами, если бы не предвидели грядущие события. Они, прихватив с собой рабов, нескольких важных и могущественных аристократов, которые желали веч-

ной жизни, были уже далеко от земли, лежащей между Тигром и Евфратом. Аристократы эти и есть дэддлиши, как результат неудавшегося эксперимента с вечной жизнью.

На протяжении двух веков, появляясь на разных концах мира, меняя ход истории, затеывая войны, развивая технологии, которые разрушали тонкий баланс мира, они не упускали власть из рук. Но вскоре почувствовали они тоску по родному им месту. Захотели вернуться, а не получается. Земля их вожделенная отделена от грешного мира ущельем бездонным. И нет возможности его ни перелететь, ни мост положить. Так и поселились они рядом со своей «исторической родиной», в ожидании того человека, который, как сказали их звездные карты, видит мост через бездну. А чтобы власть над миром не терять и всегда подпитку под рукой иметь, сыграли на низостях человеческих: алчности, жадности, властолюбии, тщеславии и снобизме.

Родители сами отправляли своих чад на «обучение» к магам. Никому не нужных детей-сирот всегда много в странах, занятых революциями и войнами.

Такие «лагеря» они имели по всему миру. Объединяя нужных и перспективных детей в братства, они создали мощную систему контроля за миром. Короче, Юль, это краткое жизнеописание «наших славных друзей». На этом лекция закончена, дорогие слушатели, и мы приступаем к практической части нашего семинара, – рассмеялась Ольга.

Юлька, увлеченная рассказом подруги, совсем не замети-

ла, что они уже некоторое время не идут по лесу, а стоят посередине мрачной поляны, окруженной старыми, трухлявыми деревьями.

– Ой, где это мы? Фу, какое место противное! Оль, ты что остановилась? – поморщилась Юля.

– А ты по сторонам посмотри внимательно, может, что и увидишь? – тихо сказала Ольга, оглядываясь вокруг.

Юлька осторожно присмотрелась к мрачным мертвым деревьям и ахнула:

– Там наши мальчики!

Она кинулась к Сергею, который безвольно висел на дереве, обмотанный ветками и толстыми лианами.

– Оля, что это за дрянь их обмотала? Похоже на лианы, но у нас не джунгли! Это не рвется совсем, – Юля изо всех сил старалась сломать или хотя бы немного ослабить хватку странных деревьев, но все безрезультатно.

– У меня не получается! Оль, ну что ты стоишь, как вкопанная, помоги! Смотри, ребята почти не дышат! – закричала Юля.

Ольга и вправду стояла как вкопанная. Она не могла оторвать глаз от дэдлишей. Приглядевшись, она различила на этих «деревьях» что-то, отдаленно напоминающее человеческие лица. Вся их поверхность, покрытая какой-то грязной коркой и наростами, была изъедена червями. Дэдлиши крепко держали ребят, обвив их еще чем-то, напоминающим лиану. Если прислушаться, то можно различить странный звук,

которые издавали мерзкие лесные твари. Оля подошла совсем близко к такому дэдлишу, который «обнимал» Олега, и приложила ухо сначала к Олегу, потом к «дереву».

– Они дышат, – тихо сказала Оля.

– Хорошо, что дышат, – с трудом произнесла Юля, пытаюсь раздвинуть ветки, чтобы вытащить Сергея. – Черт, они только сильнее сжимают ребят! Я чувствую, что в них все меньше и меньше жизни.

– Нет, ты не поняла. Дэдлиши дышат. Послушай, – тихо сказала Оля, ближе прислоняясь к противной поверхности «деревьев».

– Только очень странно они дышат... Знаешь что? Я поняла! Они делают только вдох! А выдох не делают! Вдох! Вдох! И вот, гады, силы у наших ребят и забирают! – со всей силы пнув ногой по дэдлишу, крикнула Оля.

– Ну наконец-то дошло! Оль! Делай что-нибудь, я одна здесь уже устала бороться с этим «сорняком».

Оля, все еще как в тумане, вытащила из мешочка одну бутылочку с «радугой», открутила крышку и аккуратно влила несколько капель сперва Олегу, потом Сергею. Ничего не происходило, и Оля почувствовала, как паника и страх поползли по позвоночнику. Но вдруг ребята почти одновременно сделали большой вдох, как будто бы вынырнули из глубины морской. Открыли глаза. Оля наблюдала, как в глазах, мутных, рыбьих, «хорошо знакомых», стала появляться жизнь. Олег, уже окончательно пришедший в се-

бя, увидел Ольгу, которая, не двигаясь, в ужасе стояла перед ним. Олег громко зарычал, как мощный зверь, набрал побольше воздуха в легкие и разорвал лианы. «Ветки-руки» дэдлишей с треском оторвались и разлетелись в разные стороны.

– Вот гады, – отряхиваясь от праха и гнилого мха, только и сказал Олег.

– Сергей, Сереженька, давай, милый, подожди! – кричала Юлька.

Ольга, наконец, очнулась и увидела, как Сергей пытается освободиться от лап дэдлиша, а маленькая, худенькая Юля изо всех сил помогает ему, вгрызаясь зубами в лиану.

– Отойди, Юлек, – деловито сказал Олег, отодвинув в сторону девчонку. Он почти без усилий разорвал лианы и оторвал ветки, высвобождая из плена друга, – Все! Готово!

Юля бросилась на шею ошалевшему Сергею:

– Сереженька, миленький! Я так испугалась!

Сережа обнял Юлю и погладил по голове:

– Все в порядке, я жив. А ты смелая!

Ольга и Олег почувствовали себя лишними в этой лирической сцене.

– Надо уходить, скоро они очнутся. В лесу темнота быстрее наступает, – поторопила друзей Ольга.

– Ты права, надо уходить. Я больше не хочу попадать в объятия этих монстров. Кстати, как их называть? – спросил Олег.

– Дэдлиши, бывшие аристократы вавилонские, – ответила Ольга.

– Да ладно?! – удивился Олег.

И Ольга рассказала Олегу все, что узнала о магах, о своем «походе в лес», и все, что произошло за время, пока ребята были в «объятиях» дэдлишей. Никому только Ольга не говорила, что видит «особые» знаки на стене дома Либуши и на груди у Гильша. Не рассказала она и об истории Либуши.

Олег, чтобы удобнее было слушать Ольгу и чтобы та не спотыкалась о камни и ветки, предложил ей руку. Ольга, немного покраснела, но от руки не отказалась. Крепко взявшись за руки, они быстрее пошли по сумеречному лесу, иногда оглядываясь на воркующих голубков Юлю и Сергея.

***

Баба Либуша с посохом в руках стояла у порога дома, с тревогой вглядываясь в сумрачный лес. Наконец, на опушке появились четверо подростков.

– Скорее в дом! – крикнула она ребятам, и те побежали к дому.

Либуша обняла каждого. Ольге, взяв за плечи и внимательно всматриваясь ей в глаза, сказала:

– Да, ты особенная... Я не ошиблась.

– Да ладно, бабушка, какая я особенная? Видели бы вы, как я тормозила, покуда Юлька с больной рукой, но зато здоровыми зубами вгрызалась в дэдлишей!

Подумав о чем-то с секунду, оглянувшись на подругу,

Ольга спросила:

– Юленька, а где твоя повязка на руку?

– Ой, потеряла! – удивленно посмотрела на свою руку. – А у меня ничего не болит! Вообще!

Юля стала быстро сгибать, разгибать руку.

– Баба Либуша! Вы волшебница! Ничего! – она отвернулась от ребят, задрала футболку: – И от царапин и следа не осталось! Чудеса!

– Все, все, быстро в дом! Идите, умывайтесь. Банька растоплена. Потом – праздничный ужин с черничными и брусничными пирогами.

– Ура! – радостно закричали подростки, как дети, расталкивая друг друга, ввалились в дом.

– А вы? – спросила Ольга, выглянув из окна домика.

– Я защиту поставлю. Дэдлиши, обиженные, быстро приближаются. Иди, Оленька, иди.

Вскоре ребята, чистые, веселые, расселись вокруг стола, уставленного всевозможными яствами: дымилась вареная молодая картошечка, посыпанная укропчиком, блестели соленые белые грибочки. Огурчики, помидорчики, моченые яблочки. Зажаренная большая рыба в центре стола притягивала взгляд.

Ребята набросились на еду, как стая голодных волков.

– Я ничего вкуснее не ел! Никогда! Нигде! Теперь я понимаю, что такое настоящий вкус помидоров, огурцов и молока! – радовался сытый Олег.

– Угу, – только и смог промычать Сергей. Он завалился на лавку: – Я объелся. Чувствую себя как удав, проглотивший слона.

Девочки помогли бабе Либуше убрать посуду со стола, помыли ее в большой кадке и накрыли снова стол, чтобы попить чай с обещанными пирогами.

– А до пирогов это так, разминка была? – вздохнул Олег.

– А мне, хоть и некуда, но я все равно буду есть. Знаю – больше так нигде не накормят, – запихивая в рот большой кусок пирога, уговаривал себя Сергей.

После ужина ребята немного поболтали, делясь воспоминаниями о прошедшем дне, рассказали бабе Либуше о своих впечатлениях от дэдлишей и, наконец, сытые, довольные, завалились спать.

Ольга опять проснулась от того, что Либуша трясла ее:

– Оленька, Оленька, проснись, милая.

– Что, что опять случилось? Дэдлиши? Ящеры? – испуганно подскочила она.

– Нет, милая, никого нет. Ребята в порядке, – успокоила баба Либуша Ольгу. – Послушай меня, дорогая. Это очень серьезно. То, что ты сейчас узнаешь, самое важное в твоей жизни. Пойдем на крыльцо.

Ольга, кутаясь в одеяло, зевая, вышла на крыльцо. Только-только начинало светать.

Они сели на ступеньки перед входом. Либуша дала Ольге чашку с горячим, немного горьким травяным напитком.

– Надо все выпить. Это укрепит твои силы, – сказала Либуша, видя, что Ольгу передернуло от первого глотка. Ольга поморщилась, но маленькими глотками, осторожно, продолжила пить отвар.

– Оленька, мое время пришло. Я тебе говорила, что видела знак. Скоро я перейду свой мост через ущелье. Оттуда возврата для меня нет. Я не успела передать своих знаний – нет у меня детей. Мы – хранители тайны. Нас по миру немного. С трудом, но нам удастся противостоять ИМ. Ты – моя преемница...

– Какая я преемница, баба Либуша? Я обыкновенная, почти московская девчонка. Я и в чудеса никогда не верила. Да и сейчас сомневаюсь, уж не сон ли все это? Нет, – покачала головой Ольга, – я не согласна! Я за магическими книгами сидеть не буду, волшебной палочкой колдовать не научусь. Читать чужие мысли, перемещаться в пространстве? Нет, пожалуйста!

– Поздно, деточка... Все уже решено... Не мной и не тобой... – тихо и обреченно, смотря куда-то вдаль, ответила Либуша.

– Я не хочу! Гарри Поттер и Василиса Премудрая впере-мешку! Бред! Не хочу и не буду! Простите, дорогая бабушка, но я – пас! – Ольга решительно встала, чтобы уйти, но пошатнулась и как-то вся обмякла: – Ой, что это со мной? Голова кружится...

Либуша подхватила Ольгу, положила ее у порога, ласково

погладила по голове и сказала:

– Сейчас ты умрешь...

– Зачем, баба Либуша, зачем вы отравили меня? – У Ольги на глазах выступили слезы, она держала бабушку за руку, но постепенно силы покидали ее, и рука безвольно повисла вниз.

– Ты умрешь, чтобы вновь родиться. Чтобы мне передать тебе все наши знания, знания хранителей, потребовалось бы несколько лет усиленного обучения... Времени нет... Сегодня мне нужно уходить... Но знания можно передать, если ты умрешь и встретишься там с источником нашей тайны... Ты должна выжить, для того чтобы постепенно открывать в себе тайну и узнать свое предназначение... Скоро, скоро, Оленька, твоя душа покинет тело и ты полетишь... – вглядываясь в потухающий взгляд Ольги, прошептала Либуша, – но ты должна вернуться! Новая, сильная! Ты забудешь все, что с тобой сейчас произошло, ты забудешь о нашем разговоре. Путь свой ты найдешь сама, обязательно найдешь... Но я всегда буду рядом... Прощай, Оленька!

Ольга в последний раз с мольбой посмотрела в глаза плачущей Либуши и умерла.

Она увидела себя со стороны. Вот тело ее лежит на пороге белого домика, и рыдающая Либуша гладит ее по голове, целует ее руки.

«Ага, можно посмотреть, что делают ребята. Неужели дрыхнут, когда рядом с ними происходит такая драма: отрав-

ление их подружки! Надо же! Как все интересно! А с высоты птичьего полета видно все по-другому. Интересно, а что сейчас в лагере? – только Ольга подумала о лагере, как тут же очутилась в нем. – А где все? Никого нет! Ах, да! Вчера всех должны были вывезти. Боже! Мои родители! Они сойдут с ума, узнав от дяди Жени, что меня нет среди ребят. Интересно, что же скажут «ящеры» о моем исчезновении? Бедные родители!»

Ольге очень захотелось повидать маму и папу, и она тут же переместилась в пространстве и оказалась в своей московской квартире.

«Ух ты! Здорово! Никакие тебе самолеты не нужны! Подумала, и ты на месте!» Тут она заметила, что, несмотря на то, что в квартире есть и мама, и папа, и Марь Санна, стоит какая-то гробовая тишина. Мама сидит на диване, мертвенно бледная, смотрит в одну точку на стене и не моргает. Марь Санна словно летает над землей, так тихо она перемещается по кухне. Папа сидит в кабинете, сжимает трубку телефона и курит.

– Пап, ты же бросил курить лет десять назад! – воскликнула Ольга, но папа почему-то ее не услышал.

Вдруг в тишину ворвался телефонный звонок.

– Да! Да! Жень, я слышу тебя! – кричал папа в трубку телефона. – Да, понял! Все, сейчас вылетаю! Собери лучших своих ребят, я тоже возьму своих. Приступим к поиску немедленно!

Петр Андреевич бросил телефон на стол:

– Найду этих уродов – под землю закопаю вместе с их проклятым братством. Повелся, как тщеславный дурак!

Ольга вернулась в гостиную к маме. Ей хотелось что-нибудь ей сказать, насмешить, лишь бы мама не сидела так, лучше бы она плакала или ругала Марь Санну.

В комнату вошел папа:

– Люсенька, я сейчас вылетаю. Милая, все будет хорошо, я обещаю...

– Она умерла, – одними губами серого цвета произнесла Людмила Юрьевна.

– Люда! Что ты говоришь! Побойся Бога! – закричал отец.

– Она умерла и сейчас смотрит на нас. Она здесь...

Марь Санна, стоявшая у двери, зажала рот руками, чтобы не закричать, а потом стала быстро-быстро и часто креститься: «Свят, свят, свят».

Папа подошел к маме, сел рядом. Крепко обнял ее за плечи и тихо сказал:

– Я сделаю все возможное и невозможное, чтобы вернуть нашу дочь. А ты обязана сохранить нашего сына. Ты должна сохранить нашего сына! – твердо сказал отец, поцеловал маму и, не оборачиваясь, вышел из комнаты.

Ольга хотела броситься к маме на шею, успокоить ее, сказать, что все в порядке.

«О каком сыне они говорят? Господи, у меня будет брат! Здорово! У меня будет брат!.. Но у него не будет сестры!

Потому что я УМЕРЛА!»

До Ольги, наверное, только сейчас дошло, что она умерла.

Она хотела заорать, но ее крика никто не слышал. Она металась по комнате, по лагерю, вернулась к домику в долине. Увидела, что Либуша идет по воздуху над пропастью, а ребята, ее друзья, в ужасе бегают вокруг бездыханного тела, ее тела. Она попыталась вернуться в свое тело, но какая-то неведомая сила потянула ее вверх...

Неведомая сила тянула ее вверх с невероятной силой. Ее притягивал свет. Холодный, абсолютный свет... Еще чуть-чуть, и этот свет поглотит ее и сделает частью себя. Она просто-напросто сольется с этой могущей массой, и тогда все! Все кончится и не останется ничего: ни боли, ни радости, ни воспоминаний. НИЧЕГО! ПУСТОТА! МОЖНО НАЧИНАТЬ ВСЕ СНАЧАЛА!

– Не-е-ет! – закричала Ольга.

– Ты вернешься, – услышала она бесстрастный голос вокруг себя или в себе? – Ты вернешься, наполненная силой и знаниями... Но чтобы они не убили тебя, то тайна открываться в тебе будет только после того, как ты разрешишь себе быть мудрой и сильной. Ступай!

Ольга вдруг почувствовала: вокруг нее что-то изменилось. В крошечной темноте стали появляться какие-то образы, движение. Не видя ничего, она осознавала, что вся история цивилизации, все тайные знания и умения человечества,

вся боль и радость всех живших и ныне живущих людей проходят через нее. Боль, паника, ужас, странные образы сводили с ума. Душа Ольги металась, не желая этого принимать.

– Не надо, пожалуйста! Не надо! Мне страшно, больно и одиноко! – умоляла она.

– Если ты откажешься, то тебе придется уйти в свет забвения. Ты все забудешь... Но тебя забудут ли? – продолжал холодный голос.

– Мои родители! Мой еще не рожденный брат! Мои друзья! – Ольга поняла, что вот он, настоящий ужас – горе родителей, вот он настоящий страх – страх за судьбу своих друзей. И осознание пришло к ней вместе с решимостью:

– Я готова принять все. Все, что мне уготовано, – смиренно произнесла она.

Ольга только наблюдала, как в нее заходят образы, чувства, эмоции. И больше ничего в ней не шевельнулось. Только одна мысль красной нитью проходила через весь этот ужас: «Мне надо вернуться! Я все пройду! Меня ждут!»

Опять поток подхватил ее и понес в неведомое. Ольга уже ничему не сопротивлялась.

«Пусть будет так, как должно быть. Я сделала все, что могла. Я боролась. Я верила», – думала Ольга, наблюдая за разноцветными потоками, несущими ее в никуда. Но вдруг показались знакомые образы: лица родителей, друзей. Вот она увидела долину, беленький домик, свое бездыханное тело, рыдающую Юлю, оцепеневших от ужаса парней...

Вместе с разноцветным, как радуга потоком, Ольга ворвалась в свое тело.

– С приземлением! – с первым вздохом вылетело из уст Ольги, но никто за Юлькиными рыданиями не расслышал, как показалось в первый момент Ольге, столь остроумный пассаж.

– Юля, я пить хочу, – еле слышно проговорила Ольга.

Юля продолжала рыдать. Ольга с трудом подняла руку и постучала по вздрагивающей спине подруги:

– Юля, пить дай.

Юлька перестала рыдать и очень, очень медленно стала разгибаться. Она с ужасом посмотрела на Ольгу.

– Юля, я сейчас умру от жажды! Дай пить!

– Оленька, милая! Она жива! Олег! Сергей! Она жива! – кричала, как сумасшедшая, Юлька.

Ребята бросились к Ольге, не веря своим глазам.

– Пить дайте, изверги! – мычала Ольга пересохшими губами.

Олег с Сергеем наперегонки, отталкивая друг друга, бросились в дом за водой. Первым выскочил Сережа, но, споткнувшись о порог, упал, чашка выпала из рук. Он выругался, потом испуганно посмотрел на Ольгу:

– Олька, прости, больше не буду! Я хотел сказать «пи-и-ип».

Олег, перешагнув через лежащего на земле Сергея, подбежал к Ольге:

– На, Оленька, водичка колодезная. А может, тебе холодной воды нельзя? – волновался он.

– Я умерла, а не заболела! – пошутила Ольга.

– Ну тебя! Так напугала! – воскликнула Юля.

Оля постепенно приходила в себя, и ребята, перебивая друг друга, рассказали, как проснулись и обнаружили бездыханное тело подруги. Как перепугались, начали искать бабу Либушу, но той нигде не было.

– Сколько я лежала без дыхания? – тихо спросила Ольга.

– Мы не знаем точно. Когда Юля встала и с криком подняла нас, было около девяти.

Ольга смутно стала вспоминать, что рано утром, когда только-только стало светать, баба Либуша вывела ее во двор и напоила травяным горьким отваром.

«Зачем она хотела отравить меня?» – удивилась про себя Ольга.

– Ты что-нибудь чувствовала? Может, снилось что-нибудь? – спросил Олег.

– Нет, – тихо произнесла Ольга, – нет, ничего не помню...

К вечеру, когда почти стемнело, ребята, наконец, заговорили о своих планах. Никто толком не понимал, что же делать дальше, куда идти и кого искать. Вспомнили, что дата отъезда из лагеря прошла вчера или сегодня. Ольгу о ее «смерти» никто больше не расспрашивал. Для всех, в том числе и для самой Ольги, осталось тайной, как она могла пролежать без дыхания несколько часов. Решили, что это

действие странного Либушиного зелья. Бабы Либуши все не было, и создавалось впечатление, что она ушла навсегда. Дом все больше заполняла тоска, она покрывала своей склизкой тиной расписные стены, веселые чистенькие занавесочки, деревянную теплую мебель и, наконец, воздух беленького домика. Тоска и маета заползли и в души ребят. Сергей и Олег заполнили все ведра и кадки колодезной водой, накололи дрова, девчонки перемыли дом, посуду, убрали постели, но тоска победила. Так и сидели они, молча, по углам дома, не зная, чем заняться. Ольге вообще хотелось завывать. Какие-то тревожные образы урывками всплывали в подсознании, хотелось куда-то бежать и что-то делать. Очень хотелось домой.

– Надо идти... – нарушила тягостное молчание Ольга, – Дядя Женя, наверное, уже позвонил папе, что меня нет среди ребят из лагеря, и родители сходят с ума.

– Мои тоже сходят с ума, – напомнил Олег.

– Бабушка! У нее больное сердце! Господи, что же будет, если я в ближайшие дни не появлюсь дома? – губы у Юли задрожали, глаза наполнились слезами.

Серега отвернулся и зло сплюнул на чистый пол. Ему никто не сделал замечания.

– Ну что же делать?! А? – отчаянно всплеснула руками Ольга, – Я не знаю, что нам делать! Уже темно, дэдлиши, наверное, окружили дом...

– Слушай, Серый, – вдруг деловым тоном заговорил

Олег. – Эти «престарелые пиноккио» ходят медленно. Если мы бегом мимо них пронесемся, то они нас не зацепят.

– Интересно, куда это мы побежим с тобой? Вверх по водопаду поднимемся? Смысл в чем? – ухмыльнулся Сергей и хотел было опять сплюнуть, но, посмотрев на Юльку и Ольгу, передумал.

– Надо подумать, как вернуться туда, где большие камни образуют круг... Там место возврата... – тихо размышляла Ольга.

– Но, чтобы туда вернуться, надо найти дорогу в лагерь, пройти незаметно мимо амбалов безглазых и объяснить «ящерам»-жрецам, что мы невкусные и есть нас не надо, – продолжал глумиться Серый.

Ребята опять замолчали, отвернувшись друг от друга.

– Все! – Олег встал и направился к двери. – Не могу больше здесь сидеть без дела, пойду. Серый, ты со мной?

– Олег! Ну куда ты на ночь глядя? – пытались остановить парня девчонки. – Дождись утра. Вместе все спозаранку и пойдем.

– Я тоже с Олегом сейчас пойду, – Серый засунул пару пирожков в карманы брюк и открыл дверь на двор.

– Ну вы что? Неправильно это! Идти, конечно, надо, но утром, – Ольга пыталась загородить проход Олегу, но тот ласково и решительно отодвинул подругу в сторону.

– Юль, ну что это такое? – плакала Ольга. – Они как будто разум потеряли! Мало, что ли, нам приключений за послед-

ние дни!

– Если влипнете в какую-нибудь неприятность, то мы вас больше спасать не будем! – крикнула вдогонку уходящим в темноту ребятам Юля и громко хлопнула дверью. – Вот упрямые! Вечно этим парням дома не сидится, постоянно ищут приключения на свою голову, а потом мы их вытаскиваем из неприятностей!

Ольга села у окна и грустно смотрела в окно.

– Что ж так тошно, а? – вздохнула она.

– Ну, конечно, тошно будет. Сиди тут, жди у моря погоды... – бурчала Юля.

– Нет, мне после возвращения с того света все гаже и гаже на душе становится. Как будто забыла что-то очень важное или что-то сделать должна, но не помню что... – делилась Ольга.

– Да, все это странно... Где это видано, чтобы человек без дыхания несколько часов пролежал? – согласилась Юля. – Слушай, а может, ты и сейчас мертвая? Ну, как зомби? Дай пульс прощупаю?

Юля метнулась к подруге, чтобы и на самом деле проверить ее пульс.

– Ну тебя, Юлька! Какая я зомби? Хотя от тоски на душе как у мертвеца, – Ольга протянула руку. – На, проверь пульс.

Юлька осторожно взяла Ольгину руку и, нащупав пульс, разочарованно произнесла:

– Не, живая. Обыкновенная живая...

– Надо же, какое разочарование! Я – живая! – засмеялась

Ольга.

– Ну, конечно, скучно! Подумаешь: у меня живая подруга! Вот если бы ты была живым мертвецом, то о тебе писали бы журналы, приглашали бы в ток-шоу, можно было бы выпустить свою марку одежды, печатать футболки с твоим изображением, стать консультантом в голливудских фильмах про зомби, – мечтательно подняв глаза к потолку, сжимала пальцы Юля.

Ольга, валяясь от смеха на высокой пышной деревенской кровати бабы Либуши, перебила Юлю:

– А ты тут при чем?

– Как это «при чем»? – Юлька с деланным удивлением посмотрела на Олю. Я твоя подруга, судя по некоторым косвенным признакам, единственная. Конечно же, и у меня будут брать интервью, каково быть лучшей подругой девушки-зомби? Я могла бы даже книгу написать! – продолжало нести Юльку. – «Жизнь с мертвецом»! Каково! А?

– Все, Юль, хватит! Живот от смеха лопнет! – взмолилась Ольга.

Они еще долго бы продолжали дурачиться, если бы их не прервал крик, доносящийся с улицы.

– Что это? – испуганно прошептала Юля.

– Я не знаю... – Ольга подошла к двери и открыла ее.

Ночь вступила в свои владения, но огромная полная луна осветила долину.

– Луна какая нереальная! – невольно воскликнула Ольга. – Полнолуние, наверное.

– Да, полнолуние. Любимое время всяких злыдней. А все же что это за крик был? – напомнила Юля.

– Не знаю, может, показалось? – продолжала шептать Ольга.

– Ага, показалось, обеим сразу, – засомневалась подруга.

– Что делать будем? – Ольга с тревогой вглядывалась вдаль.

– Не знаю... Пройдем немного вперед? Правда, дэдлиши нас, наверное, уже ждут...

– Либуша вокруг дома защиту выставляет... Но я не знаю границ этой защиты и работает ли она вообще сейчас... – шептала Ольга.

Девочки еще немного постояли на пороге дома, а потом, переглянувшись и взявшись за руки, решительно двинулись прочь от дома. У Ольги вдруг возникло острое желание перекреститься, но она постеснялась Юли и только крепко сжала в кулачке висевший на шее крестик, подарок Либуши, а бутылочку на серебряной цепочке, подарок волшебницы из необыкновенного леса, повесила под футболку. Вспомнила, что в бутылочке, которой спасли ребят от дэдлишей, осталось немного жидкости, и глубже спрятала в карман брюк.

– Что это? – Юлька резко остановилась.

– Где? – прошептала Ольга.

– Там, видишь, что-то на земле лежит? Ой, кажется, это

наши пацаны. . .

Девчонки, забыв об осторожности, бросились к ребятам, неподвижно лежавшим на земле. Олег и Сергей не шевелились. Ольга и Юлька так испугались за ребят, что даже не заметили, как сзади к ним приблизились огромные фигуры пустоглазых охранников жрецов. Ольга вдруг почувствовала жуткую боль на шее, парализующую ее тело, и, перед тем как потерять сознание, успела удивиться тому, что амбалы пользовались простым электрошоком, а не ставшей уже привычной магией.

***

К Ольге с трудом возвращалось сознание.

«Я что, снова умерла? – лениво пронеслась мысль. – Когда же это закончится? Как домой хочется. . .»

– Будешь хорошей девочкой, завтра же дома окажешься, – услышала Ольга жуткий хриплый голос. Она с трудом открыла глаза и застонала от разочарования. Ольга лежала на холодном алтаре в темном зале перед золотым истуканом, там, откуда всего несколько дней назад вытащила Олега и Юлю.

– Не может быть! Опять все сначала начинать! – Ольга спустила ноги с алтаря и осмотрелась вокруг.

Перед ней стояли две жуткие фигуры в синих со звездами мантиях.

– Фу, как же вас жизнь потрепала, – брезгливо передернулась Ольга, едва взглянув на «жрецов-ящеров».

– Ха, ха, ха, – без выражения проревел главный жрец с

бриллиантовой пентаграммой на шее. – Как мы продвинулись вперед. Это что? Наглость и уверенность в тихом книжном мышонке? Видишь, и тебе пошло на пользу пребывание на нашем конвейере успешных и амбициозных детишек.

– Спасибо за науку, а теперь я хотела бы со своими друзьями отправиться домой, – Ольга соскочила с высокого каменного алтаря и, не глядя на фигуры жрецов, направилась к выходу.

Эстер, или что от нее осталось, крепко схватила Ольгу за руку, и девочку чуть не стошнило от мерзкого зловонного дыхания, исходящего от нее, и прикосновения ледяных, напоминающих клешней, пальцев.

– Ты не можешь так просто уйти, – прогремел голос Гильша.

– Почему? – равнодушно спросила Ольга, отворачиваясь от Эстер.

Она, конечно же, понимала, что ее никто так просто не отпустит, и ждала, когда те назовут свои условия или требования:

– Что от меня хотите?

– Умная девочка, быстро соображаешь, – похвалил «ящер».

Жрец подошел к высокому креслу, тяжело сел в него, взял посох, прислоненный к подлокотнику. Жестом пригласил сесть и Ольгу на стул. Ольге не хотелось садиться, но так она могла бы отойти от вонючей Эстер. Зловоние рядом с

Гильшем было не меньше, но выбирать не приходилось, поэтому Ольга покорно села, зажав в кулачок крестик.

– Ну что ж. Я в тебе не разочаровался. Ты и на самом деле оказалась проводником, о котором сообщили звезды и которого мы давно ждали. Прежний проводник нас разочаровал...

Ольга сидела, низко опустив голову, не проронив ни слова и не издав ни звука. Она решила молчать так долго, как только это возможно, чтобы продумать план к спасению.

– Ты же виделась с этой старухой? Что она тебе рассказала?

Ольга продолжала молчать.

– Отвечай! – главный жрец ударил посохом о мраморный пол.

Ольга вздрогнула и тихо сказала:

– Слушайте, как Вас там? Давайте сразу к сути дела. Что от меня надо?

«Ящер» удивленно «посмотрел» на Ольгу прозрачными глазами и вдруг заговорил уставшим тихим голосом:

– Нам надо вернуться... Покажи нам дорогу... Покажи мост через ущелье...

Ольга удивленно подняла глаза на жреца. Во всем его облике, как ей показалось, совсем вдруг не осталось ничего величественного и устрашающего. Он весь как-то сжался, сгорбился и выглядел очень уставшим и измученным.

– Я не могу, – тихо и удивленно ответила Ольга.

– Надо, – так же тихо и равнодушно сказал жрец, – ты же знаешь, что живой отсюда не выйдешь, если нам не помо- жешь.

– Я правда не могу. Даже если бы захотела, – стала уже оправдываться Ольга.

– Слушай, упрямая овца, – зло и тихо прошептал «ящер», – я устал, очень устал от вас, тупых и жадных смерт- ных. Нас осталось очень мало, тех, кто ушел из леса... Я хочу вернуться. Долгая жизнь среди вас, тупоголовых, разо- чаровала меня. За тысячи лет вы несколько не изменились. Я ушел из своей земли, так как верил в людей, верил, что, обладая плотью и став похожим на людей, я реально смогу сделать вас лучше. Дам вам знания, умения. Самых лучших из вас научу, как управлять стадом баранов. Но вы всегда, всегда разочаровывали меня! Я хотел как лучше для вас же, мерзкие твари! – «ящер» закашлялся, Эстер положила руку ему на плечо, и тот неожиданно для Ольги ласково погладил «руку» Эстер.

– Я любил ее. И хотел быть с ней во всем. Она любила меня и пошла за мной... Но нам надо вернуться. Нам нече- го делать здесь, среди людей... Ничего нового не появляет- ся. История все время повторяется. Как только мы делаем из кого-то сильного лидера, который может изменить мир и сделать мир идеальнее, как этот выскочка начинает творить черт знает что, не слушая нас. И все заканчивается, как все- гда, очень плачевно...

– Македонский, Наполеон, Гитлер, Сталин, Ленин – ваши подопечные? – спросила Ольга.

«Ящер» устало кивнул:

– Разбирайтесь сами. Мы создали мощную систему, дали тайные знания – дальше без нас. Отведи нас домой!

– Я правда не могу, – с жаром ответила Ольга и вся сжалась, ожидая приступа гнева жреца.

– Я видел, как ты шла по воздуху! Я видел, как эта старуха дважды переходила ущелье! Ты можешь нас отвести! – орал «ящер».

– Нет! Не могу! – закричала в ответ Ольга. – Не могу! У каждого свой мост! Я вижу только свой мост! Либуша не видела мой!

– Как же вы шли рядом, если она не видела твоего моста? – удивилась Эстер.

Ольга передернулась от ее скрипучего голоса, вспомнив, каким певучим и завораживающим был он раньше.

– Она шла по моему мосту, хотя не видела его, только потому, что верила мне, – ответила Ольга, вглядываясь в пустые глаза Эстер.

– Как это верила? – удивилась Эстер.

– Вы сможете подойти к краю пропасти и сделать шаг в пустоту только на вере ко мне? Вы поверите мне настолько, что сделаете этот шаг? А если я вру и моста нет, если я просто хожу по воздуху, а если вам дороги назад нет и это просто уловка богини того леса, чтобы избавиться от ослушавших-

ся ее? Пойдемте! Пойдемте со мной! Я возьму вас за руки и поставлю на мост, который вижу только я. Или не вижу? А? Ну что же вы сидите? Пойдемте! Только мне в волшебный лес нельзя. Я могу его перейти в последний раз, когда увижу знак, что надо идти. Так ушла Либуша, а до этого ушла Любушка... Если я пойду просто так, без знака, то боюсь, что не дойду. Время еще не пришло... Но вы можете перейти! Конечно! Очень просто! Только поверьте мне! И сделайте шаг в пустоту! Только поверьте в меня! – кричала Ольга в мерзкое «лицо» сидевшему напротив нее «ящеру».

У Ольги началась самая настоящая истерика. Что еще она кричала мерзким тварям, она не понимала. Осознание, что эти жрецы не получают того, чего так жаждали многие века, и поэтому, скорее всего, растерзают Ольгу и ребят вместе с ней, сводило с ума, но остановиться она не могла и продолжала кричать, сквозь слезы призывая их идти по невидимому мосту с верой в нее, маленькую, ничтожную для них девочку.

Вдруг все это время молчавший Гильш медленно встал с кресла, поднял прозрачные глаза к золотому истукану, и из его груди раздался жуткий, нечеловеческий крик. Ольга в ужасе упала на ледяной пол и зажала уши. А крик не прекращался, только становился все глубже и громче.

Тут «ящер» «посмотрел» пустыми глазами на Ольгу, вжавшуюся в пол, и крик прекратился.

– Ты убила надежду! Последнее, что заставляло меня дви-

гаться, – надежда на возвращение домой!

– Сдохни! Сдохни, человеческая тварь! – Жрец направил посох прямо на Ольгу, и из посоха, как из автомата, вылетела огненная молния, больно ударив Ольгу в грудь, прямо в то место, где рядом висели крестик и бутылочка с «радугой». Ольгу отбросило далеко назад, к проходу, закрытому тяжелыми тканями, и она постаралась спрятаться в складках парчи. Вдруг она опять услышала крик, на этот раз он исходил и от Эстер. Ольга осторожно выглянула из-за занавесок, нащупывая крестик на груди. Крестик святой Ольги, очень горячий, висел на веревочке, а бутылочки не было, она разбилась от посоха жреца. Только сейчас Ольга заметила, что от нее самой к жрецам медленно растекается в воздухе настоящая радуга, заполняя все большее пространство жертвенного зала и обволакивая тела жрецов. Те, растворяясь и постепенно исчезая в лучах божественной радуги, продолжали неистово кричать до тех пор, пока окончательно не пропали в разноцветном потоке. Ольга, широко открыв рот, не отрываясь, смотрела, как в один миг исчезли, растворились такие ужасные и могущественные на протяжении всей истории человечества существа...

А радуга тем временем заполняла все больше и больше места; ей стало тесно в темном зале, и она норовила как будто бы вырваться на свободу, разрушив каменный мешок. Стены башни затряслись. Сначала по одному, затем целыми рядами из «Вавилонской башни» стали вылетать мощные каменные

блоки-кирпичи... Ольга вспомнила о друзьях. Они, скорее всего, в подземелье, там, и где эти несчастные дети, у которых украли души. Если башня разрушится, то погибнут все. Поддавшись внезапному порыву, она схватила посох жреца и бросилась вниз. Никогда раньше она так быстро не бежала, перепрыгивая через несколько ступеней. Ворвавшись в подземелье, она сразу увидела друзей.

– Оленька! Милая! – закричала Юля. – Ты как вырвалась от этих «ящеров»?

– Что это за шум? Как будто бы башня рушится? – спросил Олег.

– Она падает, надо бежать! Господи, где же ключ? Серый, у тебя остались отмычки? – Ольга, зная, как быстро разрушается башня, тряслась от ужаса мелкой дрожью.

– Нет, они пропали еще в прошлый раз здесь же, – ответил Сережа, вглядываясь в лицо Ольги, – ты че, замерзла что ль? Трясешься вся...

– А? Да, да, з-замерзла. Где же ключи? – тряслась Ольга, и вдруг она почувствовала, что перестала дрожать и знает, как открыть камеры.

– Отойдите! – твердым голосом скомандовала она. – Встаньте лицом к дальней стене. Быстро! Сейчас все рухнет! Времени нет совсем!

Ошарашенные видом Ольги, ребята покорно встали лицом к дальней стене, закрыв головы руками.

Ольга отошла от железной решетки на некоторое рас-

стояние, направила посох на замок и задумалась: «А дальше-то что?» Это в кино все просто, ничего не объясняется, «бамс» – и готово. У Ольги в голове пронеслось несколько вариантов открывания дверей волшебным посохом, но все казались смешными, бредовыми или детскими. Потом неожиданно пришло понимание, что надо делать. Ольга крепко зажмурилась и постаралась представить, как луч света, исходящий из посоха, разбивает замок камеры. Но ничего не происходило. Какое-то новое, незнакомое ранее чувство подсказывало Ольге, что она двигается в правильном направлении, нужно только добавить чуть больше веры в свои действия. Она еще раз представила себе картинку открывания дверей камеры с помощью посоха, на этот раз дав мысленную команду посоху «пли». Вдруг из длинной волшебной палки выскочил робкий луч света и едва коснулся решетки.

– Оль, ну давай быстрее, там все рушится наверху, – взмолились ребята, и у Ольги прибавилось решимости в правильности своих действий.

Она решительно взмахнула посохом, быстро представив себе, как сильный луч света разбивает решетку, и громко крикнула: «Пли!»

Раздался взрыв, Ольгу отбросило взрывной волной, а с потолка посыпались камни. От решетки не осталось и следа. Ребята, отряхиваясь от пыли, выскочили из камеры:

– Ты в следующий раз тише пали, ладно?

Удивленная Ольга поднялась с пола, посмотрела на посох и еще раз поразилась тому, как с помощью одной только мысли заставила работать эту странную вещь.

– Надо ребят тоже вытащить, – напомнила Юля.

Ольга подошла к камере, где находилось человек десять подростков с прозрачными глазами, и, представив, как луч света разбивает замок, уверенно, но негромко скомандовала: «Пли».

На этот раз отлетел только замок. Никто в камере даже не двинулся.

– Что же нам с ними делать? – разочарованно проговорила Юля. – Оставлять нельзя, их заживо засыпает.

– Конечно же, мы их не оставим! Надо всех выводить на поверхность. Они подчиняются командам. Ты, Юля, должна давать им четкие команды. Например: стройся по двое, идите за мной, не отставать. Короче, сама действуй. Мы с ребятами идем впереди на случай, если нас захотят остановить. – Ольга действовала уверенно и решительно, молясь про себя, чтобы еще не засыпало выход на улицу.

Ребята стали быстро подниматься наверх. Ольга – первая, держа перед собой посох жреца, как длинный меч, за ней Олег, потом Юля с ребятами в одежде цвета хаки, замыкал процессию Сергей.

На первом этаже уже сыпался потолок, грозя вот-вот обвалиться и придавить ребят.

– Быстрее наружу! – кричала сквозь грохот и пыль Оль-

га. Она уже добежала до входной двери, но вдруг наткнулась на что-то мягкое. Удивленно подняла глаза и с трудом разглядела в густом тумане невозмутимых огромных амбалов, охранников жрецов. Они совершенно спокойно стояли, преградив входную дверь.

– Упс, – только и смогла произнести Ольга, оглянувшись на Олега.

– Дай я разберусь. У меня к ним «претензия» имеется, – Олег попросил Ольгу отойти в сторону.

Что он делал с этими громадинами, девочка толком в пыли рассмотреть не смогла. Но по звонким ударам и шлепкам догадывалась: «претензий» у Олега накопилось много.

Наконец, Олег, отряхиваясь и поправляясь, вышел из тумана:

– Все-таки двенадцать лет боевых искусств не прошли даром.

Когда ребята выскочили на улицу и отбежали на безопасное расстояние, башня рухнула. Через некоторое время в лагере, погруженном в темноту, наступила мертвая тишина.

– Что же теперь делать будем? – спросила Юля.

– Выбираться, – решительно сказала Ольга. – Сережа и ты, Юля, бегите в дом, где я жила. Там под моей кроватью должен лежать рюкзак. Самая ценная вещь в нем – телефон.

– Здесь связь не работает, – удивились ребята, – как же ты звонить собралась?

– Это совершенно не важно. Главное, чтобы зарядка пол-

ная была и луна тоже полная на нас светила. Все, вперед. Скоро рассвет. Если опоздаем, еще на месяц застрянем.

Сергея и Юлька рванули в темноту, а Олег устало сел на траву:

– А с этими несчастными что делать? Сердце кровью обливается, на них глядя. Вроде люди, и в то же время как роботы бездушные. Послушные, работающие – мечта любого правителя. Этаким покорный электорат.

– Ага, у нас полстраны таких лет восемьдесят назад было, все коммунизм дружно строили... – с грустью ответила Ольга. А я знаю, кажется, что делать.

Оля достала из кармана джинсов чудом уцелевшую бутылочку феи с радугой, которую девочки давали ребятам, спасая их от дэдлишей.

– Да, немного, но хоть по одной капельке, может, каждому достанется? Попытка не пытка, хуже уже все равно не будет, – как будто бы уговаривала себя Ольга.

Она вздохнула, открыла бутылочку и, подходя к каждому из ребят с прозрачными глазами, давала четкую команду открыть рот. Когда капелька радуги попадала на язык, то с парнем или девушкой происходили странные и удивительные вещи. Они делали глубокий вдох, как будто бы выныривая из глубины, и через макушку в них проникал маленький светящийся шарик. Когда ребята открывали глаза, то те становились абсолютно нормальными – черными, серыми, карими, голубыми, удивленными, испуганными, веселыми,

грустными. Когда Ольга капнула последнюю капельку в рот худенькой девочке и увидела, как к той возвращается душа, то разревелась.

– Оль, ты чего? – Олег обнял Ольгу и, вытирая ей слезы, приговаривал: – Оленька, не плачь, ты же великое дело сделала, ребятам души вернула. Просто волшебница. И умница. И смелая. И красивая.

От этих слов Ольга еще громче заревела.

– Вы че это здесь потоп устроили? – подбежал запыхавшийся Серега.

– Ой, а они нормальные! Как это у вас получилось? – рассматривая ребят в одинаковой одежде цвета хаки, удивилась Юля.

Ольга, вытирая слезы, постаралась взять себя в руки, ответила:

– У меня немного осталось в той бутылочке, которой мы ребят отпаивали. Хорошо, что всем хватило.

Серега отдал телефон Ольге, и ребята отправились прочь от лагеря, к тому месту, откуда пришли больше месяца назад.

Они поднялись на холм, где были установлены в круг большие камни.

– Надо разжечь костер, и очень быстро. Скоро начнет светать, – скомандовала Ольга.

Все тут же бросились собирать хворост, и в короткое время благодаря зажигалке Сергея ритуальное место осветилось большим огнем.

– Так, слушайте меня внимательно. У нас совершенно нет времени на сомнения и приколы, поэтому все четко следуют моим указаниям, – решительным тоном начала Ольга, всматриваясь в лица ребят, но, увидев, что все настроены весьма серьезно, продолжила:

– Здесь, на телефоне, я записала то ритуальное песнопение, которым нас встречали жрецы. Нам нужно снова петь. Постарайтесь петь все, можно двигаться и танцевать. Главное, быть едиными, чтобы на единой энергии «выскочить» из этого места.

Ольга заметила удивление на лицах новых ребят, но отвечать на вопросы времени не было.

Она включила телефон, нашла запись и первая начала петь странные повторяющиеся мантры. Вскоре к ней присоединились все ребята. Некоторые, закрыв глаза, стали двигаться в такт музыке. Наконец, все до одного, громко повторяя слова таинственного песнопения в телефоне, двигались в одном ритме, подчиняясь одному порыву. Ольга снова испытала тот же экстаз от музыки, единой энергии, но на этот раз ее другая часть трезво наблюдала за происходящим. Ольга как бы раздвоилась. И хотя ее глаза были закрыты, и вся ее сущность подчинилась древним таинственным песнопениям, другая Ольга стояла над всем этим действием, наблюдала и контролировала. Она, та, другая, увидела, как все ребята достигли состояния единой энергии. Что-то стало изменяться и вокруг ритуального каменного кольца. Воздух

стал плотным и двигался как желеобразная масса, в ней стали возникать стертые образы и картинки... Какие-то люди в мантиях и люди в странных одеждах, сцены жертвоприношений людей и животных, снова много сцен с людьми в мантиях и людьми в почти современных одеждах. Картинки с невероятной скоростью проносились вокруг ребят, танцующих и поющих с закрытыми глазами. Ольга – контролирующая, успела заметить картинки с той ночью, когда они только приехали в лагерь, затем появились образы ребят в одежде цвета хаки, потом Ольга заметила ребят из своего лагеря, среди них Дашу и Лелю, Альберта и нескольких жрецов, не было только Эстер и Гильша... Вдруг структура воздушной массы изменилась, и в ней сначала размыто, а потом более четко обозначились фигуры солдат, дяди Жени и папы... Они стояли во внешнем круге каменной древней постройке, зажав уши и зажмурив глаза. Внутри, вокруг костра, как единая энергия кружились ребята, создавая странные вихревые потоки. Образ этот казался исчезающим, но чем больше закручивалось вокруг ребят энергии, тем четче становились их фигуры...

Наконец, движение энергии вместе с песнопением и танцами достигло своей наивысшей точки, и произошел взрыв, разорвавший пелену и клейкость воздуха внутри каменного ритуального круга... Ребята в изнеможении упали на землю. А Ольга, открыв глаза, снова соединилась с собой.

«Ничего себе! Как это у меня получилось? Быть сразу в

двух местах!» – подумала она, замечая, что вокруг них за каменными глыбами валяются солдаты, отброшенные взрывной волной.

– Папа! Папочка! Где ты? – Ольга вскочила на ноги и побежала наружу круга.

Она точно знала, что папа здесь, и еще она точно знала, что папа должен сказать ей потрясающую новость.

– Олененок! Милая моя девочка! Господи, что же это было? – Петр Андреевич подбежал к дочери, крепко обнял и долго-долго не отпускал, гладил по голове, целовал и прятал слезы в ее волосах.

– Маме, срочно звонить маме, она ждет, не спит несколько дней, сходит с ума, а ей волноваться совсем нельзя, – отец, все еще крепко прижав Ольгу к груди, дал знак ошалевшему от происходящего молодому солдату, чтобы тот принес спутниковый телефон.

– Оленька, у нас новость. Мы ждем чуда... – начал, было Петр Андреевич, но Ольга перебила его.

– Пап, – удивленно произнесла она, – я, кажется, знаю, что ты сейчас мне скажешь. У меня будет брат... А еще я почему-то знаю, что была с вами, с мамой и тобой. Когда ты готовился выезжать на поиски нас... А еще Марь Санна, оказывается, умеет бесшумно двигаться...

Петр Андреевич отстранился от Ольги и удивленно посмотрел ей в глаза:

– Оленька, милая, это все правда, что ты сказала.

Потом подумал с минуту, внимательно разглядывая дочь, весь как-то по-военному подтянулся и громко позвал:

– Товарищ майор, подойдите ко мне, пожалуйста.

Дядя Женя уже готовил ребят к эвакуации, сверяясь с какими-то списками, военный врач внимательно осматривал каждого.

– Оля, молодчина! Вырвалась из этого странного места. Знаешь, нашлись ребята, которые пропали еще в начале лета, и двое пропавших мальчиков с прошлого года. Мне запретили разбираться в этом деле, и я завел собственные списки прибывающих и убывающих ребят... Ладно, я пойду, очень хочется побыстрее отсюда уехать, а позже мы, надеюсь, переговорим...

Олин папа еще долго крепко держал дочь за руку, боясь ее снова потерять. Оля осторожно попыталась освободиться от папы и подойти к своим друзьям.

– Папочка, пойдем, я тебя познакомлю со своими друзьями. Они настоящие товарищи, мы столько вместе пережили, и все показали себя истинными «человеками»... Они потрясающие...

Оля подвела Петра Андреевича к Олегу, Сергею и Юле.

Оля по очереди всех представила, не забыв упомянуть о какой-нибудь сильной стороне характера каждого. Ребята, немного смущаясь от Ольгиных слов, стали, перебивая друг друга, рассказывать Петру Андреевичу о том, какая смелая, умная Оля и какой она друг.

– Она особенная, поверьте! С самой первой встречи с Вашей дочерью я подумал о том, как классно иметь такого друга. Она столько раз спасала меня, Вы не поверите! – Олег с восторгом смотрел на пунцовую от смущения Ольгу, не переставая трясти руку Петра Андреевича.

Тот осторожно высвободил руку из крепкого рукопожатия Олега и сказал:

– В этой странной истории еще надо разбираться. Много неприятного стало всплывать после вашего исчезновения, но я очень рад тому, что Ольга нашла друзей и показала лучшие свои качества... Я всегда знал, что ты особенная, как и каждый из вас... Иначе не может и быть. Ладно, надо идти...

Ребята в сопровождении военных стали спускаться к месту стоянки машин. Ольгины друзья шли веселые, радуясь, что все неприятности закончились. Остальные ребята, в одинаковых одеждах цвета хаки, были немного настороже и растеряны, долгое нахождение в странном состоянии в виде зомби явно наложило негативный отпечаток.

При посадке в машины Петр Андреевич попросил Ольгу на время расстаться с друзьями и поехать с ним и майором.

– Оленька, надо поговорить...

В машине, где ехала Ольга, находились только ее отец, дядя Женя и молодой водитель, которому майор велел надеть наушники и слушать рэп. Солдат удивился странному приказу начальника, пробурчал тихо себе под нос, что больше попсу любит.

Но майор так выразительно посмотрел на парня, что тот в момент стал фанатом рэпа.

– Ольга, ты готова рассказать, что с вами произошло? – мягко спросил отец.

Ольга отвернулась от Петра Андреевича, рассматривая милую сердцу природу Урала за окнами военного джипа.

Она молчала достаточно долго, но ни отец, ни дядя Женя не торопили ее. Наконец, громко вздохнув, немного дрожащим голосом Ольга ответила:

– Я расскажу, но с одним условием. Условие мое такое... Я расскажу или все-все очень подробно, и этот рассказ, возможно, покажется вам бредом или воспаленной фантазией подростка, и вы будете молчать, не перебивать меня и сдерживать ваши сомнения и недоверие к моей истории... Или я буду молчать... Иначе никак... Потому что в этой истории нет ничего такого, что можно было бы объяснить разумом или привычными категориями...

Петр Андреевич и майор с удивлением переглянулись между собой и одновременно кивнули Ольге, что да, согласны с ее условиями. Ольга не сомневалась, что раз они обещали, то слово держат. Она еще раз набрала побольше воздуха в легкие и начала рассказ с самого начала, не забыв подробно поведать сон в самолете и другие, на первый взгляд неважные или странные детали... Сколько времени Ольга говорила, она не заметила. Наверное, очень долго, потому что, когда она закончила свой рассказ, за окном машины сгуща-

лись сумерки. За это долгое время ни отец, ни майор ни разу не перебили, не сделали ни одного комментария к рассказу Ольги, ни один мускул не дрогнул на их мужественных, серьезных лицах.

– Спасибо, дочка, – тихо проговорил отец.

– За что, пап? – удивилась Ольга.

– За доверие... – Он прижал дочь к себе и поцеловал в висок, – Я верю тебе и знаю, что это правда... Надо быть очень осторожными, вы задели страшные силы, но нас тоже много...

– Пап, ты о чем? Кого «нас»? – Ольга отстранилась от отца, чтобы посмотреть в его глаза.

– Я потом все объясню, а теперь тебе надо отдохнуть. Сейчас будет привал, ты иди к своим ребятам в машину, а я с Сережей поговорю, потом с каждым из ребят.

– А надо ли, пап? – засомневалась Ольга. Я ведь тебе все-все рассказала...

– Оленька, конечно, ты рассказала все, но я хотел бы познакомиться с ребятами поближе. А потом, у каждого своя «картина мира», и я могу заметить еще какие-нибудь странные вещи... Оленька, не волнуйся. Доверься мне.... Так будет лучше и для ребят, и для нас...

Ольга и сама была рада пересест в другую машину. Ведь скоро всем предстоит расстаться друг с другом, и от этой мысли становилось очень грустно.

– Наконец ты вернулась! – обрадовались ее друзья.

– Нам без тебя уже неинтересно, целый день ничего не случается, ты нас не спасаешь, не удивляешь, скучно, – шутили ребята.

– Да, я тоже соскучилась... Сережа, папа просит тебя к нему в машину сесть, – обратилась Ольга к Сереге и удивилась от того, как тот переменялся в лице. – Да не бойся ты, ничего плохого он тебе не сделает, только поговорит о нашем приключении...

Серый молча вышел из машины, зло сплюнув на землю. Ребята, молча смотрели ему вслед.

– Хороший парень, только что же с ним сейчас будет? – вздохнул Олег.

Юля тоже заметно погрузнела:

– Да, он совсем один. Уже два года на улице живет, ворует понемногу. Его за воровство и взяли. Он у торговки с рынка кроссовки спер, совсем ходить не в чем было... Его из милиции сюда и привезли. Что ж, теперь опять на улицу? Он ведь даже курить и плевать перестал, пока с нами тусовался, и матом совсем не ругается... А умный какой! У него просто феноменальная память и способности к математике!

– Да, грустно... А эти ребята? Которых мы из темницы вытащили? Они тоже никому не нужны, их никто не искал... Какой жестокий мир... Даже не знаешь, где им было на самом деле лучше: у этих «ящеров», которые беспризорников хотя бы кормили и одевали, или в мире людей. На свободе о них никто не заботится...

Ребята остаток пути еще долго молчали, погруженные в печальные мысли.

На ночь, как и в прошлый раз, остановились в палатках. Ребята, заметно погрузнели от мыслей о расставании и неизвестной дальнейшей судьбе всех, кроме благополучных Ольги и Олега, быстро, почти не разговаривая друг с другом, поели и завалились спать.

Ранним утром всех опять рассадили по машинам, причем на этот раз Петр Андреевич попросил Юлю присоединиться к ним с майором, а в обед Олег составил им компанию. Никто из ребят не стал рассказывать, о чем спрашивали отец Ольги и майор Жданов.

Наконец, наступил день, когда всем пришлось расстаться. Отец Ольги забрал с собой в Москву на частном самолете Олега, Юлю и Сергея. Оля вопросительно посмотрела на Петра Андреевича:

– Пап, а с другими что будет?

– Не волнуйся, дядя Женя, как ты его называешь, позаботится о них. Они останутся людьми, поверь мне. Майор – настоящий человек, правильный и честный. Вы сделали главное – спасли их, теперь наша задача – дать им достойную жизнь. Доверься.

– Хорошо, папа, я верю тебе, и ответ меня удовлетворил. А что с Сергеем? Он тоже сирота. А у Юли родители пьют и бабушка старенькая...

– Олененок, не беспокойся и об этом, дай время. И снова

повторю: просто доверься мне, хорошо? Только обещай, что не будешь ко мне приставать с вопросами о ребятах, пока я сам все тебе не расскажу, – улыбнулся отец.

– Хорошо, пап, я знаю, что ты человек слова.

В самолете опять все молчали. Сергей и Юля, смущенные такой заботой и полетом в частном самолете, сидели рядышком, маленькие, сжатые, как два худеньких взъерошенных птенца.

Олег всю дорогу молчал и смотрел в иллюминатор, погруженный в мысли...

– Ты как, Олег? – спросила тихонечко Ольга друга.

Тот вздрогнул от неожиданности и растерянно ответил:

– А? Нормально, – потом, помолчав немного, добавил: – Нет, неправда... Не нормально... Эта история изменила меня. С одной стороны, улучшила, с другой – сделала уязвимым...

– Можешь сказать больше об этом? Я не совсем поняла, – попросила Ольга.

– Ну, как это объяснить... Ладно, попробую, – Олегу явно было тяжело произнести вслух то, что он собирался сказать. – Понимаешь, я год назад, когда из такого лагеря приехал, оставив им часть души, приобрел много качеств, которые облегчили мне жизнь. Я тогда четко понимал, что хочу от жизни, как мне действовать и где я найду поддержку. У меня все-все получалось, за что бы ни брался, я излучал уверенность в себе, нет, правильнее сказать, самодовольство и

самоуверенность, самолюбование. Ко мне тянулись ребята, девчонки искали со мной встречи, и я стал одним из самых популярных ребят в школе. Знаешь почему? Это «ящеры» научили меня, на какие тайные кнопки у людей надо нажимать, чтобы подчинять их себе... Все было очень просто. Простая система координат: X – это твои желания, Y – твои амбиции, точка соединения – твоя персона. Все только для себя любимого, остальные люди – это инструмент для исполнения твоих желаний. И ты знаешь, никто не обижался или не соглашался со мной. Чем больше я использовал людей, чем больше при общении с ними заботился только о своей выгоде, но тонко, очень тонко, как меня обучили они, тем меня больше принимали и восхищались.

Я знал, что хочу стать политиком, и у меня есть все качества для этого. Жрецы говорили, что видят меня президентом через двадцать пять лет...

– Двадцать восемь, – тихо поправила Ольга.

– Что? Двадцать восемь? А ты откуда знаешь? – удивился Олег.

– А? Откуда знаю? Юля как-то подслушала разговор Альберта с «ящерами»... Теперь понятно, что они говорили о тебе и обо мне, как о новом проводнике...

– Да... Понятно... Вернее, ничего не понятно... Я не знаю, что же мне делать, к чему стремиться... – разочарованно произнес Олег, отвернувшись от Ольги.

– Все то же самое, что и делал, – уверенно произнесла

Ольга.

Олег с удивлением посмотрел на подругу:

– Ты о чем, Оль?

– Все очень просто. Делай все то же самое. Готовься стать политиком, учись общаться с людьми и завоевывать их сердца, только делай это из других намерений. Думай о них, думай, как можно сделать их жизнь лучше, как можно помочь людям научиться уважать себя... Тебе нужно стремиться стать президентом. Понимаешь, из высокого намерения ты сделаешь для страны намного больше... А люди, они чувствуют, что все, что ты делаешь, это по-настоящему, и пойдут за тобой, чтобы поддержать... Представляешь, какая хорошая будет страна, которую ты возглавишь и любишь... Так странно это все звучит, как на митинге выступаю.

– Нет, Оль, ты права. Знаешь, пока есть надежда что-то хорошее сделать, что-то изменить, надо бороться... Смотри, нас уже двое. Юля и Сергей нас поддержат. Вот уже и партия, «партия романтиков» готова...

– Ладно тебе, Олег, я тоже чувствую смущение, когда говорю о своей стране, патриотизме и любви к Родине. Такое ощущение, что все бессмысленно... Кто поумнее – сваливает в какой-то момент, неудачники остаются. Все ругают правительство, полицию, себя, и ничего не меняется.

– Вот мы и будем менять! Когда-то же надо начинать! Ладно, Оль, давай прекратим этот разговор за патриотизм... Какой-то он странный... Ты лучше мне скажи, пойдешь со

мной в секцию айкидо?

– Куда? – удивилась Ольга.

– Заниматься со мной! – засмеялся Олег. – Я дополнительно к таэквондо пару лет как на айкидо хожу. Пойдем со мной, тебе это на пользу будет, мало ли в какую еще историю влипнешь...

– Ну, я не знаю... Я спортом почти никогда не занималась, все больше книжки читала... На лыжах горных катаюсь немного...

– Ладно, думать буду я. Значит, так, после того как прилетим, на следующий же день созвонимся, и я тебя с собой на тренировку возьму. Давай номер телефона, – решительно сказал Олег, а Ольга почувствовала, как радостно забилося ее сердечко.

«Мы будем видеться не только в школе! Ура! Он не хочет со мной расставаться... Может, даже предложит стать его девушкой... Ой, как все неожиданно...»

Часть 2. «Московские демоны»

Ольга ехала в машине по ночной Москве. Даже сейчас, поздней ночью, когда после новогодних праздников прошло две недели, столица не утомилась и не спала. Сырой, странный противоречивый город все больше начинал нравиться Ольге. Он удивлял, раздражал, но в нем никогда не было скучно. Особенно теперь...

Ольга ехала с дачи Олега, где, наконец, собрались вместе

ее друзья – Олег, Юля и Сергей. С Юлей они почти не виделись, только несколько раз перезванивались по телефону. Ольге в какой-то момент даже показалось, что Юля избегает ее. Про судьбу Сереги она знала только, что он ходит в вечернюю школу и где-то работает, живет в общежитии. Олег... Да, с Олегом получилось все очень грустно...

***

Ольга вспомнила, как по приезду с Урала постоянно смотрела на свой сотовый, боясь пропустить его звонок. Наконец, на третий день он позвонил:

– Оля, прости, что не позвонил раньше. Родители по врачам затаскали. Не поверили, что, пока меня искали, я не пострадал... Ладно, ты со мной сегодня на тренировку пойдешь?

– Да, – у Ольги дрожал голос.

Она откашлялась и как можно беззаботнее спросила:

– Форма одежды какая?

– О, не волнуйся! Вначале все очень просто. Спортивный костюм, занятия проходят босиком. Дальше, если понравится, я помогу тебе подобрать специальный костюм. Ладно, пока, завтра на Театральной в четыре встретимся.

– Пока, – как можно спокойнее ответила Ольга, но, как только отключила телефон, закричала громко: – Ура!

– Оленька, доченька, ты чего кричишь? – улыбнулась заглянувшая в комнату дочери мама.

– Мама, срочно нужна твоя помощь! Мне нужно сделать

маникюр, подстричься по-новому... Срочно запиши меня к самому крутому мастеру! Потом педикюр, я же босиком буду... Ой, у меня спортивный костюм дурацкий, широкие штаны... Давай в «Боско» съездим? Сколько же дел на сегодня, как же до завтра успеть? – волновалась Ольга.

Мама с удивлением смотрела на дочь, не узнавая ее.

– Олененок, что случилось? Ты – и педикюр, маникюр, прическа, модный костюм? Что это? Свидание?

– Ну что ты, мама! Какое свидание! Я на тренировку по айкидо иду! Буду потом всех монстров раскидывать.

– Странная у тебя тренировка по айкидо, где обязательно нужен педикюр, модная прическа и костюм от Прада, – улыбнулась мама и пошла звонить своим мастерам из дорогого салона.

На следующий день Ольга вовремя стояла на станции метро, где условились встретиться с Олегом. Впервые в жизни она чувствовала себя настоящей красавицей. После своих уральских приключений она почему-то перестала сутулиться, и теперь высокая, красивая, радостная, с новой потрясающей стрижкой и даже в платье, отдаленно напоминающее то, которое дала баба Либуша, и которое так нравилось Олегу, гордо замечала на себе восхищенные взгляды ребят, завистливые – девчонок.

– Ух ты! Ты ли это? – Ольга и не заметила, как подошел Олег. – Слушай, я, оказывается, раньше тебя пришел, стою, жду тебя. Потом смотрю: девчонка классная идет, на нее все

пацаны оборачиваются. Я тоже засмотрелся и тебя жду. А это ты, оказывается! Я потрясен!

– Спасибо, – тихо, немного покраснев, произнесла Ольга, а потом, будто очнувшись, произнесла уверенно: – Да, я знаю, что здорово выгляжу.

– Но нам, наверное, надо идти? – беззаботно добавила она.

Перед входом в спортивный комплекс Олег остановился, чтобы поприветствовать своих друзей по секции. Ольга видела, как на нее смотрели ребята, и очень радовалась, что это видит и Олег.

– Ладно, мы с Олей пойдем, я покажу, где женская раздевалка, – сказал Олег своим друзьям и открыл перед Ольгой дверь.

Какое же потрясающее чувство испытывала Ольга: она словно летела на крыльях.

– Да, ребята точно меня поблагодарят, что тебя привел. Теперь каждый будет стараться, чтобы обратить на себя твое внимание... Тренеру ты тоже понравишься. Но... Альбина... Она точно будет ревновать, и попробуй ей объяснить, что мы только друзья, прошедшие огонь и воду, точно не поверит, когда тебя увидит, – размышлял вслух Олег.

– Кто это – Альбина? – все еще улыбаясь про себя, спросила Ольга.

– Моя девушка, мы уже два года встречаемся, она меня сюда и привела, – Олег оглянулся на вдруг отставшую Оль-

гу: – Ты чего отстала? Пойдем, Альбина тебе на первых порах поможет. Она веселая и добрая. Только ревнивая. Считает, что у нас все очень серьезно и по-взрослому.

– А ты? – упавшим голосом спросила Ольга.

– Я? – Олег оглянулся на Ольгу и серьезно произнес: – У нас все по-взрослому... Прости, Оль.

Остаток пути до раздевалки они шли молча. Оля чувствовала, что ее мир рухнул в один миг.

– Привет, красавчик! – у дверей женской раздевалки стояла высокая, стройная блондинка.

Альбина, а это была она, выглядела постарше Олега. Но, наверное, это только казалось. Красивая, ухоженная девушка со смелым, уверенным взглядом придирчиво рассмотрела Ольгу, казавшуюся рядом с ней маленьким тощим подростком, и, явно оставшись довольной от увиденного, произнесла заигрывающим тоном:

– Значит, это и есть та знаменитая Ольга, которая спасала твою жизнь и вытаскивала из неприятностей? Ты так много мне о ней вчера говорил, что я уже стала ревновать...

– Не стоит ревновать, у меня парень есть. У нас очень серьезные и честные, – здесь Ольга сделала ударение, – отношения. – Не глядя на Альбину и Олега, Ольга решительно открыла дверь в раздевалку.

– Да? – одновременно удивленно произнесли ребята и рассмеялись тому, как дружно получилось у них удивиться.

На тренировке Ольга немного успокоилась, потом совсем

отвлеклась. Все давалось очень тяжело и с большим напряжением, но это оказалось единственным, что могло отвлечь от болезненных мыслей об Олеге и его подруге. После тренировки несколько ребят предложило Оле проводить ее. И она согласилась. Погода стояла отличная, она позвонила водителю, объяснив, что пойдет несколько остановок метро пешком, а потом он заберет ее. Окруженная четырьмя крепкими симпатичными ребятами, Ольга, небрежно махнув Олегу и Альбине рукой: «Созвонимся позже», делая вид, что бесконечно счастлива, отправилась гулять по вечерней Москве...

На следующий день Олег позвонил и спросил, как она себя чувствует. Ольга, которая только-только безудержно рыдала, собрала всю свою волю в кулак и радостно произнесла:

– Отлично! Мне страшно понравилось айкидо. Я все утро просидела в Инете, читая, что это за боевое искусство. И просто еще больше влюбилась в него.

– А с голосом что? Почему гундосишь? – забеспокоился Олег.

«Черт», – про себя подумала Ольга, а вслух произнесла:

– Простыла немного. Вчера после тренировки долго с ребятами гуляли, они меня все отпускать не хотели. Вот и замерзла немного и пепси холодной напилась. Но ничего. Не волнуйся, до следующей тренировки я выздоровею.

– Ты точно придешь? – спросил Олег. – Альбина усомнилась, что ты придешь.

– Почему это? – удивилась Ольга.

– Ну, она сказала, что тебе тяжело будет, ты же до этого спортом совсем не занималась, а потом она решила, что ты влюблена в меня... и что я тоже.

«Вот хитрющая! Не дождется! Я – слабая? Да еще влюбленная!» – разозлилась Ольга.

– Я? Влюблена? Она у тебя и вправду ревнивая! Мы столько вместе пережили, конечно, здесь или ненависть, или дружба возникнет. А любовь? Бред какой-то! А на тренировки я ходить буду! Пусть и не занималась раньше, но ничего, окрепну... Меня вот Вовчик звал в тренажерный зал с ним походить, чтобы мышечную массу нарастить. Я, наверное, соглашусь, чтобы лучше себя на айкидо чувствовать...

– Вовчик? А как же твой парень? Он ревновать не будет? – в голосе у Олега чувствовалась явная насмешка.

– Нет, не будет! Вся ревность твоей досталась. А мой парень нормальный и мне доверяет, – разозлилась Ольга.

– Ладно, прости. Ты выздоравливай и приходи на тренировку. Я тебе тоже помогать буду. Пока.

– Пока. До встречи. Спасибо тебе, что вытащил меня!

Оля еле сдержалась, чтобы от злости не разбить телефон о стену. Если до разговора с Олегом она думала, что больше на тренировку не пойдет – слишком больно смотреть на шикарную Альбинку рядом с ЕЕ Олегом, то теперь она не сомневалась, что назло всем будет ходить и еще приложит все усилия, чтобы добиться результата.

Она набрала номер телефона и весело произнесла в труб-

ку:

– Вовчик! Привет! Пойдем в спортзал сегодня!

***

Так прошло около полугода, Ольга исправно ходила на айкидо и в спортивный зал на тренажеры, общалась со своими Уральскими друзьями по социальным сетям, переписывалась со Степаном Федоровичем. В школе подруг не прибавилось. Ольга с трудом терпела назойливость Даши. Леля из школы ушла. Говорили, что ее крестная, когда-то известная певица, теперь живущая в Штатах, забрала Лелю к себе. Якобы нашелся какой-то продюсер, которому девушка понравилась, и он готов попробовать ее раскрутить...

Первого сентября к ней подошел Колька и шепотом проговорил:

– Привет, стерва. Теперь бойся меня... Все время оглядывайся...

– Коль, отвали. Еще раз увижу тебя около Ольги, зубы выбью, – сказал вовремя подошедший к Ольге Олег.

– Да ты че?! Снюхались, что ли? Ай да парочка! – усмехнулся Колька.

– Пошел вон, урод, – твердо сказал Олег. – Пойдем, Оль.

Еще пару раз Колька пытался ее зацепить, но вскоре она заметила, что у него появился фингал под глазом, и он успокоился, перестал ее задевать.

Постепенно боль от осознания, что у Олега есть подруга, стала проходить, тем более что почти каждый день Олег зво-

нил Ольге и они долго и интересно болтали. Однажды Олег произнес странную фразу:

– Жаль, что Альбина не понимает меня так, как ты...

У Ольги сердце остановилось. Она боялась что-либо сказать на это, чтобы не спугнуть парня.

– Почему ты так думаешь? Может, ты сам с ней не делишься? – аккуратно начала она.

– Нет, я поначалу делился. Конечно, я ей почти ничего не рассказывал о том, что с нами было на Урале. В это нормальный человек, кроме разве что твоего отца, не поверит, но своими мыслями и идеями я всегда делился. И знаешь, что она сказала?

– Нет, конечно, не знаю, – улыбнулась Ольга, хотя уже догадалась, что могла сказать Альбина.

– Она говорит, что раньше, до поездки на Урал, я нравился ей больше. У меня были амбиции, уверенность, стремления, а сейчас я слишком много думаю и сомневаюсь, правильно или неправильно я поступаю. И еще, самое странное, ей не нравится, что я считаю с чувствами других людей. Она говорит, что я стал слишком чувствительным и неуверенным в себе... Ты тоже так считаешь?

Ольга молчала. Самое глупое сейчас было бы ругать Альбину и говорить, что «да, да, это я только тебя понимаю, и никто больше». Но она дипломатично произнесла:

– Я думаю, что ей тоже непросто. Она же не знает, что на самом деле произошло, почему ты изменился. Она не знает,

что ты чуть не продал душу за успех и славу. Дай ей время, она привыкнет к тебе новому и, поняв тебя, примет твою сторону...

– Спасибо, Оль. Как же ты умеешь найти правильные слова! Обожаю тебя! Все, пока. Придешь завтра на тренировку?

– Конечно, пока...

Да, раньше бы она точно разбила этот дурацкий телефон. Но теперь научилась владеть собой, и еще она научилась ждать...

После новогодних праздников, когда большинство школьных друзей вернулись с горнолыжных курортов, снова Ольге позвонил Олег и сказал:

– Привет, ты давно с гор «спустилась»?

– Да, мы с папой ненадолго съездили. Мама с Ванечкой осталась. А, ты же не знаешь. У нас в ночь на 7 января Ванечка родился! Четыре килограмма двести граммов! 54 см! Представляешь! Я теперь в няньках хожу.

– Поздравляю! А ты сможешь приехать завтра ко мне на дачу? Я хочу пригласить Юлю и Сергея. Посидели бы, вспомнили Урал...

– А как же Альбина? – осторожно спросила Ольга.

– Нет, только мы. Хочется повспоминать... А она же не в теме.

– Хорошо, говори адрес и время, я приеду.

– Нет, я сам за тобой заеду, а потом мы Серегу с Юлей на Кольце подберем.

Около двенадцати дня Олег заехал за Ольгой на такси, и они поехали за город.

На Кольцевой дороге подобрали Юлю и Сережу и, радостно болтая, перебивая друг друга, отправились на дачу к Олегу.

Ребята так и не виделись после той своей уральской поездки. Только иногда перезванивались. Оказывается, жизнь Юли и Сергея сильно изменилась за последние полгода.

Юля выглядела очень счастливой. Она даже как-то поправилась, волосы отрасли и были модно уложены. Одета она была очень просто – джинсы и свитер, но все на ней сидело отлично, подчеркивая ее стройную фигуру. Сергей тоже очень изменился. Он бросил курить, и поэтому голос не имел сиплых ноток. Держался ровно. Хорошая прическа, со вкусом подобранная одежда недорогих, но качественных модных молодежных марок. Сергей производил впечатление уверенного в себе парня из хорошей, крепкой семьи.

– Слушайте, ребята, вы такие классные! Я на улице вас встретила, просто не узнала бы! – изумилась Ольга, радуясь изменениям, произошедшим с Юлей и Сергеем.

Юля, наконец, поведала, что с ней случилось за это время и почему она не рассказывала Ольге все раньше.

– Я мечтала приехать вот так, как сейчас, к тебе и сказать: «Смотри, что ты наделала!» – начала строгим тоном говорить Юля, но, увидев испуг в глазах Ольги, поспешила добавить: – Шучу, шучу! Встреча с тобой изменила не только

мою жизнь, но и моих родителей, Сергея и еще одного человека. Но все по порядку.

«Когда я вернулась домой, то там было все по-старому. Родители в пьяном угаре и не заметили, что меня так долго нет. Бабушка в отчаянии металась несколько дней, пытаюсь найти хоть какую-нибудь информацию обо мне... И чуть не попала в больницу. Я осталась жить с ней, боялась, что она... Но Я подала заявление в библиотечный техникум, и меня неожиданно приняли, хотя время документов прошло. Потом начались и вовсе странные события. Я старалась не бывать дома у родителей совсем, жила у бабушки все время. Однажды решила все-таки навестить родителей, еды им принести, а дверь заперта. Соседка говорит, что приезжала скорая и увезла их. Я в шоке начала бегать по больницам, а их там нет. Я даже в морг через неделю поиска пошла. Никого похожего на моих родителей нет... Я пошла в полицию и оставила заявление о пропаже родителей. Думала, что они спьяну могли квартиру продать, вот их и увезли куда-нибудь подальше. Прошло несколько недель, ничего не происходило. Я уже похоронила их мысленно. Однажды иду мимо родительской квартиры и вижу там свет, окна чисто вымыты, и новые занавески на кухне висят.

Все, думаю, вот и новые жильцы заселились. Вызову полицию! А сама уже к себе, на четвертый этаж лечу, вся трясусь от ярости.

Звоню, стучу, кричу, дверь ногами и руками разбить хочу.

Слезами обливаюсь. Вдруг дверь открывается, и стоят мои мама и папа... – Тут Юлька не выдержала и разревелась. Сергей налил ей воды и сел рядом, обняв за плечи. – Они, представляешь, стоят, как из прошлой жизни, аккуратные такие, трезвые и красивые... Я уже забыла, какие они у меня красивые были. И в квартире чисто, пирогами пахнет. Я, честно говоря, подумала, что это призраки стоят. После наших приключений я стала во все верить. Так осторожно дотрагиваюсь до них, а они настоящие... Короче, обняли меня родители, так стоим, плачем... Потом они рассказали странную историю.

Однажды приехала бригада скорой помощи к ним, погрузили мертвецки пьяных в машину, доставили в хорошую наркологическую клинику и там в чувства несколько недель приводили. Когда родители вполне вменяемые стали, то к отцу пришел один человек, сказал, что он тоже бывший военный и ему поручено провести с отцом разъяснительную беседу и предложить ему работу в службе безопасности важного государственного человека. Папа, конечно, поинтересовался, за чей это счет их лечили да и кто такой добренький, что на работу берет алкоголика.

А этот строгий дядечка говорит : “про алкоголь забудь, все, больше нельзя”. Один старый друг, которого отец, может, и не вспомнит, но тот помнит добро, которое отец ему когда-то сделал, решил помочь папе и его жене... Короче, папа теперь на интересной, хорошо оплачиваемой работе, ма-

ма тоже работает. Она в школу опять вернулась и очень рада этому. И еще однажды она случайно, по работе, кажется, попала в дом малютки, и теперь у меня есть братик, Юрочка. Он такой классный! Его бросили совсем крошкой. А мама, как увидела его, заплакала и сказала, что малыш вернулся. И так быстро усыновление прошло, как будто нам ангелы помогли...

Бабушка теперь не работает, с Юрочкой сидит... А в ее комнате один ваш знакомый живет, – выразительно посмотрела на Сергея Юля.

– Да, хорошая история, добрая... – тихо произнес Олег. А ты как, Серый?

– Я? Классно! Меня сначала в приемник-распределитель вернули... Дело о краже кроссовок не закрыли. Потом вдруг приходит один дядечка, суровый такой. Забирает меня с собой, привозит в Железнодорожный, где Юлька, оказывается, живет... Короче, выдает мне паспорт, свидетельство, что у меня есть опекуны, родители Юльки, устраивает в вечернюю школу, место в общежитии делает и еще работу в компьютерной компании находит. Дед Мороз какой-то. Я потом у бабушки стал Юлькиной жить. Соседи теперь как шелковые... Короче, все очень странно, но здорово! Не знаю, кого благодарить – Бога, фортуны или твоего отца, – хитро посмотрел Серый на Ольгу.

– Сереж, я ничего от отца про вас не слышала, и он ничего не спрашивал у меня... Не знаю, может, он к этому отноше-

ние и имеет, но мне он ничего не скажет...

Потом ребята долго и с удовольствием вспоминали свои приключения, много смеялись, делились странными чувствами и ощущениями. Только они могли понять друг друга. Никто больше не знал их тайну, кроме Лели.

– Интересно, это она нас выдала? – задумалась Юля.

– Конечно, она! Ты что, не помнишь, как она разговаривала со львом? А потом? Куда она пропала?

– Мы не можем ее обвинять, ничего не доказано, да уже и значения не имеет. Лелька уехала, жрецы растаяли, дорогу к долине никто уже не найдет... Лес в безопасности...

Ребятам было еще много что обсудить, но неожиданно во дворе послышался сигнал машины.

– Мы кого-то еще ждем? – вопросительно посмотрели ребята на Олега.

– Нет. Странно, родители в Вене всю неделю. Старший брат еще с семьей в горах остался. Пойду посмотрю, кто это.

Когда Олег вышел, а Сережа пошел в туалет, Юля под села к Ольге:

– Вы вместе?

Ольга отрицательно покачала головой:

– Нет. Мы видимся каждый день в школе, два раза в неделю на тренировках, почти каждый день он мне звонит, и мы болтаем по часу...

– И?

– У него есть девушка. У них «о-о-очень серьезные отно-

шения», как говорят оба... – закатила глаза Ольга. – Кстати, чувствует мое сердце, это она приехала. Надо вызывать машину...

– Почему?

– Она меня терпеть не может. Ревнует страшно. Представлю, какой сейчас скандал будет...

Ольга набрала телефон отца и попросила прислать водителя.

Скандал и вправду имел место быть... Все больше становился слышен громкий голос Альбины и еле-еле – тихие оправдания Олега.

Наконец, Альбина, как бешеная фурия, ворвалась в комнату.

– Ну ты совсем обнаглел! Тебе одной Ольги мало, так ты сразу с двумя меня обманываешь! – орала она и замахнулась, чтобы ударить Олега по лицу.

Олег успел поймать руку своей подруги, сильно сжал ее и отбросил разъяренную девушку на диван.

– Привет, а что это у вас так шумно? – весело спросил тихо вошедший в комнату Серега.

– Простите, ребята. Это Альбина. Она вздумала ревновать. Так глупо! – извинился за глупую ситуацию Олег.

Альбина сидела на диване и плакала. Оказывается, она была пьяна, и всем стало очень неприятно и стыдно за ее поведение. Волшебная атмосфера вечера тут же улетучилась.

– За мной сейчас машина придет, я на улице постою, – собралась Ольга.

– А мы спать пойдем, – встала с кресла Юлька, – там, на втором этаже, гостевые комнаты?

– Да, две комнаты, слева от лестницы. Все в комнатах есть. Простите, ребята, – смущенно сказал Олег.

– Да ладно, забей, старик, – хлопнул по плечу Олега Сергей.

Ольга вышла на холодный воздух. Ее трясло мелкой дрожью. На душе было гадко.

Вскоре подъехал папин водитель. Ольга, ни с кем не прощаясь, быстро села на заднее сиденье автомобиля и попросила сделать теплее печку...

***

Вернулась Ольга поздно, около трех ночи. В кабине у папы горел свет. Ольга тихонечко открыла дверь и застыла с улыбкой на пороге. На коричневом кожаном диване лежал папа, а около него – маленький голубой кулечек. Оля подошла поближе и невольно залюбовалась мирно посапывающим крошечным братишкой.

– Дочка, ты вернулась... А сколько времени? А, через час кормить Ваньку, – Петр Андреевич осторожно привстал с дивана, стараясь не разбудить малыша.

– С мамкой рядом не спит, в кроватке своей не спит. Только у меня на руках. Сейчас отнесешь в кроватку, сразу проснется, – пояснил уставший, но довольный отец.

– Пап, я поговорить хочу, – зашептала Ольга.

– Начинай, все равно уже не засну, – махнул головой отец.

– Пап, это ты родителей Юльки вылечил, на работу устроил? А Сережку? От тюрьмы спас, паспорт сделал?

– Оля, давай так. Ты больше никогда такие вопросы не задаешь, если знаешь ответ. Никто не должен знать, о том, что я сделал. Никто и никогда. Поняла? – строго смотря в глаза Ольги, спросил отец.

Ольга хотела задать вопрос почему, но передумала. Она, кажется, догадывалась почему.

– В моем качестве человеческие поступки рассматриваются средствами информации как пиар, самореклама. Я буду уязвимым, если раскроюсь... Знаешь, после твоего рассказа о странном лагере я стал чаще смотреть в глаза своих «сотоварищей»-политиков, крупных бизнесменов... И знаешь, порой мне кажется, что у большинства из них пустые, как ты их называла, «рыбьи» глаза спрятаны за качественные линзы.

– А зачем ты в политику пошел? Все же знают, что порядочных людей там нет... – начала возмущаться Ольга.

– Это не совсем так, порядочные люди везде есть. И их немало, их много, так же как много и этих «безглазых». И они и вправду состоят в заговоре... Мне стало легче с твоей помощью ориентироваться. Знаешь, когда ты еще была маленькой, мне пришлось оставить армию не по своей воле... И я тогда чуть себя и вас не потерял... Каждый вечер, когда ты засыпала, я садился на кухне, наливал себе стопочку и начинал жаловаться твоей маме на судьбу, армейских

начальников, перестройку, правительство... Однажды, мама выхватила бутылку у меня из рук, открыла окно, выбросила и сказала: «Ты – мужик! Ты – военный! Бывших солдат не бывает! У тебя растет дочь! Встань и сделай что-нибудь, чтобы она могла тобой гордиться!»

И ты знаешь, подействовало! На следующий день я встал, принял контрастный душ, к которому приучил и тебя потом, вышел на улицу с твердым намерением изменить свою судьбу.

Я долго ходил по городу и просто смотрел, наблюдал. И вот случайно оказался на пороге маленькой церквушки, спрятанной где-то на окраине города. Я долго стоял перед храмом, не решаясь войти вовнутрь. Я и креститься тогда толком не умел.

«Заходи, милый человек, заходи», – услышал я тихий старческий голос.

Оглянулся – позади меня старичок стоит, маленький, сморщенный весь, а глаза молодые, добрые и смеющиеся. И сам по ступеням в церковь мимо меня засеменял. Я, как замороженный, за ним. Старичок зашел в пустую церковь, свечку взял, другую мне сунул, к иконе подвел, перекрестился, свою свечку зажег и поставил, меня заставил все его движения повторить. Потом на колени перед иконой встал. Я за ним... Стоим молча, в полной тишине, только треск свечей слышен... Старичок начинает молитву читать, длинную... Я ничего в ней не понимаю, слов почти не разобрать, только

чувствую, как в душе что-то зашевелилось, заболело и заныло, потом я плакать начал... Долго плакал, долго старик молитвы читал... А потом так хорошо, так светло на душе стало. И я вдруг понял, что надо делать, как дальше жить. Когда старик закончил молитвы читать, с колен встал и тихим, уставшим голосом сказал:

«Теперь иди. Не растеряй то, что сегодня понял. Иди, смотри и доверяй своему сердцу. Оно подскажет, что делать надо. И делай все честно, не ври себе... И еще: не борись со злом, не борись с несправедливостью. Ратуй за свет, защищай справедливость, находи в темноте свет, расти его. Ступай».

С этого момента моя жизнь изменилась. Я доверился судьбе, и она привела меня в политику. Я не вступаю в борьбу ни с кем. Я просто хорошо делаю свою работу и стараюсь нести свет, свой свет. Ищу единомышленников, вместе мы не боремся, а просто делаем правильные вещи. Они, конечно, почти незаметны в этом зловонном океане, но всему свое время...

– Спасибо, папа, – тихо сказала Ольга.

– За что, доченька? – удивился отец.

– За доверие, – Ольга поцеловала отца и сонного братишку и собралась уходить.

– Они не оставят тебя... – тихо сказал отец.

– Кто, пап? – удивилась Ольга.

– Ты знаешь кто, – отец взял хныкающего сына на руки и

стал укачивать.

– Почему ты так думаешь?

– Я знаю... Но и ты должна знать, что я рядом, я верю в тебя и всегда буду с тобой.

– Либуша так тоже говорила и ушла, – напомнила Ольга, – прости, пап, это к тебе не относится.

– Хорошо, милая, иди спать.

Ночью Ольге приснился странный сон. Она скачет в галопе на белом коне. Рядом на таких же белоснежных скакунах – папа, Олег, Юля, Сережа и еще несколько незнакомых ей людей.

«Нас много», – отмечает Ольга.

Вдруг впереди в темноте появляется огромная сверкающая бриллиантами пентаграмма. Ольга оглядывается и понимает, что все несутся прямо в этот символ, не видя его, и вот-вот врежутся в ее острые края.

«Стойте, стойте!» – отчаянно кричит Ольга, пытаясь остановить лошадь, но никто ее не слышит, почти никто.

Только один человек еще раньше, до нее увидел знак и уже давно отстал от других, стоит в сторонке и с ухмылкой наблюдает, как спутники Ольги со всей силы врезаются в острые края блестящего символа, оставляя кровавые и рваные раны на теле животных и людей.

Ольга с криком проснулась...

«Господи, какой жуткий сон!»

И сразу же раздался плач маленького Ванечки. В комнату

Ольги заглянула Марь Санна:

– Оля, тише, пожалуйста! Зачем же так кричать? Ванечку разбудила.

Ольга невольно усмехнулась. Еще год назад она буквально каждый день просыпалась по утрам от какого-нибудь грохота и последующим за ним маминым возгласом:

– Марь Санна, ну тише же! Олю разбудите!

Сколько же всего произошло за этот год! Изменилась и сама Ольга. В голове мгновенно пронеслись воспоминания и картинки событий минувшего лета, перевернувшие жизнь девушки и ее друзей.

С недавних пор она стала вести дневник, фиксируя в нем странные и необычные вещи, происходящие в ее жизни. Вот и сейчас она бросилась к письменному столу, пока воспоминания о сне еще были свежи, чтобы сразу же все записать. Ольга заметила, что, доверяя бумаге свои мысли, страхи и сомнения, она невольно впадала в странное состояние, что-то наподобие легкого транса, и получала неожиданный ответ, который выводила ее же рука. Позже она встретила в какой-то телевизионной передаче выражение «автоматическое письмо». Как поняла Ольга, это особое состояние, при котором человек, будучи в расслабленном состоянии и отпустив ситуацию, получает информацию из своего подсознания. А подсознание, оказывается, «знает все», было сказано там же. Ольга, пережив странные, не поддающиеся логическому объяснению события прошлого лета, продолжала, тем

не менее, относиться к необычным и мистическим вещам, о которых с придыханием пишет желтая пресса и некоторые телепрограммы, с долей легкого цинизма и скептицизма.

Вот и теперь, описывая свой сон, она не надеялась узнать что-то больше, чем могла вспомнить. Но, будучи девушкой дисциплинированной и последовательной, аккуратно записывала все, что вызывало беспокойство, страх или сомнения.

«Ужасный сон! Я на белоснежном коне и несусь в темноту. Рядом – папа, Олег, Юля, Сергей на таких же белых лошадях. Вокруг много других людей. Они тоже верхом. Мы – одно целое. У нас одна цель. Я не знаю какая, но это нас объединяет... Но вдруг впереди в темноте начинает светиться странный предмет. Мы стремительно приближаемся к нему, и я вижу, что это гигантская пентаграмма из драгоценных металлов и обрамленная огромными бриллиантами. Та самая пентаграмма, что была на груди у Гильша и на стене у Либуши. Никто, кроме меня, не видит, куда несут лошади. Я пытаюсь остановить своего скакуна, кричу, чтобы всадники тормозили, но никто меня не слышит. Они, как одержимые, несутся вперед, навстречу незримой цели... Вот уже несколько человек на всем скаку влетают в невидимый для их взора знак... Лошади, обдирая до мяса бока об острые края пентаграммы, сбрасывают наездников. Ужас, кровь, крики... Я в шоке от того, что никто не видит и не понимает, отчего произошла паника, безумие. Я не знаю, как остановить это месиво... Все новые и новые всадники вре-

заются в препятствие и попадают в кровавую мясорубку. Я оглядываюсь вокруг и в ужасе вижу, что... один человек стоит позади меня и, ухмыляясь, наблюдает за кошмаром. Он еще раньше, чем я, увидел препятствие и не сделал попытки, чтобы остановить своих друзей... Я знаю его! Я очень хорошо его знаю! Но, когда я закричала и в ужасе выпрыгнула из сна, я забыла! Я забыла, кто это!»

Ольга со злостью отшвырнула ручку. Вспомнить, кто увидел пентаграмму первым в ее сне, не получилось. Волнение и страх охватили сознание. Неожиданно для самой себя она закрыла лицо руками и разревелась. Тем для плача было много. Это и напугавший ее сон-загадка, и вчерашняя история с пьяной Альбиной на даче у Олега, и долгое напряжение от того, что приходится скрывать свои чувства от Олега, убеждая себя, что они “прекрасные друзья и только”. Плакала она долго, иногда завывая, как молодая раненая волчица, тем не менее, помня, что в большой квартире ее все же могут услышать. Ревела с чувством, но не громко.

Вволю наревевшись, Ольга сделала глубокий вздох, снова взяла ручку в руку и открыла чистую страницу дневника. Сколько времени она так сидела, Ольга не заметила. Она только старалась следить за своим дыханием, быть расслабленной и наблюдать, как мысли, словно легкие облака, проплывают мимо. Через некоторое время рука вздрогнула и начала быстро-быстро что-то строчить по бумаге. Со стороны казалось, что Ольга и ее рука – совершенно самостоятельные

и отдельные друг от друга объекты. Если бы впечатлительная Марь Санна в этот самый момент заглянула в комнату к девушке, она, скорее всего, испытала шок от увиденного. Ольга, чуть прикрыв глаза, сидела с прямой спиной на стуле, «смотря» прямо перед собой в пустую стену, а ее рука с невероятной скоростью что-то размашисто черкала в тетради. Но к девушке, к счастью, никто по пустякам не заглядывал, и через какое-то время ее рука остановилась и как плеть повисла вдоль тела, а Ольга, очнувшись от транса, открыла глаза. Посидев с минуту, она начала с трудом разбирать каракули своей правой руки. И, когда, наконец, прочитала весь текст, в ужасе закрыла лицо руками:

– Не может быть! Как он мог? Как он мог так долго врать? Как мог так ловко притворяться? Зачем это ему все нужно?

Ольга стремительно вскочила из-за стола, вытряхнула все содержимое из сумки и нашла мобильный телефон.

– Ну ответь же! Немедленно! – приказывала она долгим монотонным гудкам.

– Да, – раздался заспанный голос, – Оль, ты че, офигела, в такую рань звонишь?

Ольга, не отвлекаясь на приветствия, объяснения или оправдания, закричала в трубку:

– Ты видишь! Ты видишь знак! Ты все знаешь! Ты же проводник! Почему скрываешь?

Ольгин собеседник ничего не ответил. Связь прервалась. Ольга снова попыталась набрать знакомый номер, но в

ответ раздавался равнодушный голос: «Абонент недоступен или находится вне зоны действия сети».

Ольга в ярости бросила свой телефон на кровать. Села на пол и обхватила руками голову.

«Как же так? Почему? Зачем? Кому же теперь верить?» – хотелось выть и плакать, но лимит слез на сегодня закончился.

Из ступора Ольгу вывел сигнал ее мобильного, возвестившего, что пришло сообщение.

Не вставая с пола, Ольга нащупала на кровати телефон и прочитала:

– Завтра в три, «Кофемания» у консерватории. Никому не говори обо мне. Я все объясню. Я не обманываю тебя и наших друзей.

Ольга внимательно несколько раз прочитала сообщение и, посмотрев на часы, решила, что есть еще немного времени поспать. А об этой истории сегодня больше думать не хочется. Завтра она, возможно, получит внятное объяснение всему этому.

Чтобы хоть как-то отвлечься и переключиться на более позитивное настроение, Ольга снова легла в уютную постель и стала предаваться «девичьим мечтам». Так сама над собой иронизировала Ольга. Она позволила себе немножко помечтать и представила, как завтра, вернувшись в школу после зимних каникул, она встретит в коридоре Олега. Сделает вид, что совершенно не оскорблена поведением Альбины

и не обижена тем, что Олег не остановил свою пьяную подружку.

«Вот иду я по школьному коридору, такая веселая и красивая, – закрыв глаза, мечтала Ольга. – Старшеклассники да и малыши там же – все будут зрителями... Кристинка и Дашка недалеко. И вот навстречу мне идет Олег. Смотрит на меня милым, немного виноватым взглядом... А в руках у него большой плюшевый медведь... Белый. И обязательно с огромным зеленым в красный горошек бантом... Да, да! Бант зеленый с красными точками! Он останавливает меня и говорит: «Оль, прости меня. Я полный дурак. Мне очень стыдно за поведение Альбины. Вот подарок, возьми, пожалуйста. Я хочу с тобой встречаться...»

– Вот дуреха, размечталась, – улыбнулась Ольга и провалилась в глубокий сон. На этот раз без сновидений...

***

На следующий день Ольга едва не опоздала в школу, проспав звонок будильника. Прошедший накануне день она так и провалялась в кровати, читая любимые книжки, поедая шоколад и мороженое прямо в постели. Иногда заходила Марь Санна, приносила что-нибудь вкусненькое и ласково приговаривала:

– Вот и правильно, отлежись, девонька. Опять, поди, начнешь на свои тренировки с драками бегать, да и в школе задают вам, будто профессоров из вас делают. Ни секунды свободного времени. Вот лежи, отдыхай сейчас. Поешь вкус-

ненького.

Ольга с благодарностью кивала головой Марь Санне, забив рот пирожками и шоколадом.

– Ничего страшного, не поправлюсь от одного раза, – угоривала себя Ольга, – и вправду скоро тренировки, учеба. Не поваляешься. А стресс хорошо заедается шоколадом.

В школу она влетела, чуть не опоздав к началу первого урока. В этот самый момент завуч объясняла, что в половине третьего их класс будет писать зачет. В школе было заведено странное правило: в первые же дни после любых каникул детям раздавали что-то наподобие контрольной работы, в которой были собраны вопросы по всем предметам. Это делалось для того, чтобы дети не расслаблялись, не теряли бдительность. Всего несколько несложных вопросов по всем важным предметам, но оценка этого вопросника играла ключевую роль при выставлении четвертных оценок. Очень странное нововведение, но прогуливать его никто не решался.

«Я не могу остаться, у меня же встреча!» – разозлилась Ольга.

Она незаметно вытащила телефон и отправила сообщение: «Можем позже встретиться?» «Нет, – пришел ответ, – только если на следующей неделе я буду в центре. Давай я на телефоне все объясню?»

«Не годится, – ответила Ольга. – Я хочу видеть твои глаза. Приеду в три».

– Зоя Александровна, – обратилась Ольга к завучу, – я не могу остаться на опросник. Мне надо к врачу. Можно я потом напишу?

– Оля, ты же знаешь правила. Пропускать опрос – дело неблагодарное, возни потом много. Хорошо, принеси справку от врача или пусть мама позвонит сегодня мне.

Ни один из вариантов Ольгу не устраивал, но до обеда было еще время, и она решила подумать об этом на перемене.

Когда закончился урок, Ольга хотела выйти на улицу и позвонить папе. Она решила рассказать ему вкратце о своем сне и встрече, которая может не состояться, если папа не позвонит в школу и не подтвердит, что Ольге нужно к врачу. Ольга неуверенно чувствовала себя, обдумывая разговор с отцом. Она шла по общему коридору, опустив низко голову, и кусала губу.

«Нет, все же как-то глупо звучит: «Папа, наври, пожалуйста, в школе, потому что у меня может сорваться встреча с человеком, который тоже может быть проводником, но скрывает это по неизвестной мне причине... Как я это узнала? А мне сон приснился... Я вообще всю важную информацию из снов получаю, а еще попробовала тут в транс входить, и рука сама что-то пишет. Ага, вот, вот... Все как-то само собой приходит, только, что с этим делать, не знаю. Ты не догадывался, что у тебя дочь с небольшими странностями? А я вот и сама с трудом во все это верю», – так вела про себя Ольга разговор с отцом и не заметила, что вокруг нее происходит

что-то странное.

В один миг кутерьма, суета и шум, неизменно царящие во всех школах, прекратились, и повисла почти мертвая тишина, нарушаемая иногда тихим удивленным шепотом: «Неужели это ЕЙ? При всех? Как ЕЙ повезло!»

Ольга, наконец, очнулась от своих неприятных размышлений и увидела, что навстречу к ней, смущенно и немного виновато улыбаясь, идет Олег. А в руках у него огромный белый плюшевый медведь, на шее которого повязан **ЗЕЛЕНЫЙ В КРАСНЫЙ ГОРОШЕК БАНТ**.

– Привет, Оль, – начал Олег, не обращая внимания на ребят и девчонок, ловящих каждое его слово. – Прости меня, я полный дурак. Мне очень стыдно за поведение Альбины. Возьми, пожалуйста, это тебе, – Олег протянул Ольге очаровательного медведя, точно такого, как она себе представляла.

Перед глазами девушки все поплыло, она растерянно оглянулась вокруг, заметила стоявших рядом с раскрытыми от изумления ртами Кристинку и Дашку и уже точно знала, что произнесет дальше Олег.

– Оля, я хочу с тобой... – начал было Олег.

Но Ольга не дала договорить, зажала ладонью ему рот и, сказав шепотом: «Тише, не надо, молчи. Это не ты...», бросилась бежать прочь от изумленного Олега и не менее пораженной публики.

Ольга выбежала на улицу. Середина января, промозгло,

сыро и серо. Ольгу трясло мелкой дрожью и от холода, и от шока.

«Все случилось, как я себе представила... Разница только в том, что этого хотела я! А Олег? Что же это на самом деле? Предчувствие? Предвидение? Или исполнение моих желаний?»

Прозвенел звонок на урок. Ольга судорожно набрала в легкие холодный сырой воздух и вернулась в школу. Ни на кого не глядя, она вошла в притихший класс, пробурчала извинение за опоздание и села за парту, не поднимая глаза ни на учителя, ни на одноклассников. Голова словно заполнилась ватой, изменились звуки, и движения растянулись, как в замедленной съемке. Неожиданно тишину, царившую в классе, прорвали множество голосов и звуков. Ольге показалось, что она сходит с ума от этих странных голосов. Она оглянулась вокруг себя. Одноклассники молча писали в тетрадях задание учителя. Сама преподаватель заполняла журнал. Ольга постаралась остановить панику, начав ровно дышать. Учительница удивленно подняла бровь, посмотрев на Ольгу поверх очков: «Что это с Бояровой? Уж не приступ ли?».

– Все в порядке, Вероника Михайловна, устала немного, – пояснила Ольга, поймав удивленный взгляд классной дамы.

«Она рот не открывала, когда говорила!» – пронзила мысль.

Ольга опять в панике оглянулась на своих одноклассни-

ков, словно ища объяснения этой странности.

«Я же говорила ей, что так и будет, а она, упрямая овца, все равно пошла!»

«Сашке надо предложить у него встретиться. У него предков вечно по вечерам не бывает. Там и курнем нормально».

«Основопологающим фактором политического устройства современного государства является, черт, еще зоологию повторить надо, блин, как я не люблю эти дурацкие вопросы... так, где я остановилась?»

«Что это? Что за голоса в моей голове? – Ольга положила ладони на лоб, стараясь ровно дышать. – Так, надо успокоиться, подумать, продолжаем ровно дышать... Я сейчас внимательно посмотрю на Михайловну, постараюсь ни о чем не думать...»

Ольга осторожно подняла глаза на преподавательницу, удерживая ровное дыхание.

«...успеть... Как же не вовремя этот педсовет Зойка сделала. И ведь не объяснишь ей, что сериал пропускать не хочу, засмеет! Какой же этот главный герой душка! Надо поискать про него какие-нибудь фотки и статейки. А эта героиня! Ну надо же такой бестолковой быть! Каким мужиком пренебречь! Молодые, глупые... Я тоже лет двадцать назад думала, что так вечно будет, все ребята мои. А жизнь проходит, я все одна и одна. Да, сейчас хоть какого мужичка в дом... Главное, чтобы не пил и не курил...»

Ольга удивленно смотрела на свою учительницу по есте-

ствознанию. Лет пятидесяти, может, меньше, может, больше – не поймешь. Вероника Михайловна, казалось, родилась в образе классической училки: худая, даже сухопарая, с прямой спиной, надменным взглядом, поджатыми тонкими губами, бесцветными волосами, затянутыми в тугий пучок. Она производила впечатление зануды и моралистки, прези-
рая все, что касалось «праздных интересов и развлечений».

Ольга оглянулась по сторонам, вглядываясь в лица одноклассников. В тот момент, когда она останавливала взор на ком-либо, она слышала его мысли! Ольга испытала шок от нового открытия.

«Я схожу с ума. У меня опухоль мозга. Как в каком-то фильме с Траволтой. У него опухоль мозга росла неимоверно, и он вдруг гением стал... Я читаю мысли, предвижу события и руковожу действиями людей?! Как в этом во всем разобраться?»

Ольга невольно оглянулась на Дашу. Та поймала ее взгляд, улыбнулась и подмигнула растерянной и ошарашенной Ольге.

«Как же ей везет! – услышала Ольга мысли Даши, – вот уж кому точно лагерь на пользу пошел. И что же у них там с Олегом произошло? Надо же, при всех в школе подарить ей подарок! А эта воображала убежала... Да, и лохушкой ее больше не назовешь. У Ольки, наверное, свой стилист есть. Молчит, скрывает... Так классно одевается! И ведь не похоже ни на кого. Как ей идет этот стиль. А уж когда она се-

рое узкое платье одевает с красной сумочкой, туфельками, то просто упасть можно. Я пробовала повторить, но полная фигня вышла... Да, надо ее с собой по магазинам пригласить, но ведь не пойдет, воображала... А Олегу она точно нравится, только Альбинка его не отпустит».

Ольга схватилась за голову. Казалось, что вены на висках сейчас лопнут.

«Мне надо уйти. Череп разорвется... Не могу больше...»

Ольга, ничего не объясняя, вылетела из класса, в гардеробе схватила пальто и, как была, в туфельках на тонкой из натуральной кожи подошве, побежала, не разбирая дороги, по мокрой, неудобной улице.

Она бежала все быстрее и быстрее. Прохожие с удивлением оглядывались на привлекательную молодую девушку в форме как из фильма про английскую школу для детей аристократов, в дорогом строгом пальто и изящных балетках, не приспособленных к непогоде. В глазах девушки были страх и отчаяние... Но Москва не верит не только слезам. У тех немногих прохожих, кто обратил внимание на странную девушку, сработала защитная реакция жителя мегаполиса, отравленного криминальными новостями, ежедневными сообщениями о катастрофах, катаклизмах, насилиях и войнах: «Я только наблюдатель, со мной все в порядке, меня это не касается...»

Так Ольга бежала долго. Наконец она остановилась, огляделась вокруг. Равнодушные новостройки, равнодушные

жители, равнодушное безликое место... Ольга достала телефон и набрала номер водителя.

«Виктор, мне нужна ваша помощь. Вы можете за мной приехать? Куда? Нет, не в школу, – Ольга огляделась вокруг, ища название улицы на большом красном доме, – Магистральная, пятнадцать. Это где-то недалеко от школы... Кажется... Только, пожалуйста, родителям ничего не говорите...»

Ольга, наконец, почувствовала, что промокли ноги и она очень замерзла.

«Ну что ж, я обладаю неким даром... Мои способности, да в мирных целях. Ужас, как холодно. Надо где-то погреться, пока Виктор едет. Ага, вон там есть кафе».

Ольга перебежала дорогу и ворвалась в прокуренное, пропитанное запахами дешевого масла и жира кафе. Когда глаза привыкли к темноте, Ольга различила силуэты людей. Взрослые крупные мужчины и молодые люди, в большинстве своем «лица кавказской национальности», как любят вешать ярлыки в средствах массовой информации, в упор нагло рассматривали Ольгу.

– Ой, здрасти, я, наверное, ошиблась...

– Проходы, красавица! Присаживайся! – вальяжно рассевшись в пластмассовых «креслах», ухмылялись посетители забегаловки.

«Надо срочно что-то делать! – Ольга зажмурилась. – Я невидимая, я невидимая, я невидимая, я невидимая...»

Когда девушка открыла глаза, то картина изменилась. Посетители все так же сидели за грязными столами, заставленными одноразовыми тарелками с овощами и чем-то еще, напоминающим шашлык, но на нее уже никто не обращал внимания. Ольга осторожно подошла к стойке бара, где раздраженная немолодая официантка злобно стучала по липким клавишам калькулятора.

– Дайте воды, пожалуйста, – обратилась к ней Ольга.

Официантка не реагировала.

– Дайте воды! – громче сказала девушка.

Официантка, выругавшись, стукнула калькулятор о стол:

– Черт, достали, сами, что ли, взять не могут?!

– Мань, ты че ругаешься? – крикнула, выглядывая из кухни, полная краснолицая повариха.

– Достали, в пятый раз пытаюсь посчитать эти цифры, каждый раз машина глючит, а еще этот с водой пристал.

– Кто пристал? – переспросила краснолицая.

– Да этот, – официантка махнула плохо прокрашенными светлыми кудрями. – Ой, уже ушел...

Она смотрела прямо перед собой на Ольгу, вернее, сквозь нее.

Ольга осторожно подняла руку, помахала перед лицом официантки и повторила:

– Воды дайте, просто воды!

Но та не закричала: «Че ты у меня перед носом машешь!», как могла бы предположить Ольга, а продолжала смотреть

удивленно сквозь нее.

– Знаешь, Зин, у меня глюк, – тихо и растерянно, не поворачивая головы в сторону поварихи, проговорила официантка, – мне, знаешь, такой детский голосок причудился: «Дайте воды, дайте воды...»

И она по-бабски так жалобно прижала руки к груди, ее губы затряслись, глаза наполнились слезами.

– Ой, это грех мой, детки мои не рожденные ко мне обращаются, – готовая вот-вот разреветься, зашептала она.

– Вот дуреха, голос у меня детский, – тихо пробурчала Ольга и отошла от стойки.

Она очень осторожно приблизилась к столу, где несколько грозных мужчин в кожаных куртках играли в карты. Они говорили громко, чему-то возмущались, размахивали руками, много пили и курили. На Ольгу никто не обращал внимания.

Она некоторое время наблюдала за ними, потом осторожно опрокинула стакан с красной бурдой на самого грозного и взрослого мужчину.

Тот подскочил со стула, ругаясь на чужом языке. Возмущению его не было конца, когда он пытался выяснить, кто это сделал. Его товарищи только удивленно таращили на него красные от сигаретного дыма глаза. Тут Ольга, удивляясь внезапно охватившему ее куражу, как маленькая проказница, стала бегать вокруг стола, опрокидывать пластмассовые стаканы, мешать карты и разбрасывать переполненные окурками пепельницы. Ей стало очень весело! Даже будучи

совсем маленькой девочкой, она не позволяла себе такие шалости. Но это здорово! Можно хулиганить, дурачиться, и тебя никто не видит!

«Стоп! – Ольга резко прекратила смеяться и замерла. Она огляделась вокруг себя. Официантка и повариха, прижавшись друг к другу, часто крестились, бормоча что-то наподобие то ли молитвы, то ли просто «свят, свят». Взрослые и на вид очень грозные мужчины стояли в полной растерянности вдоль стены и с ужасом наблюдали, как в воздухе сами собой летают карты, падают стаканы и раздается безудержный, сумасшедший девичий смех.

– Ой, я, кажется, переборщила, – прошептала Ольга и тихонечко прошмыгнула к выходу, напоследок щелкнув по клавише калькулятора, и на его экране случайно проявилось 288.

Ольга мельком взглянула на эти цифры, и у нее промелькнула мысль, что теперь у некоторых из присутствующих и тех, кто будет впечатлен рассказами очевидцев «о чуде» в кафе, будет еще одна неразрешимая загадка – а что же значит число «288»

Свежий холодный воздух отрезвил Ольгу. Она вздохнула полной грудью, отмечая, как препротивно пропахли ее одежда и волосы табаком и дешевой едой.

Раздался звонок мобильного.

– Да, да, Виктор! Ага, я жду... У кафе, сейчас посмотрю. «Восход Сухуми», ну и бредовое название, да, да, я Вас ви-

жу! Вы меня тоже? – Ольга выключила телефон и задумалась.

«Виктор меня видит... Интересно, как это получается, кто-то меня видит, кто-то – нет... Или механизм другой... Может, в тот момент, когда я зажмурилась, испугавшись людей в кафе, и проговорила «невидимая», может, в этот самый момент ввела их как бы в гипноз?» – Ольга размышляла всю дорогу, пока ехала в школу, но ответа так и не нашла.

***

Машина остановилась у здания школы. Ольга посмотрела на часы. Было без четверти три.

«Что же мне делать с этим опросником? С папой так и не договорилась... Да и врать он учителям не станет... А встречу перенести не могу...»

– Виктор, отвезите меня, пожалуйста, в центр, к «Кофемании», на Большую Никитскую...

Водитель удивленно посмотрел через зеркало заднего вида на Ольгу, но переспрашивать ни о чем не стал. Он знал, что Ольга просто так прогуливать школу не будет.

Она уютно забралась с ногами на сиденье машины. Рассматривая серые улицы и угрюмых прохожих, она не переставала думать о том, какие последствия могут быть, если пропустить опросник. Ольга привыкла ответственно относиться к учебе, любила держать все под контролем и не создавала себе сложностей бессмысленными прогулами или банальной ленью. Но здесь ситуация совсем другая. Ложь

может потянуть за собой непонимание со стороны родителей; пропущенный без уважительной причины опросник может сыграть отрицательную роль в выпускном классе...

«Вот ситуация глупая! – ругалась про себя Ольга. – И знаю ведь все! Потом достанут: как ты могла прогулять школу!»

Она прикрыла глаза и, чтобы отвлечься, представила, какие могут быть задания на опроснике. Как-то само собой представились и обстановка в классе, и лица одноклассников. Кто-то нервничал, что не подготовился и за короткие каникулы что-то забыл, кто-то спокойно, не отвлекаясь, занялся делом. Как Ольга, например... Если бы сидела в классе... Ольга не хотела думать о предстоящей встрече в кафе. Она чувствовала, что мозг закипает, если она пыталась придумать объяснение, почему он скрыл, что видит... И она снова заставляла мысленно вернуться в школу. Она же все знает, легко, как обычно, со всем справилась бы... И еще до звонка на перемену, чтобы не встретиться с Олегом, убежала бы домой... Ольга, разомлев в теплой машине, задремала и очнулась, только когда водитель сказал:

– Оля, выходи, наверное, здесь. А я дальше проеду, место для парковки поищу. Ты позвони мне, когда встречу с подружкой закончишь...

Ольга удивленно посмотрела на Виктора: «Почему с подружкой?», но ничего не сказала и вышла из теплой машины в холод московских улиц...

На пороге кафе, достаточно заполненного в обеденный

час, она остановилась, ища взглядом человека, с кем была назначена встреча.

Милая молодая девушка-официантка подошла к Ольге:

– Я провожу вас к вашему столику.

– Да, у меня встреча... – начала было Ольга, послушно следуя за девушкой между близко поставленными друг к другу столиками, но девушка уже показала столик в углу, где ее ждал Сергей.

– Привет! – весело сказал он, оглядывая Ольгу с ног до головы. – Тебе идет эта школьная форма. Это же школьная? Очень мило. Садись, что тебе заказать?

– Серый, хватит из себя джентльмена строить. Я зла на тебя и требую объяснений!

Парень спокойно посмотрел на Ольгу и махнул рукой, чтобы позвать официантку.

Та же милая девушка быстро подошла к их столику.

– Вы уже выбрали? – лучезарно улыбаясь Сергею, приготовилась записывать она.

– Да, да, э... Леночка, – Сергей быстро взглянул на бейджик с именем официантки, – будьте любезны, девушке чай вкусный травяной на ваш выбор, только очень вкусный, и какой-нибудь пирожок, с ягодами.

– Ты, может, что-нибудь более серьезное съешь? – обратился он к Ольге.

Та, удивленно наблюдая за всей этой сценой, только отрицательно покачала головой.

– Ну, хорошо, теперь мне, – как ни в чем не бывало, продолжал излучать обаяние Серый, делая заказ и шутя с официанткой.

Когда девушка отошла от их столика, Ольга с усмешкой посмотрела на Сергея.

– Ты чего так смотришь, Оленька? – ласково улыбнулся Серый.

– Да я просто потрясена. Смотрю на тебя и не узнаю...

– И что же тебя так потрясло, позволь узнать?

– Да все! Твое вранье в лагере. Твой образ там – воришка-беспризорник и то, что я вижу теперь?! Это же очень пафосное место с немаленькими ценами... И ты, такой любезный, воспитанный молодой человек, так хорошо ориентируешься... Даже заказ за меня сделал, угадал мои предпочтения... Или знал? А где же тот парень с наглой ухмылкой, сплевывающий каждую минуту и заменявший все глаголы и прилагательные на отборный мат? Серый! Где ТЫ? Где правда? – Ольга близко-близко наклонилась к Сергею через стол, внимательно следя за его реакцией.

Серый спокойно наблюдал за возмущениями Ольги и, когда она, наконец, замолчала, сказал:

– Я отвечу на все твои вопросы, если ты не будешь делать поспешных выводов и перебивать меня... Оля, ты мой друг. И это правда. Просто поверь мне... Давай по порядку... Выбор кафе не случаен. Ты же в «Макдоналдсе» в своем милом дизайнерском костюмчике частной школы смотреться не бу-

дешь... А если правду сказать, то мы здесь несколько раз с Юлькой кофе пили, когда она по своей образовательной, специально ею для меня придуманной программе, в консерваторию таскала, – Серый, заметив удивление в глазах Ольги, пояснил: – Юлька моим интеллектом занялась, «пробелы заполняет», как она сама говорит. Составила программу, где я по списку книжки ею выбранные читаю, по музеям и консерваториям водит, про художников и музыкантов я тоже читаю...

– И как тебе? – удивленно спросила Ольга.

– Нравится, – довольно улыбнулся Серый. Нет, конечно, вначале, я сопротивлялся, но Юлька тоже упрямая... Теперь нравится...

– Ладно, давай поедим, а потом я тебе о главном расскажу... – остановил беседу Серый, с удовольствием принимаясь за еду.

Ольга машинально пила чай, продолжая наблюдать за другом, удивляясь его изменениям во внешности, поведении и новым привычкам. Просто милый мальчик из хорошей интеллигентной московской семьи, душка. И чувствует себя в этом месте, как будто всю жизнь только в лучшем жил и питался...

Ольга очнулась, прервав поток мыслей, когда почувствовала во рту вкус лесных ягод, нежнейшего бисквита.

– Как вкусно! – удивилась она.

– Ага, я знаю, что тебе нравится, – улыбнулся Сергей, –

прости, что сам сделал за тебя заказ, но ты была в такой ярости, что спрашивать тебя о еде было бы с моей стороны глупо.

Они еще некоторое время молча ели. Сергей – не спеша, с удовольствием, а Ольга быстро расправилась со сладким и чаем и, нервно покачивая ногой, еле сдерживалась, чтобы не запихнуть тарелку с едой в рот Сергею, так ей не терпелось услышать его объяснение самому главному и мучившему ее вопросу: он проводник? Он видит знак?

Наконец Серый закончил трапезу, аккуратно и не спеша вытер и так чистые губы, так же медленно и ровно, выравнивая все стороны салфетки, сложил ее и снова подозвал официантку. Ольга готова была убить его, ну, в крайнем случае, наброситься на друга и растряссти его.

– Ты что, издеваешься, Серый? Давай выкладывай все! – зашипела Ольга.

– Фи, девушка, какая вы нетерпеливая, – улыбнулся Серый. – Оль, прости, я кофе возьму... Разговор долгий будет, серьезный... Ты хочешь что-нибудь?

– Только воды, пожалуйста, – успокаиваясь немного, сказала Ольга.

Несмотря на то, что в этот час людей в кафе было достаточно много, Леночка, официантка, моментально подлетела к их столику и, преданно заглядывая в глаза Серому, смущаясь, приняла заказ.

– Что ты с ней сделал? А, мачо? – засмеялась Ольга.

Она вдруг посмотрела на него другими глазами: «Надо же, а он симпатичный, в нем какое-то магическое обаяние есть... Я раньше и не замечала...»

– Оля, то, что я рассказывал про себя там, в лагере, про мою жизнь, про сиротство и улицу – все это правда. Юлька, твой отец и ты изменили мою жизнь... До встречи в лагере я был просто малолетним бомжем, и меня ждала только тюрьма... Но все изменилось...

– Но как же так, почему ты не сказал, что проводник?

– А я знал? Я просто хотел украсть эту бриллиантовую балду, что висела на шее, как его там? Гильша! Все! Просто стырить! – Серый впервые за время их встречи в кафе вышел из себя. Прости, Оль. Надо рассказать все по порядку.

И он начал рассказ...

– То, при каких обстоятельствах я попал в лагерь, ты знаешь. Как я жил до этого и каким был – все правда... Я не сказал только, что видел у Гильша тот блестящий медальон, из-за которого все и произошло... В первый раз я увидел пентаграмму, когда нас, нескольких парней, таких же, как я, беспризорников и малолетних преступников, отправили в башню перетаскивать мебель... И вот я увидел этого самого главного дядьку. Днем-то он выглядел по-человечески, такой голливудский герой, только страшно надменный, на нас не смотрел, с нами не говорил. Все указания через старших по нашему лагерю отдавал... Да, но это не важно.

Короче, я и увидел у него эту бриллиантовую штуку... И

все! Глаз оторвать не могу, в мозгу туман, сердце вот-вот из груди выпрыгнет. Так разволновался! Хорошо, что он внимания на нас не обращал, а то бы точно удивился моему виду. Ну вот, вернулись мы в свои бараки, я есть не могу, спать не могу, все думаю об этой штуке... Разум помутился: она должна быть моей! Еле-еле дождался утра, подскочил раньше всех и бегом к помощнику главного по нашему лагерю, что каждое утро работы распределяет. Говорю: мне в башню надо! Работать там хочу! А он посмотрел на меня своими рыбьими глазами и таким же бесцветным голосом отвечает: «Нет, по правилам лагеря нельзя дважды работать в одном и том же месте». Я давай его уговаривать, а он все, не слышит больше. Так получилось, что меня даже и на другие работы в ваш лагерь больше не распределяли. Ну, через несколько дней я вроде бы успокоился, начал соображать трезво. Нет, о медальоне я думать ни на секунду не переставал, крепко он меня держал, да... – Сережа на миг задумался, прервав рассказ, взгляд его был устремлен куда-то в даль.

– Ну, ладно, – очнулся он, – извини, задумался... Так вот, короче, теперь я обдумывал план, как этот медальон стащить, вернуться домой и продать... Да-да, конечно, продать! А зачем он мне, живущему на улице малолетнему мошеннику, у которого уже в карьерном росте все понятно: еще год-два, и тюрьма станет моим домом родным...

Вот если бы продать его! Да за него можно и пол-лимона взять! Вот я бы зажег! Свалил бы в какую-нибудь теплую и

мирную страну и зажил бы припеваючи! Конечно, что такое хорошо жить, я еще не знал, и что делать с такими деньгами тоже представления не имел. Но глубоко в душе я понимал, что не смогу с ним расстаться: все – я его раб!

В тот момент у меня не было таких умных и рассудительных друзей, как вы, и поэтому все мои мысли были поглощены планом, как стащить пентаграмму...

Через несколько дней мне удалось за пачку сигарет поменяться с одним пацаном местами работы. Да, да, Юлька тоже так делала, чтобы встретиться с тобой, она мне рассказывала... Пройти в ваш лагерь я смог, попасть в башню тоже, а как же стащить медальон с шеи Гильша и как потом вернуться домой? Но я не думал о таких деталях, это было не важно. Медальон притягивал меня, я мог думать только о том, чтобы увидеть его, дотронуться до него, наконец, обладать им... Короче, ближе к вечеру я тихонечко проскользнул через маленькую дверь в башне в помещение, напоминающее подсобку, и стал ждать ночи... Я думал, что единственный момент, когда Гильш снимает медальон, это может быть его ночной сон, по крайней мере, я надеялся на это... Осталось только найти спальню и там – пентаграмму... Вот дурак, совсем разум в тот момент помутился, побрякушка эта меня просто заколдовала, – усмехнулся Серый и продолжил рассказ.

– Я дождался, когда наступит полная темнота, и вышел из своего укрытия. Сидя в подсобке, я сквозь замочную сква-

жину заметил, что, когда ушли наши ребята, Альберт, а это был он, не запер главную дверь... Они даже охрану не выставляли! Так расслабились за несколько веков, уверовали, что находятся в полной безопасности и у них нет врагов! Еще я обратил внимание, что Гильш и его подруга, как ее звали? Эстер! Да, я вспомнил! Красотка еще та! Жалко ее, – пошутил парень.

– Короче, прости за лирическое отступление... Так вот, они из башни не выходили, значит, есть шанс выкрасть медальон. Осталось только найти спальню этого парня. Я вышел из своего укрытия. Глаза к темноте уже привыкли, и я пошел к двери, ведущей в подвал. Сперва мне показалось, что в башне полная тишина, но, осторожно спускаясь вниз по каменным ступеням, я стал различать множество звуков: стоны, плач, резкие неприятные голоса... Мурашки покрыли все тело, ноги и руки тряслись, но я упорно шел на поиски медальона. Надо было развернуться и бежать, что есть сил, ан нет, он звал меня, завладел моей волей... Вот, наконец, я различил слабый свет. На площадке были две старые, деревянные двери. Они не были плотно закрыты, и поэтому я мог различить, кто там находится. В одной из комнат я увидел Альберта и сидящего спиной ко мне человека, чье лицо скрывали бесформенная мантия и огромный капюшон. Но вскоре Альберт обратился к своему собеседнику: «Послушайте, госпожа! Надо попробовать убедить господина, что нужен запасной вариант. Нельзя все ставить на одно-

го человека...»

Лица Эстер я не видел и, что она ему ответила, тоже не понял, удивился только каким-то жутким звукам, исходящим из их комнаты, но никак не мог связать их с прекрасной женщиной... Моя цель – Гильш, но его нет рядом с Альбертом и Эстер. Возможно, он в соседней комнате? Я неслышно подошел к следующей двери... Мое нетерпение и волнение были так велики и цель так близка, что разум отказался работать. Я просто открыл дверь и вошел в комнату. Слабый свет шел от единственной свечи, стоявшей на старом деревянном столе. В глубине комнаты находились что-то наподобие грубо сколоченных нар, покрытых только какой-то темной тканью... На нарах лежал человек. Все его тело утопало во множественных складках атласного плаща-мантии, голову и лицо, как и у Эстер, скрывал огромный капюшон, руки у человека были сложены на груди, но сами кисти рук я не видел, они также утопали в материи рукава. Комната была мрачной и темной, и человек, неподвижно лежавший на нарах, почти сливался с темнотой, и для меня существовал здесь только заветный медальон на его груди, наполненный и лунным, и солнечным светом одновременно. Осталось только подойти и взять... Ты удивлена? Да, так просто – подойти и взять! Я окончательно перестал что-либо соображать... Была цель – взять медальон, быть с ним, остальное не имеет значения... Я словно под гипнозом находился.

И вот я медленно протягиваю руку, уже чувствую про-

хладный металл и острые камни в ладони, тяну на себя и... замираю с медальоном. А снять его как с тела спящего Гильша? Цепь толстая и крепкая. Работа старинная, сделана на совесть, просто так колечки не разогнешь. Стою, как дурак, вцепился в сам круг бриллиантовый, а что делать дальше, не знаю... Хотел попробовать тихонечко через голову Гильша снять, у него капюшон из скользкой ткани, авось ни за что не зацепится... Так и сделал. Но, как только начал аккуратно цепь поднимать, тут меня за руки и схватили эти клешни! Ужас! Помнишь их лапы? Даже руками не назовешь! Ледяные, покрытые то ли чешуей, то ли просто старая шкура слезает, с длинными черными ногтями! Я от страха остолбенел, даже вырваться не пытаюсь... И смех вдруг такой раздаётся из-под капюшона, пенопластом по стеклу – так райской музыкой покажется! Да что я тебе рассказываю, сама знаешь... Такое забыть невозможно! Короче, вдруг смех резко прекращается, Человек... да какой человек... «Ящер» этот облезлый, как Юлька хорошо придумала их назвать, вдруг резко садится, капюшон соскальзывает с его головы, и ты представляешь, что я там увидел и какой шок испытал! Всего в нескольких сантиметрах от моего лица вместо до тошноты красивого и мужественного лица Гильша я увидел такого монстра, что все страшилки Голливуда померкли перед ним... Но странное дело, на этом так называемом лице я увидел что-то, напоминающее изумление.

«Ты кто такой? – проскрипел он. – А где она?» Он стал

оглядываться по сторонам в поисках еще кого-то.

«Ты один? – наклонился Гильш надо мной, и я почувствовал его зловоние, исходившее и изо рта, и от тела. У меня в горле все пересохло, я был в шоке и совершенно не понимал, о чем он спрашивает... Тут на шум в комнату вбежали Альберт и Эстер. Та еще красавица! Они тоже были в растерянности, когда увидели меня. Постепенно я начал приходить в себя... Почему они удивлены, а не возмущены, что к ним проник вор, думал я. Гильш и Эстер заговорили между собой на незнакомом мне языке, а Альберт стоял рядом со мной и все порывался о чем-то спросить, но Гильш резким движением лапы и грозным взглядом останавливал его.

Наконец, эти два «прекрасных создания» обо всем переговорили, сели на нары, усадив меня напротив, и приступили к допросу. Вопросы оказались очень странные, и я еще больше запутывался, потому что ничего не понимал, поэтому в какой-то момент перестал врать и честно отвечал им.

Сергей остановил рассказ, пригубил остывший кофе. Он не смотрел на Ольгу, и видно было, что эти воспоминания взволновали его. Он нервно придвинул к себе пепельницу, потом, видимо, вспомнив, что давно бросил курить, резко отодвинул от себя. Ольга терпеливо ждала продолжения. У нее было очень много вопросов, но она приняла решение, что даст возможность Сергею все сказать, раскрыться, а ее расспросы могут только увести друга от воспоминаний.

Пауза затягивалась. Серый сидел нахмурившись, разгля-

дывал свою пустую чашку из-под кофе. Ольга смотрела на него и уговаривала себя первой не нарушать паузу, но терпение заканчивалось.

– Ну ладно... Короче, – очнулся Сергей, – они задавали очень странные вопросы, но теперь я понял, что они значат. Они ждали тебя. Им нужна была только ты. Как они о тебе узнали и откуда, я не совсем понял, но почему же из этих источников они не узнали обо мне, я до сих пор не понял... У нас с тобой есть что-то общее, но что-то нас и различает...

Сергей опять замолчал.

– Серж, а дальше? – не выдержала, наконец, Ольга. – Что дальше? Почему ты оказался в камере? Почему ты нам не сказал, что знаешь их истинное лицо? Ты так искренне их испугался, когда вместе со мной их увидел. Зачем это все?

Ольга старалась, чтобы ее голос звучал мягко, без обвинений и упреков.

– Была причина, Оль. Была... – продолжил Сергей и посмотрел на подругу глубоким и очень серьезным взглядом.

– Они, эти чудовища и красавчик Альберт, еще долго говорили со мной, а потом велели своим гориллам отвести меня в темницу... Там я сидел дня три, слушая стоны и наблюдая этот ужас соседних камер. Помнишь наших соседей? Тех ребят-ровесников с отнятыми душами?

– Такое забыть невозможно, – тихо ответила девушка.

– За три дня они меня сломали, – еле слышно проговорил Сергей.

Он, не спрашивая разрешения у Ольги, взял ее стакан с водой и стал пить воду, как человек, пробывший в пустыне долгое время.

– Когда через три дня меня вызвали эти ящеры к себе, я был готов на все, только бы не превратиться в таких же зомби, как те ребята в подземелье. И мне сделали предложение... Я должен был дождаться тебя, когда ты придешь в башню и спустишься в подземелье, найти выход в долину и узнать, где находится мост.

– Ничего не поняла... – громче, чем принято в общественных местах, воскликнула Ольга.

– Ничего не понимаю, – уже тише добавила она, виновато оглядываясь по сторонам, – как они могли точно знать, что я приду, что мы попадем в долину, что надо будет спасать вас и поэтому я пойду искать невидимый мост? А потом, зачем им я? Ты же видящий! Ты видишь пентаграмму, значит, ты видишь и мост!

– Не факт! Гильш тоже видит пентаграмму, а моста не видит, – усмехнулся Серый.

– Ну да, ну да... – Ольга задумалась. – Хорошо, допустим, ты, по их предположениям, мост можешь и не увидеть, но как получилось, что с нами оказались Юля, Олег и Лелька. Они зачем?

– Все сразу пошло не по плану. Я должен был убедить тебя бежать... Бежать через другой выход, там, наверху башни. Но мы с тобой увидели ритуал, когда Олег, отнимая душу

у Юльки, свою душу отдавал на службу Гильшу... Мы все испортили. Вновь оказались в камере.

– И тут как запасной вариант и возникла на сцене Лелька во всей красе, – догадалась Ольга.

– Да, это правда. Она тоже засланный казачок, – усмехнулся парень, – я не знал ее раньше, но сразу догадался о ее роли в этой постановке, когда она «нашла» выход из камеры...

– Поэтому ты так к ней придирился?

– Ага. Она бесила меня... Но я не мог ее выдать, потому что не знал, знает ли она, что я тоже «казачок»...

– Да, складно все у вас вышло, ничего не скажешь... – Ольга, скрестив руки на груди, с иронией посмотрела на Серого.

– Слушай, Оль, – раздраженно стуча пальцами по столу, сказал Сергей, – ты же понимаешь, что все закончилось хорошо. Я люблю Юлю. Она изменила мою жизнь. Я больше не вор и бомжар. У меня есть профессия, я учусь. Хочу поступать в институт... Есть, где жить и что есть. Юля развивает мою «духовную жизнь», как она говорит. У нас все хорошо. Мы поженимся, родим детей. Все как у людей. Если бы я не согласился тогда на предложение Гильша, то все пошло бы наперекосяк: Олег стал бы очередным «рыбоглазым» успешным уродом, эти твари чешуйчатые так же отнимали души, а ты не превратилась бы в такую красавицу.

Ольга почувствовала, что краснеет...

– За красавицу спасибо. Но ты много на себя берешь. Извини, я неправильно выразилась. Эта такая странная история, что чем больше о ней думаешь, то больше вопросов и несостыковок видишь... Хорошо, что все закончилось.

– Да, все закончилось, – подтвердил Сергей.

Но сказал он это таким странным тоном, смотря мимо Ольги, что у нее возник вопрос:

– А ты думаешь, что не закончилось?

– Я не знаю, Оль... Все странно... Куда Лелька тогда делась?

– Я не знаю, – удивилась Ольга. – Нет, подожди, я вспомнила! Я когда умерла, ну, Либуша мне какое-то зелье дала, помнишь? Так вот, я как будто бы летала и видела, что вокруг делается... И что все в лагере отъезжать собираются, и что дома у меня делается... Лелька была среди тех, кого назад срочно отправляли! Но как она вернулась? Мы же через водопад в долину упали!

– Она знала обратный путь... Или ее проводили... Помнишь, к ней лев подходил? Это, наверное, Гильш был... Короче, это уже не имеет никакого значения...

Еще некоторое время ребята сидели молча, погруженные в воспоминания о событиях прошлого лета. Наконец, Сергей прервал затянувшуюся паузу:

– Сама-то как?

– Ты о чем? – удивилась Ольга.

– Ты знаешь о чем. О тебе и Олеге.

– Мы друзья, – поспешно ответила Ольга и, к своему огорчению, опять покраснела.

– Ага, друзья... Слушай, Оль, не обманывай себя. Скажи ему.

– Что сказать? – раздражительно и резко спросила девушка.

– Все скажи! Как ты к нему относишься!

– Ты с ума сошел, Серый! – Ольга опять закрылась от друга, скрестив руки на груди.

– Конечно, скажи! Как он узнает о твоих чувствах, если ты так их тщательно скрываешь?

– Слушай, Серый, хватит об этом! У него Альбина есть, и вообще не приставай! – Ольга сделала жест, будто собирается встать.

Сергей мягко взял ее за руку и с иронией посмотрел в глаза Ольги:

– Странная у нас дружба получается, какая однобокая...

– Что ты имеешь в виду? – удивилась девушка и снова села за стол.

– Ага, однобокая... Я тебе всю душу наизнанку тут выворачиваю, ты возмущена, что что-то обо мне не знаешь, а сама со мной поговорить об Олеге не хочешь... А может, я, как парень, какой-никакой дельный совет дам, подскажу чего.

Ольга молчала и задумчиво смотрела в окно.

– Хорошо, – тяжело вздохнув, прервала она затянувшуюся паузу. – Хорошо! Я влюблена! Ты это хотел услышать?

Я влюбилась в него сразу, как увидела! И каким-то шестым чувством я понимаю, что это не простая подростковая гормонально-весенняя увлеченность, а настоящее... Он мой человек... Такое ощущение, что я знаю его века, что должна быть с ним. Но проблема в том, что он этого не знает, и у него есть Альбина, которая его ни за что не отпустит. Вот и все...

Глаза Ольги наполнились слезами, она достала платок и сделала вид, что достает невидимую соринку из глаза.

Сергей долго наблюдал за Ольгой:

– Я думаю, что вы созданы друг для друга, но кому-то это очень мешает. Поэтому и Альбина к нему приставлена, как доberman, сторожит его.

– Да брось, Сережа! Нет здесь никакой мистики! Есть мои фантазии и патологическая порядочность Олега! «Мы близки, Оля, понимаешь, **ОЧЕНЬ** близки», – передразнила она Олега. – Вот тебе простое объяснение. Ладно, забей!

– Ага, опять в защиту ушла! Ну как с тобой дружить? Ты же постоянно в обороне и недоверии... Сказала бы просто, да, боюсь, что оттолкнет, что с оскорбленным самолюбием потом делать буду – не знаю... – начал подтрунивать Сергей.

– Ничего я не боюсь! Да он сегодня уже утром в школе подкатывал ко мне! – воскликнула возмущенно Ольга.

Она понимала, что этого рассказывать не стоило бы, но насмешливо-недоверчивый взгляд Олега развязал ей язык.

– Да! Что, не веришь? Утром на большой перемене все смотрят! А он идет навстречу и несет огромного белого мед-

ведя! А у медведя на шее бант! Красный с зеленым горошком! Или наоборот? Не важно... Вот! – громко и как-то совсем по-детски выпалила Ольга.

Сергей продолжал усмехаться:

– И что? Ты-то тут при чем?

– А при том, что он мне его нес! – Ольга все больше походила на маленькую пятилетнюю девочку, хвастающуюся в песочнице перед своими друзьями новой игрушкой, которая осталась дома и ее нельзя показать друзьям, чтобы они поверили в ее существование.

– И что такого? Дружбу вашу никто не отменял. Олег у нас щедрый и совестливый. Ему стало стыдно за позавчерашний испорченный Альбиной вечер «наших воспоминаний», вот и притащил тебе игрушку.

– Нет! Он еще сказал! СКАЗАЛ! – Ольга явно собиралась с духом, чтобы продолжить фразу. – Он сказал, что хочет встречаться со мной!

– Да ну! Правда, что ль?! – насмешливая ухмылка слетела с лица Сергея. Лицо его выражало подлинное удивление. – Здорово! Как все просто разрешилось! Я рад за тебя!

Ольга, как маленький обиженный ребенок, отвернулась от друга и смотрела в пол.

– Оль, что опять не так? – вздохнул Сергей. – Ну что ты все усложняешь? Проще надо быть, проще...

Ольга внимательно посмотрела на парня, решая, может ли она ему доверять, и, набравшись духу, призналась:

– Это не он предложил мне встречаться... Я так ему... велела...

– Ничего не понимаю! – искренне удивился он.

Ольга опять замолчала.

«Да, – думала она про себя, – и на самом деле не очень-то у меня с доверием...»

– Хорошо, Сереж, я тебе признаюсь кое в чем... Только обещай, что не будешь смеяться надо мной!

Сергей внимательно наблюдал за душевными муками Ольги и только молча кивнул головой.

– Я даже не знаю, с чего начать... Короче, все так странно и запутанно...

– Просто начни сначала, дальше само польется, – посоветовал парень.

– Ладно, – вздохнула Ольга, – слушай.

– После нашего приключения на Урале ничего особенного и мистического и не происходило. Школа, тренировки, дом. С Олегом постоянно видимся, постоянно болтаем и созваниваемся... Но я в какой-то момент поняла, что нервы мои на пределе, я больше не могу скрывать чувства к нему, притворяться... Тут еще этот сон! – Ольга заметила немое удивление на лице Сергея.

– Я во сне увидела, что ты проводник, – пояснила она. – Так вот, что-то во мне произошло, я перестала себя контролировать, вся на нервах и эмоциях... Тут представила, как было бы здорово, если бы Олег предложил мне встречаться!

И моя фантазия разыгралась. Я во всех деталях вообразила, как это произошло бы: обязательно в школе, да чтоб все видели! И еще какой-нибудь подарок! Ага, а давай медведя, большого, с бантом в красную или зеленую крапинку, черт возьми, не помню! Не важно... И еще, еще чтоб Олег сказал громко так, при всех: «Оль, прости! Дурак был. Давай встречаться!» Вот такие девичьи мечты...

Ольга грустно опустила глаза. Казалось, что она вот-вот разревется. Сергей нежно положил свою руку поверх ее руки.

– Здорово! Мечты сбываются! Чему ты не рада на этот раз?

– Я испугалась... – призналась Ольга. – Понимаешь, здесь что-то не так было. Да, да, я догадываюсь, что мечты могут исполняться и люди сами могут влиять на события своей жизни, знаю... Сама книжки об этом читала. Но, понимаешь, здесь что-то другое было... Я не знаю, как это словами объяснить... Знаешь, такое чувство, будто его заставил кто-то это сказать... У него в глазах было пусто, не было там радости от перспективы со мной встречаться...

– Брось, Оль! Выдумки твои все это! Ты просто боишься! Боишься своих чувств, боишься ответственности за ваши отношения. Признайся, не ври хотя бы сама себе! – Сергей выглядел очень взросло и участливо.

И Ольга, бросив на него быстрый взгляд, призналась:

– Ты прав. Я боюсь всего того, что ты назвал. Но еще боль-

ше я боюсь того, что со мной произошло потом... Короче, я сбежала, не дала ему договорить, но то, что случилось дальше... В это с трудом может поверить нормальный человек. Но ты такой же странный, как и я, – засмеялась Ольга, – тебе доверять можно!

И она рассказала Сергею и про то, как слышала, о чем думают одноклассники и учительница, и как выбежала на улицу и попала в незнакомое место, и как стала невидимой для завсегдатаев прокуренной забегаловки, до смерти напугав их своей шалостью. Сергей очень внимательно смотрел на девушку, и в его взгляде не было и доли сомнения.

– Вот и все... Не веришь, наверное? – устало проговорила Ольга.

– Верю, – твердо сказал парень, он еще пристально посмотрел на Ольгу и твердо и четко повторил: – Верю.

Потом повернулся к стойке бара, поискал глазами официантку, махнул ей рукой. Та мгновенно возникла у их стола, преданно улыбаясь Сергею и совершенно не замечая Ольгу.

– Счет, пожалуйста.

Ольга молчала и удивленно наблюдала за другом. Что-то изменилось в нем после ее рассказа про все утренние странности. Незаметно, неясно, но что-то не так.

– Серый! Все в порядке? – спросила Ольга.

– Да, а что? – с деланным удивлением спросил парень.

– Что случилось? Я же чувствую, что-то не так! Ты считаешь меня сумасшедшей? Или я все выдумала?

– Нет, Оль! Я верю тебе! Правда! Меня, – Сергей задумался, подбирая правильные слова, – меня потряс твой рассказ... Я верю каждому твоему слову и думаю о том, насколько ты другая и... могущественная...

– Брось, Сережа! Что за бред! «Могущественная»! Просто героиня сказки! «Могущественная королева волшебного царства»! Может, я выдумала все это! Да! – Ольга остановилась, задумавшись: – Ага, мне все показалось! Привиделось! Последствия стресса! Совпадения!

Парень удивленно смотрел на нее, отсчитывая деньги по счету.

– Да, не смотри на меня так! Какая я невидимка! Давай сейчас же проверим? Ты как раз свидетелем будешь! – Ольге явно стало весело от спасительной мысли, что ничего не было, что просто это случайные совпадения.

Она прямо села на стуле, положила руки на стол, как послушная школьница, потом, опустила их вдоль туловища, потрясла, снова положила на колени, сделала глубокий вдох и закрыла глаза. Так она сидела несколько минут, стараясь ровно и глубоко дышать.

– Ну? – не открывая глаз, произнесла она.

– Что ну? – ответил Серый.

– Ну, я невидимая?

– Видимая, – удивился Серый.

– Так я и знала! – радостно громко крикнула Ольга, вскакивая с места.

Несколько человек удивленно повернули головы в ее сторону. Ольга виновато улыбнулась и тише добавила:

– Я так и знала! Я старалась, но не могу стать невидимкой! Мне все почудилось!

– Все, прости, надо бежать! Скоро тренировка. У меня денег с собой нет. В следующий раз я угощаю! – затараторила она.

Сергей встал, чтобы проводить Ольгу, но она быстро чмокнула его в щеку и стремительно выбежала в холодные зимние московские сумерки.

Совсем стемнело... Мелкий рой белых холодных мух-снежинок тут же окружил Ольгу, назойливо залетая в глаза, запутываясь в волосах.

– Черт, Виктору забыла позвонить, теперь ждать придется неизвестно сколько на этом гадком холоде, – раздраженно проворчала девушка, переминаясь с ноги на ногу в балетках на тонкой подошве и кутаясь в весеннее изящное пальто.

От радостной улыбки, с которой она прощалась с Сергеем, не осталось и следа. Да, она все узнала, что хотела. Сергей был вполне искренен и откровенен с ней. Но все же что не так? Почему на душе какое-то опустошение? Так повлияло на Ольгу признание в чувствах к Олегу?

Девушка набрала номер водителя. В час пик в центре города невозможно припарковать машину, и Виктор был достаточно далеко от кафе. Ольге не хотелось возвращаться обратно и не хотелось сейчас встречаться с Серым. Она реши-

ла идти навстречу медленно ползущим по Никитской машинам. Ольга куталась в свое легкое пальтишко и чувствовала, что ноги совсем промокли и очень замерзли, а голова, наоборот, пылала, словно рядом несли зажженный факел. Ольга подставила лицо под резкий порыв холодного ветра. Колючие снежинки садились на ресницы и сразу же превращались в льдинки. Суетливые прохожие равнодушно скользили взглядом по фигуре не по погоде одетой молодой девушки и так же быстро забывали о ней. Москва ничему не удивляется...

Только один человек, молодой, невозможно красивый блондин, с ослепительно голубыми глазами, очень внимательно наблюдал за Ольгой. Когда та, наконец, села в машину, юноша перебежал улицу, подошел к шикарному «Майбаху». Он учтиво наклонился к открытому окну пассажирского сиденья и сказал:

– Это она.

В ответ ничего не прозвучало, а молодой человек так и продолжал стоять, покорно согнувшись и ожидая дальнейших указаний.

Наконец из глубины темной машины раздался звучный и властный голос неизвестного мужчины:

– Действуй! Сроки ты знаешь.

Юноша покорно сложился еще ниже:

– Слушаюсь, мой господин.

Но на него уже не обращали внимания, машина резко рва-

нула с места, несмотря на плотный поток машин, шарахающихся от блестящего «аристократа».

***

Всю обратную дорогу к дому Ольга измучила водителя тем, что не могла определиться, холодно или жарко ей в машине.

– Оля, может, ты заболела? Весь день легко одетая по городу бегаешь, – участливо спросил Виктор.

– Я не знаю, – поежилась девушка, – может быть. Внутри меня жар, а руки и ноги ледяные.

В голове все кружились обрывки разговора с Сергеем. Ольга неожиданно почувствовала, что упустила что-то важное. Пыталась вспомнить каждое слово, замечание Сергея, но не могла поймать главную мысль. Это было так тонко, едва уловимо, а голова начинала раскалываться на мелкие острые кусочки, а руки и ноги не чувствовали горячего воздуха, направленного на нее из печки машины.

– Мам! Я, кажется, заболела! – крикнула Ольга еще с порога квартиры.

Людмила Юрьевна положила Ванечку в манежик и с волнением, как все мамы мира, бросилась к дочери.

– Да у тебя жар! – воскликнула она, потрогав Ольгин лоб. – Быстро в постель. Я сейчас вызову врача.

Ольга доползла до своей комнаты, с трудом переоделась в теплую пижаму, спряталась головой под одеяло, удивляясь, почему так холодно, если это жар.

Остальное происходившее с ней она видела как сквозь сон: пришел врач, долго слушал дыхание и сердце противным и холодным ларингоскопом, долго что-то писал. Наверное, диагноз, вынесенный им, был не очень приятным, потому что Людмила Юрьевна только руками всплеснула и горько вздохнула:

– Ну вот, кулемушка, добегалась. Теперь месяц дома проваляешься.

При этих словах Ольга только еще глубже спряталась в одеяло и ждала, когда, наконец, подействует лекарство, которое принесла неожиданно ставшая бесшумной Марь Санна.

Уже погружаясь в глубокий болезненный сон, Ольга вдруг вспомнила, что сегодня была первая тренировка после долгих праздников. Чувство злости на Альбину и Олега, обостренное высокой температурой, изменило сознание, и в бредовом состоянии девушка предалась мстительным фантазиям на тему: «Как бы я размазала Альбину по стенке, да еще и Олегу как бы случайно досталось!». Она словно видела сон, которым могла управлять. Вот она входит в зал. Обычное построение и приветствие тренера. Разминка. Потом спарринги. Ольгу ставят с Альбиной, и та презрительно ухмыляется и, не обращая внимания на Ольгу, между прочим бросает через плечо: «Ну вот, думала, поспаррингуюсь нормально, а теперь в “ладушки” только и поиграешь».

Дальше начинается бой. Ольга разрисовывала свой сон, или, вернее, бред, вызванный высокой температурой, разны-

ми нюансами и деталями, делая его очень красочным и драматичным. Конечно, в самом начале боя будет все как обычно: снисходительная леность опытного партнера – с одной стороны и суетливость и нескрываемое волнение молодого бойца, то есть Ольги, – с другой. Но потом! Ольге вспомнились самые крутые удары, виденные на тренировках, потом туда же примешались трюки а-ля Джеки Чан. Вот Альбина получает от Ольги первый отпор, на ее лице – удивление, дальше – полная растерянность. Альбина берет себя в руки, злоба перекосила ее симпатичное личико, и она достойно дает отпор. Но не тут-то было! Ольга разошлась не на шутку, и вот по этой милой мордашке стервозной блондинки уже текут сопли с кровью. Ольгу, конечно же, пытаются остановить, но достается всем: и Олегу, опрометчиво попавшемуся под руку, вернее, ногу девушки, и другим ребятам. Только тренер, сделав странное движение телом, молниеносно вытягивает руку к горлу, нажимает на какую-то точку, и Ольга, наконец, засыпает. Последней мыслью разума, измученного высокой температурой, было: «Ну и хорошо, правильно. А то бы я всех размочалила. Какая я, оказывается, кровожадная». Температура, видимо, стала спадать, и Ольга с глубоким чувством удовлетворения сладко уснула.

Болела она долго и мучительно. Температура то резко поднималась, то так же внезапно падала. Как-то раз вызвали даже скорую помощь. Ольга по-прежнему была как в бреду. Будто все это происходило не с ней, а она просто равнодуш-

но наблюдала какой-то неинтересный, нудный сон. В комнате все время торчала незнакомая толстая тетка в белом халате. Она поставила Ольге капельницу, давала таблетки, поила какими-то горькими настойками. Но Ольге было все равно. Она все время спала или делала вид, что спит.

Наконец, в один светлый и морозный день Ольга почувствовала, что достаточно выспалась и ужасно хочет есть. В комнате никого не было. Она откинула одеяло и попыталась встать. Девушка не заметила, что прикреплена к капельнице, и, когда резко встала, голова закружилась, тело покрылось холодным потом, и она со всего маху упала на пол, уронив на себя же капельницу. На шум сбежались все, кто был в доме: мама, Марь Сання, сиделка. Ванечка громко и испуганно плакал. Ольгу опять уложили в постель, принесли горячий бульон.

Тем не менее девушка пошла на поправку и день ото дня чувствовала себя все лучше и лучше. Она стала наслаждаться чтением, просмотром фильмов, легко прошла школьную программу до конца месяца. Наконец и это надоело. Изредка звонила Юля, передавала приветы о Сергее. Юля сказала, что все были напуганы Ольгиной болезнью, так серьезно все было.

– Да? – шутливо удивилась Ольга. – Наверное, я все проспала.

Ольга сама себе удивилась, что стала скучать по ребятам из школы. Особенно по Олегу. Злость на него уже прошла,

и она спросила у мамы, звонил ли Олег.

– Да, да, конечно же, – поспешила ответить Людмила Юрьевна, – он позвонил в тот день, когда ты заболела. Только он странный был какой-то. Я ему говорю, что ты очень сильно заболела, а он почему-то так этому удивился. Потом еще звонил, очень волновался. Даша тоже постоянно о тебе спрашивает, и, конечно же, твоя классная дама. Она сказала, чтобы ты не торопилась выходить. Учи все дома, ты умеешь самостоятельно заниматься, всегда знаешь немного больше школьной программы, и еще, главное, что опросник успела написать. Как всегда, на «отлично».

– Я – опросник? – удивилась Ольга, но тут же прикусила язык.

Родители не знают до сих пор, что в тот злополучный день она убежала из школы еще утром.

– Ах, да, я совсем забыла. Мамуль, я поспать хочу, прости. Людмила Юрьевна поцеловала дочку в лоб, нахмурилась: – Слабенькая ты еще, температура как у лягушки, и худущая. Все, отдыхай, спи, ешь, а уроки не волк, в лес не убегут.

Конечно, мама не поняла, что Ольгу пробил холодный пот не потому, что это была слабость после болезни, а потому, что в рассказе мамы было несколько странностей.

Первое, Ольга четко помнила, что не писала опросник, и даже успела порадоваться тому обстоятельству, что заболела в тот же день. Не придется врать родителям, объясняя, почему убежала со школы. И второе: почему Олег удивился

тому, что она заболела, а не тому, что она не пришла на тренировку.

Ольга, подумав немного, набрала Дашкин номер.

«Дашка – знатная сплетница, ничего просить рассказать не надо – сама все выболтает», – подумала Ольга.

– Олька! – закричала в трубку одноклассница.

– Как ты? Очухалась уже? Говорят, что ты очень сильно болела, чуть «копыта не отбросила»! – так же радостно продолжала Дашка.

– Преувеличивают, – спокойно ответила Ольга, нисколько не удивляясь Дашкиной «доброте». – Что нового?

– Ой, даже не знаю, с чего начать, – на миг задумалась «подруга».

– Ах, да! Я тут с таким парнем познакомилась! Взрослый уже, лет двадцать. Гитарист. Он поклонник папы, мечтает у него работать. Красавчик! Я уже на свидание с ним ходила, только папа не знает, убьет меня ведь. Я только тебе рассказать могу, ты никогда чужих тайн не выдаешь, – захлебывалась от впечатлений Дашка.

Дальше пошел подробный утомительный отчет о первом свидании в стиле «Он сказал, я сказала».

Ольга уже через минуту перестала слушать, взяла книгу и стала читать ее, не забывая иногда вставлять в Дашкин монолог, полный щенячьего восторга, монотонное «Угу» и «Надо же, круто!».

Она уже прочитала несколько глав про Троянскую войну,

как чуть не упустила того, что рассказ Дашки «о себе, любимой» перешел на «последние вести с полей».

– ...И, конечно же, эта задавака Кристинка тут же со своим мнением выступила: «Это позор! Так себя распускать! До чего ревность доводит! Нельзя же так!»

А я ей говорю: «Не твоего ума дело это. И не ревность это, а простая спортивная злость. Это же не бальные танцы. Как могла, так и дралась. А то, что и Олегу влетело, так это случайность. Хотя я и рада, что ты ему как бы случайно вмазала, нечего выпендриваться...

Тут Ольга очнулась и только сейчас поняла, что тема сменилась, и теперь главный герой – она сама.

– Даш, а ты о чем сейчас? – осторожно прервала поток информации Ольга.

– Че? – удивилась Дашка. – Ты че, Оль? Не помнишь, как Альбинку избил?

– Кого избил? – еле прошептала Ольга, чувствуя, что теряет сознание.

Дашка с удовольствием стала рассказывать, как узнала, что Ольга избил подругу Олега, что вмазала и самому парню, вроде бы случайно, но, по мнению Дашки, за дело. Она еще долго тараторила, но Ольга ее уже не слушала.

Иногда во время болезни и долгого выздоровления, возвращаясь мыслями в тот странный день, она все больше склонялась к мысли, что ничего особенного тогда не произошло. Не было медведя с бантом, не было чтения мыслей од-

ноклассников и училки, не была она и невидимкой в прокуренном кафе.

«Я уже заболела тогда, и все мне привиделось», – убеждала она себя.

Но что же происходит сейчас? Вся ее стройная версия рассыпается как прах.

«Я избила Альбину!» – ужас охватил Ольгу.

Она вспомнила свой бред, полусон, фантазию, назовите как хотите, все что угодно, в котором она спарринговалась с девушкой. Вспомнила, как выпустила наружу всю свою злость и обиду.

«Ужас! Это опять происходит! И это правда! Каким-то образом мои видения становятся явью!» – Ольга почувствовала, что теряет сознание, и, не прощаясь, выключила телефон, прекратив Дашкину болтовню.

Ольга крикнула домработнице, что ни для кого ее нет, ни по каким телефонам, ни по какой-либо причине.

***

После почти месяца болезни Ольга с некоторым волнением возвращалась в школу. И когда в журнале увидела отличную оценку за опросник, почти не удивилась. Она много размышляла о случившемся, но причину этих странных событий так найти и не смогла. Ольга приняла решение, что больше не будет фантазировать, не будет разрешать себе злиться на кого-либо, чтобы случайно не узнать, что человек пострадал по ее вине. Еще она не будет общаться ни с Олегом, ни,

не дай бог, с Альбиной.

«Все, надо все держать под контролем! Тихо учусь, читаю книжки, брошу борьбу, займусь чем-нибудь мирным. К спорту Олег меня все-таки успел приучить, вот и пойду... на йогу, например. Все! Все надо держать под контролем!» – уговаривала себя Ольга.

Встречи с Олегом и объяснения по поводу драки, конечно же, избежать не удалось. Но Ольга уже продумала, как и что будет ему говорить. Парень догнал Ольгу у школы, взял за руку и спросил:

– Ты как?

Как же ей было тяжело сохранять небрежный и равнодушный тон, с которым она объясняла, что тяжело заболела и, видимо, температура так странно повлияла на результат спарринга. И что потом несколько дней провалялась под капельницей и почти ничего не помнит, и что больше не будет ходить на тренировки, врач запретил такие сильные нагрузки. Ольга все говорила и говорила, пытаясь держать небрежный тон и не смотреть Олегу в глаза. Парень с удивлением смотрел на старую подругу.

– Оль, Оль, – остановил он поток ненужной болтовни, – очнись! Что с тобой?

– А что не так? – с деланным удивлением спросила Ольга.

– Ты сама не своя. Я тебя не узнаю.

– Брось, Олег. Я такая, какая всегда. И я тебе все рассказывала. Мне очень жаль твою подругу, извинись за меня пе-

ред ней. Я правда не хотела... – продолжала держать Ольга небрежный тон.

– Почему ты тогда убежала, когда я тебе хотел подарить медведя? – снова прервал ее Олег.

– А ты и вправду этого хотел? – тихо спросила Ольга, впервые заглянув в глаза друга.

– Конечно же, что за вопрос?! – удивился Олег. – Кто же, если не я, этого хотел?

Ольга отвернулась, внимательно рассматривая грязные машины, разбрызгивающие бурую жижу на мрачной серой дороге. Смертельная тоска охватила ее и еще предательская жалость к себе. Вдруг отчаянно захотелось броситься в объятия друга, чтобы он крепко-крепко обнял ее, и рассказать. Рассказать все.

– Прости, мне надо идти. Я боюсь снова простыть, а на улице такая сырость. – Ольга резко развернулась и побежала к машине.

– Пока! Созвонимся позже! – с напускной веселостью и беззаботностью бросила Ольга.

Олег остался неподвижно стоять посреди школьного двора, с сожалением смотря вслед убегающей от него Ольге.

Всю дорогу домой Ольга с трудом сдерживала слезы.

«А может, все рассказать?» – говорила одна ее часть.

«Да, конечно, все рассказать! – кричала другая. – Интересно, что ты подразумеваешь под словом “все”? ВСЕ – это,

дорогуша, ВСЕ! И как ты влюбилась в него с первого мига, и что медведя не он сам хотел тебе подарить, а ты его заставила. И еще не забудь рассказать, что можешь превращаться в невидимку и пугать даже здоровых мужиков. Может, Олег и не испугается, но в сумасшедшие тебя запишет!».

«Да, – я согласна с тобой, – поддерживала диалог первая часть, – нельзя его пугать моей правдой. Я могу совсем его потерять... Я лучше научусь управлять и контролировать свои особенности, странности. Никто ничего не должен знать. Ах, да! Серый! Он знает! Ну, ладно, для него версия та же: просто болезнь: “Поскользнулся, упал, потерял сознание, очнулся – гипс”».

Ольга еще долго вела внутренние диалоги, но в конце концов успокоилась, уговорив себя никому ничего не говорить и все контролировать.

Мобильный телефон пискнул. Пришло сообщение от Олега: «Зачем я тебе как друг, если ты не доверяешь мне?»

«Сговорились они, что ли? – с раздражением подумала Ольга. – Это же для твоего блага, дурачок! Что ты будешь делать со всеми моими откровениями, ты знаешь?»

***

Приняв решение все контролировать и забыть, Ольга четко ему следовала...

Она позвонила тренеру по тхэквондо, сказала, что больше посещать занятия не будет. И, сколько бы он ни уговаривал, она не передумает. Тренер, конечно же, расстроился, он

помнил «последний бой» Ольги.

– Конечно, это было больше похоже на избиение и сведение личных счетов, но если убрать все лишнее, научиться контролировать эмоции, то у нее, Ольги, есть способности...» – начал было уговаривать тренер.

Но девушка остановила его:

– Простите, Алексей Владимирович. Я этим и хочу заняться. «Контролировать свои эмоции», но, к сожалению, я больше не приду. Простите меня и огромное спасибо за то, чему Вы научили меня за столь короткое время. До знакомства с Вами я даже не знала, что у меня есть мышцы, настолько была не спортивной. А теперь я вкусила удовольствие от того, когда преодолеваешь боль, достигаешь новых результатов и чувствуешь свое тело.

– Подумай еще раз, не торопись, Оля. Если хочешь поговорить, я всегда к твоим услугам. Может быть, если ты расскажешь мне, что произошло в тот раз, я смогу тебе помочь? Не вини себя за разбитый Альбинин нос. Здесь надо разобраться, что тобою двигало в этом спарринге. Научиться отделять личное от спортивного... – продолжал уговаривать тренер.

– Простите, Алексей Владимирович, но нет... До свидания, – резко оборвала Ольга уговоры тренера и повесила трубку телефона.

«Представляю, что с Вами было бы, “мудрый сенсей”, если бы я все рассказала», – усмехнулась Ольга.

«Все, начинаем новую жизнь!» – сделала она запись в дневнике.

«Первое – забыть ВСЕ. Хватит мусолить эту тему. Было и прошло. Невозможно жить прошлым, надо идти вперед. Второе – я больше не предаюсь глупым “девичьим грезам” и прочим фантазиям, пока не разберусь, как это действует. Третье – занятия йогой. Это поможет мне концентрироваться и контролировать мысли и чувства. Четвертое – минимум общения с Олегом, до тех пор, пока я не смогу спокойно принимать его как друга... Пятое – ...» – написала Ольга и задумалась.

«Пятое – это последняя моя запись в дневнике. Я не хочу ничего вспоминать. Я буду жить только настоящим! Никаких воспоминаний! Нет прошлого – нет сожалений! Никаких фантазий! Нет мечтаний – нет самообмана и, соответственно, разочарований от несбыточных мечт! Ура – я свободна!» – закончила Ольга запись в дневнике, убрала его подальше в стол.

Затем решительно встала и включила компьютер, чтобы найти продвинутые курсы йоги.

***

Ольга почти проснулась. Давно забытое состояние между сном и явью, когда ты можешь управлять сном, добавлять детали...

«Как же хорошо!» – радостно подумала Ольга, продолжая идти вместе с ребятами по узкой тропинке, вдоль которой

росли огромные диковинные цветы. Она радостно подхватила песню «про зайцев».

«У Лельки отличный голос, вот кому на сцену надо!» – быстро пронеслась мысль.

Ольга, предвкушая, что увидит впереди, наслаждалась мгновением единения со своими друзьями: Олегом, Юлькой, Серегой и даже Лелькой.

«Вот, вот сейчас! Ура, до вершины недалеко! И я увижу!» – казалось, что от радости и волнения сердце выпрыгнет из груди.

Она не выдерживает и бежит вперед. Первой достигнув вершины перевала, она оглядывается на ребят и плачет от радости. Ольга жадно впитывает в себя вид изумрудной долины, висящий в воздухе волшебный остров и, наконец, то, что хотела увидеть больше всего на свете, – маленькую фигурку женщины, которая стоит на крыльце беленького домика и ждет их.

– Либуша! – кричит Ольга и просыпается вся в слезах.

Сердце бешено бьется. Ольга тяжело дышит, всхлипывает и начинает паниковать, чувствуя, что может начаться настоящая истерика.

«Возьми себя в руки! Возьми себя в руки! – приказывает Ольга сама себе. – Дыши! Дыши!» Она продолжает равномерно и глубоко дышать до тех пор, пока сознание не успокаивается.

Стоя под холодным душем, Ольга думала о сне. Уже конец

мая, и почти четыре месяца как она дисциплинированно, не давая себе ни малейших поблажек, приводила в исполнение свои «пять пунктов».

Она каждый день занималась йогой и медитацией. Научилась, как ей казалось, сдерживать желания и «глупые эмоции», до минимума свела общение с Олегом. Иногда встречалась с Юлей, вместе ходили в театр, на концерты и модные выставки. Но Ольга сразу предупредила, что больше тему событий прошлого лета ни при каких условиях поддерживать не будет и об Олеге ее не спрашивать. Сказала, как отрезала. Юля только с жалостью взглянула на подругу, вздохнула и ответила:

– Хорошо, как скажешь. Но я думаю, что ты приняла неверное решение. Я люблю, тебя, Оль. Я всегда тебя поддерживаю. Но мне кажется, что так ты можешь остаться одна, никому не доверяя.

– Ну, ты же меня не бросишь. Ты же понимаешь, что у каждого человека есть свои границы, за которые он никого не пускает. Мои границы временно закрыты, чтобы не причинить вреда ни себе, ни другим. Представь, что я ввела вынужденный карантин, – засмеялась Ольга.

– Хорошо, – улыbnулась Юля, – только не увлекайся «карантином». Международный опыт показывает, что закрытые страны отстают в развитии.

– О, у меня есть внутренние запасы! – Ольга обняла подругу и чмокнула в щечку.

Как-то они встретились в кафе перед спектаклем. Пили кофе. Обсудили актеров и режиссера предстоящего спектакля, поделились впечатлениями о последнем нашумевшем фильме, договорились на следующей неделе пойти в «Винзавод» на открытие инсталляций модного художника...

Ольга поймала на себе странный взгляд Юли, та словно что-то порывалась сказать или рассказать.

– У тебя все в порядке? – спросила она. – Как твои родители, братик?

– Все, все хорошо, не волнуйся, – поспешно отвечала Юля, но в глазах не исчезало волнение.

– А Серый? Я давно его не видела, – Ольга спрашивала о Сергее, но на самом деле больше, чем «у него все в порядке», слышать не хотела.

– Мы редко видимся, – голос Юльки стал совсем тихим.

Но, увидев удивленное лицо Ольги, поспешила объяснить:

– Он устроился работать в хорошую фирму, здесь, в центре. Учится в экстернате, готовится к ЕГЭ и одновременно ходит на курсы. Будет в Бауманку поступать.

– Здорово! Молодец! Конечно, у него сейчас совсем нет времени, но у него есть цель. Уважаю! – искренне обрадовалась Ольга.

Но, заметив грусть в глазах Юли, добавила:

– Ты не волнуйся, подруга. Это же временное явление. Парень хочет многого добиться. Он же тебя любит, я-то знаю, –

Ольга положила свою руку поверх Юлиной. – Ты потерпи, все будет хорошо.

Юля подняла на Ольгу глаза, в которых уже стояли слезы. Вздохнула, смахнула слезинку и с притворным весельем скомандовала:

– Все, подъем! Начало через десять минут!

***

И тут этот сон! С таким трудом достигнутое внутреннее равновесие пошатнулось, и Ольга вдруг почувствовала себя маленькой, незащищенной девочкой. Очень захотелось побежать к кому-нибудь очень близкому. Папы не было дома, да и пугать резкой сменой поведения его не хотелось. Он и так все чаще с тревогой заглядывал в глаза дочери и интересовался, все ли у нее в порядке. Ольгу это сильно раздражало:

– Ну, пап, все в порядке! Что еще?

– Олененок, что-то не так, не пойму... – растерянно говорил отец.

– Пап, я много учусь, хожу на йогу, встречаюсь иногда с друзьями, все в порядке! Тебе надо, чтобы у меня начался переходный возраст и «башню снесло»?

– В том-то и дело, что ты слишком по-взрослому себя ведешь. Слишком все рассчитано и правильно, как в армии... не знаю даже, как объяснить, – оправдывался отец.

Ольга обнимала отца, целовала его в гладко выбритую щеку и смеялась, подтрунивала над ним:

– Хорошо, я включу в свой план саморазвития «секс, нар-

котики, рок-н-ролл»!

– Ну тебя! – махнул рукой Петр Андреевич на дочь.

Ольга вышла из душа, ледяная вода ненадолго привела ее в чувства. Некоторое время девушка шлялась по комнате, не зная, чем заняться. В школу сегодня не надо – воскресенье, йога резко надоела. Мама с братиком за городом, папа в командировке.

«Позвонить Юле? Рассказать о сне?» – мучилась Ольга.

Она легла на кровать, свернулась комочком и снова позволила себе вспомнить сон.

Радостная, с примесью легкой светлой грусти, волна накрыла девушку.

«Я скучаю, ужасно скучаю, – зашептала она, – по тебе, моя милая Либуша, по тебе, Олег... Юлька, Серый, даже по Лельке. Я так старалась контролировать чувства, что просто осталась одна...»

И она заплакала, тихо, жалобно...

Зазвонил телефон. Ольга вытерла слезы и натянула улыбку, прокашлялась, чтобы на другом конце провода никто не догадался, что она плакала.

– Олька! Привет! – голос незнакомый, с фальшивой простотой и беспечностью.

И номер незнакомый.

– Привет! – с такой же «искренностью» ответила Ольга.

И ждала, когда собеседник, вернее, собеседница обозначит себя.

– Это Альбина! Не узнала? – так же деланно-беззаботно продолжала незнакомка.

– Э-э, – Ольга не знала, что сказать. Она не понимала, какая Альбина так радуется ей.

– Я подружка Олега. Мы с тобой на тренировки вместе ходили, помнишь?

Ольга от удивления подскочила на кровати.

– Альбина? Да, да, конечно, помню... – какое-то неприятное и тревожное чувство родилось внутри.

– Я что звоню-то, – не давая возможности Ольге прийти в себя, затараторила девушка, – у меня день рождения сегодня, я в клубе отмечаю. Собираю друзей... Короче, жду тебя в одиннадцать вечера. Записывай адрес: Набережная...

Ольга резко оборвала ее:

– Стой, подожди, а я тут при чем?

Но, поняв, что уж очень невежливо ответила «подруге», стала оправдываться:

– Прости, пожалуйста. С днем рождения! Мои искренние поздравления! Но, Альбина, пожалуйста, пойми. Я удивлена твоим приглашением. Очень... Мы с тобой, мягко говоря, близкими подругами никогда не были, я не понимаю причины, по которой ты вдруг записала меня в свои друзья и зовешь на свой день рождения.

– Ну конечно! – радостно воскликнула собеседница, будто бы ждала этого вопроса. – Конечно, ты удивлена. Но эта идея принадлежит не мне, а Олегу. Он жалеет, что у вас дружба

завяла, а я хочу ему показать, что не ревную и верю ему, что вы просто друзья... Короче, Оль, можешь упираться, но ты моя должница, помнишь?

– Да, – тихо сказала Ольга и покраснела, вспомнив странную историю с избиением на последней тренировке.

– Так что, моя новая подруга, забей на старое, я тебя жду! А еще! Открою маленькую тайну. Олег просил не говорить, что приготовил тебе сюрприз, но я немножко проболтаюсь. Может, из-за этого ты точно придешь. Он сказал, что собирает всех, с кем вы провели прошлое лето!

Ольга почувствовала, как бешено забилося ее сердце...

Она записала адрес клуба, отметив про себя, что слышала это название. Одноклассники, девчонки и парни, с придыханием говорили об этом месте. Закрытый, страшно модный, пройти туда можно, только пройдя строжайший фейс-контроль. Дорогущие шмотки не являлись гарантией проходного билета. Надо было быть отпрыском «небожителя» или хотя бы быть в его окружении. Конечно же, Ольга терпеть не могла такие места, но желание всех увидеть, встревоженное сном, было сильнее, чем принципы. И она согласилась.

Весь день Ольга не находила себе места, не зная, как успокоить свой возбужденный мозг. Пошла на йогу, там ничего не получалось, и это только добавило раздражения. Решила пройтись по магазинам – выбрать наряд на вечер. Но заморочилась с выбором. Все было не так. Это платье слишком короткое, это – слишком блестящее. Даже разлюбезные и тер-

пеливые продавщицы дорогих магазинов стали испытывать нервозность от капризной юной клиентки.

Ольга, замечая, что раздражает своим поведением милых продавщиц, извинилась и решила, что ей плевать, в чем она пойдет. Плевать на фейс-контроль, плевать на дресс-код... Не пустят – тоже плевать, на все плевать...

Так, бестолково проведя весь день, она вышла без пятнадцати одиннадцать из дома, нацепив джинсы и белую майку, очень простенькие, но модных и дорогих фирм. На ногах никаких шпилек, надежный Tods.

«Плевать, – продолжала пребывать в раздражении Ольга, – на все плевать! Какая есть – такая и есть! Черт, как верблюду плююсь!»

Пришлось наврать маме, что рано ляжет спать и выключит телефон, потому что болит голова.

«Но ты не волнуйся, обыкновенная хандра. Я утром позвоню, а во вторник приеду к вам за город».

Отца тоже не было дома, он уехал на Север, в очередную командировку. На машине с водителем она поехать не могла, чтобы не выдать себя. Да и вряд ли бы верный Виктор скрыл от родителей, что Ольга на ночь глядя собралась в ночной клуб. Ольга не стала вызывать такси, а из принципа поехала на метро, а потом на старом грохочущем троллейбусе. На ее лице появилась ухмылка, когда представила, в каком недоумении будут охранники и посетители пафосного клуба, когда она спрыгнет со ступенек трамвая и небрежно так ска-

жет: «Меня здесь ждут».

Охранники, сверившись со списками, еще долго будут гадать: «Это кто? Неужто дочь того самого Боярова? А че она без охраны? На троллейбусе? Такого не может быть! Одета не к месту. Дорогие шмотки – это правда, но не в крутейший же клуб!»

Точно от родителей сбежала, решат они и еще долго будут переглядываться и недоумевать, какая странная дочь у известного политика.

Все так и получилось, как предполагала Ольга. Растерянные взгляды охранников насмешили и раззадорили ее. Раздражение прошло. Наступило радостное волнение от предстоящей встречи с Олегом и еще чем-то неизвестным. Ольга обратила внимание, как странно оформлена вывеска клуба. Он назывался просто «Да», но впереди слова стоял то ли восклицательный знак, то ли трезубец, острием направленный вниз.

Администратор в сером строгом костюме проводила Ольгу в отдельный кабинет. Девушка немного оторопела, войдя в полутемное помещение. Присмотревшись, она была поражена роскошным убранством комнаты. Стены обтянуты шелковыми обоями, золотой декор потолков, хрустальные бра, настоящие картины.

«Отменный вкус у хозяина, – отметила про себя Ольга. – Еще чуть-чуть, и было бы пошло. Ан, нет. Очень тонко и со знанием ценности вещей».

Нежная, совсем не клубная музыка обволакивала и успокаивала. Из глубины комнаты неожиданно выскочила Альбина, красивая, легкая, благоухающая, наклонилась и поцеловала Ольгу в щечку:

– Молодец, пришла!

Ольга рядом с нарядной, ухоженной, воздушной и почему-то очень высокой Альбиной почувствовала себя маленькой замухрышкой и пожалела, что все-таки так несерьезно отнеслась к мероприятию. Она почему-то вдруг заволновалась и растерялась. Именинница была одна, чего не предполагала Ольга, и надо было о чем-то говорить, улыбаться и непринужденно шутить. Для Ольги это было нелегко, слишком сложные чувства у нее были к подруге Олега.

– Ой, у меня же для тебя подарок, – вспомнила Ольга.

Она обрадовалась, что нашлась тема для общения. Она протянула Альбине небольшую плоскую коробочку.

Альбина, не спеша (за что Ольга в тайне была ей признательна – время тянется, можно и помолчать), содрала роскошную упаковку и открыла коробочку.

– Ой, не может быть! – удивленно воскликнула Альбина. – Как ты могла знать?

Тут Ольга по-настоящему растерялась. Дело в том, что, проведя полдня в магазинах в поисках наряда, у нее совсем вылетело из головы, что на день рождения обычно ходят с подарками. И этот факт еще больше добавил раздражения в сегодняшнее настроение.

«Что же подарить человеку, о котором ничего, в принципе, не знаешь, да и кого, по правде, не любишь?» – думала Ольга, рассматривая витрины с ювелирными украшениями.

Тут ей на глаза попалась милая золотая вещица. Она выделялась оригинальным дизайном, золотом высокой пробы и стоимостью. Ольга, не раздумывая долго над назначением этого подарка, не задаваясь вопросом, просто протянула кредитку и с облегчением забрала украшение.

«Не понравится Альбине – пусть делает с ней, что хочет», – думала Ольга, удивляясь своему странному порыву, с которым она приобрела подарок «для новой подруги».

И теперь, увидев искреннее удивление девушки, держащей в руках брелок, который был выбран случайно, Ольга испытала растерянность и смущение.

– Как ты могла знать? – продолжала восклицать Альбина.

– Прости, я ничего не знаю и не понимаю, о чем ты, – пояснила осторожно Ольга.

– Но это же брелок с логотипом «Ауди» на мою новую машину! – воскликнула она и показала Ольге брелок.

Тут и растерянная девушка разглядела типичные символы немецкой модели.

– Это же просто прелесть! И какая работа! Оленька, спасибо! Мне брат подарил спортивную «аудиуху», а ты отгадала! Я знаю, что он никому не мог сказать о подарке, тем более тебе! Нет, ты точно волшебница! – быстро и возбужденно зашебетала Альбина. – Пойдем скорее, у меня для тебя

тоже сюрприз.

Растерянная Ольга выбежала следом за хозяйкой вечера из темной роскошной комнаты, так и не увидев, что в глубине кабинета, развалившись в мягких кожаных креслах, за ней внимательно наблюдают два человека: молодой красивый блондин с нереально голубыми глазами и мужчина средних лет: высокий, подтянутый, с легкой сединой в черных волосах и умными, но холодными глазами. Выражение лиц, с которым они внимательно смотрели за Ольгой, тоже у них было разное. Молодой блондин, а это был старый знакомый Ольги, Альберт, нервно кусал ногти, и во всем его облике, кроме, конечно же, глаз, читалось волнение. Старший «товарищ», наоборот, сидел неподвижно, и от его холодных бездонных глаз не укрылась ни одна деталь, ни одно движение. Только однажды он, не поворачивая головы, посмотрел на Альберта, и легкая усмешка промелькнула в уголках тонких губ.

Ольга, увлекаемая Альбиной, ворвалась в шумный сверкающий зал. Зал тоже был декорирован дорого, в стиле ампир, но здесь уже чувствовалась легкая пошлость и порочность. Красное, черное, золото, блеск стекла и зеркал, официантки, полуголые «Мадам Помпадур» в высоких париках... Но, посетителей в клубе, оказалось не много.

«Здесь только Альбинины друзья», – догадалась Ольга, когда увидела, что при их появлении в помещении музыка стала тише и все присутствующие повернулись к ним.

Альбина взяла два бокала с шампанским, протянула один Ольге. Официантки разносили бокалы гостям. Ольга хотела было отойти от именинницы, она испытывала смущение, что стоит рядом с героиней вечера и все поневоле обращают внимание и на нее, но Альбина, почувствовав это, ловко и крепко схватила Ольгу за руку и продолжала держать даже во время небольшой речи.

– Друзья мои! – громко начала Альбина. – Мои старые друзья! Спасибо, что вы со мной сегодня! Спасибо за ваши поздравления и подарки! Но я хочу поделиться с вами радостным открытием! Оказывается, это огромная удача, когда твой умный, повторяю, умный враг становится другом! Спасибо, Ольга!

Повернувшись лицом к Ольге, с неожиданной дрожью и, как казалось, искренне сказала именинница:

– Спасибо, что пришла, спасибо за твой особенный подарок. Я знаю, что ты настоящий, надежный друг для Олега, и для меня огромная честь тоже стать твоим другом.

Ольга удивленно смотрела на Альбину, на глазах у которой чуть не проступили слезы. Наша героиня была в полной растерянности и дезориентации. Альбина наклонилась к Ольге, тепло обняла ее:

– Честно, Оль, спасибо тебе! Я хочу дружить с тобой. Это все искренняя правда, что я сказала только что! Давай выпьем!

Ольга и без предложения Альбины, залпом выпила игри-

стого, хотя не была любительницей.

«Все так странно, непонятно... Я хочу домой, домой, домой», – застучало в голове.

Хмель стал накрывать, и волнение еще больше нарастало из-за незнакомого ранее состояния опьянения.

Только девушки разомкнули объятия новой дружбы и выпили шампанского в ее честь, только Ольга решила, что пора тихонько исчезнуть, как она оказалась окруженной толпой Альбининых гостей.

Все хотели познакомиться с ней, сказать что-нибудь теплое или остроумное. Захваченная дружелюбным вниманием и хмелем, Ольга вдруг расслабилась и успокоилась. Неожиданно Альбина остановила поток приветливых речей своих приятелей, мягко взяла Ольгу за плечи:

– Простите, ребята, у меня тоже есть сюрприз для Оли. Пойдем, Оль.

Она взяла девушку за руку и потянула вглубь зала. Там было темнее, чем в центре, и Ольга не сразу различила лица людей, сидящих в низких мягких диванах. А когда поняла, кто перед ней, то неожиданно для себя и для остальных, хорошо знавших немного замкнутую и сдержанную на эмоции Ольгу, завизжала, запрыгала и захлопала в ладоши. Олег, Сергей, Юля, Леля удивленно переглянулись: такой Ольгу никто раньше не видел. Но ее радость передалась и им. Дружные объятия, смех продолжались некоторое время. Наконец, друзья успокоились, расселись в кресла. Официантка

ловко разлила шампанское по бокалам, Ольга выпила еще порцию, про себя отметив, что с каждым глотком в нее заходит легкость, беспечность. Ей казалось, что она становится остроумнее, привлекательнее. Она радостно вглядывалась в лица друзей. Олег совсем не изменился, все такой же сдержанный и... родной. Юля сидела на другом конце дивана от Сергея и была немного грустной. Лелька похорошела, что-то и в ней изменилось. Да, она стала уверенной и довольной собой.

Сергей. Ольга удивленно рассматривала Серого. Они не виделись полгода, а он кардинально изменился. Во-первых, его одежда. Если при встрече в кафе зимой Ольга отметила, что Серый одет со вкусом, в хорошие, недорогие молодежные марки, то теперь она обратила внимание на новый образ старого друга. Все очень дорогое, кричащее, какое-то напояказ. Дорогие с бриллиантами часы, толстая цепь, ухоженная рука с отполированными ногтями небрежно крутит ключи от машины.

«Спортивный “Порше”», – догадалась Ольга, глядя на брелок.

Она посмотрела на Серого и удивилась его насмешливому и недоброму взгляду.

«Не может быть, мне показалось, – отбросила Ольга от себя ненужную и неудобную в такой радостный момент мысль. – Все хорошо! Как я рада, что вижу их всех вместе! Мой сон сбылся!»

Тут Леля подскочила и начала собираться.

– Ты куда, Леля? – Ольге хотелось поговорить с ней с глазу на глаз, спросить, куда она тогда делась, что с ней было весь этот год.

– Оля, я не уйду. У меня для вас подарок, – ласково сказала девушка и упорхнула.

Через несколько минут на противоположной стене раздвинулись тяжелые бархатные шторы, и на ярко освещенной сцене появилась Леля. Она выглядела потрясающе. Легкое, воздушное белое платье, украшенное сложной вышивкой, делало девушку нежной и милой.

«Это платье чем-то напоминает то, что мне дала Либуша после бани», – отметила Ольга.

Леля начала петь. Ей не составило большого труда разогреть публику. Хороший вокал, настоящий живой звук, отлично сделанная музыка завели Альбининых гостей. Море алкоголя, веселье – все это создавало атмосферу всеобщей радости и легкости. Ольга тоже пустилась в пляс. Она решила немного вытрясти алкоголь.

«Жаль, что платье и каблуки не надела», – подумала Ольга, глядя на высоких красивых девушек на танцполе.

Леля, спев несколько песен без перерыва, вдруг остановилась и обратилась вглубь зала:

– Я посвящаю эту песню вам, мои друзья! Мы прошли таинственный и иной раз страшный путь... Навсегда останется в моем сердце все, что с нами было. Навсегда там вы!

Далее последовало медленное и очень печальное и нежное вступление. Леля села на край сцены. Гости уважительно замолчали, кто-то вернулся на мягкие кресла, кто-то остался стоять в зале. Леля проникновенно запела. Слова песни были странные для непосвященных, но Ольга увидела в них и реку страха, и долину, и домик Либуши... Она села рядом с Юлей, обняла ее и вдруг заметила, что кого-то не хватает. Серый! Она оглянулась на подругу, чтобы спросить, где Сергей, но не хотела прерывать проникновенную песню. И тут сама вдруг заметила Сергея. Он вразвалочку шел к выходу, по-хозяйски обнимая ниже спины двух тощих и высоченных блондинок. Неожиданно он оглянулся, почувствовав недоуменный взгляд Ольги, и, ухмыляясь, ей подмигнул. Ошарашенная Ольга повернулась к Юле с немим вопросом, но та положила свою руку на плечо подруги и остановила ее:

– Не сейчас, я потом все объясню. Наслаждайся вечером.

Ольга, взяв еще один бокал с шампанским и игнорируя беспокойный взгляд Олега, решила, несмотря ни на что, продолжать наслаждаться, как велела Юля. Тем более что песня и на самом деле была прекрасной и уносила в события прошлого лета, наполненного пусть и страшными, но самыми яркими впечатлениями за всю ее жизнь. Растроганная Ольга, явно под хмельком, даже чуть не прослезилась, но Олег снова с волнением посмотрел на нее, и Ольга смешно вскинула голову и натянула на лицо, как ей казалось, уверенную и самодовольную улыбку.

Закончив песню, Леля легко вспорхнула со сцены и бросилась к Ольге. Ольга тоже подскочила ей навстречу.

– Ну как? – закричала Леля.

– Здорово! – Ольга попыталась обнять Лелю, но не удержалась на ногах и, задев столик, опрокинула бокалы с вином, шампанским и стаканы с соками на белую футболку, джинсы.

– Ой, – испугалась Леля, – Прости!

– Да ты тут при чем? Я сама виновата. Наверное, много выпила. Я же раньше совсем не пила, а сегодня как-то весело пошло, – громко засмеялась Ольга.

– Я знаю, что делать! У меня в примерке есть платье! Оно тебе точно подойдет! – Леля схватила Ольгу за руку и потащила за собой.

Ольгу это еще больше насмешило.

«Так странно все вокруг. Все так изменились. Бывшие враги проявляют заботу о тебе, а друзья меняются, как Серый, или просто не обращают внимания, как Олег. А пусть будет как будет! Хватит контроля! Поплыву по течению, а там посмотрим, куда кривая выведет», – махнула рукой Ольга и побежала за Лелькой.

Платье и вправду очень подошло Ольге. Изумрудного цвета, с благородным блеском и очень короткое. Ольге подошли и Лелькины серебряные босоножки на тонкой шпильке. Леля распустила Ольге волосы, как-то легко и очень красиво уложила их, нанесла чуть-чуть макияжа. Ольга с удоволь-

ствием рассматривала себя в зеркале: пусть она так раньше никогда не одевалась, но новый образ ей очень шел и подходил к сегодняшнему мероприятию больше, чем банальные футболка и джинсы.

«Теперь я не затеряюсь в толпе длинноногих красавиц. Представляю глаза Олега, когда он меня увидит», – предвкушая «свой звездный» выход, ликовала Ольга.

Девушки, взявшись за руки, очень довольные собой, вышли в зал. Ольга с радостью собирала восхищенные и удивленные глаза Альбининых друзей. Она не сразу подошла к столику, где остались Олег и Юля.

«Он точно меня заметил и сейчас глаз не сводит», – заставляя себя не смотреть в сторону Олега, думала Ольга.

Она осталась танцевать с новыми друзьями, попивая шампанское, собирая комплименты и чувствуя себя красивой, свободной и взрослой. Наконец, она решила, что пора и вернуться.

«Юля одна сидит, Серый бросил ее и нагло свалил с какими-то пошлыми девицами. Неудобно как-то, что и я о ней забыла», – всполошилась Ольга.

Но... за столом никого не было... Разочарованная, Ольга устало упала на мягкий диван, позвала к себе официантку, взяла с подноса еще один бокал с шампанским, с деланной небрежностью поинтересовалась.

– Э, дорогуша, – голос вдруг зазвучал пьяно и развязно.

– Ой, простите, – собралась Ольга, услышав свой тон, –

мои друзья, не знаете, где они?

– Да, да, я знаю. Ваша подруга собралась домой, я сама ей такси вызвала, а Олег пошел ее провожать.

– Надо же, какая осведомленность – знаете Олега по имени! Наверное, часто здесь тусит? – съязвила Ольга.

Девушка смутилась и стала оправдываться:

– Конечно, мы его знаем, хоть он и бывал здесь пару раз. Он же друг Альбины, а Альбина – сестра нашего босса.

– А, – равнодушно сказала Ольга и потеряла интерес и к предмету разговора, и к вечеринке.

Она вдруг почувствовала, что устала и пьяна. Что ей все надоело и наскучило. Она снова оглянулась, чтобы найти официантку и попросить вызвать такси и ей, но той уже и след простыл. Сил встать не было. Ольга легла на мягкий диван и равнодушно наблюдала за веселящейся молодежью... Она и не заметила, что задремала под клубную музыку.

– Ну ты даешь, подруга! – раздался над ухом звонкий голос Альбины. – Ты что так рано сломалась? Веселье только начинается!

Ошарашенная Ольга подскочила, в первые секунды не сразу соображая, где находится и кто все эти извивающиеся фигуры в темноте.

– Господи, как голова болит! – Ольга зажала виски руками, посмотрела на бодрую именинницу.

– Я, наверное, домой поеду? Голова раскалывается. Поздно уже. Родители волнуются, – скривившись от боли, пере-

числяла все подряд Ольга.

Она заметила насмешливую улыбку на свежем лице новой подруги.

– Ну, хорошо, не смейся! Я впервые перебрала с шампанским. И вообще, мне только 16 лет! Я даже не имею права находиться здесь! Я домой хочу, – как маленькая девочка, раскапризничалась Ольга.

Но Альбину вся эта ситуация только веселила. Выглядела она страшно довольной:

– Хорошо, моя малолетняя подруга, я все поняла. Пойдем в кабинет. Там тихо, приведешь себя в порядок, я дам тебе таблетку от головной боли и похмелья. Отсидишься чуток и поедешь домой. А то вдруг родители засекут перегар!

Альбина ловко подхватила Ольгу и повела в роскошный кабинет, в котором они встретились в начале вечера. Ольга послушно следовала за именинницей, сил на сопротивление и принятие самостоятельных решений не было.

Когда тяжелая дубовая дверь кабинета закрылась за девушками, Ольга вздохнула с облегчением. Тишина, чистый, хорошо ионизированный, не прокуренный воздух, мягкие кресла, спокойный полумрак. Ольга упала в мягкое кресло и облегченно вздохнула.

– Как же здесь хорошо! Голова только ужасно болит, – поморщилась она.

– Не волнуйся, я развела тебе лекарство, – Альбина протянула бокал с водой, в котором по спиральке падали на дно

не до конца растворившиеся частицы какого-то белого порошка.

Заметив недоверчивый взгляд Ольги, она рассмеялась:

– Не бойся! Обыкновенный анальгин с антипохмелином. Пей! Проверено сотни раз на собственной шкуре – помогает!

Ольга жадно выпила весь бокал с водой и облегченно прикрыла глаза.

«Скоро головная боль пройдет, и я домой поеду... Жалко, что Олег ушел... Не видел меня в изумрудном платье... А я и вправду отлично выглядела. Там, в лагере, как-то был неудачный опыт с изменением стиля... Кристинка-стервозина... А так все здорово было...»

Головная боль вдруг прошла, даже больше. Наступило состояние непривычной легкости, огромной радости...

Ольга не заметила, как Альбина тихонько вышла из комнаты, осторожно прикрыв за собой дверь... А из мрака вынырнул высокий красавец блондин с нереально голубыми глазами. Он встал напротив Ольги и внимательно наблюдал за ней. Лицо его было напряжено, скулы сжаты.

Ольга, заметив движение, с трудом приоткрыла глаза:

– Как мило с твоей стороны, Олег, что ты вернулся за мной...

Но тут до ее затуманенного сознания дошло, что это не Олег. Она резко подскочила.

– Альберт! Не может быть! – радость и легкость растворились в большом количестве адреналина, вызванного шоком

и ужасом.

– Как ты здесь оказался? Ты же погиб там, под руинами башни! – Ольга оглянулась на дверь, прикидывая, за сколько успеет добежать к спасительному выходу...

Но ноги не слушались, словно ватные...

Альберт хищно улыбался, наблюдая за страхами Ольги.

Она снова упала в кресло.

– Господи, что с моей головой? Будто ваты напихали, ничего не соображаю, – устало проговорила Ольга.

Страх как-то внезапно прошел...

– Это наркотик. У тебя есть... – Альберт посмотрел на циферблат своих страшно дорогих часов, – у тебя есть минут пять, когда еще что-то соображается...

– А дальше? Что дальше?

– Не имеет значения... Ты уже не будешь собой... Не трать время. Ты хотела узнать, как я выжил? – продолжал мерзко ухмыляться Альберт.

– Да, – еле слышно прошептала Ольга. – Нет, на самом деле мне все равно, как ты выжил. Я знаю, что ты ненавидишь меня и теперь будешь мстить...

Альберт вдруг запрокинул голову и... захохотал. У Ольги на какое-то время действие наркотика приостановилось, и она, потрясенная, широко раскрытыми глазами уставилась на своего врага.

Альберт, наконец, успокоился.

– Я тебя ненавижу? – он снова захохотал. – Да я тебя обо-

жаю!

Теперь у Оли раскрылся и рот от удивления.

– Ладно, не будем терять время. Пока ты хоть что-то соображаешь, я тебе вкратце поясню... Я тебе благодарен, за все, что ты сделала. Мне мешали Гильш и его «наставники». Система благодаря тебе распалась. Но их дело живо... Знания, которые они передали, – оружие. Они рассчитали, что я не стану главой государства. Моя роль – контролер и тайный советник... Быть всегда в тени... Я не хочу! Не хочу! И тут пришла ты! Убрала главного конкурента на эту роль – Олега, разрушила систему контроля. Молодец! Теперь все в моих руках. Мне нужна власть. Власть в этой огромной, само разрушающейся стране... Здесь есть все, чтобы удовлетворить мои смелые честолюбивые замыслы!

Ольга с ужасом слушала сумасшедшие речи Альберта, замечая, что ее сознание все больше погружается в вязкую субстанцию. Голос парня звучал как из преисподней. Когда Ольга открыла рот, чтобы задать Альберту, как ей казалось, очень важный вопрос, то она забыла, о чем хотела спросить, но на удивление речь сама полилась из ее рта:

– А я-то тебе зачем? Все было подстроено, да? Альбина, день рождения? Отпусти меня, а?

Тут Альберт задумался, нахмурившись, посмотрел на часы. Резко встал и подошел к стене, задрапированной черной бархатной шторой, откинул ее в сторону, и Ольга увидела себя... Множество своих фото: зимние, в горах, летние на

даче, в школе, дома...

– Что это? Ты следил за мной? Ты хочешь меня убить? – закричала Ольга, сопротивляясь тому, как ее сознание погружается в сумерки.

Альберт внимательно и, как показалось Ольге, с нежностью («Бред какой-то, какая нежность – у него глаза с линзами, души нет», – пронеслось в голове Ольги.) посмотрел на девушку.

– Как-то Гильш сказал Эстер: «Такие женщины, как ты и она, рождаются раз в тысячелетие. Вы особенные... И у вас есть талант делать мужчину, который рядом с вами, великим. Без таких женщин не будет повелителя мира...» Он говорил про тебя... Олег должен был стать правителем этой страны и исполнить главную миссию – создать новую огромную империю, подчинить себе 80 процентов государств... Теперь эта моя роль... И тебе быть рядом со мной!

– Ты сошел с ума, – еле открывая рот, растягивая слова, проговорила Ольга. – Хочешь взять меня на работу в качестве премьер-министра? Прости, я устала, вызови такси...

Ольга прикрыла глаза и наблюдала за разноцветными шариками и спиральками, носившимися в ее мозгу. Голос Альберт звучал уже словно в вакууме, и Ольга потеряла интерес к теме...

«Есть что-то более интересное и важное, чем этот сумасшедший», – пыталась вспомнить она, ложась на диван и сворачиваясь калачиком.

Ольга почувствовала прикосновение холодной руки на своем лице.

«Как приятно», – подумала она и сказала это вслух.

Рука продолжала с нежностью гладить ее по волосам, лицу, обнаженным плечам...

– Я люблю тебя, – услышала Ольга горячий шепот, – как же это приятно, что я чувствую и могу любить тебя...

Ольга думала об Олеге, и, конечно, ей показалось, что это случилось.

«Он рядом, и он любит меня! Я больше не буду душой и скажу ему о своих чувствах. Не оттолкну его. Будь что будет!» – она, не открывая глаз, обняла склонившегося над ней молодого человека и подставила губы для поцелуя.

– Я люблю тебя, – шептала она, – с первого мига, как увидела. Но я, глупая, скрывала это и от себя, и от тебя.

– О, как это хорошо, дорогая. Ты любишь меня! Вместе мы свернем горы и завоюем этот мир! – радостный шепот прервался нежным поцелуем.

Ольгу накрыла волна наслаждения и истомы. Голова еще больше закружилась. Еще немного, и она захлебнется от необыкновенного, райского удовольствия. Страстный поцелуй любимого!

Бу-ух! В миг все рухнуло! Нереальная сила вырвала любимого из объятий Ольги и отбросила в сторону.

– Гад! Отойди от нее!

Ольга в ужасе подскочила, очнувшись от наваждения. Что

произошло в несколько секунд до этого, она не поняла. Увидела только, что Альберт валяется на полу, размазывая кровь по лицу. А Олег с ненавистью смотрит на него, потирая ушибленный кулак. Затем он хватается ничего не понимающую Ольгу и бросается к выходу. Девушка с трудом стоит на ногах, в глазах по-прежнему все плывет, тошнота подступает к горлу.

Олег выталкивает Ольгу за дверь, и в последний момент она, оглядываясь, с удивлением замечает, что рядом с Альбертом на полу есть еще кто-то. Девушка? Она сидит к ним спиной, но Ольга уверена, что знает ее, что где-то видела это изумрудное платье, и... падает в обморок. Олег подхватывает Ольгу на руки. Навстречу им выбежала встревоженная Лелька.

– Что это с ней? – вглядываясь в смертельно бледное лицо Ольги, ужаснулась она.

– Ей наркотик подсунули, давление упало... – пояснил Олег, щупая пульс подруги.

– Ой, а делать-то что? И врача не вызовешь. Сразу всех накроют! – еще больше испугалась Лелька.

Олег растерянно остановился, не зная, какое решение принять. Леля, видя его замешательство, взялась за решительные действия:

– Пойдем в гримерку, там приведем ее в чувство. Я знаю, как это делать. Сама была уже в такой ситуации и друзьям помогала.

Олег с Ольгой на руках послушно последовал за Лелей.

Час или два они потратили на то, чтобы Ольга пришла в себя. Леля терпеливо вливала в Ольгу литры жидкости, подставляла пакеты, когда Ольгу тошнило... И, выпив пару чашек крепкого сладкого кофе, несчастная девушка, наконец, смогла говорить и соображать.

– Что со мной было? – измученно спросила Ольга.

– Оль, давай потом об этом. Главное, что концы не отдала... – остановил ее Олег.

Ольга посмотрела на Лелю и Олега:

– Спасибо, вам ребят. Представляю, что вы от меня натерпелись... Мне так стыдно...

Ольга плакала, как маленькая девочка.

Олег обнял ее, погладил по голове:

– Ну, ну, ребенок, не плачь. Ты не виновата.

Ольга успокоилась в надежных объятиях Олега, но какая-то тревога, нет, вернее, состояние дежавю вползло скользкой змеей.

– Я домой хочу, – более решительно сказала Ольга. – И еще мне надо переодеться.

– Да оставь платье себе, – начала было Лелька.

Ольга внимательно посмотрела на Лельку и платье:

– Нет, Лель, прости. Платье и вправду изумительное. Но, глядя на него, я буду вспоминать, что произошло что-то ужасное с моей жизни.

– Да, боже ж ты мой! – всплеснула руками Леля. – «Что-

то ужасное!» Можно подумать, что ты в первый и последний раз напилась и с наркотиками переборщила... Да брось! Все через это проходят!

– Лель, хватит! – оборвал ее Олег. – Не сравнивай с собой. Ольга по своей воле не могла этого сделать...

– Нет, Олег, не оправдывай меня, – виновато остановила его девушка.

– Я и вправду переборщила с шампанским... Но я не принимала таблетки... Таблетки! Конечно же! – воскликнула она. – Вот я дура! У меня голова разболелась... Я домой собиралась... Тут Альбина подходит и говорит, что вызовет такси, даст мне средство от головной боли и похмелья... Мы пришли в кабинет. Она протянула мне стакан с водой и растворенным в ней белым порошком. Потом куда-то исчезла...

Ольга остановила свои воспоминания и с ужасом посмотрела на Олега:

– Я плохо помню, что там было... Но там был Альберт! Точно! Там был Альберт! Он жив!

В глазах Олега и Лельки девушка не увидела удивления.

– Вы знали, что он жив? Да?

Лелька тяжело вздохнула:

– Я сразу уехала после той истории. Поехала к своей крестной в Штаты. Там за меня взялся приятель моей крестной, крутой продюсер. Я Альберта в Лондоне встретила. И стала в его клубе выступать там. Он меня сюда и пригласил. Это же его клуб... Как и лондонский...

У Ольги вдруг появилось столько вопросов и к Лельке, и к Олегу, и к Сергею, и к Альбине:

– А ты? Почему мне ничего не сказал?

Олег устало посмотрел на Ольгу.

– Поехали домой... У нас состоится длинный разговор, но не сегодняшней безумной ночью, – он посмотрел на часы, – вернее, уже утром. Переодевайся, я тебя за дверью жду.

Ольга вдруг почувствовала, что смертельно устала, что она измучена и опустошена. Она переделалась в свою одежду, взяла сумочку. Уже у двери она остановилась, морщась от головной боли, и, с трудом подбирая слова, обратилась к Леле:

– Ты классно поешь. У тебя талант. Но не связывайся с Альбертом. Он – зло... Еще я хотела бы знать, куда ты пропала из долины и как выбралась из лагеря, но у меня сил нет... Прощай.

Леля грустно смотрела на Ольгу, но ничего не ответила ей...

Олег крепко взял Ольгу за руку. Им пришлось проходить мимо помещения, где состоялась основная часть торжества. Посередине зала в гипнотически мигающем свете и трансовой музыке продолжали двигаться тени, некоторые сидели или лежали на мягких диванах.

«Вот стойкие оловянные солдатики!» – поразилась Ольга, глядя на веселую, бодрую молодежь.

Уже на выходе она заметила среди танцующих... Альбер-

та! Он переоделся в другую, чистую рубашку и, как ни в чем не бывало, красиво двигался под музыку, не отрывая влюбленных глаз от девушки, что была рядом с ним. Молоденькая, с длинными темными волосами, в изумрудном платье... И тут девушка оглянулась, заметила ошарашенный взгляд Ольги и помахала ей рукой.

«Это – я», – промелькнула мысль, и Ольга снова потеряла сознание...

***

Ольга очнулась уже в такси. Только-только наступил рассвет. Они подъехали к дому девушки.

– Давай я провожу тебя, а то опять в обморок грохнешься, – предложил Олег.

Ольга чувствовала себя совершенно опустошенной и раздавленной. Говорить не хотелось... Они молча поднялись на лифте до Ольгиного этажа.

– Спасибо, Олег, – только и сказала Ольга, открывая дверь квартиры.

Парень что-то хотел спросить, но передумал.

– Я позвоню завтра, – крикнул он, уже спускаясь вниз.

Ольга буквально вползла в пустую квартиру и облегченно вздохнула: хорошо, что родителей нет дома. Стоя под струями горячего душа, она усмехнулась мысли, что получилось все, как она и «обещала» отцу: «секс, наркотики, рок-н-ролл».

Уже лежа в уютной постели, она долго не могла справиться-

ся с тревогой и страхом и чувствовала себя так, словно потеряла что-то очень ценное и важное для нее. Но молодой организм справился и с этим, и Ольга погрузилась в тяжелый беспокойный сон...

Она подскочила от грохота.

«Черт, Марь Санна!» – первая реакция Ольги была накричать на бестолковую домработницу, которая считалась только с Ванечкой и берегла только его нервы. Но, вспомнив, из какого мерзкого сна вырвал девушку шум на кухне, Ольга испытала благодарность к Марь Санне.

Она с трудом поднялась с кровати. Посмотрела на себя в зеркало.

«Жуть какая!» – вздрогнула Ольга.

Огромными затравленными глазами на нее смотрело несчастное существо, мокрое от ночного кошмара, с кожей зеленого оттенка.

Ольга потащила в ванную и впервые за долгие годы изменила своей привычке – принимать ледяной душ. Она страшно мерзла, ее трясло мелкой дрожью. Ольга только и делала, что увеличивала температуру воды, а согреться все не могла.

«У меня внутри будто льдом все заморожено», – равнодушно отметила девушка.

– Батюшки, свет! – запричитала Марь Санна, столкнувшись с Ольгой в коридоре. – Заболела, что ль?

– Ага, заболела... – еле волоча ноги, тихо проговорила

Ольга и захлопнула перед носом домработницы дверь своей комнаты.

– Оль, я сейчас завтрак приготовлю. Матери позвонить?

– Не надо, я сама! Я обещала завтра к ним приехать. Может, приду в себя до утра...

Ольга свернулась калачиком и тихо заплакала. Ей было ужасно себя жаль. В подробностях вспомнилась прошедшая ночь... Огни дискотеки, нарядная молодежь, общее веселье. И еще Серый... Циничный и презрительный его взгляд, ключи от шикарной машины, его руки, по-хозяйски лежащие на местах ниже спины длинноногих блондинок... Роскошный кабинет... Альбина, протягивающая «аспирин»... Альберт...

«А кто же меня целовал и говорил, что любит?!»

Ольга подскочила на кровати. И тут страшная догадка, словно молния, пронзила ее.

– Не может быть! – в ужасе произнесла она. – Я-то думала, что это Олег! А это был Альберт! Он говорил мне, что давно любит меня, что я нужна ему. Это он так... так нежно целовал меня».

Смятение, растерянность, ужас и паника. Ольга металась по комнате, собирая и тут же вновь разбрасывая вещи. Натянула джинсы, но на них пятна, которые вчера же и поставила на этом трижды проклятом дне рождения Альбины...

Стянула джинсы, нашла теплый свитер, который обычно брала в горы. Выглянула в окно. В Москве – конец мая, небы-

валая жара. Но свитер снимать не хотелось, да и силы как-то неожиданно иссякли. Ольге вдруг вспомнилась девушка, похожая на нее. Первый раз она увидела ее в кабинете около Альберта, а потом – на танцполе, обнимающую его же.

«Ничего не понимаю, – устало думала Ольга. – Кто же она?»

Телефонный звонок вывел ее из раздумий.

– Оль, привет! Как ты? – в голосе Олега Ольга услышала неподдельную тревогу.

– Э-э... Почти нормально... Нет, вру. Плохо. На душе – тоска. И еще я что-то не могу вспомнить... и понять...

– Я сейчас приеду, – решительно сказал Олег и бросил трубку.

Ольга почувствовала облегчение от мысли, что будет не одна.

«Он точно во всем разберется. И я многого не знаю. А он обещал рассказать...»

Ольга задремала и очнулась, только когда Марь Санна (бесшумно!) впустила Олега в ее комнату.

***

Оказывается, Ольга проспала до глубокого вечера. Олег пришел около 22 часов. Марь Санна с тревогой вглядывалась в Ольгино лицо, но та поспешила ее успокоить:

– Марь Санна, голубушка! Идите домой, поздно уже! Я выспалась, мне лучше. Завтра поеду к маме и Ванечке на дачу. Идите, идите.

Домработница вздохнула, подозрительно взглянув на Олега. На минуту задумалась, можно ли оставить девицу наедине с молодым человеком. Но вид Олега внушал старшему поколению только абсолютное доверие, и она вспомнила, что этот юноша уже как-то появлялся у них в доме, еще в прошлом году. Петр Андреевич встретил его тогда радостно.

– Ну, ладно, Оленька, я пойду... Я позвоню тебе через час, проверю, как ты себя чувствуешь. Но вы долго не болтайте, поздно уже...

– Хорошо, хорошо, Марь Санна, не волнуйтесь! Олег только на часок забежал... Это очень важно, по телефону мы не могли говорить...

Ольга дождалась, когда в прихожей хлопнет дверь за Марь Санной, и спросила Олега:

– Ты что так поздно? Я-то весь день проспала, а ты же обещал еще утром приехать!

Олег внимательно посмотрел на Ольгу:

– Ты так плохо выглядишь...

– Ну, спасибо, дорогой! – разозлилась Ольга.

«Как назло, мой звездный выход в изумрудном платье не видел, зато как меня тошнит и какая я «красавица болот» – разглядел. Вот удача!» – подумала она про себя, а вслух сказала:

– Ну да, со всеми в первый раз бывает...

– Я не о том, что ты выпила вчера и... прочее. Что-то другое, – продолжал внимательно вглядываться в лицо подруги

Олег, – ты словно меньше, что ли, стала... Нет, не пойму...
Что-то неуловимое... Будто тебя у тебя забрали.

– Олег! Что-ты говоришь? – Ольгу слова Олега словно лезвием полоснули.

Она сама удивилась своей реакции, что ее так задело в этих словах?

– Прости, Оль... – испугался Олег реакции девушки.

– Нет, подожди... – Ольга задумалась. – В твоих словах что-то есть. Меня мучает какое-то то ли воспоминание, то ли мысль... Не знаю. Я хотела спросить: когда ты меня от Альберта... уводил, – виновато взглянув на Олега, начала Ольга, – ты еще в комнате кого-нибудь видел?

– Нет, только вы двое и были там. А почему ты спрашиваешь об этом?

– Знаешь, я в последний миг, перед тем как выбежать за дверь, оглянулась на Альберта, а около него девушка на полу сидит... В таком же, как у меня, платье, – осторожно начала Ольга.

Парень ничего не говорил, задумался, вспоминая эпизод прошедшей ночи.

– Я еще ее же видела, когда она с Альбертом танцевала. Я потом в обморок грохнулась...

– Нет, – уверенно сказал Олег, – не видел.

– Ну да ладно, забей! – махнула рукой Ольга, – привиделось, наверное. Просто бред был, галлюцинация. А как ты узнал, что я... с ним. Если бы ты вовремя не пришел, страш-

но подумать, что могло бы произойти.

Ольга почувствовала, что краснеет, и отвернулась от Олега.

– Мне Альбина сказала, – спокойно пояснил Олег.

– Да? – удивилась Ольга. – Странно, зачем она тебе это сказала?

– От злости, – пояснил Олег, – когда Юлю проводил, нашел Альбину, она уже изрядно накачалась... Я сказал, что рву с ней все отношения. Она разозлилась на меня и сказала, что ты сейчас с ее братом, Альбертом, и у вас наладились...

– Правильное ты, конечно, время выбрал, чтобы сказать девушке, что бросаешь ее, но я связи не вижу... Почему Альберт вдруг ее братом оказался, почему она про меня сказала...

Олег встал, подошел к окну. Долго смотрел на огни огромного, сумасшедшего города. Ольга ждала. Странная тревога охватила ее, но она заставляла себя не открывать рта, даже не делать ни одного резкого движения.

– Она знает, что ты мне нравишься...

Олег так и продолжал стоять спиной к Ольге. Но она была только рада, что парень не видит ее в этот миг. Слезы текли по ее лицу...

– Я, когда тебя увидел той ночью, понял, что так больше продолжаться не может... Мы перестали быть друзьями, перестали говорить, спорить... даже просто молчать в твоём присутствии для меня удовольствие. Я не напрягаюсь с то-

бой, я такой, какой я есть на самом деле. Когда я Юльку в такси сажал, она сказала, что с Серым они расстались. У нее разбито сердце. И у меня что-то в голове щелкнуло. Я вдруг представил, что могу быть свободен, и почувствовал огромное облегчение.

– Не вижу связи, – посмела прервать Олега удивленная девушка.

Олег оглянулся на Ольгу и внимательно посмотрел на нее:

– Я не знаю, в чем связь, но эта мысль была сильнее меня. Желание сказать Альбине, что больше не хочу видеть ее в своей жизни, было настолько велико, что я не проявил деликатности и все ей выдал... Короче, когда я узнал, что она сестра Альберта, для меня если не все, то многое стало понятным...

– И что же ты понял? – почему-то усмехнулась Ольга, но, к ее радости, Олег этого не заметил.

– Я еще совсем зеленым был, когда мы «случайно» встретились, кстати, вспомнил! На дне рождения Кристинки! И она там же! Я только-только из этого «лидерского лагеря» прокачанный вернулся. Меня там сразу выделять стали, прочили великое будущее. Видела бы ты меня раньше, до лагеря! Ботан полный, смущался, если девчонка со мной рядом стояла... А тут! Все на меня внимание обратили! Олежек! Олежек! Давай встречаться... Вмиг центровым стал. Башню и снесло... А тут Альбина появляется на сцене. Красивая, уверенная в себе, старше меня почти на три года...

Олег опять задумался. Ольга внимательно всматривалась в лицо друга: уж не жалеет ли, что расстался с ней.

– Я теперь все понял, когда узнал, что она сестра Альберта. Все было подстроено. Альбина, сто процентов, прошла подготовку «женской хитрости, соблазна и коварства» у Эстер. Так все грамотно было сделано! – усмехнулся Олег. – Жаль, что раньше не проверил, какие у нее глаза... Наверное, тоже, как ее братец, линзами скрывает свое бездушие.

– Странные у нас были отношения... – Олег опять замолчал.

Ольге очень хотелось сказать, что она давно обо всем догадывалась. Нет, конечно, ей и в голову не приходило, что так все хорошо продумано и Альберт здесь имеет непосредственное влияние. Она и без таких сложностей могла сказать, что Альбина манипулирует Олегом, использует его мужские слабости, применяя свою женскую «силу». Да разве бы он услышал ее тогда!

– Я не хочу сейчас даже вспоминать о тех годах с ней... Сплошная ложь и коварство! Как дурак, попался. Противно!

– Олег, ну ты же не знал! А то, что рядом находится, обычно рассмотреть невозможно, пока в сторону не отойдешь, – попыталась утешить Ольга парня.

– Да, да, ты права...

– Я только одного понять не могу: зачем она хотела со мной подружиться? Мы перестали с тобой видеться, ей полегчало... А тут она взяла и пригласила на свой день рожде-

ния. Зачем?

Олег снова посмотрел внимательно на Ольгу. Молчал, подбирая слова.

– Я думаю, что ты зачем-то нужна Альберту. Наверное, он хочет тебе отомстить, что ты разрушила их «клуб любителей рептилий». Я боюсь за тебя...

Теперь пришла очередь Ольги делать долгие паузы и странные признания...

– Он не хочет мне отомстить. И он не хочет мне зла.

– Да? А что же он хочет?

Ольга покраснела и призналась.

– Меня... Ой, не в том смысле, конечно, а наоборот...

Черт, запуталась совсем! – разозлилась Ольга.

– Короче, что я помню из его слов: я какая-то великая женщина, сказали «ящеры», эти же «ископаемые» пророчили мужчине, с которым я буду, власть всемирную... Он сказал, что... любит меня... – как бы оправдывалась девушка, понизив голос, потом с притворным весельем добавила: – Ха, ха! Как же он любить может?! У него души-то нет!

– Может... – не глядя на Ольгу, пояснил Олег, – любовь разной бывает. Гильш тоже Эстер любил. И она его...

– Слушай, Олег, забей! Мне-то он точно не нужен! А подсунуть мне наркотики ни ему, ни кому-то другому больше не удастся. Я бдительность не потеряю! Потом, мне он только омерзение внушает, – пояснила Ольга, но сама вдруг засомневалась в своих словах, вспомнив, какое необыкновенное

чувство испытала она от поцелуя в объятиях Альберта.

А Олег... Он почувствовал... Он почувствовал нерешительность Ольги. Аура доверия вмиг разрушилась. Тонкая ниточка, соединявшая их, вздрогнула, зазвенела и немного надорвалась...

«Господи, что со мной? Конечно, мне приятно вспоминать об этом поцелуе! Зачем врать самой себе? Но я же думала, что это Олег меня целует, вот и растаяла... Но я не могу ему в этом признаться. НЕ МОГУ! Он же сказал, что мы друзья! Только друзья...» – паниковала Ольга.

– Ладно, поздно уже, – направился Олег к двери, – просто неприлично оставаться в покоях незамужней девицы после двенадцати. Пока, Оль, не провожай меня.

«Скажи ему! СКАЖИ ЕМУ!» – кричало все внутри Ольги.

– Да, пока, – стараясь взять легкий тон, ответила Ольга. – Позвони мне...

Когда за Олегом закрылась входная дверь, из комнаты Оли донеслось громкое:

– Дура! Какая же я дура!

***

Тоска и одиночество навалились на девушку. Ольга посмотрела на часы – два сорок ночи. Сна не было ни в одном глазу. Очень хотелось поговорить с папой, прижаться к маме, обнять Ванечку. Стоп! Сегодня же уже вторник, а папа должен был вернуться утром в понедельник. Он что, сразу

же на дачу поехал? Странно. В городской квартире остались все его вещи, и он мог бы позвонить. Хорошо, Марь Санна не захотела будить Ольгу, но все равно что-то не так... И звонить нельзя маме – очень поздно...

Ольга встала с кровати и пошла на кухню, чтобы попить воды. Идя по темному коридору, она заметила быструю тень, перебегающую ей дорогу. Она не включала свет на кухне. Все освещалось огромной полной луной. Ольгу заворожил этот фантастический вид. Луна была такой огромной и ясной, что можно было рассмотреть контуры кратеров на ее поверхности.

– Странная какая-то луна, нереальная... Или я раньше внимания на нее не обращала... – сказала вслух Ольга и уже повернулась, чтобы выйти из комнаты, как внезапный сильнейший порыв ветра пригнал плотную гигантскую мрачную тучу, которая вмиг проглотила луну.

Ольга неподвижно стояла и смотрела за развивающимся на ее глазах драматическим спектаклем, режиссером которого была сама природа.

В этот самый миг в окно кухни что-то с размаху влетело. Квартира Бояровых была на верхних этажах престижного небоскреба, и, конечно же, в окно не стучали ветками старые деревья. Ольга вздрогнула и подошла ближе к темному окну. В этот миг из плена мрачной тучи вырвалась луна и осветила своим таинственным светом Москву. В окне на девушку жадно смотрела страшная тварь. Плотно прижавшись

к стеклу, она царапала длинными грязными когтями по стеклу, издавая мерзкий, выворачивающий душу звук.

Маленькие злые глазки неотрывно смотрели на девушку. Ольга почувствовала, что от ужаса не может сдвинуться с места. Она стояла и смотрела, как мерзкая тварь медленно стекает вниз по окну... Наконец, она свалилась вниз, оставив на стекле царапины от когтей и подтеки слизи. Ольга стояла и смотрела... Руки и ноги не шевелились... Ужас парализовал мозг... Вдруг – снова удар в окно, и эта же тварь вновь прилипла к окну. И Ольга закричала. Как тогда, когда впервые увидела Гильша и Эстер. Она думала, что так кричать можно только один раз в жизни, столкнувшись с абсолютным злом, но нет, есть вещи и поужаснее, как, например, эта тварь в окне московской квартиры, или... этих теней в комнате, что тянут свои щупальца к Ольге, или... этого зловония... холода, что вымораживает душу.

Ольга, закричав, очнулась. Но стало еще страшнее. Тварь хоть за окном бьется. Срывается, снова бьется в окно... А здесь, в ее квартире, где она чувствовала себя в безопасности, теперь обитало зло. Причудливые тени, созданные огромной луной, вдруг отделялись от стен и других поверхностей, тянули к ней конечности, издавая страшные звуки и распространяя мерзкое трупное зловоние. Ольга бросилась бежать из кухни, и тени бросились за ней. В ужасе Ольга носилась по огромной квартире, пытаясь включить свет, но, объятая паникой, не попадая по выключателям... Тени виз-

жали и шипели у нее над ухом. Она чувствовала их злово-
ние у себя на лице и холод от их невидимых прикосновений
на всем теле... Девушка вбежала в свою комнату, хлопнула
дверь, наконец включила свет. Тяжело дыша, она стояла, не
отрывая взгляда от двери... На некоторое время Ольге по-
казалось, что она избавилась от преследования теней... но
тут за дверью усилился шум, зло проникло в комнату, и за
ним потянулись и черные пятна. В электрическом свете они
не казались безобиднее, наоборот. Нереальность происходя-
щего на долю секунды заставило Ольгу усомниться в своей
нормальности.

«Я сошла с ума... Это все тот наркотик, что подсунула
мне Альбинка...» – шептала Ольга.

Но ледяное прикосновение и вонь были так реальны, что
Ольга сорвалась с места и вновь бросилась бежать. Она рас-
пахнула дверь своей комнаты и буквально ворвалась в отвра-
тительную массу теней... Ольга бежала в кабинет отца, не
веря, что и там найдет спасение. Подсознание искало защи-
ты у родителей, и прикосновение к месту и вещам папы да-
вало хоть небольшое, но надежду на спасение.

Ольга влетела в кабинет, дверь хлопнулась... Ольга
свернулась комочком на диване, спрятала лицо в ладони и
ждала, когда тени проникнут в кабинет и поглотят ее... Сил
больше не было, мозг отказывался что-либо понимать. Все-
ленский ужас и безнадежность... Ольга так и сидела, боясь
пошевелиться. Она слышала, как твари скребутся в дверь...

Сколько прошло времени, Ольга не понимала... Реальность потеряла значение... Но... Ольга, наконец, решилась оглянуться по сторонам... Никого. Никого в комнате! Да, они по-прежнему за дверью, Ольга слышала их повизгивания и гадкий шепот, но НИКОГО в комнате! Что же их остановило? Наконец, Ольга стала приходить с себя.

– Что же их остановило? – размышляла она.

Привычка думать и анализировать частенько выручала ее.

– Может, как в сказках, тени загробных нечистей исчезают с первыми лучами солнца? – Ольга взглянула в окно. – Нет, еще очень темно, а на часах... только три... Только ТРИ ночи! Господи! Я думала, что несколько часов по дому с ними бегаю...

Тут в окно что-то ударило. Ольга вздрогнула и с ужасом посмотрела в сторону темного пятна. Лунный свет сюда не попадал, кабинет был расположен с другой стороны здания. Та же тварь или другая – Ольга не могла их отличить по внешним признакам – попыталась зацепиться за стекло, но... с душераздирающим визгом отпрянула от окна, на ее лапах появились ожоги... Ольга даже почувствовала запах сторовшего тухлого мяса.

В глазах потемнело, голова закружилась, и, проваливаясь в забытие, Ольга успела испытать благодарность к своему организму...

«Обморок спас меня от сумасшествия», – была последняя мысль девушки.

***

Очнуться Ольгу заставил снова телефонный звонок.

– Да, – с трудом произнесла Ольга.

– Оленька, – услышала девушка печальный голос мамы, – ты как, родная?

– Я? Нормально... – Ольга удивленно осмотрелась по сторонам.

«Почему я в папином кабинете сплю?»

– Оль, папа в больнице, – вдруг заплакала Людмила Юрьевна, – он в коме...

Ольге показалось, что ее сердце остановилось...

– Когда? – только и смогла выдавить из себя девушка.

– Ночью, с воскресенья на понедельник. В самолете. Хорошо, что при их делегации врач был. С трапа самолета тут же на скорой в больницу. Состояние критическое... – мама заплакала.

– Может, это заказное убийство, – прошептала она в ужасе.

– Ну что ты, мама, – остановила ее Ольга, – перестань говорить такие вещи! Тем более... по телефону! Я сейчас приеду, жди.

Ольга бросила трубку, побежала в свою комнату собираться. Умылась и оделась, как опытный солдат, за считанные минуты, влетела на кухню и... остолбенела.

Все огромное стекло кухонного окна было изрезано глубокими царапинами и измазано зеленой слизью... Тут Ольга

и вспомнила весь ужас прошедшей ночи, и еще одна страшная вещь ужаснула ее:

– Папа впал в кому в то время, когда я была в клубе, на дне рождения у Альбины...

***

Ольгу беспрепятственно пропустили к отцу. Седой и очень пожилой доктор посмотрел на девушку уставшим и умным взглядом и, потирая очки, произнес:

– Сударыня, Вы хоть и молоды, но мой жизненный опыт подсказывает, что не по возрасту мудры. Поэтому скрывать от вас ничего не буду. Мы не знаем причину, почему ваш отец не двигается... Показания работы сердца и жизненно важных органов в пределах нормы... Я впервые сталкиваюсь в своей практике со столь загадочным заболеванием. Но еще не все анализы обработаны, и я надеюсь, что в ближайшее время мы найдем решение... А ваше посещение может пойти вашему отцу на пользу, если вы только, сударыня, сохраните самообладание и мудрость...

Ольга зашла в палату к папе, осторожно прикрыв за собой дверь. Отец лежал на высокой кровати, к его голове и телу были прикреплены многочисленные провода и датчики... Тишину нарушал равномерный писк медицинского прибора. Ольга осторожно подошла к отцу. Он был бледен, черты лица заострились. Она испуганно наклонилась над ним, проверяя дыхание.

– Папочка, папочка! Ты слышишь меня? – Ольга не смог-

ла сдерживать слез, так тяжело ей было видеть отца неподвижным.

Из него словно за один миг ушли все жизненные силы. Ольга вспомнила, каким радостным и полным здоровья еще несколько дней назад был отец. Он очень следил за здоровьем, не курил, не пил лишнего. Каждое утро – ледяной душ и гимнастика.

– Папочка, прости меня! Это все из-за меня! Я знаю! – продолжала плакать Ольга. – Что-то ужасное произошло там, на дне рождения Альбины, и то, что ты заболел, это моя вина...

Ольга села около постели Петра Андреевича и тихо-тихо плакала. Она не хотела, чтобы ее слезы видели ни медсестра, ни доктор. И поэтому спрятала лицо в свой джемпер, и только вздрагивающие плечи выдавали ее плач. Сердце девушки разрывалось от страха за жизнь отца, от тоски и чувства вины, и еще что-то очень мерзкое и гадкое вползло во вдруг образовавшуюся пустоту...

– Что же мне делать, папочка? Я допустила ошибку, и по моей вине может произойти беда... – продолжала рыдать Ольга.

Вдруг она почувствовала, как чья-то ледяная рука с силой тяжело опустилась ей на плечо. От неожиданности Ольга подскочила на стуле и оглянулась на дверь, подумав, что незаметно пришел доктор. Но позади нее никого не было. Она в ужасе повернула лицо к отцу и увидела, что он ши-

роко открыл глаза... без зрачков... просто белые с красными прожилками пятна на сером лице. Рот Петра Андреевича приоткрылся, и из него, словно из преисподней раздался жуткий нарастающий вой. Девушка в какой-то момент подумала, что уже привыкла к ужасам необъяснимых вещей, но сейчас ее волосы буквально встали дыбом. Вдруг тело отца выгнулось, вздрогнуло, словно от электрического удара, вой резко оборвался. Он повернул голову к Ольге. Его глаза приобрели естественный цвет и вид, а из чуть приоткрытого рта, но при этом губы не шевелились, зазвучал голос... Либуши:

– Оленька, ты не виновата ни в чем... Пришло время... ОНО хочет завладеть тобой... Ищи! Ищи!

Голос так же неожиданно пропал, отец закатил глаза, и его тело вновь пробил дрожь, а прибор, издававший до этого равномерный писк, перешел на громкий непрерывный и тревожный сигнал. В палату сразу же ворвались люди в белых халатах. Ольгу подхватили и, не церемонясь, вытолкнули в коридор.

Она в оцепенении стояла перед дверью комнаты. Вокруг бегали врачи, реаниматоры, медсестры. Все задевали ее, толкали... Но Ольга не могла двинуться с места. Ужас и отчаяние застыли на ее лице.

Наконец одна милая пожилая медсестра обратила на девушку внимание. Она обняла ее за плечи и осторожно повела в кабинет. Ольга была покорна, как кукла в руках кукловода. Она приняла из рук женщины стакан с водой, также,

ничего не спрашивая, послушно протянула руку для укола. Через несколько минут она закрыла глаза и провалилась в полный мрак и бездну сна на неудобной узкой кушетке.

Сколько девушка проспала, она не знала. За окном было уже темно. Ольга тихонько вышла из кабинета. В коридоре было пусто. Она сразу же побежала к палате отца. Сердце стучало так громко, что Ольге казалось, что его звук может разбудить всех обитателей больницы. Она осторожно приоткрыла дверь и с облегчением вздохнула – Петр Андреевич был на месте. Так же равномерно пищал прибор, следящий за его пульсом. Рядом с отцом сидела та самая добрая медсестра, что увела Ольгу. Девушка не решилась больше тревожить отца. Воспоминание о странном вое и голосе Либуши, исходящих от папы, вновь повергли Ольгу в смятение.

Она выбежала из больницы и, глотая слезы, побежала по улице. На самом деле было еще не так поздно, около 11 вечера. Но Ольга боялась возвращаться домой, там вновь могли напасть на нее ночные твари. Позвонить Виктору, чтобы он отвез ее к маме и Ванечке? Да, конечно, она так хотела сейчас быть с ними, родными и любимыми.

Через час Ольга уже обнимала маму и старалась спокойно отвечать на ее расспросы об отце:

– Мамочка, все в порядке! Не волнуйся! Доктор сказал, что они должны получить новые результаты анализов, и тогда все поймут. Ты же знаешь, папа у нас молодец и здоров, как бык!

– Оленька, странно все это, – вздохнула мама, – папа и вправду никогда не болел. Он же на родину летал и там со старым другом встречался, помнишь, что вас из той истории вытащил, когда вы прошлым лето пропали?

– С дядей Жорой? Правда? А зачем не знаешь? – напряглась Ольга.

– Нет, Олененок, не знаю... – грустно ответила Людмила Николаевна.

– Все, малыш, иди спать. Ты очень плохо выглядишь, – внимательно вглядываясь в лицо дочери, произнесла она.

Ольга захотела взглянуть на спящего брата и тихонечко зашла к нему в комнату. Ванечка безмятежно спал, Ольга залюбовалась им, но вдруг она почувствовала, что за ее спиной кто-то стоит. Она резко обернулась, и черная тень стремительно рванула навстречу ей. Ольгу обдало смрадом и нереальным холодом. Ванечка резко закричал. В комнату ворвалась мать. Ольга стояла в ужасе рядом с кроватью малыша, не в силах пошевелиться. Людмила Николаевна подхватила сына на руки, обняла, но он продолжал надрывно плакать.

– Оля, что произошло? – крикнула мама. – Тише, тише, малыш.

– Я не знаю, мам, прости, – Ольга выскочила из комнаты и выбежала из дома.

Не думая ни о чем, она рванула за территорию поселка, долго бежала по грунтовой дороге до главной трассы. Дача, где летом проживали Бояровы, располагалась на престиж-

ном и комфортабельном шоссе, поэтому Ольга, добравшись до большой заправки, уселась там в кафе и наконец отдышалась. Она попыталась перевести мысли в порядок. За последние двое суток она столько раз испытывала шок и ужас, что совсем не осталось места на здравый смысл и трезвые рассуждения. Ольга заказала кофе и пирожное и стала думать. Первым делом она позвонила маме и попросила ее не беспокоиться, объяснив, что надо срочно вернуться домой, потому что она забыла, что назавтра важное мероприятие в школе.

Затем Ольга вызвала такси и, не заезжая домой, благо с собой был кошелек с мелочью и всесильная кредитка, направилась на... Ленинградский вокзал. Ольга почувствовала, что хочет уехать, вот так взять и уехать... Куда-нибудь, ненадолго, чтобы родные не знали и не беспокоились.

«Сядь в любой поезд, будь ты как ветер, и не заботься ты о билете, листик кленовый зажди ты в ладони – прошлое больше тебя не догонит», – пронеслись в голове слова замечательной старой песни.

«Да, да! Я уеду, и прошлое меня не догонит!» – радовалась решению Ольга.

Она подбежала к свободной кассе.

– Мне один билет! – выпалила она.

– Куда? – равнодушно произнесла уставшая кассир.

– А... А какой поезд прямо сейчас отправляется?

Женщина удивленно подняла глаза на Ольгу.

– На Питер... – посмотрела она на монитор компьютера, – фирменный, билеты дорогие, и их уже нет...

– Ну, может, хоть один завалялся? – в надежде спросила Ольга.

Кассирша еще раз внимательно посмотрела на девушку, потом снова на экран:

– Да, есть один. В СВ. Дорого только.

– Не важно! – обрадовалась Ольга.

Она протянула паспорт и кредитку и через несколько минут вбежала в поезд.

В купе, рассчитанном только на двоих пассажиров, сидела красивая женщина, на вид лет тридцати пяти, и рядом с ней – старушка, божий одуванчик. Женщина читала книгу, когда Ольга зашла в купе.

– Добрый вечер, – поздоровалась Ольга, – я не ошиблась с местом? 15-е?

– Добрый, – приветливо ответила женщина, – мое место 14-е.

Старушка ничего не ответила. Она сидела в углу, и ее лицо было скрыто тенью.

«Странно, – подумала Ольга, – поезд вот-вот тронется, а никто из них и не пошевелится. Если бабулька провожает дочку, почему они сидят молча и никто не дернется, чтобы проститься?»

Вот, наконец, поезд тронулся, а ничего не изменилось. Молодая женщина продолжала читать, а милая бабулька,

прижав к груди руки, не отрываясь, смотрела на Ольгу.

– Простите, – решила прервать тишину Ольга, – а кто из вас уезжает? Это же купе на два места, если я не ошибаюсь?

Молодая женщина оторвалась от чтения и удивленно посмотрела на Ольгу.

Девушку смутило это неподдельное удивление. Но она продолжила в полной растерянности:

– Простите, что вмешиваюсь, – обратилась она к милой старушке, – Вы, наверное, из соседнего купе, вы родственницы? Я могу поменяться с Вами местами...

Молодая красивая женщина удивленно смотрела то на Ольгу, то на место, где сидела старушка.

Ольга чувствовала себя очень смущенной, она не понимала ничего в этой ситуации, почему старушка ничего не отвечает, а женщина так удивленно на нее смотрит.

– Простите, девушка, – наконец ответила ее молодая соседка, – а Вы с кем разговариваете?

Пришло время удивляться Ольге:

– Я? Наверное, с Вашей... э... матушкой и Вами...

В купе наступила мертвая тишина. Ольга почувствовала такой же мертвецкий холод и смрад... Женщина, по-видимому, тоже вдруг почувствовала, как изменился воздух и температура в помещении. Она поежилась от холода и брезгливо сморщила аккуратный носик. По телу Ольги поползли мурашки, вернулся страх, и она снова посмотрела в сторону бабульки. И ужас искажил ее лицо от увиденного. Ми-

лая старушка слишком стремительно и резко для своего возраста подскочила с места и рванула на Ольгу. Ее на первый взгляд милое старое лицо исказила страшная гримаса, рот неестественно очень широко открылся, мерзкий шипящий звук и зловоние вышли из него. Она протянула длинные корявые руки к Ольге и схватила ее за голову. Ольге показалось, что она тянется к ней, чтобы поцеловать. И она закричала. Вцепилась в ледяные костлявые клешни старухи и пыталась увернуться от ее то ли поцелуя, то ли укуса.

Молодая женщина с ужасом наблюдала некоторое время за этой сценой, потом вдруг очнулась, быстрым движением раскрыла свою сумку, достала какой-то флакончик и, направив его на отбивающуюся от старухи Ольгу, вылила струю жидкости. В мозгу Ольги промелькнула мысль, что это, наверное, газовый баллончик, и теперь в этом замкнутом пространстве задохнутся все... Но, к ее удивлению, она почувствовала очень приятный, свежий цветочный запах. На старуху попала основная струя жидкости, и она, завизжав, словно на нее вылили серную кислоту, вдруг... растворилась в воздухе, оставив после себя запах серы... Ольга и молодая женщина закашляли, вскочили с места и выбежали в коридор.

– Господи, что это было? – воскликнула женщина, поддерживая Ольгу, которая с трудом могла стоять на ногах.

– Я... – начала было девушка, но закашлялась, – я думала, она с Вами едет, а потом она набросилась на меня... У

нее такой жуткий вид оказался... Рот огромный, из него разложившимся трупом воняло, и лапами ледяными голову так больно сжала. Если бы не Вы и Ваш баллончик, она бы меня задушила или голову бы свернула.

– Кто? – тихо спросила женщина. – Кто там был?

Тут Ольга снова чуть не потеряла сознание, вспомнив, как растворилась в воздухе бабулька.

Девушка заплакала. Ей казалось, что она сходит с ума...

– Вы ее не видели, да? – Ольга подняла заплаканное лицо на соседку по купе.

Та смотрела на девушку очень внимательно и участливо.

– Нет, я ее не видела. Но я знаю, что там было...

Настало время Ольги удивляться:

– Да, там сидела такая милая старушка, ее лицо плохо было видно. Свет тусклый, только над Вами лампочка для чтения работала... Но я чувствовала, что она все смотрит и смотрит на меня, а потом набросилась, а Вы ее флаконом духов – она и растворилась в воздухе... И этот ее запах... этот холод... Я уже чувствовала их раньше...

Женщина очень серьезно слушала сбивчивый рассказ Ольги, потом решительно открыла дверь купе, забрала свою небольшую дорожную сумку и Ольгину сумочку с документами, взяла девушку под руку.

– Пойдем, там есть ресторан, у нас в купе еще долго вонять будет. Попьем чай, и ты мне все расскажешь. Меня зовут Надия.

– Я – Ольга, – девушка неожиданно для себя почувствовала, что может доверять этой хрупкой, но решительной женщине с добрыми и мудрыми глазами.

Они пришли в вагон-ресторан, сели за маленький столик и проговорили всю ночь.

Ольга впервые рассказала незнакомому человеку все, что с ней произошло в прошлом году на Урале, что случилось зимой и что произошло в последние дни. Ни разу женщина не перебила ее. Только однажды, когда Ольга дернулась на тень и почувствовала холодок и слабое зловоние, Надия вновь достала баллончик и осторожно разбрызгала вокруг них приятный и успокаивающий запах.

Наконец Ольга замолчала, как на духу выложив все. Надия некоторое время сидела молча. Потом она внимательно посмотрела на девушку и сказала:

– Я знаю, все, что ты сказала, правда. Я не видела эту бабульку, но я чувствую присутствие этих мерзких существ... Я даже не знаю, с чего начать...

Она раскрыла свою сумку и достала небольшой бархатный мешочек. Поставила перед Ольгой.

– Раскрой его.

Ольга осторожно развязала тесемки на мешочке и с изумлением достала маленькую бутылочку с прозрачной жидкостью.

– Она... она так похожа на то, что мне дала фея из волшебного леса! Да!

Лицо Ольги сияло от встречи с чудом:

– Конечно, похожа! Жидкость вроде бы прозрачная, но в ней свет. И можно различить все цвета радуги. Что это? Как она могла оказаться у Вас?

– Я думаю, что это не совсем та бутылочка, хотя суть у них одна. А называется это Аура-Сома.

– Аура-Сома? Что это? Кто это делает? Для чего она?

– Не спеши, я тебе все расскажу. Ты где в Питере остановишься? Нам надо продолжить разговор...

Ольга смущенно опустила глаза:

– Я нигде не остановилась. Я сбежала. И обратного билета у меня нет.

Надя покачала головой:

– Нехорошо, родители волноваться будут. Утром позволишь маме, скажешь, что к подруге на пару дней в Петербург поехала. Остановишься у меня. Сейчас приедешь, отдохнешь, потом поговорим.

Ольга испуганно покачала головой:

– Не могу!

Надя удивленно посмотрела на нее:

– Почему?

– Эти твари придут к Вам за мной!

Надя улыбнулась:

– Не волнуйся, у меня есть оружие против них.

***

По дороге домой новая знакомая Ольги рассказала немно-

го о себе. В свое время Надия много путешествовала, училась разным техникам у йогов, изучала обряды шаманов, куда только не заносил ее пытливый и любопытный ум.

– Я везде искала Бога, – улыбнулась Надия, – а он всегда был со мной, вернее, во мне. Сейчас я консультирую людей, помогаю им найти себя, полюбить себя...

– Тогда я попала по адресу, – грустно улыбнулась Ольга. – Я, кажется, потеряла что-то очень важное, а может, кого-то. У меня такая тоска на сердце. Папа в коме, Олег словно чужой, или нет, это я сама его оттолкнула... Все как будто бы рушится, весь мой мир... словно я Алиса в Зазеркалье. Все чуднее и чуднее. А если конкретнее, страшнее и страшнее.

Ольга с тоской посмотрела на пыльные питерские улицы сквозь стекло машины, медленно везущей ее и Надию в питерской пробке. Ранним утром в центре было много людей, тех, кто спешил на работу, туристов, студентов. Разноцветный людской поток. Но вдруг Ольга стала замечать странность в этой живой реке... Иногда она видела неподвижно стоящие темные, вернее, какие-то серо-грязные фигуры людей, которые неотрывно смотрели на машину, в которой ехала Ольга. Люди иногда обходили их, а чаще просто проходили сквозь эти серые фигуры. Ольга в изумлении сжала руку Надии:

– Они здесь! Везде! – Ольга чувствовала, что задыхается.

– Тихо, тихо, – спокойным и уверенным тоном проговорила Надия. – Смотри на меня и дыши. Просто дыши за мной...

Молодец.

Через несколько минут Ольга успокоилась, неотрывно глядя в глаза Надии, но как только она отводила от нее взгляд и видела жуткие неподвижные фигуры за окном, то тут же снова начинала паниковать. Надия достала из сумочки небольшой флакончик с темно-красной жидкостью, капнула несколько капель на свои ладони и на открытые ладони Ольги, провела ладонями по волосам девушки и сказала Ольге дышать в ее ладони. Ольга глубоко вдохнула сладкий, немного терпкий запах многоцветья и почти сразу же успокоилась. Она с благодарностью посмотрела на Надию:

– Это просто чудо! Какой запах! Я словно в том поле, рядом с домиком Либуши...

– Да, тебе это поможет. А теперь осторожно посмотри в окно и скажи, что ты видишь необычного там.

Увидев испуг в глазах Ольги, Надия добавила:

– Не бойся, ты сейчас под защитой, а мне надо знать, что ты видишь. Я могу только догадываться, могу чувствовать ЭТО, но не могу видеть. Просто опиши, что ты видишь, как кино смотришь... Хорошо? Я с тобой, я смогу тебе помочь. Помнишь, я же помогла тебе в поезде?

Ольга кивнула в знак согласия и осторожно посмотрела в окно машины. Они по-прежнему медленно ползли по Невскому. Некоторое время девушка ничего особенного не видела и даже через какое-то время с жадностью всматривалась в проходящих людей.

– Нет, мне все же показалось... – Ольга откинулась назад в сиденье машины.

– А-а-а, – вдруг подал голос водитель, – я так и знал, авария...

Ольга и Надия посмотрели в окно. Ровно посередине проспекта стояли несколько раскуроченных машин: красная маленькая иномарка, огромный джип и «мерседес» с мигалкой.

Из маленькой машины вынимали безвольное тело молодой девушки. Крупные молодые люди из джипа, не выпуская из рук мобильные телефоны, сильно жестикулируя, с решительностью отгоняли от мерседеса назойливых то ли зевак, то ли репортеров. Вскоре «мерседес», громко взвизгнув колесами, умчался с места аварии, оставив там разбитую маленькую машинку, машину скорой помощи и решительных бравых ребят.

– Жуткая история, – грустно сказала Надия.

– Да, ты даже не представляешь, насколько, – еле слышно произнесла Ольга.

Она повернула голову к соседке, прижалась к ее уху и зашептала:

– На крыше машины сидели мерзкие твари, очень мерзкие... И они словно хохотали и плясали. И еще... за спинами у этих больших ребят тоже стоят тени... большие, но неподвижные, а девушка мертва.

Ольга еще раз взглянула в окно, и вдруг ее глаза наполнились ужасом, и она закричала:

– Сделай что-нибудь! Она здесь! А-а-а!

Надя быстро выхватила спрей, который был у нее в поезде, и стала разбрызгивать вокруг себя и Ольги в салоне машины. Водитель, в шоке от происходящего, дернул рулем, и машина чуть не влетела в столб. Спасла небольшая скорость и реакция водителя.

– Вы что, дуры, с ума сошли?! Вон из машины! – кричал водитель такси.

Ольга и Надя, тяжело дыша, переглянулись.

– Ее нет здесь? – спросила Надя,

Ольга отрицательно покачала головой:

– Нет, они почему-то боятся твоего освежителя воздуха.

– Это не освежитель воздуха, это Аура-Сома, – обиженно проговорила Надя, – ладно, потом объясню, пойдем. Мы почти приехали. Вещей у нас немного, пройдемся. По дороге все и расскажешь.

Они поспешно вышли из машины, оставив ошарашенному таксисту деньги на сиденье, и быстрым шагом направились вдоль проспекта.

– Ну, рассказывай, – приказала Надя.

– Там всяких тварей много было... Самые мерзкие – на крыше «мерседеса». Они словно управляют им или людьми в нем, не знаю. Другие, они больше на тени грязные похожи, те просто за спинами стоят, словно ждут чего-то. Но вдруг одна такая тень, меня заметив, как рванет к машине, и сквозь стекло. Здесь я и закричала, а ты быстро среагирова-

ла, возд... – Аурой-Сомой, да? – побрызгала, вот она, словно ошпаренная, и рванула обратно.

Надия, ничего не ответив, молча шла по улице, о чем-то непрерывно размышляя. Ольга понимала, что ее лучше сейчас не трогать.

Вдруг Ольга остановилась как вкопанная и схватила Надю за руку.

– Стой!

– Ты что? – очнулась Надия.

Ольга, не отрываясь, смотрела в сторону темной и сырой подворотни.

– Вон там, где темно, там такая же тварь стоит... – она продолжала всматриваться, – нет, не такая же, что-то в ней другое... Эта жалкая, что ли, какая-то, слабенькая...

– Ага, пожалей ее, просто хозяина у нее нет еще, сейчас подберет себе хозяина, вот и крепчает чуток, возмужает и дальше пойдет.

– А они кто? – спросила Ольга.

– Не кто, а что. Твари они... То есть сущности всякие.

– А откуда они взялись?

– А, – задумалась Надия, – ну, источник у них один – дьявол по-простому, а по-сложному там цепочка длинная и сложная, но что точно и важно – питаются они и размножаются благодаря и за счет людей, вернее, их темных сторон: злобы, ненависти и прочей грязи. Они различны по силе и влиянию на человека, но цель у них одна – чтобы им хоро-

шо жилось, им надо питаться человеческой отрицательной энергией...

– Я уже разное прошлым летом видела, а этих только несколько дней назад... Почему?

Надия жила в самом центре северной столицы. Но, в отличие от типичных грязных питерских парадных, здесь было светло и чисто. На первом этаже располагался кабинет с компьютером и техникой, еще маленький и уютный кабинет, войдя в который, Ольга почувствовала, как ее сердце забилось от волнения. Всю стену занимали бутылочки с разноцветными эссенциями. Бутылочки были подсвечены лампами, но и без них Ольга видела их особенный свет. Она оглянулась на Надю, в глазах ее стояли слезы.

– Это божественно... – она глубоко вздохнула, чтобы справиться с волнением, – они все... все похожи на мою бутылочку, ту, которую дала фея с острова. Я не знаю, что это...

Надия ласково посмотрела на Ольгу:

– Ты права, они похожи... У них одна энергия. Эти бутылочки рождены слепой женщиной Вики Уолл, она видела ауру цветов и минералов. Она узнала истину через свою слепоту. Смешав в определенных пропорциях сорок девять минералов и трав, она получила квинтэссенцию истины. Каждая из бутылочек может помочь как в духовном, так и в физическом плане. Ты умеешь видеть.

Ольга задумалась:

– Однажды мой учитель сказал мне: «Есть разница между смотреть и видеть...» Я только сейчас начинаю это понимать... Я смотрю на эти бутылочки, и моя душа радуется и ликует от знаний, которые я получаю от них, но мой мозг... он сопротивляется и лопается.

Ольга без сил упала на пол:

– Надия, прости, я устала, мне нехорошо.

– Ты спи, просто спи... – нежно сказала Надия, помогая Ольге перебраться на диванчик рядом со стендом бутылочек Аура-Сомы.

Она нежно укрыла девушку пледом и тихо закрыла дверь.

***

Впервые за несколько дней Ольга спала. Она спала крепким здоровым сном без сновидений, чудовищ и тревоги. Когда она очнулась, наступал глубокий вечер. Ольга осторожно вышла из комнаты, стараясь не разбудить Надию. Но, проходя по огромному холлу, она заметила свет в большой комнате. Она осторожно приоткрыла дверь и увидела нескольких женщин разных возрастов, сидящих на полу вокруг Надии. Та, заметив Ольгу, улыбнулась ей и жестом пригласила войти. Девушка повиновалась ее жесту и присела в уголке комнаты.

– Я продолжу свою мысль... – обратилась Надия к женщинам и обращая добрую улыбку к Ольге. – Не бойтесь идти сквозь свой страх. Наш страх – это часть нас. Убегая от него, мы воздвигаем уйму баррикад, но страх только растет.

Идите в него, смотрите ему в лицо. Он может и не уйти, но вы познаете его природу и сможете им управлять.

– А теперь, – Надия хлопнула в ладоши и грациозно и легко вскочила с колен, – наш обычный, но из-за этого не потерявший своей магической силы танец! Танец женщины! Свободной! Сильной! Мудрой! Свободной!

Ольга тоже вскочила на ноги, как и все остальные женщины в комнате. Первое ее желание было бежать...

«Что-то такое уже было, мелькнуло в ее мозгу, это опасно», – продолжал говорить он.

– Оля, останься, – Надия ласково взяла Ольгу за руку, – пожалуйста. Просто доверься мне...

Ольге было очень и очень тревожно, но она смотрела в глаза Надии и вдруг поняла, что надо довериться. Чему? Она и сама до конца и не понимала. Наверное, довериться тому, что она верит этой хрупкой красивой женщине с огромной внутренней силой.

– Хорошо, Надия, – выдохнула Ольга, – но мне страшно. Я что-то подобное уже испытывала раньше. Помнишь, я тебе говорила об Эстер?

– Да, я все знаю. У нас схожие методы, но разные намерения... Я потом тебе объясню, а теперь просто танцуй. Слушай тело, слушай музыку, закрой глаза и иди...

– Куда? – удивилась Ольга.

Но Надия уже отошла от нее и включила музыку.

В комнате горели только свечи, расставленные по углам

комнаты. Большинство женщин сразу же закрыли глаза и стали ритмично двигаться под музыку, чувствовалось, что делают это они уже не в первый раз и с большим удовольствием. Ольга столбом стояла посередине зала и наблюдала за причудливо движущимися тенями по стенам, за женщинами разного возраста, внешности и ухоженности, и вдруг стала замечать, что и тени, и женщины, и музыка – все подчинены одному ритму, одному рисунку. Внешность женщин стала преобразовываться, куда-то делся отпечаток возраста, молодость, социальная принадлежность – все стали очень похожи друг на друга, как красивые, добрые и свободные сестры.

«Они – одно целое, одна энергия, – поймала себя на мысли Ольга, – так, наверное, выглядела Ева и все истинные женщины».

Ей неудержимо захотелось войти в это состояние единой женской энергии, и она, открыв объятия и закрыв глаза, доверилась музыке, потоку общей силы и просто начала двигаться за своим телом.

Первые минуты Ольга чувствовала, что контролирует происходящее. Она боялась задеть соседок, размахивая руками, потом ее стала волновать схожесть происходящего на уроки Эстер.

Вскоре, сделав над собой усилие и сказав в приказном тоне самой себе: «Надия другая, все другое!», Ольга немного расслабилась...

Вскоре она отметила, что перестала думать и контролиро-

вать происходящее. Ее руки, ее ноги – ее тело было отдельно от нее, оно двигалось само по себе, двигалось красиво, легко, Ольге даже казалось, что в какие-то мгновения ее тело легко поднималось над полом... Но иногда мешал ум. Очень мешал... Он все время пытался контролировать и объяснять все вокруг. Ольга неожиданно для себя издала громкий и затяжной крик, который шел из низа живота, и еще ритмичнее стала двигаться за рисунком музыки...

Сколько прошло времени, Ольга не знала, но усталость даже не наступала, а, наоборот, в ней чувствовалось все больше и больше силы. Она вела ее дальше и дальше, в неведомое и необъяснимое. Ольга уже и не пыталась открыть глаза, она просто-напросто забыла об этом, каким-то другим зрением смотря за происходящим вокруг, видела женщин, необыкновенно красивых и чистых, двигающихся рядом с ней, видела Надию, исполняющую очень сложный и прекрасный танец чуть поодаль от Ольги, видела красивую девушку, неотрывно следящую за Ольгой и дерзко улыбающуюся ей.

Через некоторое время Ольга смотрела лишь на эту красивую, очень знакомую девушку. Вскоре она стала танцевать только с ней, повторяя только ее движения. Она не отрывала взгляда от нее, и Ольге казалось, что она полностью погружается и сливается с девушкой. И самое главное, ей очень хотелось стать единым целым с ней, это была главная и самая важная Ольгина задача... На мгновение Ольга оглянулась и увидела, по-прежнему не открывая глаза, что окружающая

обстановка изменилась. Не было Надии, не было ее подруг. Это был незнакомый, очень дорогой клуб. И люди вокруг были другие: в большинстве своем молодые, модно одетые, с красивыми и надменными лицами. Девушка, танцующая с Ольгой, была в коротком красном платье. Она пристально смотрела на Ольгу, и та тоже не могла оторвать от нее взгляда.

«Еще чуть-чуть, и я стану ею», – мелькнула яркая и отрезвляющая мысль.

И в это мгновение девушка оторвала взгляд от Ольги и посмотрела в сторону. Ольга проследила за ее взглядом и наткнулась на холодные глаза Альберта.

– Нет! – раздался чей-то крик. Ольга оказалась в кромешной темноте и стала задыхаться.

– Дыши! Дыши! – сквозь темноту прорывался голос Надии.

Ольга подчинилась силе хрупкой женщины и стала глубоко и часто дышать сквозь темноту. Вскоре она увидела свет, а в нем взволнованное лицо Надии.

– Что это было? – все еще задыхаясь, с испугом прошептала Ольга.

Она лежала на полу, ее голова – на коленях Надии. Надия попросила одну из женщин принести ей бутылочку красного цвета и стала растирать Ольге ноги.

– Зачем? – удивилась та.

– Надо. Сейчас сядь в уголке, ничего не делай и никуда не

улетай... Я закончу встречу и тебе все объясню.

Ольга села на полу в конце комнаты, обняла себя за колени. Она наблюдала за происходящим, перед глазами все время всплывали воспоминания о недавнем видении.

«Эта девушка, я ее знаю. Она оказалась с Альбертом на Альбинином дне рождения. Она очень похожа на меня, но в то же время абсолютно другая – дерзкая, яркая, высокомерная... Я не такая. Может, потому Альберт и произнес свою пламенную речь о любви ко мне, потому что на самом деле он искал ЕЕ и любит ЕЕ, а не меня. Но как же мы с ней связаны? Я даже в какой-то момент почувствовала, что хочу стать ею... Будто бы мы с ней одно целое. Бред какой-то! А как странно наложились картинка друг на друга – эта комната и какой-то клуб. Как же я устала! Я не понимаю сама себя, своих видений, своих демонов...»

Ольга закрыла глаза. Она старалась просто слушать музыку, чтобы не думать о странных вещах, происходивших с ней в последнее время. Она просто наблюдала. Наблюдала за музыкой, за женщинами, за Надией... Это все успокаивало и отвлекало от мыслей. Ольга легла на пол и почувствовала, что погружается в тяжелый сон, сопротивляться которому не было сил, да и не хотелось. Она по-прежнему наблюдала за происходящим в комнате, но действие постепенно стало таять, и проявилась другая картинка: обстановка клуба, молодые и красивые люди, а вот и та, что так похожа на Ольгу.

Она стояла посередине зала, и Ольге показалось, что была

очень раздражена и раздосадована. Девушка оглядывалась вокруг в поисках кого-то или чего-то... Альберт подбежал к ней и обнял за плечи.

– Где она?! – кричал он.

Музыка была оглушительной, и он старался перекрыть ее.

– Я не знаю! Ты же сам все видел! – кричала в ответ ему девушка. – Еще чуть-чуть, и все бы получилось! Мне кажется, она заметила тебя! И все сорвалось!

Альберт в досаде ударил по воздуху и выругался, потом, словно очнувшись, повернулся к девушке и с нежностью, на какую только мог быть способен, посмотрел ей в глаза:

– Прости! Прости, дорогая! Я знаю, что тебе это нужно так же, как и мне. Ты делаешь все возможное.

Потом взял девушку за талию и прижал к себе. Он прошептал ей тихо на ушко:

– Я люблю тебя! Ты же знаешь, как я люблю тебя!

Девушка отстранилась от него, посмотрела пристально ему в глаза.

– Ты любишь не меня, ты сам знаешь, что это невозможно...

Ольга очнулась ото сна и села на полу.

«Да все чуднее и чуднее в моем мозгу. Все веселее и веселее. Начать с того, что, засыпая, я видела, что происходит здесь, в комнате Надии, а мои глаза были закрыты. Ну ладно, мы уже встречались с этим раньше. Я и слышу иногда мысли

людей, и становиться невидимой могу, но как я могу видеть других людей на расстоянии?»

Вскоре Надия освободилась, закончив группу и проводив женщин. Некоторое время спустя они сидели на кухне, пили душистый травяной чай и разговаривали. Надию интересовало все, что чувствовала и видела Ольга. Некоторое время женщина молчала, грея руки о горячую чашку и непрерывно смотря в пространство, потом вымолвила:

– Тебе следует ее найти.

– Кого? – удивилась Ольга.

– Ту девушку, которую ты видела рядом с Альбертом.

– Я ее не знаю... Но мне кажется, что она очень похожа на меня, хотя абсолютно другая, и в одежде, и в поведении. Может, это моя сестра? Родители ничего мне не говорили, а у меня сестра есть, ну, как в кино «Зита и Гита»?

Надия улыбнулась шутке девушки про индийских героинь душещипательной старой индийской драмы.

– Нет, я думаю, что в твоём случае все сложнее, чем тайная сестра.

– Так что же мне делать?! – вскрикнула Ольга. – У меня состояние, словно я схожу с ума и еще внимательно наблюдаю за этим. Я ничего не понимаю! Что мне делать?!

Надия встала из-за стола, подошла к Ольге, обняла ее:

– Тебе надо идти и искать. Тебе надо верить своему сердцу и себе. Ты не можешь признать что-то очень важное в себе, гонишь прочь правду о себе... Все в тебе борется и со-

противляется этому... Но времени больше нет. Если ты не помотришь своему страху в глаза, не примешь себя, страх и зло сожрут тебя...

– Что мне делать? – заплакала Ольга. – Я боюсь выходить на улицу, боюсь оставаться одна. Везде эти твари, они хотят засесть в меня! И эта девушка! Может, у меня болезнь – раздвоение личности? Может, мой мозг поражен страшной болезнью?

– Хватит! Оля, ты знаешь, но не хочешь признать, что ты особенная! Да, такие люди, как ты, не рождаются на каждом шагу! Наверное, где-то есть объяснение твоим особенностям, а главное, твоей миссии, но сейчас ты просто должна действовать и искать. Тварей не бойся. Аура-Сома сможет защитить тебя от них.

Надия повесила на шею Ольги маленький квадратный флакончик с темно-красной жидкостью, украшенный серебряной крышкой в форме ангела. Потом подвела к стенду с бутылочками Аура-Сомы и дала несколько из них:

– Вот эту наноси на тело на ночь, эту поставь около папы, а этой натри ему грудь. Вот тебе еще флакончик со спреем, брызгай его над собой, когда надо принять решение...

Ольга с чувством обняла Надю и поняла, что та напоминает ей Любушу, а не Эстер. Да, обе владели тайнами, но суть у них разная. Светлая и любящая – у Любуши и Надии, властная и эгоистичная – у Эстер.

***

Ольга приехала на следующий день в Москву и сразу же помчалась на такси к папе в больницу.

Никаких изменений не произошло за эти дни. Петр Андреевич по-прежнему был в коме. А врачи только руками разводили, никак не находя причину его странной болезни.

Ольга поставила бутылочку с розово-белой жидкостью рядом с отцом, а другой, белой, намазала папе грудь, как велела Надия. Ничего не произошло, и Ольга, посидев рядом с папой еще час, отправилась домой. Она отметила, что под защитой подаренного Надией амулета-бутылочки чувствует себя спокойнее, а тени и сущности, которые она по-прежнему видела, теперь шарахались от нее.

Марь Санна была дома и копошилась у окна, стараясь оттереть слизь со стекла и удивляясь глубоким царапинам.

– Привет, Марь Санна, я у папы только что была, а до этого в Питер ездила к подружке. Ничего не изменилось?

Марь Санна удивленно посмотрела на Ольгу.

– Оль, ты че? – проворчала та. – Какой Питер? Ты же уехала в Лондон вчера...

– Какой Лондон, Марь Санн? – Ольга в шоке села на стул.

– Ну да, Лондон... – домработница с удивлением наблюдала, как с Ольгиного лица сходит краска, а глаза расширяются от ужаса. – Ты утром, когда ж это было... Ну да... Утром после того дня, когда ты заболела... Я пришла в девять, как обычно, тебя дома не было, я удивилась, но вспомнила, что ты к маме с Ванечкой за город собиралась... Вдруг

часов в 11 ты врываешься... такая странная... на каблук-ках высоченных, в платье коротком, зеленом... блестящем... Хохочешь... Побежала по комнатам, словно искала чего-то, потом в своей комнате минут сорок возилась... Вышла с сумкой, переделалась в джинсы... Говоришь, мол, Марь Санна, а паспорт мой заграничный где?

– Я паспорт спрашиваю? – еле слышным дрожащим голо-сом спросила Ольга.

– Ну да, паспорт, – Марь Санне передался Ольгин шок, но она продолжала вспоминать. – Я тебе и говорю, что, мол, как всегда, в кабинете посмотри. Ты опять засмеялась, в ок-но выглянула, из кабинета выскочила, меня чмокнула... и к двери. Я кричу тебе вдогонку, что, мол, куда ты, а ты хохочешь и отвечаешь: «В Лондон! Куда ж еще НАШИ едут!»

– Господи! Какой Лондон?! Марь Санн! – воскликнула Ольга.

– А я почему знаю?! Может, тебя со школой везут! Не знаю я ничего! Не морочь мне голову! Мое дело полы мыть, а не за взрослой девкой и ее кавалерами следить! – зло прогово-рила Марь Санна, возвращаясь к оттиранию слизи на стек-ле окна. – Все училась и училась, мышкой с книжками дома сидела, и на тебе!словно с рельс съехала! Два красавчика за пару дней!

– Марь Санн! – возмутила Ольга. – Ну что Вы говорите! Какие красавчики!

– А как же! Сначала Олег на ночь глядя проперся, потом

этот, что за тобой зашел, когда ты в Лондон собиралась. Красивый такой, блондинчик с голубыми глазами... Только уж неприятный он, высокомерный.

Ольга некоторое время не могла сдвинуться с места, очнувшись, только когда услышала звонок телефона в сумке.

– Ольга? – услышала она голос доктора, лечащего отца. – Оленька, папа очнулся... Он просит, чтобы ты приехала.

– Да! Еду! – закричала Ольга и пулей вылетела из дома.

***

Когда Ольга вошла в палату отца, ей показалось, что ничего не изменилось. Петр Андреевич, по-прежнему подключенный проводками к аппарату, лежал с закрытыми глазами и ровно дышал. Черты его лица заострились, сквозь загар пробивалась болезненная серость.

Оля на цыпочках подошла к отцу, с трудом веря словам доктора, что папа пришел в себя.

– Олененок... – тихо позвал Петр Андреевич.

– Папочка! – Ольга бросилась на грудь отца и зарыдала. – Папочка, родненький, не уходи только больше, мне так страшно и плохо. Ты нужен мне....

Петр Андреевич с трудом погладил дочь по голове, рука его была холодной и дрожала.

– Доченька, у меня мало времени...

– Папа! – Ольга подняла голову.

В глазах ее было столько боли, отчаяния и тоски, что отец и сам разрыдался. Он крепко, насколько мог, прижал к себе

дочь и зашептал ей на ухо:

– Доченька, у меня мало времени... Началась война... Я не успею рассказать тебе всего. Ты сейчас и не поймешь...

Петр Андреевич остановился, чтобы глотнуть немного воды. Ольга перестала плакать и с ужасом смотрела на своего измученного отца.

– Слушай меня внимательно, доченька, – с трудом продолжил он. – Ты – избранная. За тобой идет охота. Меня они вывели из игры... Но Либуша бережет тебя. Ты не слышишь ее, она не успела тебя обучить, но на самом деле ты все знаешь... Просто слушай себя. И еще... Самое главное. Тебе надо найти себя. Они забрали часть тебя. Но это ты позволила им это сделать.

– Папочка! Папочка! О чем ты говоришь? – плакала Ольга.

Петр Андреевич слабой рукой гладил дочь по голове, и из его глаз текли слезы. Он нежно и с глубокой печалью смотрел на нее и не мог сказать больше, чтобы не напугать Ольгу.

– Доченька, я скоро уйду...

– Нет! Папа! Нет! – закричала Ольга, зарыдала еще громче.

– Олененок, так надо... прости. Но ты знаешь, как все исправить... Слушай свое сердце, доверяй себе...

Петр Андреевич хотел еще что-то сказать, но не смог. Он вдруг тяжело и глубоко вздохнул, судорожно сжав Ольгину руку, и вновь потерял сознание.

Ольга вскочила на ноги и в ужасе смотрела на отца. Очнувшись, она истошно закричала, и дальше все происходящее воспринималось ею как сон. Вокруг нее в палате забежали какие-то люди, появилось новое оборудование, и Ольга видела, как отцу делали искусственное дыхание, разрядом тока пытались заставить работать сердце, кололи в вену укол. Неожиданно стало тихо, и слышен был только слабый писк прибора, к которому был подключен отец. Оказывается, все это время Ольга была в палате, но на нее никто не обращал внимания. Ольга очнулась, подошла к отцу, чтобы убедиться, что он дышит. Она снова тихо позвала его, но он был в коме.

Вошла медсестра. Ольга от неожиданности дернулась и задела капельницу. Молоденькая медсестра широко раскрыла от удивления рот, наблюдая, как падает капельница, и очнулась только тогда, когда та с грохотом рухнула на пол.

– Ой, простите, я случайно, – пролепетала Ольга.

Медсестра с ужасом оглянулась на голос и с криком убежала в коридор.

Ольга с удивлением проводила медсестру взглядом и подошла к зеркалу, чтобы проверить, что так напугало в ее внешности девушку.

Но в зеркале никого не было. Ольга остолбенела, смотря в отражение комнаты, и потом рухнула без сознания на пол.

Сколько времени Ольга пролежала без сознания на холодном полу, она не знала. Очнулась, только когда за окном уже

стемнело.

Она чувствовала, что очень замерзла и все ее тело трясется от шока и холода. Она хотела подойти к зеркалу, проверить свое отражение, но неожиданно осознала, что боится это сделать. У нее совершенно не было решимости увидеть, вернее, не увидеть себя в нем, еще у нее не было ни малейшего представления и объяснения тому, что произошло.

Ольга села у постели отца, мимоходом отметив, что стоит новая капельница и с пола убраны все осколки разбившейся прежде. Девушка равнодушно отметила, что персонал больницы заходил в палату, пока она валялась на полу, но ее никто не видел. Сколько времени Ольга просидела на неудобном стуле, она даже не пыталась понять. У нее не было ни сил, ни желания что-либо делать, двигаться. Пустота и равнодушие к собственной судьбе сковали душу, тело и волю.

Неожиданно в дверном проеме появился слабый свет. Ольга подняла глаза, равнодушно наблюдая, как свет разрастается и принимает не отчетливые формы человека.

У Ольги вдруг бешено забилося сердце, и она, наконец, вышла из ступора.

– Либуша! – закричала девушка и бросилась в сторону фигуры.

Но Либуша, словно парящая в воздухе, проворно увернулась от Ольги и выскользнула в коридор.

Ольга бросилась за ней, но фантом старухи очень быстро двигался вперед, и только иногда оглядывалась Либуша на-

зад, словно проверяя, что Ольга не отстала.

– Либуша, подожди! – кричала Ольга, еле поспевая за фигурой, быстро удаляющейся по воздуху.

Она преследовала Либушу по бесконечным коридорам больницы, по длинной лестнице, ведущей в подвал, снова по подвальному коридорам. Либуша остановилась только перед тяжелой и широкой железной дверью, оглянулась на Ольгу, ласково улыбнулась и прошла сквозь нее.

Ольга как зачарованная стояла перед дверью, пока позади себя не услышала грохот. По коридору двигалась каталка, за которой, пошатываясь, шел пьяный санитар. Ольга прижалась к стене, пропуская вперед процессию. Санитар удивленно поднял на Ольгу мутные глаза и рывкнул:

– Ты чей-то здесь делаешь? Не положено! Брысь отседова, шантропа! – и продолжил свой путь.

Когда тяжелая дверь открылась, Ольга заметила ровные ряды таких же каталок, с лежащими на них телами, покрытыми с головой простынями.

– Это морг! – ужаснулась Ольга.

– Не-е, салон красоты! – заржал пьяный санитар, равнодушно запихивая под простынь руку трупа на своей каталке.

Ольга в ужасе отпрянула назад, успев заметить след татуировки на руке тела, лежащего под саваном на каталке санитаря. Это была пентаграмма, та самая пентаграмма.

Ольга бросилась бежать. Сейчас она хотела только оказаться на улице и впустить в легкие свежий воздух.

***

Было три часа ночи, когда Ольга добралась до дома. Ей было страшно одной в пустом доме. Она включила везде свет, телевизор. Долго стояла под горячим душем, не чувствуя обжигающей воды. Потом девушка замерла перед запотевшим зеркалом, наблюдая за тем, как постепенно конденсат уходит, отражение проясняется. Девушка спокойно отметила про себя, что готова к тому, чтобы увидеть, вернее, не увидеть свое отражение. Но на нее смотрела все та же Ольга, только сильно осунувшаяся и уставшая.

– Ну и славно, – вздохнула Ольга.

Она пошла к себе в комнату, но поняла, что не может заснуть.

Тут она увидела следы когтей на стекле своего окна и задумалась, что же оттолкнуло тех тварей от кабинета папы.

Ольга почувствовала себя в безопасности, когда закрыла дверь кабинета. Она открыла шкаф, где хранились документы и разные вещи папы, и начала перебирать каждую из них. Было много фотографий. И старых, и новых. Старые фото Ольга вспоминала. Здесь папа с военными друзьями. Здесь он в начале своей политической карьеры выступает перед рабочими на заводе. Одна фотография особенно привлекла внимание Ольги. На ней папа стоял рядом с очень стареньким священником на фоне такой же старой и маленькой церквушки. Вернее сказать, священник стоял на пороге церкви и что-то говорил папе, а тот весело улыбал-

ся. Одет папа был по-рабочему и в руках держал молоток и ящик с инструментами. Видно было еще несколько фигур, что-то делающих вокруг церквушки. И папа очень счастливый и здоровый. Ольга отложила эту фотографию. Она очень хотела вновь увидеть папу таким же веселым и светлым. Еще несколько вещей привлекли внимание Ольги. Маленькая темная икона и коробочка из дерева.

Открыв ее, Ольга с удивлением обнаружила там свой крестик, который ей подарила Либуша. Ольга сняла крест сразу же по возвращении из лагеря, объясняя себе, что боится потерять его, но сейчас она призналась себе, что боялась и того, что произошло с ней, и последствий этих приключений, и главное – боялась себя.

И тут что-то произошло... Ольга тихо сидела за письменным столом отца и прислушивалась. Сколько времени она была без движения, Ольга не поняла. Она очнулась лишь тогда, когда, вдруг ясно осознала, что надо делать. Схватив маленькую сумочку, в которой всегда лежали гражданский паспорт и несколько кредиток, Ольга выбежала из квартиры. Бросив взгляд на часы, она отметила про себя, что пробыла в доме всего лишь два часа и уже не спала несколько суток, но сна и не было. Странное чувство охватило Ольгу: волнение до нервной дрожи, радостное возбуждение от осознания того, что она, наконец, знает, что делать, и страх. И как раз страха становилось все больше и больше, по мере того как она приближалась к больнице. Ольга подошла к проходной,

но заспанный охранник только рывкнул на нее, что прием с трех дня, и тут же ушел в глубину комнаты досыпать. Ольга, вдруг почувствовав разочарование и упадок сил, в тот же момент поняла, что это отговорка, чтобы не идти вперед, или, вернее, идти, наконец, до конца и все закончить... или начать. Не важно! Главное – идти! И больше не прятаться от ситуации, не бежать от себя, надо идти.

Зачем именно сейчас, в этот ранний час, Ольге срочно надо было идти к больнице, она не знала, но чувствовала, что это единственно правильное движение по направлению ее решимости все прояснить.

Ольга сделала глубокий вздох полной грудью, на минуту закрыла глаза, а когда открыла их, то для постороннего человека, вдруг увидевшего девушку, было бы потрясением заметить огромную перемену, произошедшую с ней за эту короткую минуту. Зрачки Ольги расширились, стали просто огромными, черными и бездонными, и весь мир словно отразился в них.

Девушка решительно подошла к пропускному пункту и нажала звонок, не отпуская кнопки, пока заспанный охранник, спотыкаясь и проклиная надоедливового посетителя, не открыл дверь.

– Это опять ты! Какого черта ты названиваешь! Я же тебе ясно сказал... – он вдруг оборвал свой яростный монолог на полуслове.

Ольга неподвижно стояла напротив охранника, в упор

смотря на него и негромко, но властно, четко проговаривая каждую букву, приказала:

– Открой мне дверь! Открой мне дверь!

Охранник резко отшатнулся от Ольги и с криком побежал вглубь комнаты. Ольга разочарованно наблюдала, как взрослый мужик спрятался под стол, всхлипывая и судорожно хватая ртом воздух, как рыба на берегу.

– Вот идиот! – проворчала Ольга и вошла в комнату. Не такого эффекта она ожидала, но дверь была открыта, и она прошла на территорию больницы.

Но, пройдя несколько метров, она остановилась, о чем-то подумала и решительно вернулась к всхлипывающему под столом охраннику. Ольга присела рядом с ним на корточки, внимательно посмотрела на него и поняла, что мужчина не видит ее и вообще ничего не видит из-за своего страха. Девушка протянула к нему руку, погладила по голове и тихо, ласково проговорила:

– Успокойся, забудь все и спи... Засыпай...

Мужчина перестал всхлипать, вздохнул и медленно прикрыл глаза. Так он и заснул под столом, свернувшись калачиком, как ребенок.

Ольга быстро вскочила на ноги и, не теряя ни минуты, побежала на нижний этаж больницы. Редкие в такой ранний час работники больницы не видели ее и только удивленно оглядывались, когда чувствовали рядом с собой поток воздуха и звук шагов.

Ольга неслась по темному коридору к моргу и вдруг осознала, что чувствует себя счастливой! Да, ей страшно, да, ее пугает неизвестность, но в то же время она стала принимать свой дар и свою необычность и еще, что очень важно, она слушала себя и не обманывала, и сразу же наступило ощущение правильного.

Ольга без проблем нашла широкую дверь морга, встала перед ней, на миг замерла и решительно зашла внутрь. На одном из столов храпел пьяный санитар. Ольга спокойно прошла мимо него, и наступил черед самого страшного, как ей казалось, действия. Она искала руку с пентаграммой. Зачем? Ольга уже не старалась давать себе рациональных объяснений, они уже не помогали. А вот слушать себя, свою интуицию – это то, что, Ольга знала, сейчас самое важное.

Обойдя несколько столов с трупами, поднимая каждую простынь и холодные тяжелые руки мертвецов, Ольга, наконец, нашла то, что искала, и радостно воскликнула. Потом сама же над собой посмеялась, насколько нелепая была реакция – радость при виде трупа. Ольга внимательно рассматривала молодого парня, на чьей руке был знак. Ничего особенного в трупе не было, если не считать несколько синяков на шее у него. Ольга смотрела на парня, на его лицо, не зная, что делать дальше и что она от него хочет.

– Кто же ты такой, почему мне надо было найти тебя? – вслух заговорила Ольга. – А может, я опять все придумала? И Либуша не вела меня сюда? Что же, что же?

Ольга уже не смотрела на парня, а просто стояла рядом, разглядывая руки парня и стараясь угадать его профессию при жизни. Но тут ледяные мурашки побежали по ее позвоночнику: она почувствовала на себе чей-то взгляд, и в это же самое время пальцы на руке мертвеца чуть дернулись в судороге. Ольга медленно подняла глаза на лицо парня и встретила с его мутным взглядом, установившимся на нее. Парень мерзко ухмыльнулся, поднял руку, сделал манящий жест и крепко схватил Ольгу ледяными пальцами за запястье. И Ольга, даже не успев произнести ни слова, погрузилась в темноту и пустоту.

Часть 3. «Лондон ис зе кепитал оф зе нел»

Очнулась она на ледяном полу морга, в узкое окно под потолком уже пробивался утренний свет. За руку Ольгу уже никто не держал. Странно, что труп, рядом с которым очнулась Ольга, был накрыт с головой простыней, и только рука с пентаграммой свешивалась над Ольгой. Девушка быстро отскочила от трупа, вскользь отметив про себя, что рука больше похожа на женскую, с ухоженными ногтями. Но разобраться, кто лежит под простыней, Ольге очень не хотелось, а все, что она желала, – это покинуть как можно быстрее это ужасное здание. Она вскочила на ноги и побежала к двери. В это же самое время дверь открылась, и Ольга налетела на огромного человека в зеленом костюме санитара.

– Ой, простите, – пролепетала Ольга, пытаясь проскольз-

нуть мимо него.

– Mother, f...k you! What a you doing here? – заорал санитар.

Ольга с удивлением отметила про себя, зачем он говорит на английском, и на автомате ответила:

– Sorry, I am so sorry... – и выскочила за дверь.

Она побежала по коридору и потом по лестнице наверх и сразу же оказалась на улице, во дворе старого низкого здания из красного кирпича.

Ольга в ужасе оглядывалась на чужие по архитектуре здания, глубоко заглатывая воздух и не в силах дышать. Кусок серого низкого неба давил сверху. Ольга почувствовала, что все, что она сейчас хочет, – это снова упасть в обморок и очнуться где-то в привычном месте. Но нет. Сейчас паника захватила всецело, сдавило горло, надавила на грудь, отупляет мозг. Ольга продолжала судорожно глотать воздух, но дыхание становилось все более частым и истеричным.

– Леди, с Вами все в порядке? – услышала Ольга голос за спиной.

Она оглянулась на милую старушку в твидовом костюме и аккуратной прической седых волос.

– Нет, – ответила Ольга, вскользь отметив про себя, что вопрос был задан на английском, так же как она и ответила машинально.

– О, милая! Могу я чем-то помочь Вам? – спросила старушка с милой полуулыбкой.

– Где... Где я? – еле выдавила из себя Ольга.

Дама внимательно посмотрела на Ольгу, чуть нахмутив светлые брови.

– Должно быть, с Вами случилась какая-то неприятность. Хотите, я отведу Вас к врачу?

– Нет! – вдруг воскликнула Ольга. – Нет! Мне надо ехать! Срочно! Только... Только я не знаю куда... Нет, я знаю куда, точнее, узнаю, если узнаю, где я сейчас... – Она умоляюще посмотрела на милую леди.

– Вы, дорогая, в Хетфорде, около городского морга, – продолжая внимательно рассматривать Ольгу, объяснила старушка.

– Хетфорд? Хетфорд? – судорожно начала вспоминать Ольга. Здесь школа есть, да? Я летом там была! Хейлибери! Милая дама медленно кивнула головой.

– Это Англия? Да? – Ольга вдруг перестала задыхаться и почувствовала, что находит опору в сознании.

– А зачем я здесь? – продолжила вслух на русском.

– Дорогая! Вы, должно быть, иностранная студентка и заблудились? – предположила пожилая леди и облегченно вздохнула, найдя для себя объяснение поведению странной девушки.

– Да, да! Спасибо! – почти радостно воскликнула Ольга.

Она еще не совсем понимала, зачем она в Англии, но это давало надежду на то, что есть путь, есть куда идти. А зачем – это она еще успеет подумать.

– Простите, а не могли бы Вы подсказать, где станция? Я немного заблудилась и отстала от группы своих друзей, они были здесь... на практике! – выкрутилась Ольга.

Брови старушки поползли еще выше от такого заявления Ольги, но, судя по всему, она уже жалела, что подошла к этой странной иностранке, и хотела побыстрее закончить сомнительную историю. Дама подробно объяснила Ольге, как пройти к станции, не предлагая уже помощи, и, пожелав удачи, быстро засеменила прочь от нее.

Ольга быстро побежала по направлению, указанному милой леди, вспоминая то лето, когда она приезжала в летнюю школу для изучения английского языка. Эти воспоминания отвлекли ее ненадолго от главной темы – как она попала сюда и зачем.

Подойдя к кассе, Ольга похвалила себя за привычку везде носить с собой маленькую сумочку-кошелек, где есть кредитки и российский паспорт.

– Паспорт! – воскликнула Ольга.

Кассирша удивленно посмотрела на девушку:

– Нет, мне нужен только Ваш студенческий для скидки.

– А-а-а, нет, спасибо, я не взяла с собой, – пробубнила

Ольга и быстро отошла от кассы.

«Марь Санна сказала, что я, то есть не Я как Я, а та, что похожа на меня, в зеленом платье, искала загранпаспорт! А когда Марь Санна спросила ее, зачем он ей, мне... нужен... она, то есть я, тьфу, запуталась, что в Лондон... куда? В Лон-

дон! А куда же еще! Где все наши! – ответила я в зеленом платье...» – вспоминала Ольга, сидя в вагоне метро, что вез ее в центр Лондона.

– А как же я ее искать там буду? А где мне жить? Кредитка-то есть, но без паспорта меня в гостиницу не пустят. Можно позвонить маме, наверняка есть друзья в Лондоне, но представляю, как она отреагирует, если узнает, что я внезапно уехала в тот момент, когда папа в коме... Нет, не годится, – продолжала размышлять девушка, рассеянно разглядывая мирный пейзаж за окном поезда.

Уже подъезжая к Кинг-Кроссу, она знала, кому надо звонить. Она была убеждена, что это единственный человек, который может ей помочь, и самое главное, хочет ей помочь, просто она, Ольга, не давала ему шанса это сделать.

– Алло, Олег! – смущенно начала она.

– Оля? Ты где? – воскликнул Олег в телефон. – Я же ищу тебя!

– Ищешь меня? Зачем? – удивилась она.

– Оля, я не могу так уехать... Мы так плохо расстались, не поговорили... – начал оправдываться Олег. – Я хотел тебе много сказать, объяснить, но ты была такая странная последний день, нет, весь последний год! Я все никак слова не мог найти, а когда хотел поговорить, ты то убегала, то просто не хотела говорить...

– Я... я не знаю, что сказать, – Ольга почувствовала, что слезы стекают с ее лица, и в кафе, куда она зашла, чтобы вы-

пить кофе и сделать звонок, англичане отводят от нее глаза, смущенные публичным проявлением чувств.

Ольга виновато посмотрела вокруг, низко наклонила голову, спрятавшись под распущенными волосами.

– Я звонил тебе весь день и сегодня, но уже поздно...

– Почему поздно? – тихо произнесла Ольга.

– Я не мог поговорить с тобой и решил все-таки уехать...

Я сейчас уже в самолете... Прости, Ольга.

– Я ничего не понимаю, – продолжала всхлипывать Ольга.

– Мне пришел офер. Я сдал экзамены, и меня берет университет в Лондоне. Я сегодня еду на собеседование, и, если все пройдет успешно, я уеду в этом году в Лондон учиться...

Прости, что ты узнаешь только сейчас об этом и мы нормально не простились.

– Я не понимаю, ты что, прямо сейчас в Лондон летишь? – перестала плакать Ольга.

– Да, – тихо произнес Олег.

– Да!!! – закричала Ольга, окончательно смутив англичан. – Да! Я тебя встречу в Хитроу.

– Где?

– Рейс напиши! Ура! Олежек! Я люблю тебя!

– Ты что меня? – прошептал Олег, и Ольгин телефон перестал работать, кончилась зарядка.

Остаток времени до приезда Олега Ольга решила провести с пользой и прошлась по магазинам, где накупила массу нужных вещей: зарядку для телефона, белье, пару фут-

болок, джинсы и косметику. Потом зашла в милое кафе на Слоун-стрит, чтобы выпить кофе и зарядить телефон, и тут почувствовала зверский голод. В то время пока она заказывала еду, глаза у парня-официанта становились все шире и шире, но со свойственной англичанам выдержкой он только поинтересовался, одна ли леди будет иметь ланч. Ольга рассмееалась и пошутила, что обычно она ест больше, но сегодня на диете, поэтому ограничится только этим скромным заказом.

По мере поглощения пищи настроение у Ольги становилось все лучше и лучше. Она думала о встрече с Олегом: надо зайти в туалет, переодеться в новую одежду и немного накраситься. Она почти и забыла, каким странным образом оказалась в Лондоне. Любимый всеми русскими город, свободный, энергичный и увлекающий своей силой, заставил Ольгу забыть обо всем. Сытая и счастливая, она смотрела сквозь окно на идущих по улице людей, улыбалась, как Чеширский Кот, и мечтала, как хорошо гулять с Олегом по этим улицам, держаться за руки и болтать всякую чушь. Но тут проезжавший мимо двухэтажный автобус, вернее, его изображение, заставило Ольгу очнуться. И даже повергло в шок. На автобусе была изображена пара, парень и девушка. Они стояли спиной к публике, и лица парня не было видно. Он держал девушку ниже талии, почти на попе, а девушка оглядывалась на зрителей, подмигивала, держа указательный палец у рта, мол, тише, никому не говори. Надпись под

фото гласила: “WELL! Your father won't find you here” (Замечательно! здесь отец тебя не найдет). Ольга сразу узнала девушку – это была та, что осталась с Альбертом, та, в зеленом платье! И ее же Ольга видела, когда медитировала с Надией!

– Боже! Это же я! – воскликнула она по-русски.

Несколько человек обернулось на нее, и одна девушка, посмотрев на Ольгу и на автобус, ойкнула:

– Ой! Это и вправду ты? Мамочки мои родные! Ты на рекламе Ада! Ой! Ну и круто!

Девушка повернулась к сидящему около нее парню и быстро начала объяснять:

– Фарид! Эта девушка на рекламе Ада! Представляешь! Я так мечтаю туда попасть, но туда просто так, с улицы не придешь, а у меня, представляешь, при таких знакомых никто не хочет быть поручителем... – и она капризно надула пухлые прокачанные губки.

Потом хитро оглянулась на Ольгу, подхватила свой Биркин и, ничего не объясняя своему спутнику, ринулась к столику, где сидела Ольга, шлепнулась напротив изумленной девушки, откинула назад светлые волосы, протянула Ольге руку, звякнув множеством золотых браслетов:

– Кира! А тебя как зовут?

– Оля... – еле слышно произнесла девушка, схватив стакан с водой, она жадно выпила его и повторила: – Оля.

– Оленька, а ты здесь живешь или так, на учебе? – набро-

силась пиранья Кира.

– Я? – изумленно переспросила Ольга.

В глазах ее появились такие страх и отчаяние, что Кира почувствовала себя неуютно, хотя, по всей видимости, эту девушку мало чем можно было смутить.

– Я? Я не знаю... нет, я здесь к друзьям приехала.

– А это ты на рекламе? – наступала Кира.

– Я... не знаю, нет, вроде я...

– Ой, я так и знала! А ты и Альберта знаешь? Да?

– Альберта? Какого Альберта?

– Ну, Альберта! Хозяина АДА! – Кира явно начинала терять терпение, объясняя этой малявке такие очевидные вещи.

– Ада? Почему Ада? Там же написано WELL?

– Ну что ты, девочка! Это же так написано! А все знают, что это АД, да, как его клуб в Москве!

– Да. Я была там! – вспомнила Ольга.

– Ты в московском «АДУ» бываешь? – завизжала Кира. – Ну ты даешь! По тебе и не скажешь. Так ты Альберта знаешь? Или Серого?

– Я знаю Альберта, Серого и... Альбину! И я здесь из-за них! – наконец вышла из ступора Ольга, быстро бросила на стол деньги, схватила телефон, зарядку и сумку с вещами и выскочила на улицу. Пока она ловила такси, чтобы доехать до аэропорта, еще несколько автобусов с ее изображениями проехали мимо. Ольга сфотографировала одно и, пока еха-

ла встречать Олега, рассматривала фото на телефоне и размышляла.

Самолет Олега приземлился вовремя. Всмотриваясь в лица людей, выходящих из зала прилета, Ольга поймала себя на мысли, что та радость, которую она испытывала от ожидания встречи с Олегом, сменилась на растерянность и даже страх.

«Что же я ему скажу? Как мне объяснить ему свою телепортацию и эту странную рекламу с моим фото на автобусе? Врать я не хочу...»

Но, когда Ольга, наконец, увидела Олега, такого родного и надежного, она просто подлетела к нему, бросилась на шею и разревелась.

Они молча ехали в такси, и Олег только держал Ольгу за руку и иногда украдкой бросал на нее обеспокоенный взгляд. А Ольга, наоборот, успокоилась, прижавшись к парню. Когда они подъехали к красивым белым домам, стоявшим стеной на тихой ухоженной улице, Ольга осознала, что Олег не задал ни одного вопроса о том, где она остановилась, что здесь делает.

Он молча взял ее сумку, открыл тяжелую дверь из темного дуба и прошел в красивые апартаменты. Навстречу им выскочила бойкая женщина в переднике, чем-то похожая на Марь Санну, и, вытирая на ходу руки о белоснежное полотенце, с улыбкой на лице приветствовала ребят.

– О, мистер Олег! Добро пожаловать! Как добрались? – она мельком взглянула на Ольгу, сохраняя невозмутимость

и приветливость. – Боюсь, что я была невнимательна, когда Вы говорили, что будете с друзьями, но я мигом исправлю свою оплошность и постелю девушке в гостевой комнате.

Ольга смутилась и попыталась сказать, что она ненадолго и у нее есть номер в гостинице. Но Олег опередил ее:

– Спасибо, Розы, познакомься, это Ольга – моя одноклассница и подруга. Ольга, это Розы – хранительница нашего лондонского очага.

Обменявшись дежурными любезностями и краткими новостями о родителях Олега, Розы быстро убежала готовить комнату для Ольги. Девушка была немного смущена случившимся и не знала, как себя вести, но Олег так естественно и непринужденно себя вел, показывая дом, рассказывая о каких-то незначительных и забавных вещах, что Ольга, наконец, почувствовала себя спокойно и расслабленно. Они прошли на кухню и обрадовались еще теплому пудингу с мясом и яйцами, салату, только что приготовленными заботливой Розы. Они сели на кухне, продолжая болтать о пустяках, вспоминая смешные случаи из школы, но, когда Розы ушла, вдруг настала напряженная пауза, и говорить вдруг стало не о чем. Нет, конечно же, тема была, но Ольга все никак не решалась начать. Когда они закончили ужинать, вместе убрали со стола посуду, Олег заварил чай в большие чашки:

– Пойдем, попьем чай во дворе, – пригласил он.

Они вышли в небольшой, типично английский сад, где стоял уютный шезлонг. Олег пригласил Ольгу сесть, забот-

ливо укрыв ее пледом, дал чашку с чаем. И сам сел рядом. Ольга чувствовала напряжение во всем теле, голова невыносимо заболела, ей хотелось вскочить и бежать, не оглядываясь, изо всех сил. От этого уютного и теплого дома, из любимого города, от Олега, но истина была в том, что она хотела бежать от себя.

Они сидели под лондонским небом, темным и звездным, таким оно бывает только за городом. И молча пили чай...

– И? – нарушил молчание Олег.

– Что? – с деланной непринужденностью слишком бодро и громко спросила Ольга.

– Когда начнешь говорить?

Ольга опустила голову вниз, сильнее закуталась в плед, и, когда, наконец, заговорила, голос ее был тихий и дрожал:

– Я боюсь...

– Чего, кого? – спокойно и тихо спросил Олег.

– Всего и всех, нет, конечно, не всех... Но я боюсь тени, Альберта и себя, вернее, ту, что похожа на меня, я боюсь тех, кого вижу только я, и я... боюсь за папу...

Она заплакала и прижалась к Олегу. Олег обнял Ольгу и погладил по голове, как маленького ребенка, потом отстранил ее от себя, посмотрел в глаза и сказал:

– Я пойду, сделаю еще чаю нам, а когда приду, ты спокойно, последовательно расскажешь мне все. Подробно, ничего не скрывая. Хорошо? Без слез и эмоций, просто начнешь рассказывать.

– А с чего начать? – уже вдогонку уходящему на кухню Олегу спросила Ольга.

– С чего? – Олег развернулся на месте, подумал немного и сказал: – Ну, начни с медведя.

– Медведя? Какого медведя? – удивилась Ольга.

– Медведя, которого я хотел подарить тебе после Нового года, а ты убежала, потом заболела и после этого избегала меня...

Ольга почувствовала, что краснеет, но, когда Олег вернулся, она начала свой рассказ с того злополучного дня.

Сколько она говорила, Ольга не заметила. Когда она дошла до последних событий, до того момента, при каких обстоятельствах оказалась в Лондоне, о разговоре в кафе с Кирой, о фото на автобусе, был уже рассвет.

– Это все, – устало проговорила Ольга.

– Ну что, – Олег встал, потянулся, и бодрым голосом приказал: – Давай топай в свою комнату, заваливайся спать! Завтра все решим.

Ольга, обомлев, посмотрела на Олега. Она ожидала других эмоций на свой рассказ, можно подумать, что она рассказала, как съездила на лыжах в горы, а не все эти ужасные сумасшедшие и страшные вещи! Она даже обиделась на него! Но, гордо подняв голову, прошла в приготовленную для нее комнату, и, когда увидела расстеленную уютную постель, упала в нее и моментально заснула.

***

Ольга резко открыла глаза и почувствовала панику. Ее опять окружала крошечная тьма, в которой незримые тени и сущности зловеще кружили вокруг нее. Ольга закрыла лицо руками, судорожно стараясь вспомнить, где она, но перед глазами всплывали только обрывки воспоминаний: она дома, и мерзкая тварь бьется в окно; она в больнице у отца, и он вдруг говорит чужим голосом; она в морге, и мертвец хватает ее за руку. Ей казалось сейчас, что она находится в абсолютной пустоте, нет земли, нет никого, есть просто бесконечная пустота, наполненная страхами, ужасом, неизвестностью и одиночеством.

Ольга осознала, что ей необходимо вырваться из этой пустоты, ее мозг судорожно искал спасение, малейшую зацепку, что вытащит ее из вакуума сознания, и она закричала. Сначала ее крик был похож на стон, слабый стон больного или смертельно напуганного и подавленного человека, но чем громче она старалась кричать, чем глубже становился ее крик, тем яснее становились ее воспоминания.

– АААААЛЕГ! – вдруг вырвалось из девушки, страх и одиночество вмиг лопнули, как мыльный пузырь. И за миг до того, как Олег ворвался в комнату Ольги и включил свет, она все вспомнила.

– Оля, милая, что случилось? – парень бросился к Ольге и обнял ее.

Ольга улыбнулась, уткнувшись в плечо друга, почувствовав покой и защиту в его объятиях.

– Прости, Олег, просто ужасный сон, и, когда проснулась в полной темноте, не сразу поняла, где я.

– Да, в комнате очень плотные шторы, и, конечно же, ты не помнишь, где включается свет. Да и проспала ты, дорогая, до сумерек. Уже восьмой час вечера.

– Восьмой час! – воскликнула Ольга, но на самом деле она улыбнулась про себя тому новому и прекрасному чувству, когда по телу разлилось тепло от слова «дорогая».

Олег подошел к окну и отодвинул тяжелые портьеры. опускались сумерки, которые походили на рассвет, когда Ольга ушла спать.

– И что мы будем делать? – спросила Ольга.

Она вдруг поймала себя на мысли, что испытывает некоторое смущение, словно вчера произошло что-то такое, к чему она не совсем была готова, или словно она сказала или сделала то, что тщательно скрывала от других.

«Ах да! Я же рассказала вчера Олегу ВСЕ-ВСЕ! Боже, как же мне стыдно! Что он обо мне думает? Наверное, решил, что я шизофреничка, и поэтому разговаривает со мной так ласково, как с буйными сумасшедшими».

– Олег, – смущенно начала Ольга, – я... я вчера тебе разного понарасказывала, ты, наверное, решил, что я сумасшедшая, но...

Но Олег не дал ей закончить. Он взял Ольгино лицо в ладони, приподнял его и посмотрел в ее глаза серьезно и нежно:

– Я знаю, все, что ты рассказала, – это правда. Она странная, страшная, трудно объяснимая, но это правда! Мне жаль, что ты раньше не доверилась мне, но сейчас это не важно. Помни, я с тобой, я все понимаю, а что не понимаю, просто доверяю тебе.

Ольга смотрела в глаза Олегу и еле сдерживала слезы:

– Спасибо, Олег, прости меня, что я втянула тебя в эту историю, но...

Олег отдернул руки от лица Ольги и с отчаянием воскликнул:

– Почему ты говоришь, что «втянула»? Неужели ты не понимаешь, что с самого начала в этой истории, как ты называешь, мы вместе?! Все, что происходит с тобой, касается и меня, но ты всегда ускользаешь, не хочешь признать очевидного, что это наша история, и все, что происходит с тобой, касается и меня, все, что происходит со мной, – это часть тебя!

Ольга села на кровать. Она вдруг почувствовала себя уставшей, опустошенной и одинокой.

Олег стоял у окна и молчал. Ольга боялась прервать это молчание, она просто не знала, что делать и что говорить. Апатия, безысходность и слабость лишили ее воли и сил.

– Ладно, собирайся, – прервал молчание Олег.

– Куда? – устало и еле слышно проговорила Ольга.

Все, что она хотела, – это свернуться комочком под одеялом и спать. И чтобы ни тени, ни люди не тревожили ее во

веки веков.

– Надо идти в «АД».

– Куда? – спросила она, но уже с другой интонацией.

Она и на самом деле удивилась.

– WELL, или, как все называют клубы Альберта в Москве и Лондоне, «АД».

– А как мы туда пройдем? Насколько я поняла, это абсолютно закрытые места, туда без рекомендации не попасть!

– Как-нибудь прорвемся! – воскликнул Олег, явно испытывая облегчение от того, что можно закончить сложный разговор.

Они поужинали дома, разговаривая исключительно о планах на вечер и не касаясь личных тем.

– Итак, – подытожил Олег, – нам надо прийти в «АД» сегодня ночью, я думаю, часа через три тронемся. А там... Я даже не знаю, что мы ищем.

Олег вопросительно взглянул на Ольгу:

– Ты понимаешь, что хочешь узнать?

Ольга не ответила сразу, она подошла к окну, и долго смотрела, как темнота опускается на город, и подумала о том, что эта темнота опускается и на ее душу.

– Я... я... – с трудом начала Ольга, – я хочу увидеть эту девушку...

– Девушку? – удивился Олег. – Почему?

– Я чувствую, что только она сможет ответить мне на вопрос, что со мной произошло. Почему она с Альбертом, по-

чему она похожа на меня, и почему, после того как я ее встретила, со мной произошло что-то плохое.

Олег внимательно слушал Ольгу, и, когда она закончила, с деланной веселостью шлепнул по столу открытой ладонью, энергично вышел из-за стола и весело скомандовал:

– Давай, наряжайся, пойдем клубиться!

Ольга медленно поднялась и молча пошла в свою комнату. Олег в это время сидел в Интернете и делал какие-то записи. Спустя около часа она вышла из комнаты:

– Я готова. Может, погуляем немного вдоль Темзы? Еще рано ведь в клуб?

Олег удивленно осматривал Ольгу с ног до головы, а та смущенно поправила убранные в хвост волосы, одергивая футболку.

– Оль, ты меня, конечно, прости, ты мне нравишься в любом наряде, но, боюсь, сегодня фейс-контроль ты не пройдешь. У тебя есть платье и обувь, кроме кроссовок?

– Нет, у меня пара джинсов, футболки и тапочки...

– Э, ну тогда, если мы поторопимся, может, успеем в Селфридж или Хародс, купим платье и туфли, – Олег подскочил с кресла и уже направился к двери, не оглядываясь на Ольгу.

– Олег, стой, – окликнула его девушка.

Олег резко повернулся к Ольге и удивленно развел руками:

– Оль, давай быстрее, надо торопиться, сейчас возьмем такси и поедем тебе платье искать!

– Не надо ничего искать, – тихо проговорила Ольга.

– Что? Почему? Тебя же не пустят в клуб! Оль, ну пожалуйста! Не будь такой упрямой! Ну почему ты так делаешь? И потом... Мне нравится, когда ты одеваешься по-другому... Ну, как тогда, в московском «АДУ» ты переделалась в такое шикарное зеленое платье и туфли на каблуках... Это было что-то!

Ольга удивленно посмотрела на Олега и почувствовала, что краснеет. Она резко отвернулась от парня.

– Я не буду переодеваться, и меня пустят, даже не остановят! – решительно сказала она.

– Да?! – вопросительно поднял бровь Олег, но дальше спорить не стал: – Как знаешь...

Они решили выйти на улицу и пройтись пешком по улицам Лондона. Респектабельное место, где находился дом Олега, в этот час было тихим и спокойным, только иногда это нарушалось шумом мотора и шуршанием шин по брусчатке дорогих машин, но, дойдя до центральных улиц, ребята погрузились в шумную и пьяную толпу.

Была пятница, и казалось, что все взрослое население британской столицы, от 18 до 70, сидит в пабах, большими компаниями стоит и курит перед входами в кафе, бары и рестораны. Взрослые женщины на огромных каблуках, с голыми плечами, горячими телами и сверкающими глазами бегают из бара в бар, ловят такси, выбегая на середину дороги. Пьяные мужчины громко говорят, размахивают руками,

громко смеются и дружески хлопают друг друга по спине. И, несмотря на видимое сумасшествие, пьяный галдеж и возбуждение, Ольга поняла, что ей не страшно в этой толпе, что в ней достаточно безобидно и все подчинено просто радости окончания недели, надеждам встреч с друзьями и просто возможности расслабиться. Она внимательно огляделась и заметила, что почти не видит черных теней-сущностей, которые постоянно находятся среди людей, особенно в опасных ситуациях. Только проходя мимо станции метро, она краем глаза заметила черные колючие сгустки плотной энергии над головами темнокожих подростков, которые нервно курили, сплевывали и шарили глазами по толпе людей, выходящих и входящих в метро. Ольга, вжав голову в плечи, схватила Олега за руку и потянула прочь от черноты, словно боясь, что сущности заметят ее и будут преследовать.

Ольга и Олег еще погуляли какое-то время, зашли в бар, выпили по легкому элю у стойки бара и, поймав такси, поехали к клубу. В такси они не разговаривали, Ольга смотрела на ночной город и еле сдерживала слезы – ей было страшно, очень страшно. Олег положил свою ладонь на руку Ольги и так и держал до момента, пока они не приехали.

– Мы приехали, с вас 38 фунтов, – нарушил молчание таксист.

Ольга вздрогнула от его голоса. Все это время она была погружена в свои мысли, и только где-то в подсознании отложилось, что поездка была очень длинной и они давно вы-

ехали из красивой, чистой центральной части города и долгое время пробирались по узким темным улицам.

– Простите, вы не ошиблись? Нам нужен клуб WELL.

– Я знаю, где находится этот чертов клуб! – резко ответил таксист, – сколько дур туда перевозил!

Олег и Ольга переглянулись, удивленные такой эмоциональностью британца.

– Я дальше не могу ехать, там тупик. Выходите здесь, поверните через 20 ярдов налево и идите по улице до конца. Там и будет ваше проклятое место. Не пойму только, вам, таким молодым, что надо, что вас так на гниль тянет? – продолжал ворчать таксист в то время, когда ребята поспешно выбирались из машины.

Они быстрым шагом дошли до угла улицы, повернули налево и увидели вдалеке странные огни, смех, визг. По мере приближения к огням ребята стали различать силуэты машин и людей. Машины были припаркованы как попало, плотно друг к другу, некоторые с включенными фарами, громкой музыкой и людьми внутри. Вдоль стены старого кирпичного здания группками и поодиночке стояли девушки и парни. Девушки, все как одна, на огромных каблуках и в блестящих коротких и очень открытых платьях, красивые и ухоженные как супермодели за кулисами показа Виктории Сикрет. Парни, не менее экстравагантной и блестящей внешности, стройные, в меру прокачанные с томным взглядом, старались, как заметила Ольга, не смешиваться с девушками

и другими ребятами, держались спокойно и казались очень сосредоточенными на своих мыслях.

– А сам клуб-то где? – удивился Олег. Ольга пробежала взглядом по темному фасаду здания – никаких блестящих вывесок с названием, никаких неоновых огней. Все выглядело как эпизод из какого-нибудь андеграундного фильма: заброшенная фабрика, вдоль покоцанной стены которой стоят красивые молодые парни и девушки.

В этот момент Ольга услышала нарастающий рев турбинного двигателя и только успела схватить Олега за руку и отскочить в сторону, прижавшись к противоположной от толпы стене. Роскошная, низкая и широкая спортивная машина резко затормозила рядом с ними, дверь медленно поползла вверх, и из салона так же лениво вывалился коротко стриженный парень в широких рэперских штанах и майке, обвешанный цепями и разукрашенный татуировками. Толпа на миг замерла, и только с придыханием произносимое из уст в уста имя полетело от начала толпы в ее конец:

– Джокер... Джокер... Джокер...

Девушки расправили плечи, встряхнули длинными локонами, отошли друг от друга, чтобы не затеряться рядом с соседкой и показать себя во всей красе. Парни, наоборот, приняли более расслабленные и равнодушные позы, но было видно, сколько сил и времени было потрачено, репетируя непринужденность.

Джокер лениво оглядел толпу и показал пальцем на высо-

кую худую блондинку и красивого парня с модной стрижкой. Девушка завизжала и запрыгала на месте, а парень медленно, с трудом сохраняя равнодушную мину на капризном лице, отделился от стены и не спеша направился к рэперу. Девушка рванула с места, словно боясь, что про нее забудут, ловко перепрыгивая через подножки своих еще не давних подруг. Вслед ей полетели злобное шипение и грязные оскорбления, но везучая красотка не обращала на них никакого внимания.

Она подлетела к Джокеру и с торжественным выражением лица встала рядом с ним, как минимум на две головы выше его. Позади них пристроился и выбранный красавчик. Он явно хотел обратиться со словами благодарности к рэперу, но тот, даже не глядя на него, пренебрежительно буркнул что-то через плечо, отчего красавчик покраснел и опустил глаза.

Тут только Ольга рассмотрела дверь, перед которой и стояли эти трое. Над неприметным входом горел красный огонек видеокамеры, в чей глаз смиренно и смотрели рэпер и его гости. Через минуты две дверь открылась, и они ввалились в темноту заветного клуба.

Ольга потянула Олега за руку по направлению к клубу.

– Ты куда? – удивился Олег.

– Пойдем! Там вход в WELL! Они нас увидят в камеру и пустят!

– Ты уверена? – засомневался Олег, но Ольга не дала ему время на раздумье и, расталкивая толпу девушек, ря-

дом с которыми она почувствовала себя лилипуткой, решительно направилась к заветному для тех входу. Толпа красок, удивленных таким зрелищем, покорно расступалась перед ребятами, словно они увидели сказочных гномиков у себя под ногами, и, когда Олег и Ольга очутились под камерой, толпа наконец оживилась, и в сторону ребят полетели насмешки и улюлюканья:

– Эй, детки! Здесь Санта не живет! Вы ошиблись адресом!

– Обкурившаяся молодежь! Хоть бы причесались, перед тем как из дома выйти!

Ольга, решительная и спокойная, стояла перед дверью, но, когда время ожидания явно превысило предполагаемое, а насмешки становились язвительнее и громче, она только крепче сжала руку Олега и еле слышно, не поворачивая к нему голову, одними губами произнесла:

– Стой спокойно! Они сейчас откроют! Обязательно откроют! Они ждали меня! Может, не так скоро, но я им нужна, и они меня впустят!

– Но меня не ждали! – опустив низко голову и отворачиваясь от толпы, зашептал Олег. – Я-то им не нужен. Блин, может, из-за меня тебя и не пускают! Но я тебя одну отпустить не могу!

И только он был готов увести Ольгу от двери и попробовать другой план, как дверь медленно открылась, и ребята с замиранием сердец ввалились в темноту. За спиной они только и успели услышать удивленный выдох толпы и почув-

ствовать волну ненависти к себе за то, что все-таки вошли в вожаемое место.

Когда глаза, наконец, привыкли к крошечной темноте, ребята различили силуэт огромного темнокожего парня, что все это время молча наблюдал за ними. И только Ольга собралась открыть рот, чтобы дать ему какое-нибудь объяснение, как охранник, сурово посмотрев на них, махнул головой, повернулся спиной и пошел по коридору. Ребята пожалы плечами и покорно последовали за ним.

Темный коридор стал шире, потом перешел в большой зал с танцполом и мягкими диванами, и, когда глаза совсем привыкли к темноте, Ольга обратила внимание, что убранство и декор этого клуба один в один похожи на московский «АД». Даже лица людей те же, что и на дне рождения у Альбины. Такие же полуголые официантки в белых париках в стиле мадам Помпадур, тот же модный московский диджей.

– Как будто бы и не уезжали из Москвы, – прошептала Ольга.

Она усмехнулась мысли, что и одета сегодня так же, как и в тот злополучный день: простые джинсы, белая футболка и лоферы.

– Точно, – подтвердил Олег, – не хотел бы я Альбину встретить.

И только он это произнес, следуя за огромным охранником, как заметил в толпе танцующих Альбину. Та, словно почувствовав Олега, подняла глаза, вздрогнула и тут же отвела

взгляд в сторону и даже развернулась всем телом от бывшего парня.

Олег нахмурился и удивился: не такой реакции он ждал от брошенной им истеричной девушки. Но вскоре выбросил это из головы, потому что, спускаясь вниз по винтовой лестнице, они были поражены увиденным. Круговая лестница проходила сквозь этаж, где было расположено настоящее казино, со столами и множеством людей, с одержимостью играющих в рулетку, блэкджек и даже в автоматы. Они ничего не замечали вокруг, только игра держала их сознание и имела смысл.

На следующем этаже были накрыты в изобилии столы со всевозможными деликатесами и алкоголем. Молодые люди, полулежа на лежанках в стиле римских патрициев, предавались чревоугодию и пьянству. Не менее мерзкая картина открылась еще ниже. Тут и там на диванах валялись парни и девушки, белый порошок был рассыпан по стеклянным низким столам, устойчивый запах марихуаны заставил закашляться Ольгу. И, когда они спустились еще ниже, она просто закрыла глаза и отвернулась от зала, предполагая, что может увидеть там. Ольга уткнулась в плечо Олегу и еще крепче схватилась двумя руками за него.

- Не открывай глаза, – тихо сказал Олег, – это мерзко.
- В московском «АДУ» тоже это все есть?
- Думаю, да. Альбина показывала мне казино и вроде намекала и на другие «удовольствия», но я дурака включил и

сделал вид, что не понял.

Наконец, ребята опустились на этаж, где было тихо и прохладно. Охранник открыл дверь комнаты, они вошли в кабинет, очень похожий на тот, в котором Ольга встретила Альберта.

– У меня дежавю, – тихо произнесла Ольга. – И я, кажется, очень боюсь, – еле слышно добавила она и вся сжалась, то ли от холода, то ли от страха.

Олег обнял Ольгу, погладил по голове и тихо, в самое ухо произнес:

– Не бойся! Я с тобой!

– Спасибо, теперь мне не так страшно, – улыбнулась Ольга и вдруг ясно осознала, что сейчас может произойти такое ужасное, и Олег не только не сможет ей помочь, а, скорее, ей придется спасать его.

Дверь тихо отворилась, и на пороге возник незнакомец. Он был высок, статен, с прямой спиной, красивое лицо обрамляли белые волосы, и возраст Ольга не смогла понять – лет, может, 50, может, больше (глаза придавали еще лет сто возрасту: холодные, равнодушные, они, словно ледяная бездна, увлекали за собой), но тело сильное и крепкое. Холеные руки с тонкими пальцами лежали на набалдашнике красивой трости, сделанной из странного материала – то ли старого дерева, то ли неизвестного металла. Одет он был в элегантный, безупречный костюм темного цвета, и на манжетах белоснежной рубашки поблескивали огромные брилли-

анты. Незнакомец холодно оглядел обнявшихся ребят, ухмыльнулся одной стороной рта, величественно прошел мимо них, опустил в глубокое низкое кресло, но сел так, словно он сидел на высоком троне. Ребята, как замороженные, не отрывали глаз от него, разомкнули объятия и покорно замерли напротив на неудобных стульях. Даже ладошки сложили на коленях, как послушные дошколята. Воцарилось долгое молчание, и только тиканье часов и дыхание ребят нарушало тишину.

«Он не дышит! – вдруг поняла Ольга, – не дышит! Я слышу свое дыхание, дыхание Олега, но у этого страшного человека ничего не колышется в теле, от него ничего не идет. Он и не мертвый, и не живой! Господи! Кто же это!»

В этот момент незнакомец, до сих пор внимательно наблюдающий за Ольгой, издал звук, отдаленно напоминающий глубокий вдох, и произнес таким глубоким и ледяным голосом, что Ольга почувствовала, как корни волос на голове ее зашевелились.

– Должен похвалить тебя, Ольга, – начал он, – ты оправдала мои надежды.

Ольга чуть не задала вопрос, какие, но тут же одернула себя: «Нет, я буду молчать до последнего, пока это возможно».

Она знала, как это может задеть человека, и, раздосадованный, тот начнет говорить все подряд и станет уязвимым.

И тут же Ольга усмехнулась про себя: «Человека, может, и выведет из себя моя тактика. Но это кто? Человек ди? Как

вообще его называть?»

– Умница, девочка! И здесь я тобой восхищаюсь. Можешь придумать мне имя сама, ты же уже догадываешься, кто я?

– Да, – тихо произнесла Ольга, и ей показалось, что начинает погружаться в предательский обморок, с такой силой она точно не готова была встретиться.

– Оль, – тихо дернул Ольгу за руку Олег. – Ты знаешь его?

– Да, и ты его знаешь.

– Я?

– Да! Его знают все, – Ольга набрала побольше воздуха в легкие и на одном дыхании громко произнесла: – Знают все! Под разными именами: дьявол, лукавый, сатанюка, иблис, князь тьмы, дух тьмы, падший ангел, враг рода человеческого, отец лжи, демиург, нечистый, мэфистофель, велиар, вельзевул, анчутка, чертяка, черная сила, черный, шишига, шайтан, враг окаянный, люцифер, черт, аггел, нечистая сила, нечистый дух, демон, бес.

На каждое произносимое, словно выплюнутое, Ольгой имя человек, сидящий напротив нее в кресле, брезгливо морщился и раздраженно стучал длинными пальцами по трости.

– Но это не имеет значения, как его зовут, главное — Это зло. Абсолютное зло.

– Он человек? – удивился Олег.

– Нет, он не человек! Он в образе человека, – устало объяснила Ольга и, подумав немного, тихо обратилась к себе-

седнику: – Вы что-то хотите от нас?

Мужчина радостно ударил тростью по полу:

– Ну умна! Ну молодец! Сразу к делу! Мне даже придумывать ничего не надо, чтобы приступить к главному вопросу и не испугать тебя!

Ольга устало взглянула на него и отвернулась.

– Мне от вас ничего не надо, – начал он.

Ольга удивленно подняла бровь, а тот продолжал:

– Вы как пара мне не интересны. Мне нужна только ты.

– Зачем? – не выдержала Ольга.

– Ну, это длинный разговор, я хотел бы его провести наедине.

– Отлично! – подскочила со своего места Ольга. – Отпустите Олега, и мы наговоримся всласть.

– Я не могу, – лениво произнес тот, что только похож на человека.

– Почему? – испугалась Ольга.

Сейчас больше всего на свете она хотела, чтобы Олег ушел из этого страшного места и никогда не вспоминал о нем.

Ее собеседник опять издал звук, похожий на вздох, и раздраженно произнес.

– Все, кто ко мне попадает, не уходят от меня! Я никого НИКОГДА НЕ ОТПУСКАЮ!

– Но он Вам не нужен! – продолжала бороться за Олега Ольга. – Отпустите его!

– Оля! Стой! – вмешался Олег.

Ольга и мужчина удивленно оглянулись на Олега, словно только что обнаружили его присутствие.

– Оля! Он же лукавит. Я им нужен. Ты же помнишь, в лагере сказали: я возглавлю страну. Ты думаешь, что меня просто так отпустили бы?

– Молодой человек, – поморщился мужчина, – Вы говорите полную чушь! Вы сами изменили свою судьбу, и президентом этой страны Вы уже не будете.

– Почему? – в два голоса воскликнули ребята.

– Как же Вы можете удивляться этому, молодой человек?! Вы же решили сейчас уехать из страны, получить образование в Лондоне, оставить Ольгу? И Вы думаете, что не поменяли судьбу? Конечно, уже все развивается по-другому: Вы станете президентом, но не страны, а компании, женитесь на другой женщине, которая ничего Вам не даст, кроме пустого банковского счета и презрения; будете бороться в оппозиции к властям своей бывшей родины, безрезультатно, громко и глупо, и потом Вас убьют, когда Вам не будет еще и 45. Вы свой выбор уже сделали, и мне, признаться, он нравится.

Неожиданно человек громко засмеялся смехом, от которого мурашки пробежали по спине.

– Хотел сказать «Выбор ваш по душе»! Друзья мои, это, право, смешно! Почему вы не смеетесь?!

Ольга и Олег сидели в шоке и от информации, и от шутки дьявола.

Мужчина, продолжая хохотать загробным смехом, громко

хлопнул в ладоши, и тут же дверь открылась, и темнокожий охранник бесшумно возник на пороге комнаты.

– Забери этого клоуна, – делая жест, словно вытирая несуществующие слезы с глаз, и продолжая смеяться, указал на Олега небрежным жестом.

Охранник подошел к Олегу, грубо поднял его со стула и толкнул по направлению к двери.

– Стойте! – Ольга в отчаянии не знала, что делать. – Стойте! Оставьте его! Я сделаю все, что Вы захотите!

Дьявол перестал смеяться и внимательно посмотрел на Ольгу:

– Этого я и ждал! Давай теперь к делу. Парня твоего все равно уведут. Не бойся, ничего ему не сделают, а нас от серьезного разговора он отвлекает!

Ольга устало упала на стул, с отчаянием провожая взглядом Олега. Дьявол молча наблюдал за Ольгой, и нарушил паузу тогда, когда она подняла на него глаза:

– Как же не люблю эти ваши сопли по поводу любви! Вы, люди, душу готовы отдать за другого, потом лет через пять к чертям его же посылаете! Сами не знаете, что хотите. Ну ладно, давай по существу поговорим, ты же знаешь, что мне надо от тебя?

Ольга только молча головой кивнула.

– И?

Ольга подняла глаза на собеседника:

– Почему я?

– А ты не знаешь? – удивился дьявол. – Ну, здесь я разочарован.

Он замолчал и задумался:

– Я вот тут подумал... Конечно, я мог бы тебе наврать с три короба – это мой стиль, но и правду не скажу... На самом деле половина твоей души у меня уже есть, и мне в коллекцию нужна другая ее часть. Просто согласишься, и ты останешься довольна.

– Нет! – решительно произнесла Ольга и встала со стула, позовите своего монстра, пусть ответит меня, куда угодно, но мой ответ: – Нет.

– Упрямая дура! – в ярости закричал дьявол! – Ладно! Иди, посиди и подумай немного! Скоро я вернусь и больше предлагать не буду! Просто сгною тебя здесь! В «АДУ»!

Тот же самый охранник грубо схватил Ольгу за плечи и толкнул в темное помещение.

Ольга услышала, как лязгнули за ее спиной металлические замки. Темнота была кромешной, и Ольга, как ни старалась крепко зажмуриться, чтобы глаза привыкли к ней, все равно не могла различить даже очертания чего-либо.

– Уроды, – выругалась она, вытягивая перед собой руки, чтобы хотя бы нащупать стены.

– Оля! Это ты?! – услышала она голос Олега.

– Олег! Ты здесь! – обрадовалась Ольга и пошла на голос друга. Но сразу же наткнулась на холодные железные прутья решетки. – Черт, я, кажется, в клетке!

– Я тоже в клетке, ничего не вижу, но успел все вокруг себя ощупать, – достаточно бодрым голосом начал делиться Олег. – У меня с одной стороны прутья и с трех – холодная стена. У одной стены есть вонючий матрас и что-то наподобие стула. И все!

– Интересно, у нас разные камеры? – ощупывая по периметру стены и решетку, поинтересовалась Ольга.

И некоторое время ребята были заняты тем, что выясняли свое местоположение относительно друг друга. По их наблюдениям, оказалось, что находятся они в разных камерах, и у Ольги имеется более удобный деревянный топчан, пусть и без матраса, зато и без запаха.

Ольга забралась на лежак, свернулась калачиком и погрузилась в тишину. Олег тоже ничего не говорил, но все же первым нарушил молчание.

– Оль, что он хотел от тебя? – осторожно начал Олег.

– Душу, – спокойно сказала Ольга, словно они обсуждали покупку хлеба.

– А-а-а, – только и ответил Олег, но через несколько минут не выдержал: – Оль, ты меня прости, я, может, и надоедаю тебе, но я каждый день с дьяволом не встречаюсь. Расскажешь мне подробнее, что все это значит? Я за короткое время здесь, в темноте, анализируя произошедшее, сделал вывод: или с ума я сошел, или кто-то наркотиками меня накачал. Сюр полный! Такого не бывает!

Ольга молчала, и Олег уже ничего не стал добавлять, он

просто сник и упал духом.

Вдруг Ольга прервала молчание:

– Мы встречаемся с ним все время, только не замечаем этого.

Олег вздрогнул и как-то равнодушно спросил:

– С кем?

– С дьяволом. Ты сказал, что каждый день не говоришь и не встречаешься с дьяволом. Это не так... Каждый из нас каждый день если не говорит, то сталкивается с ним... Когда лжет, кривит душой, проходит мимо чужой боли. Когда убивает любовь. Я не говорю даже о таких очевидных вещах, как убийство людей, животных, воровство и прелюбодеяние. Нет, в обычной жизни каждый из нас маленькими поступками поддерживает его!

– Оля! О чем ты! Мы же обычные люди! Ничего плохого не делаем!

Ольга хотела было что-то добавить, но в этот момент раздался звук открывающихся замков, и в помещении резко зажегся свет. Он не был ярким, но для глаз ребят и этого было достаточно, чтобы на миг зажмуриться.

Ольга открыла глаза и не сразу поняла, где она. Реальность была еще неприятнее, чем рисовало ее воображение в темноте. Комната была просто омерзительной. Темные грязные стены и низкий потолок впитали многовековую боль и страдание. Ольга и Олег сидели в клетках, расположенных друг напротив друга, и между ними был достаточно широ-

кий коридор. Тусклая лампочка горела только в этом проходе, и Ольга не сразу смогла различить выражение лица Олега.

– Олег, – тихо позвала она. – Олег!

Он не откликнулся, словно замороженный, смотрел на что-то, расположенное в стороне от камеры Ольги, и она, наконец, смогла увидеть его глаза, полные ужаса и шока.

– Что там? Олег! Очнись!

Олег вздрогнул, медленно перевел взгляд на Ольгу, потом снова в сторону и ответил:

– Ты...

– Я?!

– Да, дорогая, ты и я, – услышала Ольга свой голос, но с незнакомой интонацией.

Она оглянулась и увидела, как из-за угла колонны выходит девушка. Высокая, очень красивая, вернее, эффектная. Длинные темные волосы тяжелыми кудрями спускались вдоль голых плеч, яркая косметика подчеркивала огромные глаза и чувственный рот. Короткое блестящее платье не скрывало длинных стройных ног. Девушка с усмешкой смотрела то на Олега, то на Ольгу, довольная производимым на них впечатлением. Она остановилась между клетками ребят, и Ольга увидела, что выше девушка только благодаря высоким каблукам красивых туфель с красной подошвой.

– Привет! – весело подмигнула она Олегу. – Не узнаешь?

– Оля? Кто это? Твоя сестра? – наконец смог вымолвить парень.

– Нет, – с раздражением ответила Ольга, и ей показалось, что больше дьявола она ненавидит только эту девушку.

– Ты не узнал меня, милый? – проворковала та, и, не отрывая влажный взгляд от Олега, приказала в сторону: – Дай ключи от его камеры!

– Но, любимая! – раздался голос, и ребята, наконец, обратили внимание, что, помимо девушки, в подzemелье был и парень.

И, когда тот отошел от стены, они узнали в нем Альберта.

– И ты здесь! – воскликнул Олег. – Ну конечно же, как же без тебя!

– Ну, ну, не кипятись, – промяукала девушка, взяла ключи, подошла к решетке Олега.

И, прежде чем открыть его камеру, повернулась лицом к Ольге, с ненавистью следящей за ее движениями:

– Я ждала тебя, дорогая. Ты умная девочка и знаешь, что мы все хотим. Давай, присоединяйся к нам.

– Иди ты к черту!

Девушка откинула голову назад и засмеялась звонким смехом:

– Насмешила как! Мы и так уже здесь!

– Оля! Ну кто это! Ответь мне! – Олег умоляюще смотрел на Ольгу.

Но та продолжала молчать.

– Ну? Кто ты? Скажешь ему? – через плечо небрежно бросила Ольге девушка.

Альберт, замерев, наблюдал за девушкой, и тут Ольга с удивлением заметила в его мертвых глазах блеск и боль.

– Нет. Просто так она не сдастся, я же ее знаю. Придется идти другим путем, – девушка вошла в камеру к Олегу и подошла очень близко к нему. На каблуках она была почти одного роста с ним. Подошла вплотную и смотрела, не отрываясь, в его глаза. С изумлением Олег произнес:

– Оля, это же ты!

Ольга отвернулась от Олега и только отрицательно покачала головой.

– Ну что же такая упрямая! – воскликнула девушка и вдруг взяла Олега двумя руками за голову и поцеловала долгим и нежным поцелуем. Когда же он отпрянул от нее, в глазах его были и изумление, и радость, и страх.

Ольга отвернулась, спряталась вглубь своей камеры, села на грязный топчан и, обняв себя за плечи, прикрыла веки.

– Оля! Оля! Что же ты делаешь? – услышала она голос Альберта.

Она открыла глаза и увидела, что он обращается не к ней, а к девушке!

– Отстань, Альберт, – брезгливо дернув плечами и не поворачивая головы, ответила другая Ольга. – Ты-то знаешь, для чего я это делаю. Не будь ревнивым простачком! И, как говорит наш наставник, в достижении цели все средства хороши.

– Оля! Оля! Ты должна что-то сделать! – позвал Олег.

Ольга не откликнулась и продолжала молча наблюдать за всеми.

– Ничего она не скажет, дурачок! – усмехнулась девушка в блестящем платье.

Тут Альберт сорвался с места и вмиг оказался перед Ольгиной камерой:

– Оля! Оля! Послушай меня! Ну что ты упрямишься?! Посмотри же правде в глаза: одна твоя половина уже принадлежит ему! Ты же сама это сделала! Посмотри, какой ты можешь быть красивой, нет, роскошной! Олег хочет видеть тебя такой же! И я! Я люблю тебя! Пойдем с нами! Весь мир будет у твоих ног! Просто сделай правильный выбор!

Олег и Ольга, другая, наблюдали за ними из своей камеры, держась за руки. Ольга со слезами на глазах посмотрела в глаза Олегу и ответила Альберту:

– Я не сделаю этого, и тебе придется нас обоих убить.

– Дьявол! – Альберт ударил кулаком по решетке. – Ты же знаешь, что я не хочу этого делать! Если ты умрешь – умрет и она!

– Моя душа принадлежит только Богу, и только ему! – тихо ответила Ольга.

– Что? – удивился Альберт и переспросил тут же: – Что ты сказала? Нет, Оля, ты слышала этот бред!

Рассмеялся Альберт и обернулся на Ольгу, стоящую с Олегом:

– Ты слышала этот бред?

– Где ты видела Бога! Ты сегодня видела дьявола в его истинном обличье! Но ты не видела Бога! И, хоть оборись сейчас, он не придет! Я буду медленно тебя убивать! Ты будешь бороться за свою долбанную часть души – он к тебе не придет! – яростно делая ударение на каждом слове, орал Альберт.

– Бог есть, – тихо произнесла Ольга.

Встала. Подошла к решетке. И, не отрываясь от глаз Альберта, сказала:

– Бог есть. Он во мне. В Олеге. В каждом существе на земле. Он в движении мысли, песне. Любви матери. Руке помощи. Дьявол думает, что он – противоположность Бога, но это смешно! Бог всегда и везде! Он есть и в тебе, несчастный Альберт, и есть малая толика даже в дьяволе. Люди, забывая о Боге в своей душе, видят только проявления дьявола. Они очень видимые, простые и грубые. Их можно потрогать руками, их бояться. Люди верят чудесам и не видят божественного в каждом моменте жизни, ее дыхании. Зло – грубо и просто в исполнении, божественное – тихое и прощающее...

– О чем ты?! – растерянно и зло заорал Альберт. – Ты же видела дьявола! Он всемогущ! Он может растереть тебя в порошок в один миг! Он может превратить в пепел тебя и твой дом! Твой мир!

– Нет, не может! – засмеялась Ольга! – Силенки не те! Его надо постоянно питать человеческими пороками, без них он слаб, и зла люди делают много, поддерживая его. Но

божественная сущность человека сильнее. И каждый день мы стоим перед выбором добро – зло. И сейчас я должна сделать то единственное, что могу сделать, чтобы спасти мою душу от дьявола, несмотря на то, что часть он и забрал.

Ольга закрыла глаза и стояла молча несколько минут. Альберт, Олег и другая Ольга, как замороженные, смотрели на нее, боясь пошевелиться. Ольга открыла глаза и пошла сквозь решетку свою, через коридор и решетку Олега, словно ее и не было вовсе. Она подошла к девушке, что так была похожа, но так не похожа на нее, взяла ее за руки, посмотрела в глаза:

– Я – это ты, ты – это я. Я признаю это сейчас! Я не любила тебя, я боялась тебя все это время, поэтому и зло проникло в меня. Я не знаю, зачем я и ты ему нужны, надеюсь понять это позже. Но сейчас я осознала, что, не признавая себя, я разрушила душу, усугубила зло в себе. Только наш выбор либо продвигает нас к дьяволу, либо приближает к божественному. Я люблю себя такой, какая я есть, я признаю и вижу в себе слабости и недостатки. Я вижу и люблю в себе силу, красоту и особенность. Я сильная, когда цельная.

Ольга обняла девушку, и на лицах обеих было одно выражение лица: облегчения, радости и счастья.

В этот момент раздался страшный удар, стены затряслись, вихрь горячего потока воздуха ворвался в камеру. Олег на миг зажмурился, и когда открыл глаза, то в его камере была только одна девушка – в джинсах и белой футболке, которая

без сознания лежала на полу. А около колонны стоял дьявол, в ярости раздувая ноздри. И облик его постепенно менялся: из красивого взрослого человека он медленно превращался в огромное безобразное чудовище.

Олег отметил про себя, что люди на протяжении всех веков достаточно точно изображали дьявола. Только теперь облик его менялся от страшного до ужасного.

«Люди сами и создали дьявола! – пронеслась мысль Олега. – Поэтому и сейчас он выглядит так, как его тысячелетия изображают! Мы сами делаем его сильным, когда боимся его. Дьявол сидит в каждом из нас! И убить его можем только мы сами!»

– А-А-А-А! – страшным загробным голосом заорала тварь. – Мне нужна была эта девчонка! Ты все испортил!

В воздухе дьявол подлетел к Альберту, открыл пасть и выплюнул на него поток горячей лавы. От Альберта осталась только горстка пепла. Олег в ужасе бросился к Ольге и поднял ее голову:

– Оля! Очнись! – умолял он. Ольга не дышала. – Оля!

В этот миг дьявол услышал голос Олега и метнулся в его сторону. Огромный, он занимал почти все пространство внутри камеры, но его хвост проходил сквозь прутья и лежал в коридоре между камерами. Покачиваясь в воздухе, чудовище не отрывало яростных глаз от Ольги, казалось, не замечая Олега. И, открыв зловонную пасть, он готов было уже изрыгнуть из себя поток огня, но тут за спиной послышалось:

– Стой!

От удивления дьявол чуть не поперхнулся собственным огнем и медленно повернул голову в сторону звука.

Олег вскочил на ноги, чтобы разглядеть, чей это голос. И с изумлением увидел силуэты множества людей. Они, словно тени, парили в воздухе, создавая одну светящуюся божественным светом стену. В первых рядах легиона стояли Либуша, отец Ольги и еще несколько человек, чьи лица показались ему знакомыми, но чьи имена он не мог вспомнить.

Дьявол с большей яростью направил огненный поток на этих людей, но вся эта масса зла растаяла в чистом свете, исходящем от отряда прозрачных светящихся людей.

«Ангелы! – подумал Олег! Они похожи на ангелов!»

И Олегу показалось, что дьявол устал, нет, словно иссяк. Будто вся его злобная сила не сталкивалась с божественным светом, а словно погружалась и растворялась в нем. В отряде ангелов не было сопротивления! Были принятие и любовь!

«Зло злом не победить! – опять пронеслось в голове Олега. – Принятие и любовь побеждают зло! Я никогда не мог этого понять, а теперь увидел!»

Дьявол, собрав последние силы, с размаху ударил по стенам темницы и взлетел прочь сквозь потолок.

Олег метнулся к Ольге, но она все еще лежала без движения. Он обнял ее и заплакал. И сейчас он осознал, что такое для него настоящее горе. Он понял, что Ольга его часть – его любовь истинная, его воздух, его душа и жизнь. Белые тени

окружили их с Ольгой. Он поднял глаза и увидел Либушу и отца Ольги. Либуша опустилась рядом с Олегом на колени, положила руку на лоб Ольги. Олег с изумлением наблюдал, как бледность покидает лицо Ольги, и вот ее веки задрожали, и она открыла глаза:

– Либуша?! Папа?! – воскликнула она.

– Вам надо бежать! – сказал Петр Андреевич. – Здание рухнет!

– Папа! Папа! – закричала Ольга, протянув к отцу руки, пытаясь дотронуться до него, но не могла, снова и снова отчаянно пыталась схватиться за призрак.

– Папочка! – продолжала в ужасе кричать Ольга, когда Олег тянул ее к выходу.

– Бегите! – Либуша указала на дверь камеры! – Оля! Все будет хорошо! Я тебе обещаю! Я всегда с тобой!

Олег и Ольга выбежали из камеры и понеслись вверх по лестнице. Пробегая мимо людей на этажах, они с ужасом поняли, что, кроме них, никто больше не слышит грохота обвалившихся и трясущихся стен. Ольга пыталась докричаться до них, хватала за руки и тянула за собой любого, кто попался ей на пути, но молодые люди с глазами, в которых были пустота и помутившийся разум, только громко смеялись ей в лицо, отмахивались от нее.

Как только Олег и Ольга выскочили на улицу и отбежали на безопасное расстояние от клуба, здание стало медленно оседать, и вмиг от него осталась только огромная гора пепла,

словно оно было истреблено огнем, хотя ребята не заметили ничего похожего на огонь. Был уже рассвет, и измученные, грязные они побрели домой.

Сколько они спали, Ольга не поняла. Когда она проснулась, то поняла, что спят они в главной комнате дома. Ольга – на диване, а Олег – на кресле рядом, крепко держа ее за руку.

Ольга вспомнила, что, придя домой и приведя себя в порядок, им обоим показалось что они не хотят спать: впечатления перегрузили их мозг. Они пили чай и болтали о разном, обо всем, кроме прошедшей ночи.

Ольга пошла на кухню, сделать чай. Олег осторожно подошел сзади, обнял ее и сказал просто и нежно:

– Как же я люблю тебя!

У Ольги на глазах навернулись слезы:

– Прости меня! Я все время скрывала свои чувства не только от тебя, но и от себя! Я постараюсь не быть такой, как прежде!

– Да уж, пожалуйста! Постарайся! Тем более ты так классно целуешься!

– Я? Целуюсь? – удивилась Ольга. – У нас тобой еще не было ни одного поцелуя.

– Не знаю, как у тебя со мной, а у меня с тобой был, – засмеялся Олег.

И Ольга с притворным возмущением ударила Олега полотенцем:

– Нахал!

– И еще ноги у тебя классные! – уворачиваясь от ударов Ольги, смеялся Олег. – И вообще ты обалденная! Шпильки и короткое платье тебе идут!

Они дурачились и смеялись, потом долго гуляли по парку, разговаривая и о странностях прошедшей ночи, и о своем будущем.

– Ты знаешь, я вернусь домой, – сказал Олег, когда они сидели в кафе.

– А как же твой престижный университет здесь, в Лондоне? Москва не даст тебе такого образования! – воскликнула Ольга.

– Я должен быть с тобой. Все время... Мы теперь вместе навсегда.

– Но твоя карьера?

– С моей карьерой будет все хорошо, ты рядом, и у меня все хорошо! – сказал Олег и поцеловал руку Ольги.

Она почувствовала себя абсолютно счастливой, свободной! Да, теперь она знала, что свободна от страхов и сомнений. Но только мысль о папе больно кольнула ее в сердце, и в этот момент раздался звонок ее телефона. Ольга посмотрела на входящий вызов, и сердце ее остановилось: это был номер мамы.

– Мама? – Еле слышно произнесла она.

– Доченька, – раздался тихий голос папы, и Ольга, не выдержав, заревела.

Олег в ужасе смотрел на Ольгу, и та, поймав его взгляд, сказала:

– Папа.

– Боже! Что с ним? – испугался Олег.

– Все хорошо! – Ольга взяла руку Олега в свою и крепко сжала: – Папа звонит! САМ!

– Оленька, пора возвращаться, мы ждем тебя!

– Папочка, прости меня! Я даже ничего не объяснила, куда исчезла!

– Олененок, я все знаю, собирайся домой, тебе пришлют новый паспорт с визой и билеты. Я люблю тебя.

В этот же вечер Ольга улетела в Москву, Олег остался, чтобы оформить дела по учебе и вскоре вернуться домой.

Из аэропорта Ольга сразу же поехала к Петру Андреевичу в больницу. Они проговорили весь день, и Ольга узнала самое главное – кто она.

– Помнишь, я рассказывал как-то тебе о старце, что привел меня в церковь, когда я был в отчаянии? Вот он и сказал, для чего ты родилась и что моя задача – беречь тебя.

– И кто же я? – тихо с замиранием сердца произнесла Ольга.

Я не могу еще всего тебе рассказать, ты не совсем готова. Но главное скажу. Раз в несколько столетий рождаются люди, которые являются словно особым маятником для человечества. И каким путем идти человечеству – зависит от выбора этих людей. Часто они наделены особой силой и меняют ход

истории, как в хорошую сторону, так и ведут в пропасть. Ты и есть тот самый маятник. У тебя особый дар. Если будешь на стороне

добра и сможешь сохранить любовь – ты повлияешь на человечество, которое катится в пропасть.

– Как? Как я одна смогу? – заплакала Ольга.

– Ты не одна: есть Олег, и он должен стать великим правителем огромной новой империи, в которой будут править справедливость, истинные ценности и благородство. Есть я и наше войско!

Ольга задумалась, она вспомнила свой сон про всадников на белых конях.

Часть 4. Все только начинается

А в это время в Москве все только и обсуждали странные пожары в знаменитом на весь мир клубе «ДА» и его лондонском брате WELL.

Возникло огромное количество версий, непонятное число погибших. Раскопки завалов ничего не дали. Сгорело все напрочь, и ничего и никого не осталось на месте клубов. Молодые люди, чьи знакомые имели связь с этими местами, были в недоумении от пропажи Альберта и друзей, и только один человек, первый приехавший на место только что разрушенного московского клуба, ходя по его пеплу, издал радостный победный крик, когда поднял с земли невидимый для человека предмет и победоносно надел его себе на грудь.

Сергей, а это был он, прижал ладони к груди, где висела пентаграмма, которую могли видеть только он и Ольга. И злобная улыбка искривила его лицо.

Ольга на миг провалилась в сон, сидя рядом с отцом. Она с благодарностью посмотрела на его уставшее лицо и в этот миг ясно осознала, что самое страшное только начинается.